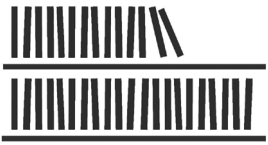
РЕГИОНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АЗИЯ

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Национальный исследовательский университет

ВЫСШАЯ • ШКОЛА • ЭКОНОМИКИ •



НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

РЕГИОНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АЗИЯ

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

УДК 339.9(5)
ББК 65.5(5)
Р 326

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Е. А. Канаев*

Редакционная коллегия:
О.А. Нестерова – доктор философских наук, профессор, ФМЭиМП НИУ ВШЭ
Е.А. Канаев – доктор исторических наук, профессор, ФМЭиМП НИУ ВШЭ
В.В. Малявин – доктор исторических наук, профессор, ФМЭиМП НИУ ВШЭ
В.В. Вишнякова – кандидат филологических наук, доцент, руководитель Департамента зарубежного регионоведения ФМЭиМП НИУ ВШЭ
А.С. Шмакова – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Департамента зарубежного регионоведения ФМЭиМП НИУ

Рецензенты:
к.э.н. *С.А. Луконин*, к.и.н. *Е.М. Астафьева*

Р 326 Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / отв. ред. Е. А. Канаев. – СПб.: Алетейя, 2020. – 406 с.

ISBN 978-5-00165-178-9

В монографии проводится комплексный и нюансированный анализ характера, темпов и проявлений глобализации в Азии и ее регионах сквозь призму политической, экономической, информационно-цифровой и социокультурной динамики. Дается оценка проявлений глобализации в странах Ближнего Востока, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Уточняется влияние китайской мега-стратегии «Пояс и путь» на внутрирегиональное и межрегиональное сотрудничество на азиатском и евразийском пространствах. Определены особенности информационно-коммуникативных процессов современной Азии в их увязке с политико-экономическими трансформациями азиатских обществ. Проведено исследование актуальных вопросов развития искусства и литературы государств Азии. Раскрыты механизмы инновационных подходов к преподаванию восточных языков в их увязке с методологическими задачами современного востоковедения. Монография подготовлена на основе докладов, представленных участниками I международной конференции «Процессы глобализации в современной Азии», прошедшей в НИУ ВШЭ 20–21 ноября 2019 года.

ISBN 978-5-00165-178-9

УДК 339.9(5)
ББК 65.5(5)

© Коллектив авторов, 2020
© НИУ «Высшая школа экономики», 2020
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Предисловие

В этой книге представлены избранные материалы международной конференции о глобализационных процессах в Азии, организованной Департаментом зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ в конце ноября 2019 г. Сегодня едва ли можно найти более острую и актуальную проблему мирового развития. Но сначала уместно напомнить, что глобализация в Азии имеет свою, и по-своему драматичную, историю. Долгое время на страны азиатского континента смотрели как на пассивные объекты глобализации, исходившей от Запада и осуществляемой им. Жителям Азии оставляли право только перенимать научно-технические достижения западной цивилизации, а вместе с ними политические институты, идеологические системы, культурные ценности и все мировоззрение Запада. Наиболее успешно развивавшиеся страны Азии, такие как Япония, Южная Корея, Сингапур, имели в западной литературе сомнительную репутацию «передатчиков», трансляторов идеалов и принципов западного мира или, точнее сказать, современного западного капитализма. Ожидалось, что остальная Азия с энтузиазмом пойдет за ними.

Жизнь внесла серьезные коррективы в эти планы. Заимствование передовых технологий (которые сами по себе, конечно, не имеют национальной принадлежности) и приток иностранных инвестиций сделали Азию, особенно Восточную и Южную, мировым промышленным центром, ведущим производителем широкого спектра товаров для всего мира. Более того, во многих областях инновационных технологий азиатские страны заняли ведущие позиции в мире. Одновременно там сложились мощные финансовые структуры мирового масштаба и влияния. Так Азия стала подлинным локомотивом мирового экономического развития и важным, во многих отношениях даже главным, игроком глобального рынка.

Очень скоро выяснилось, что крупнейшие державы Азии не собираются, да в силу объективных причин и не могут довольствоваться ролью скромных подражателей Запада или поставщиков сырья для

него и что Азия имеет и ресурсы, и культурный потенциал для строительства глобального мира на собственных началах. Это нельзя назвать неожиданным новшеством. Достаточно вспомнить о Великом шелковом пути, который был, в сущности, первым в мировой истории глобальным проектом, создавшим уже в начале эпохи Средневековья, в «темные века» европейской истории, пространство свободного взаимодействия народов, языков, культур и религий в ареале Большой Евразии. Несмотря на все конфликты, раздиравшие Азию на протяжении столетий, в ней не умирала идея глубинной общности азиатского мира. С началом экономического подъема Азии это смутное чувство выразилось в новых формах и качествах. В наши дни в отдельных регионах Азии уже существуют наднациональные пространства культурного общения, сложившиеся по законам массовой культуры современного капитализма. К примеру, японские бренды одежды и косметики, корейские мыльные оперы, гонконгские и тайваньские звезды попмузыки диктуют моду на всем пространстве Восточной Азии. Такие же региональные системы моды, во многом подражающие западным образцам, но в то же время обладающие культурной самобытностью и как раз поэтому ориентированные на глобальный рынок, сложились в ареалах индийской и арабской цивилизации. Это сочетание национально-самобытного и глобально-всеобщего, заново перекраивающее культурную карту Азии, заслуживает самого пристального изучения. В нем угадывается будущее Азии и всего мира.

Последние десятилетия вызвали к жизни и более радикальные проекты глобализации Азии, бросающие вызов западной концепции глобализации как, условно говоря, американизации уже на уровне идеологии. Наиболее известны выдвинутые руководством Китая проект «один пояс, один путь» и идея «общей судьбы человечества». Современные китайские идеологи заявляют, что предыдущие формы глобализации оказались несостоятельными и современный мир нуждается в глобализации нового типа. Острие своей критики они направляют на глобализационные процессы, связанные с гегемонией США. Глобализация, порожденная Америкой, объявляется ими ущербной и несправедливой, углубляющей неравенство, дискриминацию, социальный и политический хаос и, как следствие, питающей военные конфликты и терроризм. Для них главный порок американской модели глобализации под флагом либеральной де-

мократии состоит в том, что лежащий в ее основании принцип индивидуальной идентичности неотвратимо ведет к разделению между подобными себе и «прочими», по существу враждебными, элементами, что заставляет Запад создавать блоки и в конечном счете утверждает раскол между Pax Americana и остальным миром. Китайский ученый Чжао Тинъян прямо называет глобализм американского типа антитезой реального мира, «не-миром».

Западному «не-миру», или самоограничивающемуся миру, глашатаи китайской глобальности противопоставляют китайское понятие *тянься*, или «Поднебесного мира». Последний трактуется как реальность одновременно природная и социокультурная, означающая и географический мир, и духовное единство человечества, и определенный политический строй. Главным условием глобального единства человечества объявляется гармония (хэ), что предъявляет широкий спектр требований к личности и ее поведению: преодоление эгоизма, смирение, душевная чуткость, любезность, приверженность нравственному совершенствованию и т. п. Акцент на гармонических отношениях исключает резкие и тем более насильственные перемены в сложившемся мировом укладе. Апологеты глобализации по-китайски заверяют, что Китай будет мягко входить в сложившийся мировой порядок, опираясь на общемировой консенсус и используя существующие институты для достижения согласия в мире.

Китайскому идеалу единства Поднебесного мира нельзя отказать в большом историческом потенциале, поскольку в нем отношения между государствами, цивилизациями и народами возводятся к фундаментальным познавательным посылкам человеческого сознания. Если западная концепция глобализма (по крайней мере, в ее классической версии) исходит из традиционных для европейской мысли идей самотождественных сущностей, параллелизма мышления и материи, логоса и бытия, то в основе китайского миропонимания лежит понятие превращения, которое никогда не равно себе, присутствует в собственной инаковости, в своей сокровенности. В таком случае единство человечества и глобального мира воплощается не в статичной данности, объективной или интеллектуальной, а в усилии нравственного совершенствования, самой устремленности к единству, открывающей простор для человеческого творчества.

Западные критики китайской концепции глобализации ожидаемо объявили ее частью китайской пропаганды, ширмой для китайской экспансии, но не смогли предъявить сколько-нибудь серьезных доказательств ее теоретической несостоятельности. В то же время и на Западе усиливается критика теоретических оснований идеи американоцентричной глобализации, которая привела к углублению раскола между Западом и «остальным миром», политической и экономической дестабилизации на мировой арене. Показательна позиция известного французского философа Ж.-Л. Нанси, который, подобно Чжао Тинъяну, называет глобализацию западного типа превращением мира в «не-мир» (immonde) и противопоставляет ей глобализацию подлинную, которую он называет французским термином «мондиализация». В русском языке этому понятию могло бы соответствовать слово «всемирность».

Можно с уверенностью утверждать, что глобализация не равнозначна приведению мира и жизненного уклада человечества к единому образцу. На наших глазах формируются две глобальные миросистемы, основанные на разных и притом неустранимых и несводимых друг к другу мировоззренческих принципах, упомянутых выше. Их можно условно назвать евроамериканской и евразийской. Отношения между ними составят, надо думать, действительный сюжет глобализации в ближайшие десятилетия.

Итак, будет большой ошибкой думать, что глобализация ведет человечество к некоему единообразию. Напротив, глобализация означает дифференциацию и усложнение жизненных укладов, раскрытие неисчерпаемого разнообразия жизни, каковая и есть ее подлинно человеческое содержание. Мы видим этот процесс на примере азиатских стран, предлагающих множество форм «альтернативной» глобализации. И притом эти страны – особенно ярким примером тут могут служить Китай и Индия – сами включают в себя очень разные в экономическом и культурном отношениях регионы. Это региональное и локальное разнообразие в экономике, культуре и даже политике – тоже составная часть процесса глобализации, которая заслуживает тщательного изучения. Глобализация – это путь, если воспользоваться крылатым выражением К. Леонтьева, к «цветущей сложности» человечества, ибо такова природа самой жизни.

Материалы этого сборника отражают указанные выше проблемы политического, социального и культурного развития стран Азии в условиях кризиса традиционной модели глобализации, который ведет к появлению «альтернативных» глобальных проектов. Этот кризис побуждает искать и открывать новые перспективы человеческого будущего, которое будет единым как раз в своем разнообразии.

Публикуемые доклады в большинстве своем отражают отчасти отмеченные выше основные проблемы глобализационных процессов в Азии. Открывается сборник материалами, посвященными китайской концепции глобализации и соответствующему ей новому внешнеполитическому курсу страны. В докладе сербского исследователя *Душана Пророковича* «Растущее влияние Китая на Балканах: проблемы и перспективы» анализируется политическое и экономическое сотрудничество Китая с балканскими странами, прежде всего с Сербией. Как показывает автор, Сербия имеет особенно большое значение для китайской политики в Европе и является плацдармом для продвижения китайских интересов в Европе. Сотрудничество между Китаем и Сербией стало настолько масштабным и всесторонним, что нынешний президент Сербии А. Вучич называет отношения между двумя странами «братскими». При этом показателен сам характер помощи, которую Китай оказывает Сербии. Эта помощь направляется главным образом в строительство инфраструктуры и энергетику, что дает Китаю возможности занять стратегически важные позиции в экономике не только Сербии, но и всех Балкан.

Статья *А. К. Галимзяновой* посвящена не менее важному аспекту китайской внешней политики: эволюции китайско-германских отношений в свете китайской инициативы «один пояс, один путь». Как известно, Германия – экономический лидер Европейского союза, и ее позиция во многом определяет положение дел в мировой политике. *А. К. Галимзянова* тщательно анализирует различные факторы, влияющие на состояние германо-китайских отношений, раскрывает перспективы сотрудничества обеих стран, но отмечает и многочисленные помехи и ограничения для этого сотрудничества. Внешняя политика Китая в последние десятилетия изменялась настолько стремительно, что Германии, как и другим европейским партнерам нового китайского гиганта, требуется время для того, чтобы выработать свой ответ

на «китайский вызов». Несмотря на наличие взаимного стремления к развитию экономического партнерства и дружеских отношений между Китаем и Германией, пока трудно предсказать, как будут развиваться германо-китайские связи.

В докладе *Номита Топпо* (Индия) рассматривается место Среднего Востока в китайском проекте «один пояс, один путь». Как показывает проф. Топпо, именно здесь, как полагает руководство Китая, пройдет основная трасса трансконтинентального пути из Китая в Европу. Соответственно, политика Китая в этом регионе направлена на обеспечение безопасности упомянутого транспортного коридора и построения прочных дружественных отношений с государствами этого региона.

В статье *Е. Давыденко* рассматривается значение китайского проекта «Один пояс, один путь». Автор указывает на целый ряд перспективных экономических проектов, которые могут быть реализованы в рамках китайской инициативы. Однако успешность этих проектов зависит от многих факторов, относящихся и к ситуации в России, и к состоянию российско-китайских отношений, и даже к глобальной политике. Пока ввиду обострения отношений между Китаем и Западом проект «Один пояс, один путь» временно заморожен..

Во второй, и наиболее многочисленной, группе статей рассматриваются отдельные региональные аспекты реакции азиатских стран на глобализационные процессы. Среди них читатель найдет интересные исследования о роли и значении АСЕАН в Юго-Восточной Азии и, в частности, о политике Вьетнама в этой организации. Еще одна статья посвящена политике Вьетнама в отношении США и Китая и его позиции по вопросу о территориальных спорах в районе Южно-Китайского моря. Отдельные работы касаются современного состояния китайско-бирманских отношений на примере медного рудника Летпадаун Таун, политики Индии в отношении Арктического региона и современной политической ситуации в Шри-Ланке. Все эти исследования раскрывают тесную связь внутриполитического положения в странах Азии и глобальных процессов в мировой политике.

В третьем разделе сборника собраны работы, посвященные формам проявления глобальной политики в отдельных странах Азии. В статье *М. С. Ходынской-Голенищевой* «Процессы на Ближнем Востоке и политика России» анализируется вовлеченность глобальных

политических сил, и прежде всего России, в политические процессы на Ближнем Востоке. Автор показывает типичную для современности сложность политической обстановки в этом регионе, которая объясняется, помимо прочего, нежеланием и неготовностью глобальных игроков найти взаимоприемлемые способы решения политических, национальных и общественных конфликтов. К этой работе примыкает доклад *Е. С. Коренева* «Азиатский вектор системы глобального партнерства НАТО в постбиполярный период».

Две статьи посвящены роли, которую играет в глобальных процессах Япония: И. В. Гордеевой «Процессы глобализации в АТР и Япония» и О. А. Добринской «Четырехсторонний диалог по безопасности: взгляд из Токио». Как показывают эти исследования, Япония занимает особое место в региональной и мировой политике и способна сглаживать противоречия в международных отношениях. Потенциал Японии в мировой политике далеко не исчерпан.

Вторая часть сборника посвящена литературным, лингвистическим и, как сейчас говорят, лингвострановедческим аспектам процессов глобализации в Азии.

В разделе «Информационно-коммуникативное пространство и культурные коды Азии» семиотическое пространство современной Азии раскрывается как сложная структура порождения, сохранения и репрезентации доминирующих социокультурных смыслов, характеризующаяся многообразием культурных кодов. Процессы глобализации играют двойственную роль в формировании информационно-коммуникативного пространства Азии, с одной стороны создавая условия для динамичного взаимодействия и культурного трансфера, упрощения способов и форм обмена информацией, а с другой – пробуждая стремление народов, стран и регионов к сохранению уникальности культур на фоне унификации и стандартизации глобальных коммуникативных практик и превалирования западных ценностей в мировом социально-политическом и культурном дискурсе. В связи с этим изучение языков культур, культурных форм и культурных кодов Азии является актуальным сегментом гуманитарных исследований.

Литература и искусство (вербальные и визуальные языки культуры) наиболее чутко реагируют на процессы трансформации смыслов в современном мире.

Творчество персидского поэта Ферейдуна Моширi, представителя новой поэзии (*шер-е ноу*) XX в., художественный метод которого отличается бережным отношением к традициям классической литературы, является ярким примером сохранения этнического самосознания и культурной идентичности в условиях общественно-политической трансформации. *И. В. Абраменко* анализирует философско-мировоззренческие и эстетические основы формирования его стиля, позволившие поэту сохранить равновесие между традицией и современностью, наполнив новым содержанием классические формы. Ф. Моширi посредством традиционных символов и образов, через символическое означивание природы раскрывает в своих произведениях внутренний мир лирического героя, чутко откликающегося на политические и социокультурные вызовы внешнего мира, рассматривая их с позиции гуманизма и высоких нравственных ценностей.

Современное изобразительное (и визуальное) искусство Азии в поисках новых форм и способов художественного выражения претерпело существенные изменения в условиях развития глобализации. При этом, обладая устойчивыми культурными кодами и мощным потенциалом влияния оно подвержено воздействию внешних факторов.

На примере изучения современного изобразительного искусства Ирана *А. С. Шмакова* рассматривает проблему становления и развития этнокультурной и социальной идентичности в полиэтнических обществах. Выявляя в тематике произведений живописи признаки кризиса самосознания и смысложизненных ориентиров в творчестве художников-модернистов, автор обращает внимание на их стремление к современной интерпретации традиционных художественных форм исламской культуры с сохранением глубинных связей с культурным источником. Многоуровневая система национальной идентичности иранцев, сформированная под воздействием сочетания базовых элементов персидской культуры с зороастрийскими верованиями, шиитским исламом и современными социокультурными ценностями, находит отражение в работах современных персидских художников.

Изучению современных стилистических направлений китайской каллиграфии и эволюции этой древней традиции в настоящее время посвящено исследование *В. Г. Белозеровой*. Автор объясняет наличие широкого спектра стилевых направлений в каллиграфии особенностя-

ми межкультурного диалога Китая с глобальным миром, возможностью проявления творческой свободы авторов и конкуренцией на рынке искусства; характеризует четыре вектора развития этого вида искусства: традиционный («академическая» каллиграфия, «примитивистская» каллиграфия, «каллиграфия интеллектуалов»), вектор умеренных реформаторских направлений («модернистское», «постмодернистское», «концептуальное» направления и «средовая каллиграфия»), радикальных реформаторских направлений («авангардная», «неиероглифическая», «абстрактная» (и «постабстрактная») каллиграфия, «абстрактный экспрессионизм», «экшен каллиграфия», «каллиграфия перформансов») и вектор новых технологических направлений. Автор подчеркивает, что адаптационные механизмы китайской культуры эффективно функционируют в условиях развития глобализационных процессов.

Глобализация использует разнообразие культурных форм при реализации экономических и социокультурных проектов. Особенно наглядно это проявляется в рекламной деятельности. Выходя на рынки Азии, транснациональные корпорации в качестве мощного ресурса стимулирования потребительского интереса в регионах включают этнокультурный компонент в содержание и визуальное оформление рекламных продуктов. В свою очередь, государственные, социальные и экономические системы различных регионов Азии применяют собственный культурный код не только для продвижения отечественных товаров на локальном и/или региональном рынке, но и для развития социальной рекламы, транслирующей традиционные ценности и модели поведения. Практику использования социокультурных компонентов как маркера современного рекламного рынка Китая исследуют *О. А. Нестерова, Е. Н. Соколова* и *А. В. Беляева*, сопоставляя современную рекламную практику в материковом Китае, Гонконге и Тайване.

Сходство и различия культурных кодов взаимодействующих народов и стран влияют на эффективность развития их внешнеполитического диалога. Использование в политическом дискурсе концептов, выражающих общие интересы в международном глобальном и региональном пространстве и тем самым обуславливающих развитие продуктивной коммуникации, является одной из технологий внешнеполитической пропаганды, методологически обоснованной и практически апробированной в XX в. Коммуникативные стратегии, реализо-

ванные в сфере индо-советских отношений 1960–1970-х гг. (стратегии «дружба»), *О. Л. Солодкова* и *О. А. Нестерова* исследуют на основе творческого наследия лауреата премии Неру журналиста-индолога Л. В. Митрохина, личный архив которого представляет собой уникальное собрание исторических документов, значительной частью которого является переписка востоковеда с индийскими коллегами, политическими деятелями, представителями науки и культуры, рабочими и служащими, инженерами, студентами и врачами с 1965 по 2000 гг. Сопоставимость культурных кодов народов Индии и России и ментальных основ их взаимного восприятия позволила долгие годы развивать дружеское взаимодействие.

Культурные коды Азии проявляются не только в сферах изобразительного искусства и литературы, в практике торговли и международных отношений, но и в современном политическом дискурсе, претерпевающем в условиях глобализации существенные изменения как в содержательно-смысловом аспекте, так и в формах языковой презентации.

Рассматривая персуазивные высказывания бюджетных посланий президента Республики Корея Мун Чжэ Ина, *В. В. Вишнякова* выявляет изменения внутриполитической риторики президента, в которой традиционные авторитарные речевые формулы дискурса власти постепенно сменяются концептами, отражающими «равноправный диалог» с населением и декларируемое участие народа в создании «справедливого государства». На основе анализа текстов бюджетных посланий автор выявляет элементы использования традиционного культурного кода и его трансформации под влиянием глобализационных процессов – в частности, модификацию способов проявления конфуцианского архетипа «мудрого правителя» («отца»), включение в речь инклюзивного «мы» и метафоры «пути», направленного на достижение «мировых стандартов» экономики.

Во внешнеполитическом дискурсе особое место занимает дискурс конфликта – один из обширных сегментов практики регионального и глобального взаимодействия. В современном информационно-коммуникативном пространстве представлены различные точки зрения на то или иное столкновение политических и экономических интересов. Степень воздействия на аудиторию с целью формирования убеждений,

оценочных суждений и поведенческих установок во многом зависит от выбора речевых средств и способов формирования и/или актуализации в картине мира адресата концептов, позволяющих однозначно интерпретировать конфликтные ситуации в заранее заданном формате. *Ю. Б. Дюндик* и *Т. Е. Шишмарева*, изучив механизмы языковой репрезентации в медиапространстве КНР и США территориального конфликта в Южно-Китайском море, определяют основные функции политического медийного дискурса: воздействующую, регулятивно-контролирующую, оценочно-ориентационную и консолидационную. Выявив лексические способы манипуляции сознанием целевой аудитории, авторы подчеркивают, что дискурсивные практики КНР, в сравнении с США, обладают бóльшим потенциалом воздействия на собственную аудиторию, благодаря использованию специфики оценочной функции китайского языка и риторических приемов, а также особенностям китайского менталитета, проявляющегося в выборе речевых средств и их восприятии.

В условиях усиления глобального и регионального взаимодействия стран и народов применяются различные исследовательские технологии, позволяющие изучать особенности развития языков и культур Азии, выявлять особенное и общее при их сопоставлении.

Компаративный анализ коммуникативных особенностей корейской и турецкой лингвокультуры осуществляется в исследовании *Чон Ын Ген* на примере сравнения идиоматических выражений, отражающих социо- и этнокультурные аспекты картины мира. Через фразеологизмы и устойчивые обороты речи иностранные студенты глубже воспринимают изучаемую культуру и живую коммуникативную практику. Отмечая агглютинативный характер корейского и турецкого языков и возможную общность их происхождения из алтайской языковой семьи, автор сопоставляет идиомы, выражающие эмоции, выявляя различия и сходство в их семантической структуре.

Исследуя корпус текстов на корейском языке из фондов Российской государственной библиотеки, *Ж. Г. Сон* выявляет особенности сохранения и развития культурной идентичности советских корейцев в рамках культурной интеграции и культурного трансфера и подчеркивает большую роль переводной художественной литературы в преодолении противоречий между традициями и новациями, в также в форми-

ровании новых мировоззренческих установок в процессе приобщения корейской молодежи к ценностям и достижениям русской и мировой литературы. Анализ учебников, изданных на хангыле в период с 1924 по 1937 г., позволяет автору раскрыть основные особенности переходного периода трансформации самосознания корейцев, рецепции ценностей русской (советской) культуры в условиях межкультурного взаимодействия.

Наряду с теоретическими исследованиями разрабатываются и практико-ориентированные подходы к изучению коммуникативных процессов в Азии. Необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов для работы в различных регионах Азии требует внедрения результатов лингвострановедческих исследований в процесс обучения в системе высшего образования. Освоение культурных форм и культурных кодов народов Азии происходит через изучение восточных языков, которые закрепляют и выражают соответствующие элементы этнической концептуальной картины мира. Изучение базовых феноменов иноязычной культуры в лингвистической коммуникации (на примере преподавания корейского языка) рассматривается *Ж. В. Ни* как основа для познания студентами особенностей формирования и функционирования культурной идентичности. *О. В. Кузнецова* акцентирует внимание на опыте подготовки в высших учебных заведениях Республики Корея экспертов международного уровня по изучению процессов политического, экономического, культурного и лингвистического развития в стране и регионе, а также по исследованию взаимодействий Республики Корея с другими странами. *Н. В. Селезнева* раскрывает методические особенности обучения использованию формы утвердительного ответа в рамках китайских коммуникативных стратегий с учетом внелингвистических факторов. *Ю. А. Селиверстова* обосновывает методическую и дидактическую эффективность игровых методов при изучении студентами новой лексики китайского языка и активации полученных знаний. Результатом исследования *А. Д. Мозгуновой* процессов формирования коммуникативных и социокультурных компетенций у студентов лингвистических вузов в ходе изучения ими японского языка является разработка методической основы и структуры учебного курса по устному и письменному переводу текстов СМИ.

Таким образом, во втором разделе монографии представлен спектр результатов научно-исследовательской деятельности отечественных и зарубежных лингвистов, филологов, литературоведов, культурологов, искусствоведов и педагогов, различающихся методологической базой, исследовательскими технологиями и концептуально-понятийным аппаратом, но при этом сходных в стремлении дешифровать культурные коды Азии и познать глубинные механизмы их проявления в современном глобальном информационно-коммуникативном пространстве.

В. В. Малявин, О. А. Нестерова

1. Китайский проект глобализации

РАСТУЩЕЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА БАЛКАНАХ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ДУШАН ПРОРОКОВИЧ
Руководитель Центра евразийских исследований Института международной политики и экономики, доцент факультета дипломатии и безопасности, Белград, Сербия
dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Появление Китая как участника региональной политики на Балканах – совершенно новое явление. Влияние Китая и в экономике, и в политике неуклонно растет, и были предприняты взаимные шаги для укрепления военного сотрудничества. Китайские компании стали важнейшими инвесторами, от которых зависит экономическое развитие в регионе, китайские банки финансируют крупные инфраструктурные проекты в регионе. Заметным стало и присутствие Китая в культурной политике, появились центры научного сотрудничества. Учитывая, что ЕС и НАТО считают Китай геополитическим противником, нет сомнения, что они используют институциональные механизмы и экономическое давление для сдерживания Китая на Балканах. Но в свете итогов сотрудничества между Китаем и балканскими странами у этого формата есть перспективы. Тем не менее в будущем это сотрудничество ждут серьезные испытания.

Ключевые слова: Китай, Балканы, Западные Балканы, китайское влияние, ЕС, НАТО.

CHINA'S GROWING INFLUENCE IN THE BALKANS: CHALLENGES AND PERSPECTIVES

DUŠAN PROROKOVIĆ
Head of the Center for Eurasian Studies at the Institute of International Politics and Economics, Associate Professor, Faculty for Diplomacy and Security, Belgrade, Serbia
dusan@diplomacy.bg.ac.rs

The emergence of China as a regional policy actor in the Balkans is a completely new phenomenon. China's influence has been growing, both in economy and in politics, and initial steps have been taken to improve military relations. To date, Chinese companies have become indispensable investors, on which economic growth in the region depends, and banks are important lenders that finance the construction

of some of the most important infrastructure projects. The offensive of Chinese institutions in the field of cultural diplomacy is also visible, with the expansion of scientific cooperation with research centers in the Balkans. Given that the EU and NATO have recognized China as a geopolitical challenger and Chinfluence as a threat, it is undoubted that they will use institutional mechanisms and economic leverage to attempt to limit or squeeze China out of the Balkans. From the perspective of the ten-year development of relations between China and the Balkan countries, this format has a perspective. At the same time, looking at the long-term interests of the EU and NATO, there are many challenges ahead.

Keywords: China, Balkans, Western Balkans, Chinfluence, EU, NATO.

Introduction

The emergence of China as a regional policy actor in the Balkans is a completely new phenomenon. Namely, from 1958 to 1978, China established special ties with Albania. China returned to this region 30 years later. Since 2009, China's influence has been growing, both in economy and in politics.

The growth of Chinese influence in the Balkans has been recorded since the implementation of the ambitious Belt and Road Initiative (BRI). Intensified political contacts and first investments emerged in 2009, at the stage when the BRI was being prepared. Since 2013, we have been witnessing a kind of "eruption" [Dimitrijević, Ping, 2017].

The Balkan Peninsula is an integral part of the European (Maritime) Route. Chinese Premier Li Keqiang "described the port of Piraeus as a pearl in the Mediterranean Sea and said it could become one of the most competitive ports of the world"[1]. Also, the Balkans is well connected (transport and economic ties) with Western Turkey (CAWA route) and Central Europe (NELB).

As a result, in September 2019, a direct railway connection was established via NELB from Jinan (Shandong Province) to Belgrade (Serbia)[2]. In this context, the initiative to modernize the Belgrade–Budapest railway

[1] Renee Maltezou. Greece seeks role as China's gateway to Europe // *Reuters*, June 20, 2014. URL: https://www.reuters.com/article/greece-china-assets/update-1-greece-seeks-role-as-chinas-gateway-to-europe-idUSL6N0P14DW20140620 (date of access: 01.09.2019).

[2] Ljudmila Cvetković. Prvi teretni voz iz Kine putuje ka Srbiji // *Radio Slobodna Evropa*, oktobar 1, 2019. URL: https://www.slobodnaevropa.org/a/srbija-kina-teretni-voz/30193560.html (date of access: 02.10.2019).

should also be considered. In 2014 governments of China, Serbia, Hungary and Macedonia signed an agreement on the modernization of railroad traffic with the intention to extend the Budapest-Belgrade railway to the south towards Macedonia and Greece through a North-South vertical. Thus, the new transport corridor would connect the port in Piraeus and the most important traffic junctions of Central Europe, which are part of the NELB. The CEE (Central – Eastern Europe) region "is attractive to China thanks to its strategic geographical position for the New Silk Road project, its high-skilled yet cheap labour, and its open trade and investment environment." [Stanzel, 2016. P. 1].

Table 1: Land and Maritime routes – Belt and Road Initiative[1]

Land routes	Countries (directly) involved
New Eurasian Land Bridge (NELB)	Kazakhstan, Russia, Belarus, Poland, Germany, The Netherlands
China–Mongolia–Russia Corridor (CMR)	China, Mongolia, Russia
China–Central Asia–West Asia Corridor (CAWA)	China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, Iran, Turkey
China–Indochina Peninsula Corridor (ICP)	China to Singapore
Bangladesh–China–India–Myanmar Economic Corridor (BCIM)	Bangladesh, China, India, Myanmar
China–Pakistan Economic Corridor (CPEC)	China, Pakistan

[1] According to: Bala Ramasamy, Matthew Yeung, Chorthip Utoktham, Yann Duval, "Trade and trade facilitation along the Belt and Road Initiative corridors", Working Paper Series, No. 172, Asia – Pacific Research and Training Network on Trade – UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, Bangkok, 2017, pp. 9–22; Richard Ghiasy, Fei Su, Lora Saalman, The 21 st Century Maritime Silk Road: Security implications and ways forward for the European Union, Stockholm International Peace Research Institute – Friedrich Ebert Stiftung, Stockholm, 2018, pp. 4–31.

Maritime routes	Countries (directly) involved
China–Southeast Asia Route	China, Vietnam, Singapore, Myanmar, Philippines, Malaysia, Indonesia, Thailand, Cambodia
China–South Asia Route	China, Sri Lanka, Pakistan, Oman
China–Middle East & East Africa Route	China, Malaysia, Singapore, UAE, Iraq, Saudi Arabia, Djibouti,Maldives, Eritrea, Sudan, Tanzania, Kenya
Europe Route	China, Singapore, Sri Lanka, Saudi Arabia, Greece, Italy, Spain
Arctic Route (Northern Sea Route)	China, North Korea, Russia

Table 2: Chinese firms' major construction contracts in the Western Balkans, 2010–2017 [Holzner, Schwarzhappel, 2018. P. 17]

country	year	contractor	sector	USD mn
B & H	2010	Dongfang Electric	Energy	720
B & H	2013	Power Construction Corp	Energy	280
B & H	2014	China Energy Engineering	Energy	1,060
B & H	2015	Dongfang Electric	Energy	460
B & H	2017	Shandong Gaosu	Transport	640
N. Macedonia	2013	Power Construction Corp	Transport	400
Montenegro	2014	China Communications Construction	Transport	1,120
Serbia	2010	China Communications Construction	Transport	260
Serbia	2010	Sinomach	Energy	340
Serbia	2013	China Communications Construction	Transport	850
Serbia	2013	Shandong Gaosu	Transport	330
Serbia	2013	Sinomach	Energy	720
Serbia	2016	China Communications Construction	Transport	230

country	year	contractor	sector	USD mn
Serbia	2016	Sinomach	Energy	230
Serbia	2016	Huawei	Technology	170
Serbia	2016	China Comm. Constr. and China Railw. Eng	Transport	160
Serbia	2016	Power Construction Corp	Transport	220
Serbia	2017	Shanghai Electric	Energy	210
Serbia	2017	China Communications Construction	Transport	520
Serbia	2017	Power Construction Corp	Energy	230

The number of major Chinese projects contracted in the Western Balkans (shown in Table 2) "since the outbreak of the global financial crisis is non-negligible. Overall, Chinese infrastructure projects make up about USD 9.1 billion (EUR 7.8 billion). Almost 90% of these, however, have been initiated only since 2013. The most important transport sector contractor is the predominantly state-owned China Communications Construction Company. In the energy sector, the state-owned China National Machinery Industry Corporation – known as Sinomach – is the leading contractor. Geographically, the prime target of Chinese construction contracts is Serbia." [Holzner, Schwarzhappel, 2018. P. 17]. The increased interest of Chinese investors and banks in investing in Greece is also evident (shown in Table 3).

In Bulgaria „In the realm of infrastructure, the China Machinery Engineering Corporation (CMEC) signed in 2019 a €120 million contract with the joint stock company Logistical Center-Varna for the joint development of port infrastructure in Bulgaria's largest seaside city of Varna. This is the first project of its kind that Beijing is going to realize in Bulgaria and is part of the Belt and Road Initiative. China has also made a major investment in innovative Bulgarian business. The China-CESEE Investment Corporation Fund (a $500 million private equity fund launched in 2014 through financing provided by the Exim Bank of China) acquired a 10% share in Walltopia – a world leading Bulgarian manufacturer and installer of mounting walls. Moreover, the China National Nuclear Corporation (CNNC) has expressed interest in the construction of the Belene nuclear power plant in cooperation

with Russia's Rosatom."[1] Chinese companies are also increasingly present in Romania: „The Dutch multinational company Nidera, the largest trader in commodities for agricultural markets with operations in Romania, which was taken over in 2017 by COFCO, China; The American company Smithfield Foods, a global leader in pig farms and pork production, with a branch in Romania that manages 46 farms in the counties of Timi and Arad, which was taken over in 2013 by Shuanghui International, in the largest ever Chinese acquisition of an American company (over USD 7 billion); The famous Italian tyre maker, the world's fifth largest, Pirelli, which was taken over in 2015 by the Chinese state conglomerate ChemChina in a USD 7.7 billion deal, including two factories in Romania". [Pencea, 2017. P. 24]. Curiosity is the fact that China's most modest activities have been detected in Albania. „In 2016 China's Everbright Group bought Tirana's Nënë Tereza International Airport Company and it has a concession on the airport until 2027. The aim is to set up a logistics centre to transport Chinese goods into Europe and to promote tourism in Albania, especially tourists from China"[2].

Of course, some authors are right to state that „these projects are not FDI, but mostly public investment contracts financed by Chinese banks; not all the projects might be realised." [Holzner, Schwarzhappel, 2018. P. 17]. So the data presented in Tables 2. and 3. can also be deceiving.

Several major projects announced in Bulgaria and Romania have failed or have been delayed.[3]

---

[1] Rumena Filipova. Chinese Influence in Bulgaria: Knocking on a Wide Open Door? // *China Observers in Central and Eastern Europe*, September 09 2019. URL: https://chinaobservers.eu/chinese-influence-in-bulgaria-knocking-on-a-wide-open-door/ (date of access: 02.10.2019.

[2] Anne-Marie Brady, Hiromichi Higashi. Are we real friends? Albania-China relations in the Xi Era", Sinopsis – China in Context and Perspective, Institute of East Asian Studies at Charles University // NGO AcaMedia. Prague. 2019. URL: https://sinopsis.cz/en/are-we-real-friends-albania-china-relations-in-the-xi-era/ (date of access: 02.10.2019).

[3] Mario Tanev. Bulgaria's Bulstrad files petition for bankruptcy proceedings against Litex Motors // *SEENews*, March 29, 2017. URL: https://seenews.com/news/bulgarias-bulstrad-files-petition-for-bankruptcy-proceedings-against-litex-motors-563353 (date of access: 10.10.2019).

Table 3: Major Chinese Investments in Greece 2009–2017. [Bastian, 2017. P. 10]

country	year	contractor	sector	USD mn
Greece	2009	COSCO	Transport	678
Greece	2014	China Development Bank	Transport	1,100
Greece	2014	Exim Bank	Transport	340
Greece	2014	ICBC	Energy	490
Greece	2014	China National Aero Technology	Transport	158
Greece	2015	ICBC – Sinohyrdo	Energy	880
Greece	2016	COSCO	Transport	280
Greece	2017	State Grid Corp.	Transport	320

In Romania "The Cernavodă Nuclear Power Plant is one of the most important Romanian - Chinese projects that have not been implemented. Because of the quick succession of Romanian governments, the negotiations were delayed for more than two years. /.../ The project was estimated to cost around 6.4 billion euro (8 billion dollars)." [Popescu, Brînză, 2018. P. 32]. A preliminary investors' agreement has been signed in May 2019, but now, after five years of negotiations, a new problem has arisen**: "**The fact that the Chinese partner is under US sanctions would make this subject very politically sensitive for Nuclearelectrica"[1].

In the case of Bulgaria and Romania, the reasons for the relative failure should also be sought in the EU's membership of the two countries. „As an EU Member State Bulgaria has an access to the EU Structural Funds which provide partial grants and this makes Chinese loans less attractive." [Zhelev, 2018. P. 12]

However, despite some failures, it should be emphasized that China's presence in the Balkan economies has been expanding since 2009, and especially since the launch of the BRI in 2013. Everything the Chinese have accomplished has been done in just 5–10 years.

[1] Fondul Proprietatea: Romania's Nuclearelectrica should not invest in more nuclear units // *Romania Insider*, 06 September 2019. URL: https://www.romania-insider. com/fondul-proprietatea-nuclearelectrica-investment (date of access: 05.10.2019).

1. Western Powers vs Chinfluence

The rapid spread of Chinese influence in the Balkans has caused both EU and US reactions. European Commissioner for Enlargement Johannes Hahn warned of the role of China in the Western Balkans and the possibility that Beijing will transform the region's countries into *Trojan horses* that will one day be members of the EU[1].

„The German Foreign Minister Sigmar Gabriel appealed to EU members to pursue a common foreign policy vis-à-vis China to counter Beijing's tactics: *If we do not succeed, for example, in developing a single strategy towards China, then China will succeed and dividing Europe*, he said. China is increasingly anticipated by the EU as a threat." [Prorokovic, 2017. P. 9]. For US analysts, the Chinese approach is clear, and therefore very problematic: „Interestingly, a comparison could be made with the United States between the two world wars and China's promotion of the MSRI (*Maritime Silk Road Initiative, as a part of BRI, remark by D. P.*)." [Blanchard, Flint, 2017. P. 235].

To a certain extent, it is unbelievable that Chinese influence is growing despite the fact that most Balkan countries are in the EU and/or NATO. The analysis of Slovenian IFIMES offers a simple explanation of this phenomenon: **"E**uropean leaders have often confirmed their support to the Western Balkans and its Euro Atlantic road, expressing at the same time concerns about the impact of individual states in the region, particularly Russia, China and Turkey. The EU with its enlargement stalemate practically pushes the Western Balkans counters to Russian *hug*, to blame in the end those countries for their close relations and cooperation with Russia. However, some EU states always set new requirements and membership criteria for the Western Balkans. Some experts have been pointing out that 15 EU member countries would not be able to fully meet the membership criteria now, which are required from the Western Balkans countries."[2]

[1] Ryan Heath, Andrew Gray. Beware Chinese Trojan horses in the Balkans, EU warns // *Politico*, 27.07.2018. URL: https://www.politico.eu/article/johannes-hahn-beware-chinese-trojan-horses-in-the-balkans-eu-warns-enlargement-politico-podcast/ (date of access: 02.02.2019).

[2] Western Balkans 2019: Does the EU push the Western Balkans countries to the Russian „hug"?" // The International Institute for Middle East and Balkan Studies, Ljubljana, October 16.2019. URL: https://www.ifimes.org/en/9706 (date of access: 20.02.2020).

In addition, the hypocrisy or double standards of both - the EU institutions and key European countries are often visible. Germany, for example, strongly insisted on the implementation of the *Third Energy Package*, which essentially meant stopping the construction of the South Stream gas pipeline across the territories of Bulgaria, Serbia and Hungary[1]. But at the same time, it continued to build the North Stream and the EU did not even try to prevent it. [Proroković, 2018. P. 702].

Similar is the case with NATO, which is a key instrument in securing the US position in the Balkans. The US aggressive policy is based on the securitization of the *Russian issue* as well as the new attitude of the Donald Trump administration towards acute crises in the Middle East. In this context, the Balkan NATO members are forced to following the US, establishing a restrictive policy towards Russia and supporting Washington's initiatives in the Middle East, which is not usually in their national interest. [Proroković, 2018a. P. 86–87].

2. Conclusion: Perspectives and Challenges

In contrast to the Western powers, which show a deficit of "optimistic initiatives" or constantly make political demands, the Chinese approach is different. China presents itself as an ambitious and constructive partner. And more importantly for "Balkan Stabilitocracies", it does not require any political concessions[2]. This is probably the reason for China's great success. China is firmly committed to realizing the geo-economic goals of the BRI and is taking a number of initiatives in the Balkans. To some extent, it is even noticeable that „the number and intensity of China's economic and political initiatives in the Balkans since 2013 are utterly disproportionate to the size

[1] „Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC (Text with EEA relevance)", Official Journal of the European Union, 14.08.2009, L211, pp. 55–92. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0055:0093:EN:PDF (date of access: 02.02.2019).

[2] About "Balkan Stabilitocracies" more in: Florian Bieber, „The Rise (and Fall) of Balkan Stabilitocracies", *Horizons*, Issue No. 10, Winter 2018, Center for International Relations and Sustainable Development, Belgrade, URL: https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/the-rise-and-fall-of-balkan-stabilitocracies (date of access: 15.01.2020).

of the markets and the foreign trade importance of these countries to China." [Proroković, 2016. P. 54–55]. Therefore, it can be concluded that China is projecting the pace and scope of its presence in the region. China has become a serious challenger to the US and EU in the Balkans. Therefore, China is an actor who will become more involved in regional political and security issues in the future.

However, the West's advantage in the Balkans is characterized by its deep institutional presence (EU and/or NATO membership) and widespread economic ties (which are completely disproportionate, so that the export of the Balkan countries is predominantly EU oriented). Given that the EU and NATO have recognized China as a geopolitical challenger and *Chinfluence* as a threat, it is undoubted that they will use institutional mechanisms and economic leverage to attempt to limit or squeeze China out of the Balkans.

From the perspective of the ten-year development of relations between China and the Balkan countries, this format has a perspective. At the same time, looking at the long-term interests of the EU and NATO, there are many challenges ahead.

References

Bastian J. The potential for growth through Chinese infrastructure investments in Central and South-Eastern Europe along the 'Balkan Silk Road'. Athens // London: Report prepared by Dr Jens Bastian for the European Bank for Reconstruction and Development (with funding from the Central European Initiative), July 2017. P. 62. (in English)

Blanchard Jean-Marc F. and **Colin F.** The Geopolitics of China's Maritime Silk RoadInitiative // Geopolitics, 2017. 22 (2), 2017. P. 223–245. (in English)

Dimitrijević D. and **Huang Ping** (Eds.). Initiatives of the 'New Silk Road' – Achievements and Challenges. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2017. P. 529. (in English)

Ghiasy R. and **Fei Su**, **Saalman L**. The 21 st Century Maritime Silk Road: Security implications and ways forward for the European Union. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute – Friedrich Ebert Stiftung, 2018. P. 63. (in English)

Holzner M. and **Schwarzhappel M**. Infrastructure Investment in the Western Balkans, Luxembourg: European Investment Bank – Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, 2018. P. 38. (in English)

Pencea S. Romania-China Trade and Investment Relations Against the Backdrop of 'One Belt, One Road' Strategy // Romanian Economic and Business Review, 2017. Vol. 12, number 2. P. 17–28. (in English)

Popescu L. and **Brînză A**. Romania-China Relations. Political and Economic Challenges in the BRI Era // Romanian Journal of European Affairs, 2018. 18 (2). P. 20–39. (in English)

Prorokovic D. China – CEE relations need new strategies // China Daily, November 27. 2017. P. 9. (in English)

Proroković D. Geoekonomski aspekti kineske koncepcije OBOR i pozicija Srbije, Crne Gore i BiH // Nacionalni interes, 2016. XII (26), 2/2016. P. 35–58. (in Serbian)

Proroković D. Od Soluna do Sofije: zašto je slabio uticaj EU na Zapadnom Balkanu? In: Dragan Simić, Dejan Milenković, Dragan Živojinović (Eds.). Evropa za mene. Beograd: Fakultet političkih nauka – Univerzitet u Beogradu, 2018. P. 693–702. (in Serbian)

Proroković D. Pogled na Srbiju iz okvira evroatlantizma kao geopolitičkog koncepta: zašto srpski interesi nisu podudarni sa američkim ciljevima? // Politika nacionalne bezbednosti, 2018a. IX (14), 1/2018. P. 73–88. (in Serbian)

Ramasamy B. and **Yeung M.**, **Utoktham C.**, **Duval Y**. Trade and trade facilitation along the Belt and Road Initiative corridors // Working Paper Series, No. 172, Asia – Pacific Research and Training Network on Trade – UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, Bangkok, 2017. P. 9–22. (in English)

Stanzel A. China's Investment in Influence: the future of 16 + 1 cooperation // China Analysis, Brussels: European Council on Foreign relations. 2016. P. 16. (in English)

Zhelev P. Bulgarian – Chinese economic relations in the context of 16+1 Cooperation // China – CEE Institute, 2018. Working paper No. 28. P. 12–14. (in English)

КИТАЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

ГАЛИМЗЯНОВА АЛЬБИНА КАРИМОВНА
преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатическая академия МИД России
Galaktika735@mail.ru

Данная статья посвящена анализу перспектив китайско-германского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Автор подчеркивает, что данная инициатива поможет укрепить глобальный характер двусторонних отношений, а также укрепить сотрудничество в финансовом секторе. Реализация инициативы «Один пояс, один путь» позволит Китаю и Германии сотрудничать в целях содействия стабильности и процветанию стран, расположенных вдоль Шелкового пути, таких как страны Центральной Азии. Инициатива способна объединить культуры и народы стран, расположенных вдоль Шелкового пути. Кроме того, к Шелковому пути примыкают нестабильные регионы, такие как Ближний Восток и Африка. Принимая во внимание, что Европа, и в частности Германия, страдает от притока мигрантов, Китай и Германия заинтересованы в достижении стабильности в регионе. В настоящее время существуют прямые грузовые рейсы между городами Германии и Китая, такими как Чунцин–Дуйсбург, Чжэнчжоу–Гамбург, Шэньян–Лейпциг, Пекин–Нюрнберг. Подчеркнуто, что Германия также поддерживает и принимает активное участие в строительстве Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Ключевые слова: Китай, Германия, международные отношения, мировая политика, «Один пояс, один путь».

SINO-GERMAN COOPERATION UNDER THE FRAMEWORK OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE

GALIMZYANOVA ALBINA KARIMOVNA
Lecturer, Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs
Galaktika735@mail.ru

Sino-German cooperation under the framework of the «One Belt, One Road» initiative can strengthen the global nature of bilateral relations, set in motion the process of bilateral trade and investments, cooperation in third country markets,

as well as strengthen cooperation in the financial sector. This will benefit not only Chinese companies, European goods, services and the financial sector will also be able to develop new markets.

The implementation of the «One Belt, One Road» initiative will allow China and Germany to cooperate in order to promote the stability and prosperity of countries alongside the Silk Road Route, such as the countries of Central Asia. The initiative is able to unite the cultures and peoples of the Silk Road countries.

In addition, unstable regions such as the Middle East and Africa also adjoin the Silk Road. Taking into account that Europe, and Germany in particular, is suffering from an influxes of migrants and refugees from Syria, China and Germany are interested in achieving stability and development in the region.

Currently, there are direct freight trains between the following German and Chinese cities, such as Chongqing–Duisburg, Zhengzhou–Hamburg, Shenyang–Leipzig, Beijing–Nuremberg. The China–Europe Express runs from Shilong railway station, Guangdong province to Duisburg. Germany also supports and takes an active part in the construction of the «Asian infrastructure investment Bank».

Keywords: China, Germany, international relations, foreign policy, "One Belt, One Road" initiative.

Инициатива «Один пояс, один путь», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года во время государственного визита в Казахстан, направлена на развитие новых транспортных путей и торгово-экономических коридоров. Основу китайской инициативы «Один пояс, один путь» составляют «пять коммуникаций»: взаимосвязанная инфраструктура, беспрепятственная торговля, финансирование капитала, политическая коммуникация и связь между народами, которые основаны на принципе взаимного сотрудничества, совместного строительства и общедоступности и характеризуются открытостью и терпимостью [Кэлинь Фулиньтэ, Чжан Сяотун, 2016年，第1–24页]. Проект призван объединить страны Европы и Центральной Азии, а также страны Африки во имя мира, открытости, сотрудничества и всеобщего выигрыша.

Китайско-германские отношения переживают лучший период развития в истории. Страны установили отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, и двустороннее сотрудничество все крепнет. Германия также играет ведущую роль и в отношениях Китая с Европейским союзом [Чжэн Чуньжун, 2015. С. 1–14].

После того как Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», европейские ученые начали изучать ее возможное влияние на

Европу [Casarini, 2016. P. 1–14]. Большое внимание данной инициативе было уделено и со стороны правительства Германии. Это связано не только с вышеупомянутым высоким положением Германии в ЕС и с высоким уровнем китайско-германских отношений, но и обусловлено историческими и географическими причинами. Впервые представление и понятие о Великом Шелковом пути было предложено немецким геологом, географом и путешественником бароном Фердинандом фон Рихтгофеном (1833–1905). Согласно его концепции, Китай и Германия расположены на двух концах экономического пояса Великого Шелкового пути и являются двумя основными экономическими системами и полюсами роста Европы и Азии. Ожидается, что вместе эти две страны разовьются в два крупнейших межотраслевых рынка Евразии. В поисках ответа на вопрос о потенциале инициативы «Один пояс, один путь» для развития китайско-германских отношений обратимся к более детальному рассмотрению скрытого потенциала инициативы.

Среди стран Европы одним из активных сторонников инициативы является Германия. Правительство ФРГ активно поддерживает и принимает участие в инициативе «Один пояс, один путь» главным образом потому, что немецкая сторона видит колоссальный потенциал инициативы, направленный на развитие китайско-германских отношений. Китайско-германское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» способно усилить глобальный характер двусторонних отношений, привести в движение двусторонние торгово-экономические инвестиции, а также укрепить сотрудничество в финансовом секторе.

Германия самая первая из европейских стран выразила свое одобрение инициативы «Один пояс, один путь» и положительно восприняла намерение стран-учредительниц вступить в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

10 октября 2014 года Китай и Германия провели третий раунд межправительственных консультаций в Берлине и совместно опубликовали документ: «Платформа китайско-немецкого сотрудничества: совместное формирование инноваций». Статья 8 этого документа гласит: «Немецкая сторона приветствует расширение сухопутного торгового пути между Китаем и Европой и инициативу экономического пояса Шелкового пути. Это откроет новые возможности для китайско-германского и китайско-европейского сотрудничества и будет способство-

вать стабильности и процветанию региона Центральной Азии и примыкающих государств»[1]. 29 октября 2015 года, когда федеральный канцлер Германии Ангела Меркель в восьмой раз посетила Китай с официальным визитом, Си Цзиньпин заявил, что Китай ценит активную поддержку и участие немецкой стороны в инициативе «Один пояс, один путь» и в проекте Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Меркель, в свою очередь, заявила, что в новой обстановке немецкая сторона готова углублять практическое сотрудничество с Китаем в области экономики, торговли, промышленности и финансов, а также активно участвовать в инициативе «Один пояс, один путь» и в строительстве Азиатского банка инфраструктурных инвестиций[2]. На пресс-конференции в ходе визита Меркель еще раз подчеркнула, что Германия уделяет пристальное внимание инвестиционным проектам в рамках «Шелкового пути», и выразила готовность внести в них свой вклад.

Во избежание внутренней конкуренции между странами ЕС по сотрудничеству с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также для того, чтобы сотрудничество между Китаем и Европой соответствовало стандартам ЕС в области государственных закупок, интеллектуальной собственности, правилам честной конкуренции, Германия с самого начала подчеркивает роль ЕС в инициативе «Один пояс, один путь» и способствует созданию соответствующего контактного механизма между Китаем и Европой. С этой целью после подписания меморандума о взаимопонимании в сентябре 2015 года, устанавливающего платформу взаимосвязи между Китаем и Европой[3], Германия всегда подчеркивала центральную роль этой платформы во взаимосвязи Китая и Европы [Цуй Хунвэй, 2016. С. 51–61]. Это также отражено в коммюнике по итогам четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций, в котором, в частности, было написано: «Китай и Германия будут изучать вопрос о содействии участию немецких

---

[1] 《中德合作行动纲要（全文）》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/ce/cede/chn/sbwl/t1212296.htm (дата обращения: 20.10.2019).

[2] 《习近平会见德国总理默克尔》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.sina.com.cn/c/2015-10-30/doc-ifxkhchn5606599.shtml (дата обращения: 25.09.2019).

[3] 《第十七次中国欧盟领导人会晤联合声明———中欧４０年合作后的前进之路》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.sinhuanet.com/2015-06/30/c_1115774915.htm (дата обращения: 18.09.2019).

компаний в существующих механизмах (особенно в платформе взаимосвязи Китай–Европа), расширять сотрудничество в сфере промышленных инвестиций и финансов»[1].

Германия также поддерживает и принимает активное участие в строительстве Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. 17 марта 2015 года в совместном заявлении Китая и Германии по итогам Первого финансового диалога на высоком уровне, Германия объявила о своей готовности присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в качестве потенциального члена-учредителя. Несколькими днями ранее, 13 марта, Великобритания также выразила готовность присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в качестве страны-основателя. Германия с удовлетворением отмечает, что Франция, Италия и Германия изъявили желание присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций и сделали совместное заявление о том, что новый банк внесет позитивный вклад в социально-экономическое развитие региона и глобальный экономический рост. Германия занимает весомое место в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций: доля Германии составляет 4,5 млрд. долл., она занимает четвертое место после Китая, Индии и России, а также является крупнейшим инвестором за пределами Азии[2].

Правительство Германии увидело огромные возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества, которые могут дать инициатива «Один пояс, один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, и поэтому демонстрирует позицию активной поддержки этих проектов. В то же время Германия подчеркивает большое значение роли ЕС и выступает за то, чтобы сотрудничество Германии и Китая и ЕС и Китая соответствовало нормам и стандартам Европейского союза. Сотрудничество между Германией и Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», несомненно, принесет новый потенциал и импульс в будущее развитие китайско-германских отношений.

---

[1] 《第四轮中德政府磋商联合声明》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// news.xinhuanet.com/world/2016-06/13/c_1119035292.htm (дата обращения: 10.09.2019).

[2] 《德国收获亚投行董事和副行长成大赢家》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://business.sohu.com/20160202/n436706282.shtml (дата обращения: 17.09.2019).

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» поможет придать больше стратегического содержания китайско-германскому сотрудничеству и повысить глобальный характер двусторонних отношений. В последние годы продолжали непрерывно развиваться китайско-германские отношения на высоком уровне, поэтому дальнейшее укрепление двусторонних отношений требует мощного рычага влияния. 28 марта 2014 года президент Си Цзиньпин опубликовал авторскую статью в немецкой газете «Франкфуртер альгемайне», в которой говорилось: «Давайте выйдем за рамки исключительно торговых отношений, чтобы с помощью более открытого и инновационного мышления наделить китайско-германское сотрудничество стратегическим содержанием»[1]. Фактически стратегический и глобальный смысл китайско-германских двусторонних отношений постоянно возрастает. На основе создания китайско-германского механизма правительственных консультаций и всеобъемлющего стратегического партнерства Китай и Германия в последние годы также создали диалоговый механизм в области дипломатии и стратегии безопасности, а также финансовый диалоговый механизм на высоком уровне. Кроме того, как было указано в коммюнике по итогам четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций, укрепилась китайско-германская координация по поиску путей решения глобальных кризисов и конфликтов (таких как Сирия и Афганистан). Усилилось сотрудничество и связи в области глобального управления, особенно после того как Китай и Германия приняли у себя саммит G20 в 2016 и 2017 годах. Все это придало дополнительный импульс сотрудничеству между двумя странами[2]. Вдобавок, реализация инициативы «Один пояс, один путь» позволит Китаю и Германии располагать общими интересами и сотрудничать в целях содействия стабильности и процветания стран и регионов, расположенных вдоль «Шелкового пути», таких как, например, Центральная Азия. Кроме того, к «Шелковому пути» также примыкают нестабильные

[1] 《习近平在德国〈法兰克福汇报〉发文章阐述中德合作》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/zgjx/2014-03/29/c_133222760.htm (дата обращения: 10.11.2019).

[2] 郑春荣：《中德协力推进落实“杭州共识，G20成为“行动队”有保障》[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www/thepaper.cn/baidu.jsp?contid=1522083 (дата обращения: 10.08.2019).

регионы, такие как Ближний Восток и Африка. Принимая во внимание, что Европа, и в частности Германия, страдает от наплыва беженцев из Сирии, Китай и Германия имеют общие интересы в достижении стабильности и развития в регионе.

Более того, инициатива «Один пояс, один путь» также будет способствовать развитию связей между Китаем и Германией в рамках соответствующих многосторонних механизмов. Например, Германия воспользовалась возможностью, выступая в качестве председателя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2016 году, придать этой платформе новую энергию, сделав акцент на ведении диалога и обновлении доверия. С этой целью 18–19 мая в Берлине состоялось экономическое совещание ОБСЕ. Китайская сторона также приняла участие.

Инициатива «Один пояс, один путь» поможет продвинуть китайско-германские двусторонние торгово-экономические инвестиции. Это принесет пользу не только китайским компаниям, европейские товары, услуги и финансовый сектор также смогут освоить новые рынки. Например, контейнерный грузовой рейс-экспресс «Китай–Европа» стал локомотивом «Шелкового пути» для продвижения китайско-германских двусторонних экономических и торговых инвестиций главным образом потому, что железнодорожные перевозки имеют очевидные преимущества по сравнению с морскими перевозками, экономя половину времени, а транспортные расходы ниже по сравнению с воздушными перевозками. В марте 2014 года председатель КНР Си Цзиньпин и занимавший в то время пост вице-канцлера Германии Зигмар Габриэль приняли участие в церемонии открытия прямого железнодорожного сообщения Чунцин–Дуйсбург («Чунцин–Синьцзян–Европа»). Это, по-видимому, было первым шагом по китайско-германскому сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В настоящее время между Китаем и Германией проложен целый ряд международных железнодорожных перевозок грузов, таких как Чунцин–Дуйсбург, Чжэнчжоу–Гамбург, Шэньян–Лейпциг, Пекин–Нюрнберг. 14 апреля 2016 года отправился рейс-экспресс «Китай–Европа» с железнодорожной станции Шилун, провинции Гуандун в Дуйсбург. От других рейсов он отличается тем, что отправляется еженедельно по четвергам и обеспечи-

вает нормальную работу[1]. China Railways (Китайская железнодорожная корпорация) и Deutsche Bahn AG (немецкий железнодорожный оператор) также подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в области эксплуатации рейса Китай–Европа и высокоскоростных железнодорожных перевозок. В 2015 году между Китаем и Германией было перевезено порядка 30 000 контейнеров. Ожидается, что к 2020 году это число увеличится в три раза и составит около 100 000 контейнеров в год[2].

С упрощением перевозок в Центральной Европе связано сотрудничество в области упрощения таможенного оформления и сотрудничество в области высокоскоростных железнодорожных перевозок. В документе «Платформа китайско-немецкого сотрудничества: совместное формирование инноваций», китайская и германская стороны заявили, что «страны взяли на себя инициативу и обязательство создать эффективную цепочку поставок в области железнодорожного транспорта для обеспечения беспрепятственной перевозки грузов». В коммюнике по итогам четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций стало ясно, что китайская компания-производитель вагонного оборудования CRRC Corporation Limited и немецкая компания по производству электротоваров Siemens сотрудничают в области высокоскоростных железных дорог и совместно осваивают сторонние рынки. Фактически в дополнение к базовым объектам инфраструктуры (включая информационно-коммуникационную инфраструктуру) на сторонних рынках могут быть реализованы и проекты, включающие энергетику, транспорт, защиту окружающей среды, сельское хозяйство и здравоохранение. В рамках сотрудничества Китай и Германия могут дополнять друг друга в области капиталовложения, технологий, рынка и управленческого опыта. А также могут совместно решать вопросы управления безопасностью и стремиться к более широкой международной поддержке и сотрудничеству.

В итоге реализация инициативы «Один пояс, один путь» помогает укреплять сотрудничество между Китаем и Германией в финансовом

[1] 《广东常态化开行中欧班列》.[Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http:// www.gov.cn/xinwen/2016-04/14/content_5064091.htm (дата обращения: 10.08.2019).

[2] 《德铁愿积极对接“一带一路”建设》[Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://paper.ce.cn/jjrb/html/2016-03/21/content_296060.htm (дата обращения: 15.09.2019).

секторе и будет способствовать превращению юаня в международную валюту. Китай поддерживает строительство и развитие офшорного рынка китайских юаней и местного банка клиринговых услуг для юаня во Франкфурте-на-Майне, а также поддерживает немецкие финансовые учреждения в использовании квоты квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (КИИИ) для выхода на китайский рынок. Германия поддерживает юань в присоединении к специальным валютным корзинам Международного валютного фонда, а также поддерживает методы реформирования квот МВФ. В настоящее время благодаря совместным усилиям с немецкой стороной с 1 октября 2016 года Международный валютный фонд уже включил юани в корзину СДР (специальные права заимствования). Кроме того, как уже упоминалось выше, Германия является важным инвестором в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций. В то же время при поддержке Германии Китай стал полноправным членом Европейского банка реконструкции и развития. У Китая и Германии широкие перспективы сотрудничества в области инвестиций и финансирования.

Список литературы

Nicola Casarini. When all roads lead to Beijing: Assessing China's New Silk Road and its implications for Europe // The International Spectator. Italian Journal of International Affairs. 2016, 51 (4). P. 1–14.

Цуй Хунвэй. «Идай Илу» чанъи юй Жункэ тоуцзыцзихуа дуйцзе цяньцзин фэньси [崔宏伟:《"一带一路"倡议与容克投资计划对接前景分析》，载《德国研究》，2016年第1期，第51–61页。] Анализ перспектив интеграции инициативы «Один пояс, один путь» и инвестиционного плана Юнкера. Немецкие исследования, No 1, 2016. С. 51–61.

ЧжэнЧуньжун.«Дэгоцзайчжцноугуаньсичжундэцзюэсэ»[郑春荣:《德国在中欧关系中的角色》，载《欧洲研究》，2015年第3期，第1–14页。]Роль Германии в китайско-европейских отношениях. Европейские исследования, Выпуск 3, 2015. С. 1–14.

Кэлинь Фулиньтэ, Чжан Сяотун. «Идай Илу» юй диюань чжэнчжи ли-лунь чуансинь [科林•弗林特、张晓通:《"一带一路"与地缘政治理论创新》，载《外交评论》，2016年第3期，第1–24页。] Инициатива «Один пояс, один путь» и инновационные геополитические теории. Дипломатический обзор. Выпуск 3, 2016. С. 1–24.

References

Nicola Casarini. When all roads lead to Beijing: Assessing China's New Silk Road and its implications for Europe // The International Spectator. Italian Journal of International Affairs. 2016, 51 (4). P. 1–14. (in English)

Cui Hongwei. ""Yidai yilu" zhanlüe yu rong ke touzi jihua duijie qianjing fenxi" [崔宏伟：《"一带一路"倡议与容克投资计划对接前景分析》，载 《德国研究》，2016年第1期，第 51–61 页。] Analysis of the prospects for the integration of the "One Belt, One Road" initiative and Juncker's investment plan. German Studies, 2016, No. 1. P. 51–61. (In Chin.)

Zheng Chunrong. "Deguo zai zhong'ou guanxi zhong de juese"[郑春荣：《德国在中欧关系中的角色》，载《欧洲研究， 2015年第3期，第1-14页。] The role of Germany in Sino-European relations. European Studies, 2015, No. 3, P. 1–14. (In Chin.)

Kelin Fulinte, Zhang Xiaotong. ""Yidai yilu" yu diyuan zhengzhi lilun chuangxin" [科林•弗林特、张晓通：《"一带一路"与地缘政治理论创新，载《外交评论，2016年第3期，第1-24页。] The "One Belt, One Road" initiative and innovative geopolitical theories. Diplomatic Review, 2016, No. 3. P. 1–24. (In Chin.)

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

НОМИТА ТОППО

Научный сотрудник, Центр изучения России и Центральной Азии, Школа международных исследований, Университет имени Джавахарлала Неру Нью-Дели, Индия

nomitavandana87@gmail.com

В последние годы Китай значительно расширил свое экономическое присутствие на Ближнем Востоке. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (OBOR) направлена на экономическое объединение более 60 стран Ближнего Востока, Африки, Европы, Южной Америки и южных регионов Азии. Китайская инициатива OBOR или BRI (Belt and Road Initiative) намерена возродить древний Шелковый путь наряду с морским Шелковым путем. Ближний Восток играет жизненно важную роль в реализации ОПК, поскольку он является источником энергии, обеспечивая более половины импорта сырой нефти Китаем. Кроме того, это также ключевой пункт для доступа на рынки Европы и Африки, где ЕС является крупнейшим экспортным рынком Китая. Китай инвестировал значительные средства в такие секторы, как развитие портов, нефтепереработка, а также развитие инфраструктуры в ближневосточном регионе. Китай также ускорил переговоры о создании зоны свободной торговли между Китаем и Советом сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ). Эта статья представляет собой попытку исследовать природу растущего присутствия Китая на Ближнем Востоке и его последствия в регионе. Для Китая Ближний Восток является торговым центром, поскольку около 70% торгового импорта в Китай поступает с Ближнего Востока. Китай также поощряет программы культурного обмена и межличностное взаимодействие. Таким образом, в настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать присутствие Китая на Ближнем Востоке и его усилия по региональной интеграции, поскольку инициатива «Один пояс, один путь» активизировала развитие в таких регионах, как Ближний Восток и Африка, и пытается связать мир в одну нить.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, «Один пояс, один путь», инфраструктурное развитие, региональная интеграция.

CHINA'S ONE BELT ONE ROAD INITIATIVE AND ITS IMPACT ON MIDDLE EAST

NOMITA TOPPO
Research Scholar, Centre for Russian and Central Asian Studies,
School for International Studies, Jawaharlal Nehru University,
New Delhi, India
nomitavandana87@gmail.com

In recent years China has significantly expanded its economic footprint in the Middle East. China's One Belt, One Road (OBOR) initiative, aims to economically connect more than 60 countries throughout Middle East, Africa, Europe, South America and southern regions of Asia. The OBOR or BRI (Belt and Road Initiative) by China intends to revive the ancient Silk Road along with a Maritime Silk Road. The Middle East plays a vital role in the implementation of OBOR as it is a source of energy, providing more than half of China's crude oil imports. Besides, it is also a pivotal point for market access in Europe and Africa, where the EU is China's largest export market. China has invested heavily in the sectors including port development, oil and refinery development, and infrastructure development in the Middle East region. China has also accelerated negotiations for the establishment of a free trade area between China and the Gulf Cooperation Council (GCC). This article is an attempt to explore the nature of China's growing presence in the Middle East, and its implications in the region. For China, Middle East is a trading hub as around 70 per cent of the trade import in China comes from Middle East. China is also promoting cultural exchange programmes and people-to-people interactions. Thus, this paper attempts to analyse China's presence in the Middle East and its efforts towards regional integration, as the One Belt One Road initiative has initiated development in the regions like Middle East and Africa and is trying to bind the world in one thread.

Keywords: China, Middle East, One Belt One Road, infrastructure development, regional integration.

Introduction

One Belt One Road initiative comprises of two notions introduced by the President of China Xi Jinping in 2013 to endorse economic engagement and investment along two major routes. The first route, the New Silk Road Economic Belt, is reported to run westward overland through Central Asia to Europe. The second route, the 21st Century Maritime Silk Road, is expected to make a loop around south and westward by sea towards Europe, with proposed stopovers in South-east Asia, South Asia and Africa.

In recent years, Chinese companies are leaving their home-based market and going to foreign markets and establish itself. President Xi is putting efforts to strengthen China's global position. He has declared several high-profile multilateral initiatives envisioned to advance China's international existence and promote closer ties with other countries. One belt, one road "not only represents a renewed, stronger and better co-ordinated push to expand China's influence overseas, but it is also coupled with a domestic investment drive, in which nearly every Chinese province has a stake[1]."

Research methodology

The broad mandate of this research is to examine and analyze the presence of China through the OBOR initiative in the Middle East. Examining the implications of OBOR in the Middle east and its effort in regional integration constitutes one of the prime tasks of this research. The proposed study is based on qualitative analysis. The data is obtained majorly from primary and secondary sources. Primary source include official record, government documents, data reports, official policy statements and also speeches and interviews on popular media. Documents of international and regional organisations like MENA and SCO will be used in this study. These will establish imperial basis of this research. The study will also make use of secondary sources such as books, newspapers, journals, articles published in academic journals and internet sources. These will extensively be used for the analysis of all the available primary and secondary sources will apply throughout the study.

China's OBOR Initiative

OBOR is a vision launched by President Xi that seeks to integrate China with the Eurasian landmass through an immense network of transport corridors, energy pipelines and telecom infrastructures. The geographic span of OBOR is fairly large, covering around 65 countries, 4.4 billion people and 30 per cent of global GDP[2]. Although the initiative is called One Belt, One

[1] China-led BRI and its Impact on India with Specific Reference to CPEC. URL: https://www.nepjol.info/index.php/joia/article/view/22592 (date of access: 28.11.2019).

[2] China Belt and Road Initiative Measuring the impact of improving transportation connectivity on trade in the region. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2600/RR2625/RAND_RR2625.pdf (date of access: 02.12.2019).

Road, which has created an impression that it is just one corridor, rather the two main routes actually have a series of sub-branches and various economic corridors like for instance, the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), or the China-Central Asia-West Asia Economic Corridor (CCWAEC). Therefore in 2015 China tried to change the name to Belt and Road Initiatives (BRI). However, still it is popularly known as OBOR.

OBOR is China's long-term development strategy. However, in the short term, it is a means to offset higher domestic production cost and excess capacity, reduce transport cost, create new markets for Chinese goods and services, and internationalize the Chinese currency RMB. Whereas, in the long term, China requires to ensure it has timely, efficient, and secure access to markets and resources as in the present it is the worlds' largest trading nation. Chinas presence in the Middle East is of great importance as it links the three continents of Asia, Africa and Europe.

Main Results

The main finding of the study is summed by under the following subheadings: OBOR and Impact on the Middle East; what do countries get in return?

As President Xi Jinping has increased China's effort to take a more active role internationally, the Middle East has become one of the major regions for staging the OBOR initiative. In July 2018 in a gathering of 21 Arab nations in Beijing, President Xi assured substantial loans and financial aid to support economic development in the region. During the meet the Chinese government also lucratively elevated their relationship to a "strategic partnership[1]."

Effectively, China has planned to launch a mini Marshall Plan for the Middle East and North African region. The main objective of the China-Arab State Cooperation Forum (formed in 2004) is the economic development of the region. China sees economic development as a key to resolve various security and humanitarian problems in the region.

China and the Middle East have mutual interests and their economic relationship is now expanding beyond oil. Chinese companies are pursuing

[1] How China Is Winning Over the Middle East. URL: https://thediplomat.com/2018/07/how-china-is-winning-over-the-middle-east/ (date of access: 02.12.2019).

major infrastructure projects in the Middle East region as part of Belt and Road initiative. The Chinese organizations created to support the Belt and Road Initiative is readily providing financing for much-needed infrastructure. Like for instance in Egypt, the Chinese have declared to invest around $50 billion to help the development of the new administrative capital.

The demand of renewable energy, fintech, artificial intelligence, and electric cars are increasing in the Middle East; sectors where China is playing a leading role. Major portion of China's financing will go toward supporting projects and sectors where China is a global leader, which is being welcomed by the Middle Eastern countries.

Apart from loans and financial aid for economic development, it was also announced at the Arab Summit for the creation of financial consortium. Wherein Arab and Chinese banks will establish a fund of around $3 billion to support "economic reconstruction" and "industrial revival." The main objective of this group will be to promote cooperation in the fields of oil and gas, nuclear, and clean energy.

Considerably, President Xi has called upon the Arab countries to commence with negotiations for a free trade agreement between China and the Arab countries. Such negotiation is part of President Xi's larger strategy of exerting its economic influence to negotiate "free trade" agreements with major regions around the globe.

What do countries get in return?

In lieu of cooperating in OBOR projects countries receive preferential financing including grants, interest-free and concessional loans, and other forms of government funding. They also receive a full development package to strengthen their economy. For instance, UAE, which is China's second largest trading partner in the region that handles 60 per cent of China's re-exports to Europe and Africa with an estimated value of $70 billion each year. China has signed a $300 million deal to develop a manufacturing operation in the free trade zone of Khalifa Port, on the heels of China's COSCO shipping winning rights ($738 million) to develop and operate a new container terminal for 35 years. While most shipping companies own/operate terminals and ports on foreign terrain as shipping-centric operations, China differs in that they open new ports and invest in adjoining free trade/

special economic zone and other development initiatives as well so that host countries get the entire development package[1].

China is an old ally of Iran and has vested interests, along with Russia, in Iran's oil and gas industry. China is financing the upgrading of the Tehran-Mashhad railway along with China's Exim Bank lending US$1.5 billion for the lines electrification. The track of 2,300 km line will eventually link Urumqi, the capital of China's western Xinjiang Province, to the Iranian capital Tehran, connecting Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan along the way[2].

The proposed railway project is supposed to run from Tehran and join Iran's east-west network leading west to Turkey and Eastern Europe. It is also expected to open a way to Europe by a developing rail route from the southern Iranian ports to Azerbaijan and Europe. Further linking with the Iran's North-South Transport Corridor, this runs from Chabahar Port north to Azerbaijan. Towards the east, this links up with the also Chinese funded, low key Lapis Lazuli Corridor.

The rail project will extend from Tehran into Turkey and across the borders with the European Union. Additionally, Turkey is also being linked with rail freight lines running north through China and across Kazakhstan, to Baku in Azerbaijan. The Baku-Tbilisi-Kars Railway provides a direct link to Europe from China, via Turkey as it connects through a cross-Turkey. A high-speed rail service is being constructed by China, connecting Kars with Edirne, near Turkey's border with Bulgaria and Greece. Bilateral trade between Turkey and China was recorded at US$26.3 billion in 2017. Turkey's export to China was around US$3 billion while its imports from China exceeded US$23 billion.

China has extensively invested in Syria for developmental purpose. According to Ellis, this is «an opportunistic and geopolitical play; opportunistic as Chinese contractors are looking at reconstruction projects to rebuild the country after its devastating civil war, and geo-political as China recognizes

---

[1] Next Up on China's Maritime Silk Road: Abu Dhabi. URL: https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/08/02/next-up-abu-dhabi-chinas-maritime-silk-road-breaks-into-the-middle-east/#6022124b9bbe (date of access: 5.12.2019).

[2] China's Belt & Road Initiative In The Middle East. URL: https://www.silkroadbriefing.com/news/2019/06/21/chinas-belt-road-initiative-middle-east/ (date of access: 5.12.2019).

that Syria can provide an alternative route to Europe than the Suez Canal»[1]. This region is being developed by the Chinese with a Special Economic Zone which is being built in Tripoli Port, and plans to rebuild the Tripoli-Homs Railway. The zone provides Chinese and other regional businesses with low tax options for consolidating and adding value to component parts sourced elsewhere to then be exported to Syria. As per the estimate of the United Nations, it will coast around US$250 billion to rebuild the region. As Syria is oil rich region, China can initiate with the infrastructure building and in return secure energy supplies. Meanwhile, develop a secondary route to the Mediterranean and southern Europe.

China is a big investor in Israel and has plenty of opportunity in the market, in the fields including real estate, transportation, energy, telecommunications, and other infrastructure requirements. Its ports and trade routes to the Middle East make it a major gateway to Europe for the Middle East, which is beneficial for China. Projects in Saudi Arabia, and the other Arabian states include gas pipelines, to meet Chinese demand and also a better consistent energy network across the region.

In 2018 President Xi visited Saudi Arabia, Egypt, and Iran[2], and released its first Arab Policy Paper to signal its intention of increased engagement in the Mideast. The paper outlined the "1+2+3" cooperation framework[3]. China is also trying to balance ties with Riyadh and Tehran, in March Beijing signed $65 billion worth of deals with Riyadh and aims to coordinate OBOR projects with Saudi Vision 2030, while in June China backed Iran's admission to the China-led Shanghai Cooperation Organization (SCO) and recently extended a $10 billion credit line for infrastructure projects. Iran is an important node of the OBOR by virtue of its geography linking Central Asia with South and West Asia, while Saudi Arabia is a leader of the Gulf Cooperation Council (GCC) and also a key oil supplier[4]. With a planned

[1] China's Belt & Road Initiative In The Middle East. URL: https://www.silkroadbriefing.com/news/2019/06/21/chinas-belt-road-initiative-middle-east/ (date of access: 5.12.2019).

[2] Chinese president back home after visits to Saudi Arabia, Egypt, Iran. URL: http://en.people.cn/n3/2016/0124/c90883-9008539.html (date of access: 10.12.2019).

[3] China in the Post-Hegemonic Middle East: A Wary Dragon? URL: https://www.e-ir.info/2018/11/22/china-in-the-post-hegemonic-middle-east-a-wary-dragon/ (date of access: 9.12.2019).

[4] The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East. URL: http://www.ispsw.com/wp-content/uploads/2017/10/512_Lin.pdf (date of access: 10.12.2019).

Tripoli Special Economic Zone adjacent to the port, Tripoli could be a useful hub for Syria and enable China via the OBOR to play a constructive role in post-conflict reconstruction and stabilization efforts.

Conclusion

Hence, the study concludes that the ongoing regional security problems including terrorism, economic woes, and a need for immediate infrastructure, investment and trade, the OBOR initiative offers a quick economic aid. As China is becoming a more significant geopolitical actor in the Middle East, gradually the regional countries will become more dependent on Beijing for their trade and investment relations. China's increasing economic soft power will in turn ease their dependency on the West and broaden their foreign policy options that may not always align with the United States and European Union interests. This would also reduce Western control over the region, additionally it increases regional countries' freedom of action to diversify and engage with more economic partners. It would be beneficial if great powers including the Unites States, European Union, China, India, Russia and others also try to cooperate to jointly promote Middle East stability, security and prosperity.

References

Aneja A. China reaches out to West Asia, The Hindu, 23 March 2017. (in English)

Awasthi S. China-led BRI and its Impact on India with Specific Reference to CPEC // Journal of International Affairs, 2018, Vol 2 No 1. P. 97–110. (in English)

Ehteshami A. and Horesh N. China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative, 2019, Routledge. (in English)

Frans-Paul van der Putten et al eds. The Geopolitical Relevance of Piraeus and China's New Silk Road for Southeast Europe and Turkey, Clingendael Report, 2016. P. 27. (in English)

Johny S. China's long game in West Asia // The Hindu, 29 January 2016. (in English)

Lin C., The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East, ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security, 2017. Vol. 512. P. 1–10. (in English)

Macaes B. Belt and Road: A Chinese World Order. Penguin Viking, 2019. 288 p. (in English)

Olimat M. China and the Middle East from Silk Road to Arab Spring, Routledge, 2015. 240 p. (in English)

Sevilla H. China's New Silk Route Initiative: Political and Economic Implications for the Middle East and Southeast Asia, 2017, Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies Volume 11, Issue 1. P. 83–106. (in English)

Shichor Y. Gains and Losses: Historical Lessons of China's Middle East Policy for Its OBOR Initiative, Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, 2018, Vol. 12 Issue 2. P. 127–141. (in English)

ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ДАВЫДЕНКО ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА
кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
davvas@mail.ru

Китайский масштабный проект «Один пояс, один путь», анонсированный в 2013 году, представляет значительный интерес для России. Учитывая санкции, введенные западными странами, и дальнейшее укрепление торгово-экономических и политических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Россия и Китай укрепляют сотрудничество в рамках данной инициативы. Особенно актуальным и острым в связи с расхождением целей и интересов китайской и российской сторон является вопрос сопряжения проекта «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза. Как показывает шестилетний опыт реализации инициативы «Один пояс, один путь», реализация проекта идет не гладко и вызывает многочисленные нарекания в адрес Китая из-за навязывания интересов и условий кабалы другим странам, коррупционной составляющей проекта и его непрозрачности. Таким образом, отношение к проекту неоднозначное, и в этих условиях важно выстраивать отношения между Россией и Китаем оптимальным образом для взаимовыгодного сотрудничества. Целью исследования является анализ влияния китайского проекта «Один пояс, один путь» на российскую экономику. Предметом исследования является китайский проект «Один пояс, один путь». Автор приходит к выводу, что в настоящее время российское участие в проекте «Один пояс, один путь» имеет в основном потенциальные преимущества и возможности, а реальные результаты для российской экономики весьма незначительны.

Ключевые слова: Китай, экономика, Евразийский экономический союз, «Один пояс, один путь», Россия.

THE IMPORTANCE OF THE CHINESE PROJECT "ONE BELT – ONE ROAD" FOR THE RUSSIAN ECONOMY

DAVYDENKO ELIZAVETA VASILEVNA
Associate Professor, The department of international entrepreneurship
St. Petersburg State university of aerospace instrumentation
davvas@mail.ru

The Chinese large – scale project «One belt – one road» announced in 2013, is of significant interest to Russia. Taking into account the sanctions imposed by Western countries and the further strengthening of trade, economic and political relations with the countries of the Asia-Pacific region, Russia and China are strengthening cooperation within the framework of this initiative. Particularly relevant and acute due to the divergence of goals and interests of the Chinese and Russian sides is a question of interface of the project «One belt – one road» and the Eurasian Economic Union. As the six years' experience of the «One belt – one road» initiative shows, the implementation of the «One belt – one road» project does not go smoothly and causes numerous criticism of China in imposing interests and conditions of bondage to other countries, the corruption component of the project and its opacity. Thus, the attitude to the project is ambiguous, and in these conditions, it is important to build relations between Russia and China in an optimal way for mutually beneficial cooperation. The aim of the study is to analyze the impact of the Chinese project «One belt – one road» on the Russian economy. The subject of the study is the Chinese project «One belt – one road». The author comes to the conclusion that at present the Russian participation in the project "One belt has mainly potential advantages and possibilities and real results for the Russian economy are very insignificant.

Keywords: China, economy, Eurasian Economic Union, «One belt – one road», Russia.

Introduction

The importance of studying the impact of the Chinese project «One belt – one road» on the Russian economy is beyond doubt. The Chinese project is an open initiative and any country can join it. The project has a huge multiplier effect and is very attractive not only for China, but also for other countries. One of the active participants of the concept of «One belt – one road» is Russia. Nowadays Russia and China are strengthening economic and political cooperation within the framework of this initiative. This article will analyze the impact of the Chinese mega project «One belt – one road» on the Russian economy, highlight its advantages and disadvantages.

Methodology

In the course of the study the author identifying the advantages and disadvantages of the influence of the Chinese project «One belt – one road» on the Russian economy, used a comparative method, analysis and synthesis. The research is based on the materials of Russian and foreign experts and scientists.

Main results

The Chinese project «One belt – one road», combining the «Silk Road Economic belt» and the «Maritime silk road of the XXI century», was first proposed by the President of China – Xi Jinping in 2013. This project is a key element of the general Chinese policy and is aimed at the strengthening China's position in the international arena, solving China's domestic economic problems and strengthening regional integration.

This project will lead to significant transformations in the Eurasian space, in particular in the transport and logistics sectors. The project involves the development of cooperation between the countries in five key areas: infrastructure cooperation, political coordination, the growth of mutual trade, strengthening of spiritual unity and free movement of capital[1].

According to the project, it is expected that there will be three main routes of the Economic belt: North – from China through Central Asia and Russia to the Europe, Central – from China through the Central and West Asia to the Persian Gulf and the Mediterranean Sea, South – from China to the Southeast and South Asia to the Indian Ocean. Within these areas it is planned to create international corridors: China-Mongolia-Russia, China-Central Asia-West Asia, China-Indochina, China-Pakistan, Bangladesh-India-Myanmar-China.

The Chinese project is an open initiative and any country can join it. In 2019 China has already signed 173 agreements according to the participation in the project with 125 countries and 29 international organizations. It is interesting that over 60 countries joined the project only in 2018. The

[1] China in the world and regional politics. The history and modernity. Issue XXII / ed. Safronov E. I. – Moscow: Institute of Far Eastern studies, 2017. – 400 p. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/211288436 (date of access: 18.12.2019).

project has been so deeply integrated into China's foreign policy that it was mentioned in the Charter of the Communist party of China in 2017[1].

The scale of the project «One belt – one road» is enormous from the different points of view. For persuasiveness we can give some statistics. Morgan Stanley estimates that by 2027 the project will cost approximately $1.3 trillion. The Chinese banks and financial institutions, mostly state-owned, have invested more than $90 billion in this project. The reason is this project is widely supported by the Chinese government. China's partners have invested more than $ 40 billion in the Chinese economy. The volume of trade between China and «One belt – one road» participants, which exceeded $6 trillion, is impressive. The trade with project partners increases by an average of 4% per year. Over the six years of the project's existence it accounted for 27.4% of the Chinese trade in whole[2]. So, the project has a huge multiplier effect and is very attractive, not only for China, but also for other countries.

One of the active participants of the concept of «One belt – one road» is Russia, supporting it from the very beginning of the project. It is necessary to mention that at present the economic relations between China and Russia are developing very dynamically and positively. The impulse for strengthening cooperation between our countries can be considered the introduction by Western countries sanctions in 2014 against Russia and a turn of Russian foreign economic and political strategy towards the Asia-Pacific region, in particular China.

For optimal cooperation between Russia and China it is important to combine the mutual interests of both countries. The interests of the Russian Federation are related to the deepening of strategic partnership with China, in particular within the framework of the Eurasian economic Union [Efremenko, 2018. P. 48]. China relies on further rapprochement with Russia to ensure stability in the North and a strong strategic rear, investment, trade and economic energy cooperation.

On the 8th May 2015 as part of the institutionalization of cooperation Russia and China signed a Declaration on the interconnection of the

[1] *Manukov S.* One belt and one road, the clarification path and the extension zone // EurAsia Daily, 03.05.2019. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/05/03/odin-poyas-odin- put-utochnenie-puti-i-rasshirenie-poyasa (date of access: 14.12.2019).

[2] Ibid.

Eurasian economic Union and the Silk Road Economic belt. The Declaration identified key directions of contact: investments in industrial cooperation, a development of a common logistics system, a harmonization of foreign trade legislation, a strengthening of the role of joint financial institutions and expansion of foreign exchange cooperation in the field of foreign trade. In 2016 the Memorandum according to the coordination of joint efforts to promote economic and investment cooperation in various international platforms was signed.

In May 2018 another agreement on cooperation in the economic sphere between the Eurasian economic Union and China on trade policy, technical regulation, phytosanitary control was signed. The harmonization of norms and removal of restrictions will certainly give impulse to the development of cooperation. On the 17th October 2018 during the meeting in Beijing it was proposed to accelerate the pairing of projects within the framework of the «One belt initiative"[1] [Efremenko D. 2018]. This idea was also discussed at the fifth Eastern economic forum in 2019[2]. Thus due to the active political support and stimulation of joint projects there is a significant institutionalization of cooperation between the Eurasian economic Union, the Silk Road Economic belt, the Russian Federation and China [The strategy of «The Economic belt of the silk road» and the role of the Shanghai cooperation organization, 2016. P. 16].

The interaction between the Eurasian economic Union and the «One belt – one road» initiative is primarily considered from the point of view of the development of logistics infrastructure and the creation of transport corridors. The Eurasian economic Union has proposed 38 projects for joint financing with China, including 11 Russian projects[3]. Thanks to the support of China the construction and development of transport routes connecting Western China and Western Europe and the Northern Sea route are planned.

The implementation of these projects is perfect for China because it will reduce the speed of delivery of goods to the European market (which is

---

[1] China urged to speed up the pairing of the EAEU with the project «One belt – one road», 17.10.2018. URL: https://www.vestifinance.ru/articles/108722 accessed 13.12.2019.

[2] Eastern economic forum 2019. URL: https://roscongress.org/events/vostochnyy-ekonomicheskiy-forum-2019/ (date of access: 15.12.2019).

[3] Transit with a Chinese accent. 21.12.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/ articles/2017/12/21/746034-tranzit-kitaiskim (date of access: 15.12.2019).

especially important because a daily trade volume of China – EU is 1.5 billion euro) and to Russia, as it will help to develop national production and export potential. As to the Russia the transit potential of the TRANS-Siberian railway is not fully used and a participation in the Chinese project will strengthen its role. The most important infrastructure project of fundamental importance for economic partnership between Russia and China is a construction of a railway bridge over the Amur River. The financial operator of this project is the Russian-Chinese investment Fund, formed By the Russian direct investment Fund and China Investment Corporation.

According to the opinion of some experts, the increase in the supply of goods, including transit through the Russian Federation by the help of land transport on the route China-Europe is real, if infrastructure capabilities and increase capacity will be increased. The experts also note two problems. The first one is an imbalance of under loading of trains when they return. The other problem is investment. The participants of the new Silk Road, who take part in the project as transit points, are still afraid to invest in the project, so the main financial burden falls on China. The China's participation in the Russian projects can be regarded as a «political investment». Despite the loud statements of politicians of the two countries the real results of cooperation between China and Russia in the framework of the project are very modest.

Among project consequences for Russia we can note the following. The participation in the project "One belt – one road" can lead to the integration of the Russian transport system into the transport and logistics network of the Eurasian region, which will open up opportunities for transit and provision of related logistics services and access to the markets of the region[1].

Of particular importance within the framework of the project is an interaction of our countries in the field of modernization of poorly developed regions of Siberia and the Far East, which need modern infrastructure and investment. As a concern, we can note a decrease of interest in the TRANS-Siberian and Far Eastern directions. The fact is that the route through Kazakhstan is beneficial for China both in terms of tariff rates

[1] 国驻俄罗斯大使李辉："一带一路"倡议开启中俄共同发展的新航程 = The Chinese Ambassador to Russia Li Hui: «The one belt – one road" Initiative opens a new path for the joint development of China and Russia. Режим доступа: URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1 610935269955576597&wfr=spider&for=pc (date of access: 18.12.2019).

and time. At present 10 of the 14 routes China–Russia are passing through Kazakhstan[1].

The second advantage is a strengthening of industrial cooperation between the countries, the possibility of forming production clusters. The third plus of the Russian participation in the project "One belt – one road" is a possibility of pairing the Eurasian economic Union and the «One belt – one road» and turning it into a new center of economic and political development at the global level. However, it is worth noting that China is mainly focused on the development of the bilateral relations with each member of the Union individually.

Lately China is accused of opacity and often enslaving terms of agreements, unfair choice of contractors, failure to meet deadlines, untimely provision of promised loans, construction of «white elephants», and damage to the environment. Thus, according to China Global Energy Finance database in 2018 the share of «coal» projects in the project "One belt – one road" was 42%[2].

Beijing is also accused of pumping the developing economies involved in the project with loans and debts. The West has even coined a new term – «debt trap diplomacy». In 2019 at the international cooperation forum "One belt – one road" in Beijing the Chinese President promised to become more open to Western investors. China assures the countries that the project has only an economic orientation; however, it is clear for everybody that by increasing economic power the country will gain geopolitical influence[3].

---

[1] Where will the Silk Road lead Russia 27.04.2019. URL: https://newtvnews.ru/ economics/2019/04/27/pan-ili-propal-kuda-zavedet-rossiju-shelkovyj-put/ (date of access: 16.12.2019).

[2] Where will the Silk Road lead Russia 27.04.2019. URL: https://newtvnews.ru/ economics/2019/04/27/pan-ili-propal-kuda-zavedet-rossiju-shelkovyj-put/ (date of access: 16.12.2019).

[3] International experts positively assessed the results of the forum «One belt and one road» in Beijing 08.05.2019. URL: https://news.rambler.ru/other/42154117-mezhdunarodnye-eksperty-polozhitelno-otsenili-itogi-foruma-odin-poyas-odin-put-v-pekine/ (date of access: 14.12.2019).

The resume

In summary it can be noted that a feature of the Russian and Chinese cooperation in whole and within the framework of the project "One belt – one road" can be called a high level of institutionalization. The economic process is mainly from the top supporting a high political activity of two countries. The Chinese investors act very carefully, and they prefer to conclude agreements rather than invest.

As practice shows a specificity of the Chinese approach is a long-term investigation of the market в длительных переговорных процессах and long negotiation processes that may end up with zero results. So during the reducing of its investments and withdrawing money from the Russian economy in 2018 and 2019 China refused to finance the pipeline "The force of Siberia", invest in the construction of the Russia's largest gas processing plant in the Amur region and considered the high-speed railway the Eurasia which was supposed to connect Beijing, Moscow and Berlin unprofitable. Chinese investment companies are often connected with the government financing therefore their investment decisions in many respects are not always motivated only by financial indicators. In our opinion at present the Russian participation in the project "One belt – one road" has mainly potential advantages and possibilities and real results for the Russian economy are very insignificant.

References

China in the world and regional politics. The history and modernity. Issue XXII /ed. Safronov E. Moscow: Institute of Far Eastern studies, 2017. 400 p. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/211288436 (date of access: 18.12.2019). (in Russian)

China urged to speed up the pairing of the EAEU with the project «One belt – one road» 17.10.2018. URL: https://www.vestifinance.ru/articles/108722 (date of access: 13.12.2019). (in Russian)

Eastern economic forum 2019. URL: https://roscongress.org/events/ vostochnyy-ekonomicheskiy-forum-2019/ (date of access: 15.12.2019). (in Russian)

Efremenko D. The conjugation of the Chinese initiative «The Economic belt of the silk road» and the integration project «Eurasian economic Union» in the context of transformations of the modern world // History and modernity. Issue XXIII: annual edition / ed. by Safronov E. Moscow: IDV RAS, 2018. 392 p. (in Russian)

International experts positively assessed the results of the forum «One belt and one road» in Beijing 08.05.2019. URL: https://news.rambler.ru/other/42154117-mezhdunarodnye-eksperty-polozhitelno-otsenili-itogi-foruma-odin-poyas-odin-put-v-pekine/ (date of access: 14.12.2019). (in Russian)

Manukov S. One belt and one road, the clarification path and the extension zone // EurAsia Daily 03.05.2019. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/05/03/ odin-poyas-odin-put-utochnenie-puti-i-rasshirenie-poyasa (date of access: 14.12.2019). (in Russian)

The strategy of «The Economic belt of the silk road» and the role of the Shanghai cooperation organization. The materials of the round table / ed. by Matveev V. Moscow: Institute of Far Eastern studies RAS, 2016. 172 p. (in Russian)

Transit with a Chinese accent. 21.12.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2017/12/21/746034-tranzit-kitaiskim (date of access: 15.12.2019). (in Russian)

Where will the Silk Road lead Russia 27.04.2019. URL: https://newtvnews.ru/economics/2019/04/27/pan-ili-propal-kuda-zavedet-rossiju-shelkovyj-put/ (date of access: 16.12.2019). (in Russian)

国驻俄罗斯大使李辉：“一带一路”倡议开启中俄共同发展的新航程 = The Chinese Ambassador to Russia Li Hui: «The one belt – one road” Initiative opens a new path for the joint development of China and Russia. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1610935269955576597&wfr=spider&for=pc (date of access: 18.12.2019). (in Chinese)

2. Юго-Восточная и Южная Азия: в поисках ответов на глобальные вызовы

АСЕАН В «СМЕЛОМ ЦИФРОВОМ МИРЕ»

КАНАЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
ekanaev@hse.ru

ЛАСРО СИМБОЛОН
аспирант НИУ ВШЭ, сотрудник МИД Республики Индонезия
lasrosimbolon@yahoo.com

ШАТЕРНИКОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ
учебный ассистент НИУ ВШЭ
psshaternikov@edu.hse.ru

На фоне экспертных оценок деятельности АСЕАН и прогнозов вероятных тенденций ее развития отклик Ассоциации на вызовы, порожденные Четвертой промышленной революцией, приобретает исключительно большое значение. Оценивая достижения АСЕАН в «предцифровую» эпоху как основу ее политики по противодействию цифровым вызовам, авторы определяют степень нынешней и перспективной готовности Ассоциации эффективно управляться с ними. Выделяя исследование из числа большого количества работ о влиянии Четвертой промышленной революции на АСЕАН, авторы проводят следующую центральную мысль - основная уязвимость АСЕАН проистекает из взаимного наложения застарелых и нынешних проблем, что обусловило основную причину недостаточной готовности Ассоциации управляться с цифровыми вызовами, а не серьезность этих проблем как таковых. Научная новизна проведенного исследования состоит в выявлении оптимального средства снижения этой уязвимости. Выводы и рекомендации авторов по данному комплексу вопросов определяют научную уникальность исследования.

Ключевые слова: АСЕАН, цифровизация, безопасность, азиатско-тихоокеанское многостороннее сотрудничество, инициатива Пояса и Пути, Индо-Тихоокеанский регион, Россия.

ASEAN IN THE "BRAVE DIGITAL WORLD"

EVGENY KANAEV
Professor, NRU HSE, ekanaev@hse.ru

LASRO SIMBOLON
PhD Student, NRU HSE,
Official, Indonesian Foreign Ministry, lasrosimbolon@yahoo.com

PAVEL SHATERNIKOV
Teaching assistant, NRU HSE, psshaternikov@edu.hse.ru

As scholars review ASEAN's performance, as well as predict likely trends of its future development, the association's response to the challenges presented by the Fourth Industrial Revolution becomes crucial. Assessing ASEAN's pre-digital achievements as the foundation of its response to the emerging digital challenges, the authors specify the association's current and prospective readiness to effectively cope with them. As distinguished from numerous writings on the aftereffects of the Fourth Industrial Revolution for ASEAN, the central argument of the chapter is as follows. The key vulnerability of ASEAN's policy is the overlap of the long-standing and present ASEAN's shortcomings as the central reason behind its insufficient preparedness to face the digital challenges rather than the seriousness of these problems per se. The academic novelty of the research comes from distinguishing an appropriate remedy to decrease this vulnerability.

The actuality and the academic significance of the research stem from the authors' identification and analysis of issues critical for ASEAN's future evolution. Among these issues, the pivotal are prospects for the association to lose its digital sovereignty as a result of the intensifying Sino-American contradictions over the digital issues, the emergence of new imbalances between and within Southeast Asian states with negative implications for the ASEAN Economic Community. The aftereffects of the on-going digitalization of economic exchanges for ASEAN's multilateral dialogue platforms and initiatives in the economic and political-security sphere. The authors' findings on this set of issues, as well as their assessment, determine the academic originality of the paper.

Keywords: ASEAN, digitalization, security, Asia-Pacific multilateralism, Belt and Road Initiative, Indo-Pacific region, Russia.

Introduction

The new period of globalization marked by an exponential increase of information flows with the concomitant benefits and challenges presents the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) with serious policy

dilemmas. By its very definition, the "brave digital world" can expand ASEAN's possibilities to maintain the presently respectable rates of economic growth by exploring its new sources. But a deeper insight suggests that the same developments may well give the association strong reasons for concern rather than for optimism.

As the 2020 marks the year of realization of the ASEAN ICT Master-Plan and the middle point of ASEAN's journey between the ASEAN Community to 2015 and to 2025, in which the digital competitiveness is given special significance, an interim assessment of what the "brave digital world" means for the association is a timely and relevant exercise.

ASEAN in the Pre-Digital Era: What Was and Was Not Achieved

Declaring that in the realization of ASEAN's prospective plans to increase its digital competitiveness the previously developed foundation is an important prerequisite, the ups and downs of ASEAN's digital journey will be assessed from this starting point.

Regarding ASEAN's real achievements, the establishment of the ASEAN Community is of special significance. The importance of the ASEAN Economic Community (AEC) as part of the ASEAN Community project hardly stems from the advantages of the AEC itself as much work remains to be done even to make Southeast Asia a single market and a single production base as just one of the components of AEC to 2015, not to say about realizing the more ambitious goals of AEC to 2025. A more important factor is the weakness of other Asia-Pacific multilateral dialogue formats and initiatives, be it APEC, CPTPP or even the ASEAN-led prospective RCEP. As long as their prospects remain unclear, the AEC will remain the only de-facto existing multilateral initiative with relatively clear rules of cooperation.

No less significant ASEAN's asset is its political-security brainchild with positive economic aftereffects. Having developed the cooperative security system in the Asia-Pacific region – exemplified by the ASEAN Regional Forum, the ASEAN Defence Ministers Meeting Plus Eight and the East Asia Summit, – the Association has strengthened its credentials as a respectful Asia-Pacific actor. This allows the association to maintain a

relatively peaceful international milieu in Southeast Asia contributing to its economic and investment competitiveness.

Lastly but perhaps most importantly, the history of ASEAN amply demonstrates how an international actor can benefit from the virtues of the evolutionary regional order by fostering international cooperation premised upon inclusivity and neutrality. The most important competitive advantage of ASEAN is its ability to bring to the Asia-Pacific region the inclusive and neutral mode of cooperation. The latter is an important strategic asset that is behind the present relative insulation of the Asia-Pacific region from the unfolding "global entropy", which to a considerable extent has been made possible by the ASEAN-led institutions.

While the afore-discussed ASEAN's advantages are indisputable, its points of its vulnerability are no less serious.

Arguably, the most potentially dangerous threat is ASEAN's inability to create safety mechanisms against the negative aftereffects of globalization. The flows of capital are hampered by international sanctions, the free movement of people is accompanied by illegal migration, the information flows go hand-in-hand with the spread of fake news. In its turn, ASEAN lacks both institutional mechanisms for collective action and the capacities of its member states to manage these challenges.

With ASEAN's pronounced intention to strengthen its influence on the global development, the global processes demonstrate the same characteristics the association has been trying to eliminate in the Asia-Pacific region since the ASEAN-led cooperative security system was established. In the global realm, long-term and mutually beneficial projects are regularly sacrificed for the sake of short-term minor political profit – suffice it to mention implications of the anti-Russian sanctions for Russia's partners. From the ASEAN perspective, examples of the damage the anti-Russian sanctions inflict on the states of Southeast Asia are numerous[1]. On the whole,

[1] Вьетнам отметил негативное влияние санкций на сотрудничество с Россией // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20181029/1531726956.html (date of access: 25.12.2019); Филиппины сочли лицемерием угрозы санкций США за покупку оружия у России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b62d1a59a794740a8df2596 (date of access: 25.12.2019); ВВС Индонезии не исключили отказ от контракта на истребители Су-35 из-за санкций // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3797176 (date of access: 25.12.2019).

the ASEAN leaders disapprove of the present sanction-countersanction vicious circle exemplified mostly by China-US trade contradictions

The association is beset with the simultaneous rise of traditional and non-traditional security challenges in global politics. Their Asia-Pacific aftereffects are exemplified, among other developments, by systemic escalations of North Korea's nuclear and missile issue and the rise of ISIS threat in Southeast Asia. As long as the former is unresolved, for ASEAN the establishment of the Nuclear Weapons Free Zone in Southeast Asia remains a remote possibility. Regarding the latter, the ISIS is expanding its activity from the Middle East to other regions, among which Southeast Asia with its large Muslim population, deep-rooted separatist sentiments and indigenous groups linking separatism and terrorism, is a perfect destination. The Russian top military officials, including the Minister of Defense of the Russian Federation, assess the threat of terrorism in Southeast Asia as both real and growing[1].

In this complicated context, the association aims to increase its influence upon the global development. The globalizing problems of the Southeast Asian territorial domain requires global solutions. At the same time, ASEAN's attempts to explore the potential of intra-ASEAN cooperation, be it ASEAN Free Trade Area (AFTA), ASEAN Investment Area (AIA) and other multilateral initiatives, have reached the maturity level and demonstrated limited efficiency in developing cooperation with ASEAN's extra-regional partners. Among the latter, China's example is worthy of note. After the establishment of the China-ASEAN Free Trade Area (CAFTA) the association encountered a growing trade deficit (strongly magnified by China's mega-strategy the Belt and Road Initiative). Responding to this trend, the association has to incentivize its other extra-regional partners to increase trade and investment exchanges.

Contrary to ASEAN's expectations, however, the response of these partners has come in the form of a politicized project rather than a headlong rush to invest in Southeast Asia. The revitalization of the Indo-Pacific region with a clear anti-Chinese agenda may well marginalize the ASEAN-led venues of multilateral dialogue.

---

[1] Террористы расширяют присутствие в Юго-Восточной Азии – Шойгу // Регнум. URL: https://regnum.ru/news/2753819.html (date of access: 20.12.2019).

The challenges presented by the afore-discussed developments raise a logical question: to what extent has ASEAN developed the safety mechanisms of its policy which will assist the association in its journey to the "brave digital world"? Stating that the foundation is shaky at best, it is expedient to specify what this emerging reality means for the association.

ASEAN and the Digital Winds of Change

Outlining the influence of the presently evolving digitalization on ASEAN and its member states, the following points deserve distinguishing.

First, the global economy faces a kind of "productivity paradox", as the exponential increase in technological development is not accompanied by the commensurate rise of productivity. Technologically advanced solutions, like gaming, interactive advertising, on-line shopping etc., focus on consumption and entertainment rather than production. For the ASEAN states, this scenario leads to a serious crisis of values as it undermines the East Asian work ethics as a pivotal prerequisite for new economic success stories.

Second, the Fourth Industrial Revolution incentivizes the association to seriously revise its formats and initiatives of economic regionalism. The present regulatory frameworks of multilateral trade, be it the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), the General Agreement on Trade in Services (GATS) or the Agreement on Trade-related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement) were developed before the present digitalization of international trade. Accordingly, these frameworks do not grasp the present essence of digital products and services. This incentivizes the association to perform a double-edged task – to digitally support its multilateral economic initiatives and to upgrade their regulatory formats, both under serious time constraints.

Lastly, an increasingly worrying trend resulting from the on-going digital exchanges is a decrease of internal manageability in the Southeast Asian states. Among the noticeable developments, the so-called eco-chambers are noteworthy. The grass-root citizens subscribe to the media resources, including those that cover politicized issues on religion, ethno-separatism etc., which correspond to their preferences and ignore alternative sources

of information[1]. Apart from spreading fake news, this allows politicians to manipulate the public opinion during the election campaigns, as well as to mobilize, should the need arise, large masses of people to anti-government protests. Even more significant aftereffect for ASEAN member states is the rise of terrorist activity in the digital sphere. In the Internet, terrorists may carry out their illegal activities without the risk of imprisonment while crypto-currency and blockchain technologies can be used for financing acts of terrorism. Moreover, in the Internet the dissemination of extremist literature is easy as this can be done quickly and in great numbers.

A relatively new but critically important development is the politicization of the dialogue between ASEAN and its partners, mainly China and the United States, in the digital sphere. As China's and the US' mega-strategies the Belt and Road Initiative and the Indo-Pacific region further evolve, their digital components come into conflict ASEAN's interests.

China's Digital Silk Road as part of the BRI is premised upon Beijing's intention to set the standards of digital cooperation from both "hard" and "soft" infrastructure perspective. As China strengthens its positions in the international industrial cooperation, it expands the reach of its ICT solutions. A representative example is the railway that will connect Laos and China includes the ICT-services accounting for 3.67 million dollars[2]. Of equal, if not greater, importance is the supportive function of China's digital operating systems for the Chinese companies which expand its activity abroad and, by using the Alibaba Cloud and the data centers in other countries, have very few operating costs. This means that ASEAN's industrial sector will be naturally slipping into China's rules of digital game.

The security implications of the Digital Silk Road for ASEAN are also likely to be far-reaching. As Southeast Asia integrates in China's digital space, the aftereffects will range from the PRC's possibilities to manipulate information during the elections (for instance, at the electronic voting and the vote-count procedures) to gathering security-related information. If this

[1] *Tapsell R.* 2018 Echo Chambers and a Sectarian Public Sphere in Southeast Asia. ASEAN Focus. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocus%20Oct%202018.pdf (date of access: 27.12.2019).

[2] Four companies to provide ICT services for China-Laos railway // China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/11/content_27922745.htm (date of access: 28.12.2019).

scenario even partially materializes, the degree of ASEAN's vulnerability vis-à-vis China may well increase exponentially.

The US-ASEAN cooperation also includes the digital component. Of note is the US-ASEAN Cyber Dialogue. In the view of the US, ASEAN is a fast-growing market for digital services. The US-ASEAN Business Council estimates that there are 914 million active mobile connections in ASEAN, almost 1.5 times its population[1]. But the cyber-security remains underdeveloped, because of which in November 2019 the first session of the US-ASEAN cyber dialogue was convened[2]. The Indo-Pacific Region as the response to the BRI also has the digital narrative. Of note is the US' Free and Open Indo-Pacific Strategy is supplemented by the Digital Connectivity and Cyber-Security Partnership, launched in July 2018. Specifically, the initiative advocates the improvement of cybersecurity systems, since now the losses from their shortcomings cost the region $ 300 billion annually. Another problem is the weak development of cyber competencies. DCCP pledges to solve this problem but recognizes that in order to maintain the current growth rates, the region will have to invest $ 2.3 trillion by 2030 only in telecommunications[3]. Taking into account the politicization of the Indo-Pacific narrative, this means that the Sino-US contradictions are embracing the digital space.

ASEAN's Pains and Remedies

Considering all the developments outlined above, a timely question is what specific dangers ASEAN is exposed to, as well as what countermeasures it can adopt. Some observations are worthy of note.

Arguably, the association faces real prospects for losing its digital sovereignty (understood as ASEAN's own digital infrastructure and

[1] ASEAN's Digital Economy is Projected to Exceed $240 Billion by 2025 // US-ASEAN Business Council. URL: https://www.usasean.org/why-asean/digital-economy (date of access: 28.12.2019).

[2] *Parameswaran P.* What's Behind the New US-ASEAN Cyber Dialogue? // The Diplomat.URL:https://thediplomat.com/2019/10/whats-behind-the-new-us-asean-cyber-dialogue/ (date of access: 29.12.2019).

[3] Advancing digital connectivity in the Indo-Pacific region // USAID. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/USAID_DCCP_Fact_Sheet_080719f.pdf (date of access: 30.12.2019).

strong digital competences, as well as the ASEAN member states' ability to implement an independent policy in the internet in accordance with the international law), mostly as an aftereffect of the emerging Sino-US contradictions. In fact, the association is again being torn apart by China and the United States, this time along the digital lines, with prospects for digital bipolarity. While China and the US have repeatedly declared their intention to draw a line between their political contradictions and strengthen economic interdependence, including in Southeast Asia, does this priority extend to the digital sphere, and is the Sino-US technological interdependence possible? Or can it – by its definition – be nothing a "weaponized interdependence" at best?

Another potential threat for the association stems from prospects for new imbalances, both between and *within* (emphasis added – the authors) the Southeast Asian states. The Fourth Industrial Revolution entails large-scale social aftereffects, mainly a widening income gap, which will overlap with the deep-rooted social, ethnic and religious problems prevalent in Southeast Asia. If so, ASEAN will be unable to successfully develop regional integration as long as the processes of national integration are unfinished.

ASEAN's vulnerability is reinforced by potentially negative implications for ASEAN-led multilateral dialogue platforms on political-security issues. As China continues to build its own security system in Eurasia portraying itself as the exclusive provider of economic benefits, the ASEAN-driven multilateral venues are likely to slip into irrelevance.

For ASEAN, a core premise in tackling these problems comes from its readiness to perform a double-edged task. The association should increase the manageability of challenges it encountered before the present digital problems appeared and at the same time strengthen its digital capacity-building. Both tasks make ASEAN upgrade its relations with extra-regional partners.

But these partners should *simultaneously* (emphasis added – the authors) meet multiple criteria. As the confrontation between the Asia-Pacific big powers is rising, this partner should be willing to preserve the ASEAN-favored neutrality and inclusivity in "driving" the regional multilateral dialogue. As digitalization is a global phenomenon, this partner should be an established global power capable of shaping the global digital agenda. As ASEAN needs digital competences, this partner should respond to these

expectations. As the association is scared by the intentions of China and the US to obtain unilateral benefits at the expense of ASEAN, this partner should be free from such intentions.

Reiterating that these criteria should be met fully rather than partially, among ASEAN's array of external partners there is only one appropriate. This is the Russian Federation, which recently enhanced its relations with ASEAN to the level of Strategic Partnership. To make this relationship really strategic, as its name suggests, ASEAN and Russia should develop future-oriented, long-term and resourceful directions of cooperation. Arguably, the digital sphere offers the parties the best presently available option.

Conclusion

The digital stage of globalization with its political, economic and informational aftereffects is the "new normal" of international affairs while digital infrastructure and competences are the "new must-have" for international actors. For ASEAN striving to increase its global influence, this is especially relevant as it will specify on what terms the association will integrate in the global economy, politics and security.

ASEAN's response is complicated by numerous factors, as the association has only partially succeeded in making Southeast Asia an investor-attractive economic area. As the international milieu in which the association has to implement its policy becomes increasingly competitive, ASEAN has to act without the previously prepared assets. Actually, the ASEAN-led multilateral formats and initiatives, unable to digitally support ASEAN's prospective plans, as well as to ensure ASEAN's extra-regional partners in ASEAN's indispensability, are likely to present the association with new challenges.

To effectively cope with them, the association will have to revise its present mode of relations with dialogue partners. Among them, the Russian Federation, an established global power with unique digital competences and a long-standing trusted friend of the association, has ample changes to loom all the larger in ASEAN's present and future order of international priority.

АСЕАН В ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМА: МЕЖДУ ДВУМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВАМИ

ВУ Т. ЧАНГ
Институт Европейских исследований
Вьетнамской академии общественных наук
vuthuytrang@yandex.ru

ТЕРСКИХ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ
кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН
mikhail.terskikh@gmail.com

ДИНЬ М. ТУАН
Институт Европейских исследований
Вьетнамской академии общественных наук
tuaneu@gmail.com

В главе рассматривается АСЕАН как направление внешней политики Вьетнама в период между председательствами Ханоя в этой организации в 2010 и 2020 годах. Выявлены произошедшие за этот период во внешней среде изменения, повлиявшие на политику Ассоциации (рост соперничества между великими державами, обострение споров в Южно-Китайском море, рост протекционизма, рестрикционизма и национализма, нетрадиционных вызовов безопасности, включая изменения климата и т. д.), а также вклад Вьетнама в формирование ответа АСЕАН на них. Подробно изучены приоритеты Ханоя в период председательства в 2020 году – как декларируемые, так и практические.

На взгляд авторов, из-за обострения конкуренции между великими державами, которое может иметь серьезные последствия для Юго-Восточной Азии, нынешнее председательство Вьетнама становится поворотным моментом в истории АСЕАН. Осознавая существо проблем, с которыми сталкивается Ассоциация, вьетнамское председательство предлагает партнерам СРВ по АСЕАН и внешним игрокам повестку сотрудничества с отчетливой консолидирующей составляющей.

Новизна исследования проистекает из актуальности рассмотрения вероятных действий Вьетнама в качестве нынешнего председателя АСЕАН, в основе анализ связей между изменениями международной обстановки в Юго-Восточной Азии в период между 2010 и 2020 годами, ответными мерами АСЕАН их вьетнамской составляющей. В соответствии с такой аналитической парадигмой проводится детальная оценка приоритетов и направлений политики СРВ в период председательства в АСЕАН в 2020 году. Выводы по этим вопросам определяют практическую значимость и научную актуальность исследования.

Ключевые слова: Вьетнам, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, АТР, ИТР, Южно-Китайское море, безопасность, сотрудничество.

ASEAN IN VIETNAM'S POLICY: BETWEEN TWO CHAIRMANSHIPS

VU T. TRANG
Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences
vuthuytrang@yandex.ru

TERSKIKH MIKHAIL ANDREEVICH
Ph.D (political science), Institute of World Economy and International Relations, Russia
mikhail.terskikh@gmail.com

DINH M. TUAN
Institute for European Studies – Vietnam Academy of Social Sciences
tuaneu@gmail.com

The chapter examines the ASEAN direction in Vietnam's foreign policy between its chairmanships in 2010 and 2020 respectively. The international changes that occurred during this period and influenced on ASEAN's policy (the intensification of rivalry between the great powers, escalation of the South China Sea dispute, the growth of protectionism, restrictionism and nationalism, non-traditional security challenges including climate change, etc.), as well as its Vietnam's dimension in forming ASEAN's response, are thoroughly scrutinized. The SRV's priorities during its 2020 chairmanship – both declared and practical – are studied in detail.

The authors argue that owing to increased competition between the great powers with potentially disturbing implications for Southeast Asia, the on-going Vietnam's chairmanship becomes a crucial point in ASEAN's history. Grasping the challenges, the association has to deal with, as the present ASEAN chairman Vietnam offers its ASEAN partners, as well the external powers, an agenda of cooperation with a clear consolidating component.

The novelty of the study stems from a cutting-edge research of Vietnam's likely policy directions as the present ASEAN chairman, which is based on an analytical interlink between the changes of the international milieu in Southeast Asia between 2010 and 2020, ASEAN's remedial measures and their Vietnam perspective. In line with this analytical focus, a deep and nuanced assessment of the SRV's priorities and policy directions as the ASEAN's 2020 chairmanship is made. Findings on this set of issues add the practical relevance of the study and make it academically unique.

Keywords: Vietnam, ASEAN, South East Asia, Asia Pacific, Indo-Pacific, South China Sea, security, cooperation.

Introduction

The effective chairmanship in the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is considered by the leadership of the Socialist Republic of Vietnam (SRV) as one of the main foreign policy tasks for 2020. The mid-term review of the ASEAN Community Vision 2025 and the 25th anniversary of Vietnam's accession to the Association add urgency to this priority. The reputation aspect also matters – the election of Hanoi to the post of the non-permanent member of the UN Security Council for 2020-2021 and the SRV's chairmanship in ASEAN are convincing indicators of an increased role of the state on the regional and the global arena. To examine the ASEAN direction of Vietnam's policy between the previous (in 2010) and the on-going SRV's chairmanship in ASEAN becomes a timely and relevant exercise.

The chapter starts from a review of international context in Southeast Asia between 2010 and 2020. Then it turns to examining Vietnam's contribution to ASEAN's policy to cope with the emerging challenges. The priorities of Vietnam's on-going ASEAN chairmanship are considered through the prism of these developments. The conclusion summarizes the main findings of the study.

A Decade of Changes

Between two Vietnam's chairmanships, Southeast Asia has seen profound international changes. In 2010, the region and the world had barely recovered from the global financial crisis. ASEAN's policy demonstrated that in a critical situation, the ten states prefer to act separately rather than collectively[1]. This, in turn, decreased ASEAN's ambitions to solidify its status of the driving force of the Asia-Pacific. From the Vietnam perspective, a task to confirm the validity of the Association's ambitions, as well as to provide ASEAN with a new reputational value, was pressing. On the whole, that task was fulfilled. The main results of Vietnam's chairmanship included

[1] *Kanaev E. A., Kurilko A. E.* Yugo-Vostochnaya Aziya v usloviyah mirovogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa (South East Asia in the context of the global financial and economic crisis – in Russ.) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2010, No 2. P. 38–46.

the expansion of the East Asia Summit through the accession of Russia and the United States and the launch of the ADMM Plus format.

Vietnam's 2010 chairmanship saw Washington's involvement in the South China Sea issue, including the Sino-American polemics at the ASEAN Regional Forum[1]. These moves were welcomed by Vietnam and a number of ASEAN states seeking the US' support in opposing the PRC[2].

Significant progress has been achieved in relations between ASEAN and its extra-regional partners. Specifically, the involvement of non-ASEAN countries in the regional affairs has radically changed – some of them actually started to set the tone for the evolution in Southeast Asia. China launched the Belt and Road Initiative, which aims to provide large-scale financial injections into ASEAN countries focusing on, but not limited to, the development of their infrastructure. Japan responded by the "Partnership for Quality Infrastructure" (hinting at the "poor-quality" Chinese), further politicizing economic cooperation. The US Republican Administration brought a second wind to the Quadrilateral Defense Cooperation (Quad) (USA, Japan, India, Australia) and introduced the "Indo-Pacific" narrative. Simultaneously, Washington created the "Blue Dot Network", with the focus upon the infrastructure development. Lastly but importantly, extra-regional actors intensified their polities, from both substantial and institutional perspective, in the Mekong River basin.

As for the South China Sea, the assertiveness of Beijing in the maritime area did not weaken. The issue is perceived as one of the most important regional security challenges, while the international pressure on the PRC over it also increased radically.

In the economic sphere, a trend toward protectionism and a wider use of non-market regulatory methods has become widespread in the international politics. This could not but alert ASEAN, because the success of the export-oriented economies of its member states countries crucially depends on the free access to the external markets.

---

[1] Hillary Clinton Changes America's China Policy // Forbes, July 28, 2010. URL: https://www.forbes.com/2010/07/28/china-beijing-asia-hillary-clinton-opinions-columnists-gordon-g-chang.html#16e70ceb50c7 (date of access: 24.03.2020).

[2] Vietnam, the US, and Japan in the South China Sea // The Diplomat, November 26, 2014. URL: https://thediplomat.com/2014/11/vietnam-the-us-and-japan-in-the-south-china-sea/ (date of access: 24.03.2020).

In general, the involvement of non-ASEAN countries in Southeast Asian affairs has increased while the launch of competing mega-projects has become a disturbing development for the Association. The initiatives of the great powers objectively began to "outweigh" ASEAN projects. The aftereffect is a decrease in the importance of ASEAN dialogue platforms, undermining ASEAN's neutrality and central role in the Asia-Pacific multilateral cooperation. Lastly but importantly, understanding the complexity of intra-ASEAN processes, some non-regional players increasingly began to develop cooperation with individual ASEAN member states rather than with ASEAN as an international actor, which further intensified downward trends in the association.

At these complicated crossroads, ASEAN is forced to act very carefully. Though ASEAN was virtually unable to develop an effective approach that could consolidate the interests of great powers, it has not lost the role of a central negotiating platform in the region. In the context of the changes that have taken place over the past decade, this is an achievement in itself. And although the Association was unable to elaborate on instrumental links between its prospective plans and the Belt and Road Initiative, it was able to formulate its Indo-Pacific Vision[1], which is also notable success.

In the economic sphere, due to the different level of economic development of its member countries, ASEAN could not ensure completely free movement of goods, services and capital in Southeast Asia. At the same time, the establishment of the ASEAN Economic Community has spurred the launch of specific projects to strengthen infrastructure interconnectivity.

These factors suggest that the association has been relatively successful in coping with the decade-long challenges and associated risks which have been steadily rising. At this juncture, the role of chairmanship of a specific country, in terms of both its priorities and possibilities to translate them into reality, comes to the fore.

[1] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // Association of Southeast Asian Nations, June 23, 2019. URL: https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/ (date of access: 24.03.2020).

The Vietnam Perspective

Since 2010, Vietnam has been one of the most active ASEAN member countries in promoting the maintenance of ASEAN's internal solidarity, regional resilience, common values, standards of conduct, as well as strengthening its central role in the Asia-Pacific multilateralism.

Beside the already discussed expansion of the EAS and the launch of ADMM Plus, Hanoi continued to engage non-regional partners in the dialogue in order to keep the Southeast Asian security challenges manageable. For example, Vietnam promoted ASEAN joint maritime drills with China in 2018 and with the United States in 2019. In the same strain, Hanoi is likely to make efforts to conduct similar drills with Russia in the year of its chairmanship[1].

On the South China Sea issue, Vietnam's policy aimed to achieve a consensus within ASEAN, as well as between ASEAN and its extra-regional partners. As a result, in May 2014, the foreign ministers of ASEAN issued a separate Statement on the South China Sea, for the first time since 1992[2].

The results of Vietnam's involvement in the economic regionalism are dubious. In line with creating a network of free trade agreements with partners around the world, Hanoi, although it has markedly increased the volume of trade with nine partners in the Association, in percentage terms the ASEAN contribution to Vietnam's foreign trade decreased from 18.1% to 11.3%, while the share of the East Asia Summit countries increased from 71.6% to 75% (See Table 1). But as practice demonstrates, for extra-regional states an FTA regime with Vietnam often becomes the first step for launching negotiations between non-regional partners with other ASEAN states and eventually for concluding an FTA with the Association.

---

[1] Rossiya i ASEAN aktivno prorabatyvayut ideyu sovmestnyh uchenij VMS (Russia and ASEAN are actively working on the idea of joint naval exercises – in Russ.) // RIA Novosti, February 14, 2020. URL: https://ria.ru/20200214/1564687761.html (date of access: 21.03.2020).

[2] ASEAN Foreign Ministers' Statement on the Current Developments in the South China Sea // Association of Southeast Asian Nations, May 10, 2014. URL: https://www.asean.org/storage/images/documents/24thASEANSummit/ASEAN%20Foreign%20Ministers%20Statement%20on%20the%20current%20developments%20in%20the%20south%20china%20sea.pdf (date of access: 21.03.2020).

Table 1. VIETNAM'S TRADE WITH EAS STATES IN 2009 AND 2019[1]

		2009			2019		
		Export, mln USD	Import, mln USD	Trade volume, mln USD	Export, mln USD	Import, mln USD	Trade volume, mln USD
1	Brunei	8	2	10	67	177	244
2	Cambodia	1 147	186	1 333	4 362	901	5 263
3	Indonesia	748	1 546	2 294	3 369	5 703	9 072
4	Laos	169	249	418	701	462	1 163
5	Malaysia	1 682	2 505	4 187	3 789	7 291	11 080
6	Myanmar	34	65	99	721	232	953
7	Philippines	1 462	498	1 960	3 730	1 577	5 307
8	Singapore	2 076	4 248	6 324	3 198	4 091	7 289
9	Thailand	1 266	4 514	5 780	5 272	11 656	16 928
10	Australia	2 277	1 050	3 327	3 495	4 455	7 950
11	China	4 909	16 441	21 350	41 414	75 452	116 866
12	India	420	1 635	2 055	6 674	4 538	11 212
13	Japan	6 292	7 468	13 760	20 412	19 526	39 938
14	Korea	2 065	6 976	9041	19 720	46 935	66 655
15	New Zealand	71	250	321	543	553	1 096
16	Russia	415	1 415	1 830	2 667	1 826	4 493
17	USA	11 356	3 009	14 365	61 347	14 365	75 712
	…						
	TOTAL	**54 645**	**68 898**	**123 543**	**259 320**	**249 136**	**508 456**
	ASEAN (share)	8 592 (15,7%)	13 813 (20%)	22 405 (18,1%)	25 209 (9,7%)	32 090 (12,9%)	57 299 (11,3%)
	EAS States (share)	36 397 (66,6%)	52 057 (75,6%)	88 454 (71,6%)	181 481 (70%)	199 740 (80,2%)	381 221 (75%)

Increased investment from both ASEAN and EAS members in Vietnam's economy deserves mentioning. While in 2009 the USA ($9.8 billion), Cayman Islands ($2.2 billion) and Samoa ($1.7 billion) were leaders in terms of registered FDI, ten years later the list of major investors looked like this: the Republic of Korea ($7.9 billion), Hong Kong ($7.9 billion), Singapore ($4.5 billion), Japan ($4.1 billion), China ($ 4.1 billion)[2].

In general, Vietnam's contribution to ASEAN is more conspicuous in the political rather than in the economic sphere. Primarily, this is predetermined by objective constraints, mainly in the infrastructure development and the institutional spheres, the ASEAN connectivity narrative is encountering. Also, in the short-term perspective for Vietnam to promote economic

[1] The authors' calculations based on the statistics provided by the General Department of Vietnam Customs, URL: https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/Default.aspx (date of access: 21.03.2020).

[2] Tình hình thu hút đầu tư nước ngoài năm 2019 (Foreign Direct Investments in 2019 – in Viet.) // FIA Vietnam, January 7, 2020, URL: https://dautunuocngoai.gov.vn/tinbai/6318/Tinh-hinh-thu-hut-dau-tu-nuoc-ngoai-nam-2019 (date of access: 21.03.2020).

cooperation with non-ASEAN partners is likely to be more profitable than within ASEAN. At the same time, the Association will remain the key SRV's foreign policy direction as it finds the strongest resonance with Vietnam's long-term interests.

Assessing SRV's 2020 Priorities

This year, Vietnam intends to significantly increase ASEAN's international stature. The attention is focused on ASEAN internal development issues with an emphasis on the strategic goal – the formation of the three-pillar integrated Community. As the leadership of the country has repeatedly emphasized, Hanoi will continue to build on the achievements of previous chairmanships and implement the tasks set in the "ASEAN Community Vision 2025" [1].

The slogan of the Chairmanship is "Cohesive and responsive", which, along with even greater solidarity of ASEAN member countries, also implies an increase of resistance to the regional and global challenges, and the ability to capitalize on the emerging opportunities.

In this context, the Vietnamese Chairmanship identified the following priorities:

1. Increasing the Association's contribution to maintaining peace, security and stability in the region by strengthening intra-ASEAN solidarity and unity, mutual support, coordination of positions on regional and international issues.

2. Deepening interconnectivity and economic integration – both within the Association and with external partners. Enhancing the ability to adapt to the changes brought about by the Fourth Industrial Revolution.

3. Strengthening the ASEAN identity through the formation of common values, increasing the awareness of the population about ASEAN, promoting the image of the ASEAN Community.

4. Development of the Association's global ties in the interests of peace, stability and sustainable development. Increasing contribution to

[1] Keynote speech by PM Nguyen Xuan Phuc at launching ceremony of VN's 2020 ASEAN Chairmanship // Online Newspaper of the Government, January 6, 2020. URL: http://news.chinhphu.vn/Home/Keynote-speech-by-PM-Nguyen-Xuan-Phuc-at-launching-ceremony-of-VNs-2020-ASEAN-Chairmanship/20201/38445.vgp (date of access: 21.03.2020).

the formation of a new regional and global architecture, as well as rules of conduct.

5. Expanding the institutional capacities and effectiveness of ASEAN through appropriate reforms, improvement of existing and creation of new standards[1].

Considering the present-day international milieu in Southeast Asia and beyond, Vietnam is not interested in increasing tensions in the South China Sea, which means it is unlikely to initiate any new anti-Chinese step (which, however, does not mean that Hanoi will not respond to possible provocations of Beijing). An ideal option for Hanoi is to maintain the balance achieved earlier, to avoid new contradictions, and to complete the second reading of the draft Code of Conduct. In a similar vein, the Vietnamese presidency will apparently adhere to a cautious approach to other regional issues, in particular the Rohingya problem in Myanmar.

In the context of the promotion of diverse Indo-Pacific strategies by non-regional countries, as well as the actual consolidation of "Indo-Pacific" terms in the regional political vocabulary, it is unlikely that the Vietnamese chairmanship will be free from these geographical neologisms. Consequently, Hanoi will probably continue to promote the ASEAN's "Indo-Pacific Outlook". This allows the association, on the one hand, not to go against the present-day political mainstream, and on the other, to defend its own agenda.

Importantly, from the multilateral perspective Hanoi has ample chances to repeat its ten-year old success story. This can be achieved both by inviting new non-regional partners into ASEAN-led discussions in various statuses, and by intensifying contacts with ASEAN's existing dialogue partners.

Vietnam also plans to make the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) one of the main achievements of its chairmanship – with or without India. This was repeatedly stated by the leadership of the Ministry of Industry and Trade responsible for this project, emphasizing that it would do everything possible to sign the document in 2020[2].

---

[1] ASEAN Chairmanship 2020: For a cohesive and responsive ASEAN // Viet Nam News, January 13, 2020. URL: https://vietnamnews.vn/politics-laws/571038/ asean-chairmanship-2020-for-a-cohesive-and-responsive-asean.html (date of access: 24.03.2020).

[2] RCEP – important milestone in Vietnam's international economic integration process // Ministry of Industry and Trade, 08.11.2019. URL: https://moit.gov.vn/ web/web-portal-ministry-of-industry-and-trade/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/rcep-important-milestone-in-vietnam-s-international-economic-integration-process-16986-1311.html (date of access: 21.03.2020).

Finally, Vietnam will increase ASEAN's capacity to grasp the demands of the "Fourth Industrial Revolution". Specifically, the emphasis will be placed on introducing the smart cities technologies and bridging the gaps between the digital development of ASEAN member states. Problems like the aftereffects of climate change, the salinization of soils in the Mekong Delta, plastic garbage, etc., will also be reflected.

In general, Hanoi will focus on decreasing the seriousness of challenges the Association is currently encountering. Among them, the most important are the remaining lack of ASEAN unity and prospects for rivalry in the regional and global international milieu. At the same time, Vietnam expects to receive serious reputation benefits, both through demonstrating its increased influence, and through finalizing ASEAN's long-standing mega-projects, first and foremost, the RCEP.

Conclusion

Over the past decade, the regional and the global milieu have seen an increased competition between the great powers with troublesome aftereffects on Southeast Asia. This incentivizes the Association and Vietnam as its present chairman, to implement a smart and nuanced policy in order to balance interests of all the parties on the regional chessboard.

For Vietnam, ASEAN is and will possibly remain the key foreign policy direction as the association plays an indispensable role in promoting Vietnam's interests from the substantial, institutional and reputational perspective. If so, Hanoi will make every effort to strengthen ASEAN solidarity and central role in the Asia-Pacific multilateralism.

So far, Vietnam has chaired ASEAN three times, and each chairmanship fell to the critical period for the history of the association. The 1998 chairmanship was amid ASEAN's policy to cope with the aftereffects of the Asian financial and economic crisis, while the 2010 and 2020 chairmanships marked ASEAN's attempts to keep the South China Sea issue and the outbreak of COVID-19 pandemics in a manageable state. Among other tasks, for the association it presupposed strengthening ASEAN's internal unity and ASEAN's positions in the Asia-Pacific multilateral dialogue platforms. The extent of Hanoi's ability to deal with these tasks during its present chairmanship will largely shape the future evolution of the association.

ВЬЕТНАМ МЕЖДУ США И КИТАЕМ[1]

МОСЯКОВ ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ
доктор исторических наук, профессор, руководитель центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения РАН»
mosyakov.d@gmail.com

ШПАКОВСКАЯ МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»
m.shpakovskaya@gmail.com

Данная статья посвящена анализу проблем выбора пути политического развития и геополитической ориентации стран Юго-Восточной Азии в условиях глобальной трансформации международных отношений. Этот вопрос выбора стоит сегодня перед странами региона в целом и отдельными государствами в частности.

В этом отношении, современный Вьетнам, учитывая его выгодное геополитическое положение, поступательное экономическое развитие, наличие одной из сильнейших армий в Азии, занимающий прочные позиции среди стран АСЕАН и в регионе в целом, оказался в поле столкновения интересов США и Китая. В этом отношении борьба за влияние во Вьетнаме может иметь судьбоносный характер для расстановки сил в регионе в целом.

Свое влияние США наращивают сразу по нескольким направлениям, в том числе это и работа с молодежью (прежде всего программы в области высшего образования), попытки проникновения во все сферы общественной жизни, в первую очередь политической. Одновременно и Китай поддерживает тесные связи между компартиями двух стран, активно наращивая экономическое сотрудничество. Особенно активно торговля ведется в приграничных районах, реализуя тем самым инициативу «Два экономических коридора – один пояс», принятую еще в 2004 г. Авторы отмечают, что развитие отношений с Россией во всех областях приобретает особо важное значение, главным образом, за счет развития доверия и партнерства, которые исторически сложились между двумя странами.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, АТР, АСЕАН, Вьетнам, Китай, США, Россия, интеграционные проекты АТР, восточный Индокитай.

---

[1] Статья написана в рамках гранта РФФИ 20-514-92001 ВАОН – по теме «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

VIETNAM BETWEEN THE USA AND CHINA

This article analyses the problems of choosing a way of political development and of geopolitical orientation of the countries of Southeast Asia in the context of the global transformation of international relations. Today the question of choice is relevant for the region and for the countries in particular.

Modern Vietnam has found itself in the field of conflict of interests of the United States and China. The reason is the geopolitical position, a sustained economic development, one of the strongest armies of Asia, a strong position among ASEAN countries and in the region. The struggle for influence in Vietnam can be crucial for the strategic equation in the region.

The United States is building up influence in several areas at once, including work with young people (primarily higher education programs), attempts to penetrate all spheres of public life, primarily political one. At the same time China maintains close ties between the communist parties of both countries, actively building up economic cooperation. Trade is very active especially in the border areas, implementing the initiative "Two economic corridors - one belt", adopted in 2004. In such conditions, the article draws attention to the fact that the development of relations with Russia in all areas is very important, based on relations of mutual trust and partnership that have historically developed between the two countries.

Keywords: Vietnam, China, USA, Russia, Asia-Pacific integration projects, Indo-Pacific region, ASEAN.

Введение

В условиях глобальной трансформации, которая происходит сегодня на пространстве тихоокеанской и индо-тихоокеанской Азии, перед многими странами этого огромного региона остро стоит проблема выбора пути их политического развития и геополитической ориентации. Особенно остро этот вопрос стоит сегодня перед странами Юго-Восточной Азии, которые находятся как бы на распутье – ориентироваться больше на Китай в рамках азиатско-тихоокеанских интеграционных проектов или же активно участвовать в проекте Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) вместе с американцами. Это сложный вопрос, который стоит сегодня и перед странами региона в целом и отдельными государствами в частности. Никто не хочет однозначно делать этот выбор и переходить на ту или иную сторону, все стараются выждать и посмотреть, как дальше будет развиваться соперничество двух сверхдержав [Колдунова, 2019. С. 42].

Именно такую политику мы можем наблюдать в сегодняшнем Вьетнаме, который рассматривается обеими конфликтующими сторонами как особо ценный и важный потенциальный союзник и фактически превратился в поле столкновения интересов США и Китая.

Методология

Данное исследование базируется на тщательном анализе как внешнеполитических, так и внутриполитических процессов, происходящих во Вьетнаме. В ходе исследования в рамках исторического подхода были применены методы описания происходящих явлений, их сопоставления и последующего анализа.

Теоретической основой данного исследования послужили работы европейских, американских и российских историков и политологов, специалистов по международным отношениям, среди которых особое место занимают труды А. Торкунова, М. Капицы, Я. Стори, С. Хантингтона, З. Бжезинского, М. Армакоста.

В данной работе ключевое понятие баланса интересов рассматривается как знаковый символ политического противостояния двух сверхдержав вокруг Вьетнама, как определенная сложная многоуровневая система, имеющая постоянную угрозу к саморазрушению. При этом анализ баланса интересов проводится в рамках как внешнеполитической парадигмы, так и ключевых внутриполитических событий, влияющих и во многом определяющих весь комплекс отношений в треугольнике США–Китай–Вьетнам.

Основные результаты

Причин того, что именно Вьетнам оказался в центре противостояния двух великих держав, немало: это и географическое расположение страны в южном подбрюшье Китая, и значительная численность населения, и несомненные экономические успехи, и, наконец, наличие одной из сильнейших в Азии армий. Кроме того, Вьетнам крайне влиятелен и в АСЕАН и в Восточном Индокитае, где он традиционно тесно связан и с Камбоджей, и с Лаосом. Определенный вьетнамский выбор может самым серьезным образом повлиять на всю международ-

ную архитектуру в ЮВА и поэтому борьба за симпатии вьетнамского руководства носит в полном смысле тотальный характер. Суть этого заключается в том, что она разворачивается не только применительно к внешнеполитическому курсу Вьетнама и выбору им основного внешнеполитического партнера, но еще и внутри страны, где и США и Китай рассчитывают заручиться поддержкой определенных социальных групп, симпатизирующих им и способных оказывать давление на власть в ту или иную сторону. Так, например, многочисленная вьетнамская интеллигенция отдает в целом свои симпатии США, с которыми связывает идеи глубоких политических перемен – гражданских свобод, демократии, возможности создавать новые политические партии и проводить демократические выборы. В то же время очевидно, что значительная часть правящей вьетнамской элиты в рядах Компартии и особенно на провинциальном уровне относится к этим устремлениям интеллигенции с большим недоверием и в целом поддерживает выбор в пользу Китая. Эти люди уверены, что американцы были и будут врагами Вьетнама. В своей политике США, привлекая на свою сторону Вьетнам, стремятся реализовать собственные цели, которые во многом не совпадают с национальными вьетнамскими. Они указывают, что, несмотря на существующие противоречия в отношениях с Китаем относительно принадлежности островов Парасельских и Спратли и границ в Южно-Китайском море, Китай остается главным другом Вьетнама и что не надо забывать, что именно Пекин оказал огромную помощь Вьетнаму в войне за независимость против французских колонизаторов и в отражении агрессии США в 1960–1970-е годы.

Следует отметить, что за последнее время борьба за вьетнамский выбор приобрела особую интенсивность. За один только 2018 год в эту страну дважды приезжал тогдашний министр обороны США Джеймс Мэттис. В Ханое этот американский политик сделал довольно своеобразное заявление о том, что Вьетнам является для Америки «страной-единомышленником», то есть признал его демократическим государством примерно на том же уровне, что и Индия, Австралия и Япония, которые тоже называются «странами-единомышленниками». Госсекретарь США М. Помпео находился с визитом в Ханое в феврале 2019 года, где он встретился с министром иностранных дел Вьетнама, вице-премьером страны Фам Бинь Минем. Во время этой встречи

М. Помпео отметил, что США вместе с Вьетнамом ведут «совместные усилия по продвижению мира, безопасности и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе»[1]. Если вспомнить визит Дж. Мэттиса в ноябре 2018 г., то нельзя не отметить легкость, с которой американцы переквалифицировали Вьетнам из коммунистического и тоталитарного государства в страну-единомышленника. Визит Дж. Мэттиса проходил в рамках продвижения положений стратегий международной безопасности и международной обороны администрации Дональда Трампа, в которых Вьетнаму уделяется важное место в сети оборонного сотрудничества в регионе [Локшин, 2019. С. 58]. Во время своего визита, Дж. Мэттис проводил переговоры с вьетнамским руководством по вопросам укрепления двустороннего сотрудничества в области обороны, расширения обмена в военно-морских силах, направленных на укрепление своих позиций в регионе, что является одним из важнейших направлений политики США в этом регионе[2]. В июне 2019 года Пентагоном был опубликован стратегический доклад «Индо-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети», который можно рассматривать как часть общей военно-политической стратегии США на ближайшее будущее. В этом докладе Пентагона Индо-Тихоокеанский регион отнесен к приоритетному театру обороны США, а Соединенные Штаты объявляются «тихоокеанской нацией», «связанной с соседями по Индо-Тихоокеанскому региону через неразрывные узы общей истории, культуры, торговли и ценностей». Для достижения безопасности, сдерживания и победы в Индо-Тихоокеанском регионе Вашингтону требуется военно-политическое объединение под руководством США с набором союзников и партнеров[3].

Вот что означает политическая целесообразность, когда страна, где власть мало чем отличается от соседнего Китая, записывается чуть ли не в защитника демократии. Что еще более любопытно, так это то,

---

[1] Помпео встретился с главой МИД Вьетнама в преддверии саммита США–КНДР в Ханое. Режим доступа: URL: https://www.swissinfo.ch/rus/ (дата обращения: 03.03.2019).

[2] Иносми. Россия сегодня. Режим доступа: URL: https://inosmi.ru/politic/20181101/243658607. html (дата обращения: 25.03.2019).

[3] Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: доклад Пентагона. Режим доступа: URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/strategiya-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione- doklad-pentagona (дата обращения: 21.09.2019).

что в США практически никто не возразил шефу Пентагона. В такой позиции американских верхов и их взглядов на ситуацию в ЮВА то ли здесь больше самообмана, то ли в Вашингтоне уже готовятся к тому, что демократизация во Вьетнаме усилиями сотен неправительственных структур, связанных с США, проникших буквально во все сферы общественной жизни, продвигается настолько позитивно, что дрейф Вьетнама в правильном с точки зрения американцев направлении неизбежен.

По официальным данным, 30 тыс. вьетнамцев проходят обучение в Соединенных Штатах. Новый вьетнамский университет имени Фулбрайта, который осенью 2017 года принял первую когорту студентов, позволяет вьетнамцам получить уже внутри Вьетнама независимое образование мирового уровня. Более 21 тыс. граждан СРВ являются участниками инициативы «молодые лидеры Юго-Восточной Азии» [Соколов, 2017. С. 219–220][1]. Соединенные Штаты и Вьетнам подписали соглашение о создании Корпуса Мира в 2016 году. Все это очень важные точки американского влияния, рассчитанного на будущее. Но уже сегодня есть определенные основания для предположений о будущем вьетнамском выборе – в качестве примера можно привести тот факт, что Вьетнам был одним из первых в регионе, кто выразил готовность войти в число «стран-основателей» Транстихоокеанского партнерства, в котором США должны были играть ключевую роль[2].

В то же время очевидно, что Вьетнам будет стремиться всеми силами оттягивать неизбежный выбор, стремясь максимально получать и от США, и от Китая. Идет очень сложная игра, направленная на то, чтобы всячески сбалансировать вьетнамскую политику, причем не только вовне, но и внутри, чтобы продолжать сохранять дружеские контакты как с Вашингтоном, так и с Пекином. В этой связи представляется, что в Вашингтоне сегодня явно переоценивают готовность Вьетнама к более тесному сотрудничеству с США. В этом смысле показателен пример событий, которые произошли уже после визита

[1] Вьетнам занимает 6-е место в мировом рейтинге более чем с 21 000 студентов, поступивших в американские колледжи и университеты в прошлом году // Вьетнам сегодня. Режим доступа: URL: https://asia-vietnam.ru/news-category/vietnam-lidiruet-v-yugo-vostochnoy-azii-po-chislu-studentov-v-ssha/ (дата обращения: 21.10.2019).

[2] Вьетнам и многое другое. Форумы Нят-Нам.ру. Режим доступа: URL: http://www.nhat-nam. ru/forum/viewtopic.php?t=1745 (дата обращения: 10.09.2019).

Дж. Мэттиса во Вьетнам в 2018 г. Следует отметить, что с вьетнамской стороны по итогам визита никаких заявлений о «крепком оборонном сотрудничестве» и об «общих интересах в Южно-Китайском море», о чем говорил Мэттис сделано не было.

Более того, после переговоров с американским министром обороны вьетнамский военный министр, генерал Нго Суан Лить отправился с визитом дружбы и сотрудничества в КНР, где на Сянщанском форуме по вопросам безопасности заявил, что «страны АСЕАН расширяют всеобъемлющее сотрудничество с Китаем во имя мира стабильности, дружбы и процветания [Мосяков, 2019. С. 191].

Так что надежды американских политиков на то, что вьетнамцы могут вот-вот встать в один ряд с американцами против Китая, объективной реальности не соответствуют. Скорее будет другое: если вьетнамцы и будут принимать участие в проекте ИТР, то присоединятся они к нему не отдельно, а примкнут к общей позиции стран АСЕАН. А эти страны, как известно, после довольно долгих колебаний заявили, что готовы войти и участвовать в ИТР, но только на своих собственных условиях.

Этот вывод становится еще более весомым, если проанализировать некоторые аспекты китайско-вьетнамских отношений. В этом случае мы увидим, что начиная с 2004 года Пекин, обогнав Японию, прочно удерживает позиции крупнейшего торгового партнера Ханоя. За менее чем четверть века взаимный товарооборот увеличился в несколько тысяч раз – с 38 млн. долл. США в 1991 году до 66,6 млрд. долл. в 2015 году.[1] В этот период определенных качественных изменений претерпела номенклатура вьетнамского экспорта (17,1 млрд. долл. в 2015 году) – первую строчку удерживает электроника и вычислительная техника, однако в общем объеме по-прежнему доминирует сельхозпродукция и сырье – пряжа, овощи и фрукты, маниока, рис, сырая нефть и т. д. Основу китайского импорта (49,5 млрд. долл. в 2015 год) составляют преимущественно товары с высокой добавленной стоимостью – станки и оборудование, телефоны и электроника, металлопрокат, нефтепродукты. Координация двусторонней кооперации в данной сфере находится в ведении Вьетнамо-Китайской межправительственной ко-

[1] HAY QUAN VIET NAM. Сайт Главного таможенного управления СРВ. Режим доступа: URL: https://www.customs.gov.vn/default.aspx (дата обращения: 03.12.2019).

миссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Необходимо отметить, что Китай активно развивает торговые отношения с другими странами АСЕАН, активно создавая логистические и инфраструктурные потоки, вовлекая в инновационные проекты, привлекая торгово-инвестиционный капитал, создавая тем самым зависимость в сфере международной политики [Мосяков, Шпаковская, 2018. С. 7].

Наиболее интенсивно развивается кооперация Вьетнама с прилегающими регионами Китая – провинцией Юньнань и Гуанси-Чжуанским автономным районом. Последовательно реализуется утвержденная руководством двух стран еще в 2004 г. инициатива «Два экономических коридора – один пояс», нацеленная на расширение сотрудничества соседних областей, улучшение торгово-экономических отношений между двумя государствами в целом. Первый коридор – север–юг из центра провинции Юннань города Куньмина через вьетнамскую провинцию с центром в Лаокае к Ханою и Хайфону и к провинции Куангнинь; второй – китайский г. Наньнин (Гуанси-Чжуанский АР), Лангшон, Ханой, Хайфон. «Тонкинский экономический пояс» включает в себя 14 северовьетнамских провинций и три китайские административные единицы (Гуанси-Чжуанский АР, провинция Гуандун, островная провинция Хайнань)[1].

Эта конкретная программа по интеграции приграничных районов предусматривает также меры по совершенствованию и увязке в единую сеть приграничной инфраструктуры, упрощение таможенных формальностей и процедур, активизацию контактов между предпринимателями путем проведения различных выставок, ярмарок и презентаций. При этом параллельно реализуется еще одна программа сотрудничества, которая в китайской прессе называется как концепция «одна ось, два крыла» (под «осью» подразумевается Гуанси-Чжуанский АР, «два крыла» – субрегион Большого Меконга и пояс вдоль Тонкинского залива), предполагающая интеграцию с рынками Юго-Восточной Азии южных провинций КНР, прежде всего в контексте работы зоны свободной торговли Китай–АСЕАН [Терских, Нархова, 2016. С. 126].

[1] Финансовый обзор: торгово-экономическое сотрудничество Китая и Вьетнама углубляется. Режим доступа: URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959293.htm (дата обращения: 02.11.2019).

В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на высокие показатели, вьетнамо-китайское взаимодействие в торгово-экономической сфере характеризуется значительным дисбалансом в пользу КНР, который из года в год только увеличивается (отрицательное сальдо в торговле с Пекином в период с 2002 по 2015 г. выросло в 20 раз и достигло 32,4 млрд. долл.). Вьетнамские эксперты отмечают растущую зависимость от торговли с КНР, доля которой во внешнеторговом обороте СРВ составляет почти 20%, в то время как у Пекина аналогичный показатель менее 1,5%. Китайские товары составляют около 30% от общего объема продукции, поставляемой на вьетнамский рынок, при этом их доля ежегодно растет – так, в 2010 г. она составляла менее 24% [Терских, Нархова, 2016. С. 128].

Другой серьезной проблемой является ограниченность географии вьетнамского экспорта, сконцентрированного преимущественно на южнокитайских районах. Существенный фактор, препятствующий, по мнению аналитиков, гармоничному развитию кооперации, – нестыковка инвестиционных и технологических интересов КНР с планами по модернизации экономики СРВ. Пекин нацелен прежде всего на подключение к разработке на территории Вьетнама месторождений полезных ископаемых с последующим вывозом сырья на переработку. Ханой, в свою очередь, такой подход не приветствует. Кроме того, власти СРВ уже не раз сталкивались с попытками китайцев перевести в страну экологически грязные и технологически устаревшие производственные мощности.

В этом отношении экономические связи с США существенно меньше по объему, чем с Китаем, но они намного более выгодны Ханою. Так, например, двусторонняя торговля между США и Вьетнамом выросла с 451 млн. долл. в 1995 году до почти 52 млрд. долл. в 2016 году. В 2016 году Вьетнам был самым быстрорастущим экспортным рынком Америки. Экспорт США во Вьетнам вырос на 77% в период 2014–2016 годов. Экспорт США во Вьетнам в 2016 году составил более 10 млрд. долл., а импорт США в 2016 году – 42 млрд. долл.[1] Таким образом, положительное сальдо Вьетнама в торговле с США составляло в 2016 году 32 млрд. долл. С Китаем же ситуация обратная. Так,

[1] U.S. Relations with Vietnam. Bilateral Relations Fact Sheet. Bureau of East Asian and Pacific Affairs. URL: https://www.state.gov/u-s-relations-with-vietnam/ (дата обращения: 31.01.2020).

например, в 2015 г. общий объем экспорта-импорта из Китая во Вьетнам достиг почти 96 млрд. долл. США. Причем экспорт из Китая во Вьетнам составлял чуть больше 66 млрд. долл., а импорт из Вьетнама – 29.7 млрд.[1] Таким образом дефицит Вьетнама в торговле с Китаем составлял почти 35 млрд. долл. За прошедшие с тех пор годы тенденции кардинально не поменялись. Проблема здесь еще и в том, что вьетнамский экспорт в США во многом зависит от поставок сырья и комплектующих из Китая.

Основные результаты исследования

Как мы видим, перед современным Вьетнамом стоит сложнейшая проблема выбора в ситуации, когда любые решения могут только навредить сложившейся реальности. В этой связи особое значение приобретают отношения с Россией. После развала СССР и распада биполярной системы международных отношений, когда под термином «союзник» понимался, как правило, участник военно-политического союза, соглашения, заключенные на уровне «стратегического партнерства» между Вьетнамом и Россией в 2013 г. в различных областях международного взаимодействия, ориентировались в основном на выстраивание отношений на базе взаимовыгодного сближения и поддержки в определенных сферах сотрудничества. Также в подписанных документах отмечалась возрастающая роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в глобальных делах, а также необходимость углубления регионального сотрудничества в интересах обеспечения прочного мира, стабильности и устойчивого развития в АТР [Шпаковская, Нгуен, Куклин, 2019. С. 179].

Если взглянуть на общий товарооборот двух стран – то этот показатель на уровне 6 млрд. ни в коей мере не может соперничать с торговлей с США или с Китаем. Однако в сфере безопасности, такой важной и чувствительной сфере сотрудничества для Вьетнама, Россия может выступить как партнер и в деле перевооружения вьетнамской армии, и в плане решения проблем международной безопасности. Этому способствуют в первую очередь отношения доверия и партнерства, которые

[1] Вьетнам – крупнейший торговый партнер Китая в АСЕАН. URL: https://vietnam.vnanet.vn/russian (дата обращения: 09.10.2019).

сложились между двумя странами. Сотрудничество с Россией выступает для Вьетнама не в качестве альтернативы кому-то, а как важное подспорье в сохранении стабильности и суверенности и свободы в принятии решений в Ханое.

Список литературы

Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: полити- ка, экономика, право. 2019, Т. 12, No 1. С. 26–43.

Колдунова Е. В. Юго-Восточная Азия перед вызовами индо-тихоокеанских концепций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. I. № 2 (43). С. 42–53.

Локшин Г. М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. I. № 2 (43). С. 55–73.

Мосяков Д. В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и России / Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН. М., 2019. 390 с.

Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. II. № 3 (40). С. 6–11.

Понька Т. И., Бельченко А. С., Трусова А. А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Вып. 17. № 3. С. 518–529.

Соколов А. А. Высшее образование Вьетнама: формы интернационализации // Вьетнамские исследования. 2017. Вып. 1. С. 212–224.

Терских М. А., Нархова Е. И. О вьетнамо-китайских торгово-экономических связях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXX (№ 30, 2016). С. 125–133.

Шпаковская М. А., Нгуен Т. Н. З., Куклин Н. С. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации: основа, содержание и принципы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. I. № 2 (43). С. 173–181.

Шпаковская М. А. Курылев К. П., Куклин Н. С. Россия, Вьетнам и контуры «Большого Евразийского Партнерства» // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. № 4 (41). С. 136–145. (на рус. яз.)

Schneier E. Structured Strategic Partnership Handbook. Lulu publishing. 2018. P. 41. 179. (на англ. яз.)

ĐINH CÔNG TUẤN. Quan hệ đối tác chiến lược trong quan hệ quốc tế hiện nay: lý thuyết, thực tiễn thế giới và Việt Nam [Стратегическое партнерство в текущих международных отношениях: теория, практика в мире и во Вьетнаме]. Режим доступа: URL: http://www.vjol.info/index.php/ncca/article/view/19037. (на вьет. яз)

Чан В. Т. Xu hướng mới đối tác thay cho liên minh quân sự [Новая тенденция: стратегическое партнерство вместо военного союза]. Режим доступа: URL:

http://thanhnien.vn/thoi-su/quoc-phong/xu-huong-moi-doi-tac-chien-luoc-thay-cho-lien-minh-quan-su-461915.html. (на вьет. яз.)

References

Kanaev E. A., Korolev A. Bol'shaja Evrazija, Indo-Tihookeanskij region i otnoshenija Rossii s ASEAN // Kontury global'nyh transformacij: politi- ka, jekonomika, pravo 2019, T. 12, No 1. S. 26–43. (in Russ.)

Koldunova E. V. Jugo-Vostochnaja Azija pered vyzovami indo-tihookeanskih koncepcij // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom I, No 2 (43), 2019. S. 42–53. (in Russ.)

Lokshin G. M. Strategicheskoe sopernichestvo Kitaja s SShA v Juzhno-Kitajskom more // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom I, No 2 (43), 2019. S. 55–73. (in Russ.)

Mosyakov D. V. (2019) Global'naja transformacija Tihookeanskoj Azii i Rossii/ Institut stran Vostoka, Institut vostokovedenija RAN. M., 2019. 390 s. (in Russ.)

Mosyakov D. V., Shpakovskaja M. A. Kitaj pereigryvaet SShA v otnoshenijah s ASEAN// Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom II, No 3 (40), 2018. S. 6–11. (in Russ.)

Pon'ka T. I., Bel'chenko A. S., Trusova A. A. Dvuhvektornyj podhod KNR k razresheniju territorial'nyh sporov v Juzhno-Kitajskom more // Vestnik RUDN. Serija Mezhdunarodnye otnoshenija. 2017 Vol. 17. No. 3. S. 518–529. (in Russ.)

Sokolov A. A. Vysshee obrazovanie V'etnama: formy integnacio6nali- zacii // V'etnamskie issledovanija. 2017. Vypusk 1. S. 212–224. (in Russ.)

Terskih M. A., Narhova E. I. O v'etnamo-kitajskih torgovo-jekonomi- cheskih svjazjah // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Vypusk XHH (No 30, 2016). S. 125–133. (in Russ.)

Shpakovskaja M. A., Nguen T. N. Z., Kuklin N. S. Vseob#emljushhee strategicheskoe partnerstvo Socialisticheskoj Respubliki V'etnam i Rossijskoj Federacii: osnova, soderzhanie i principy // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'- nye problemy razvitija. Tom I, No 2 (43), 2019. S. 173–181. (in Russ.)

Shpakovskaja M. A. Kurylev K. P. Kuklin N. S. Rossija, V'etnam i kon- tury «Bol'shogo Evrazijskogo Partnerstva» // JuVA: aktual'nye problemy razvitija. 2018. No 4 (41). S. 136–145. (in Russ.)

Schneier E. Structured Strategic Partnership Handbook. Lulu publishing. 2018. P. 41. 179 (in English)

CHan V. T. Xu hướng mới đối tác thay cho liên minh quân sự (Novaja ten- dencija: strategicheskoe partnerstvo vmesto voennogo sojuza). [Jelektronnyj resurs]. URL: http://thanhnien.vn/thoi-su/quoc-phong/xu-huong-moi-doi-tac-chien-luoc-thay-cho-lien-minh-quan-su-461915.html. (in Vietnam.)

CONTEMPORARY SINO-MYANMAR RELATIONS: DILEMMA OF LETPADAUNG TAUNG COPPER MINE PROJECT

WAI YAN PHYO NAING
Ph.D. (Candidate), Doctoral School of History, Faculty of Humanities, National Research University – Higher School of Economics
ywai@hse.ru

Since Myanmar was opened to the world in 2011 local and international environmental activists tried to criticize the Chinese megaprojects in Myanmar. Letpadaung Taung Copper Mine Project is one of the huge Beijing investments in the Myanmar Military government era. The lack of corporate social and environmental responsibility on behalf of the Myanmar Wanbao Company created an intolerable situation for the residents. The only *Letpadaung* project became a center of international dispute and a dilemma of Sino-Myanmar relations similar to Chinese mega-projects in Myanmar. It happened because the late Myanmar Military government finalized all significant Chinese investments' agreements before they transferred country power to the civilian administration in the mid of 2010.

This condition has led to a nation-wide movement after local intermediary administrators used Phosphorus bombs to destroy the activists' camp near the project area in November 2012. President Thein Sein founded the "Letpadaung Taung Investigation Commission" and requested Myanmar's democracy icon and opposition leader Aung Sann Su Kyi to lead the commission. However, Aung Sann Su Kyi did not receive a warm welcome from the local people and even faced aggressive sentiment on her field trip.

Beijing became concerned with its major construction projects in Myanmar since Myanmar-Sino relations rapidly degraded after the suspension of the Myitsone Dam in late 2011. This article investigates the factors of rising anti-Chinese persuasion in Myanmar and describes the problems connecting with the Letpadaung Taung Copper Mine Project.

Keyword: Letpadaung Taung Copper Mine, Chinese Investments, Wanbao, Sino-Myanmar relations.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП КИТАЙСКО-МЬЯНМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ДИЛЕММА МЕДНОГО ПРОЕКТА ЛЕТПАДАУНГ ТАУНГ

ВЕЙ ЯН ПЬЁ НАЙНГ
аспирант, докторская школа истории, гуманитарный факультет,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ywai@hse.ru

В данной статье проанализированы факторы роста антикитайских настроений в Мьянме, связанные с медным рудником Летпадаунг Таунг.

С тех пор как Мьянма открылась для внешнего мира в 2011 г., местные и зарубежные активисты в сфере экологии неоднократно пытались критиковать китайские добывающие проекты на территории этой страны.

Медный проект Летпадаунг Таунг – одна из самых значительных инвестиций Пекина в эпоху военного правительства Мьянмы. Отсутствие корпоративной социальной и экологической ответственности со стороны компании *Myanmar Wanbao Company* создало невыносимые условия для жителей окружающих территорий.

В результате этого между местной администрацией и активистами «зеленого» движения возник серьезный конфликт. В ноябре 2012 г. разногласия между административным корпусом и населением переросли в вооруженные столкновения, в ходе которых для уничтожения протестующих были применены фосфорные бомбы. В ответ на это президент Тейн Сейн основал «*Комиссию по расследованию инцидента на Летпадаунг Таунг*» и обратился к представителю демократического движения Мьянмы и лидеру оппозиции Аун Сан Су Чжи с просьбой возглавить ее. Однако Аун Сан Су Чжи не получила поддержки от местных жителей и даже столкнулась с агрессивными настроениями во время поездки в пострадавшие районы.

Ключевые слова: медный рудник Летпадаунг Таунг, китайские инвестиции, Ваньбао, синомьянманские отношения.

Introduction

In March 2011, Myanmar started its new chapter by shifting from authoritarian to democratic state. Myanmar people received opportunities to express their opinion on government projects, especially for joint investments with Chinese companies. After President Thein Sein suspended Myitsone Dam General Project by listening to his fellow citizens' demand, another one, Letpadaung Copper Mine project emerged as the next step of the anti-

Chinese investments in that time. On the other hand, there were invisible thorns in the two countries' asymmetric economic relations such as Myitsone Dam project, Kyaut Phyu Deep Sea port project. Therefore, the dilemmas of the Sino-Myanmar relations became acquired tense and even confrontational character.

Looking from a global perspective, China is an influential neighboring country for Myanmar. Myanmar could not neglect Beijing's role in the world and its policies on East Asia and the Southeast Asian region. Therefore, this article stands out from the existing body that advocated the literatures pushing of Myanmar to forge close ties with Western World and the US more than China.

Methodology

Previous studies have reported the locals' opinions on Chinese mega-projects after Myanmar democracy transition is opened by Lauren Decicca[1]. However, he did not pay attention to the daily life of locals after the project's commencement [Lauren Decicca, 2015]. Atsuko Mizumo focuses on details of *Letpadaung Copper* Mine Project connecting with Myanmar's China policy[2]. Although he has researched Chinese Mine investments in Myanmar and their development, it is still necessary to do in-depth research on the Chinese interests in their project [Atsuko Mizumo, 2016].

These critical situations are concerning the Letpadaung project developed as the dilemmas of Sino-Myanmar relations until NLD's government came to power. This research examines different primary sources such as interviews, government documents, statistics, field studies in the project area.

Main results

Monywa is the largest city of the Sagaing Division and located at the east bank of the Chindwin river in the central part of Myanmar. There are four large copper mine projects, namely *Letpadaung, Sabetaung, Sabetaung* South and *Kyisintaung* in the western part of the town. In 1978, Myanmar

[1] *Lauren Decicca.* In the Shadow of Letpadaung: Stories from Myanmar's Largest Copper Mine // National Resource Governance Institute, 2015.

[2] *Atsuko Mizumo.* Economica Relations Between Myanmar and China // JICA Research Institute, 2016.

started *Sabetaung* and *Kyisintaung* mines, which are located next to each other. Letpaduang Copper mine project is located to the southeast of these aforementioned two copper mines. According to the report from the Amnesty, *Letpaduang* can produce 75% of the copper out of these four projects [Amnesty, 2015. P. 12]. At that time, the Myanmar government managed all projects according to the Socialist economic policy [Maung M., 1964. P. 1189].

In 1996, Myanmar military government opened its economy to the outside world and invited foreign direct investments. Ivanhoe Myanmar Holdings Ltd, a Canadian owned company, had passed the government tests and entered into the joint investments with Minister of Energy (1) [Amnesty, 2015. P. 20]. The agreements were not only for the *Letpadaung* deposit, but also for all deposits in the Monywa project. However, the existing literatures do not mention these facts, mentioning only the *Letpaduang* mine. Ivanhoe gave up Monywa projects and sold its 50%[1] share to the third party when the US and the West imposed harsh sanctions on Myanmar in 2007. However, the purchaser's identity of the Ivanhoe shares was shrouded in secrecy from the media [Amnesty, 2015. P. 99].

In March 2010, The *Union of Myanmar Economic Holdings Limited* (UMEHL) nationalized 7,867 acres of land for the *Letpadaung* project. When Chinese Premier Wen Jiabao paid a state visit to Myanmar, the UMEHL and Ministry of Mines from Myanmar side and *China North Industries Corporation* (NORINCO) signed a US$ 1,1 billion joint investment for *Letpadaung* Copper Mine Project [Maung Myoe, 2015. P. 38]. Upon investigating the background of NORINCO, it became apparent that is China's military-owned company. The same applies to its counterpart UMEHL, that was also backed up by the Myanmar military[2]. Only Maung Aung Myoe mentioned these facts [Maung Myoe, 2015. P. 39]. A. Clapp Priscilla reported that *Wanbao* is a Chinese state-owned company. No one knew when the agreement took place, and how did the parties reach a final agreement [Priscilla, 2015].

---

[1] Open for Business? Corporate Crime and Abuses at Myanmar Copper Mine // Amnesty International, P. 99.

[2] Maung Aung MYOE. Myanmar's China Policy since 2011: Determinants and Directions // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2015. Vol. 34. No. 2. P. 21–54.

However, we should not neglect the fact that *Wanbao* company is a daughter of NORINCO. Before the NORINCO started managing the completed project, *Wenbao Mining Ltd* founded two subsidiaries such as *Myanmar Wenbao Copper Mining Limited* and *Myanmar Yang Tse Copper Mining Limited* [*Myanmar Wanbao* Company Limited's webpage]. It could be confusing for researchers because Ivanhoe controlled the whole Monywe project under the same administration when they managed all mines before [Amnesty, 2015. P. 10]. For *Letpaduang* Mine, *Myanmar Wanbao Copper Mining Ltd* has managed the entire project, and *Myanmar Yang Tse Copper Mining* Ltd has handled the *Sabetaung* and *Kyisintaung* mines since 2010 [Amnesty, 2015. P. 10]. The only *Letpadaung* project became a center of international dispute and a dilemma of Sino-Myanmar relations similar to Chinese mega-projects in Myanmar. It happened because the late Myanmar Military government finalized all significant Chinese investments' agreements before they transferred country power to the civilian administration in the mid of 2010 [Priscilla, 2015].

Growth of Anti-Protests on Letpadaung Project and Investigation Commission Protests before the Commission

On 30 September 2011, the new government's President Thein Sein suspended the Myitsone Dam General Project. This project is one of the significant Beijing ventures in Myanmar, and two countries reached the final agreement before Myanmar's first democratic government era and Maung Aung Myoe also highlighted similar idea in his work [Maung Myoe, 2015. P. 37]. Many Myanmar people believe that China is trying to take all of Myanmar natural resources for their development benefits[1]. This mindset has come from a lack of trust in Chinese goods and business practices.

At the same time, the tensions appear between *Myanmar Wanbao* and villagers because the regional government forced local people to relocate from their land at the beginning of 2011 [Decicca, 2015]. According to Amnesty's

[1] Maung Aung MYOE. Myanmar's China Policy since 2011: Determinants and Directions // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2015, Vol. 34. No. 2. P. 38.

survey, 30 villages and 6,785 acres of land are located in the project area [Amnesty, 2015. P. 13]. Anti-Chinese activists used the opportunities to influence *Letpadaung* villagers easily. In the mid of 2012, residents opened the demonstrations camp near the *Myanmar Wanbao* headquarter[1]. Before the sunrise of the 29th of November 2012, the police disbanded the protest campsite by using tear-bombs and water cannons. Some investigators found that the cops even used white phosphorous [Charltons, 2013. P. 1].

Letpaduang Investigation Commission

Therefore, President Thein Sein formed the "*Letpadaung* Investigation Commission" and requested Aung Sann Su Kyi to become its chairperson on 1 December 2012 [Charltons, 2013. P. 1]. The President's office appointed 16 members on the commission including military and police officers, academics and dignitaries. As a leader of the investigation commission, Aung San Su Kyi clearly understood the Chinese role in Myanmar Domestic policy and underlying Beijing's interests[2], and Yun Sun also indicated it in her work [Yun Sun, 2015].

The commission visited the *Letpadaung* Mine project area from 5th to 15th of December 2012. At the same time, commissioners also met with the injured demonstrators in the Monywa hospitals and Yangon General Hospital. According to the commission's report, there were 108 people and 99 monks injured in the incident[3]. According to Charlton, the investigators observed that the commission met with the Police Chief of Staff and Police colonel accountable for the Sagaing Region [Charltons, 2013. P. 3], and discussed the details about the crackdown incidents of the 29th of November. Later, the Minister of Home Affairs removed several police officers from their current duties in Sagaing Region as stated in the local newspapers. When Aung San

[1] Letpadaung Investigation Commission Issues Final Report, Myanmar Law Updates //Charltons, April 2013. URL: https://www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/ (date of access: 19.02.2020).

[2] *Yun Sun*. Can the NLD and China usher in a new era in relations? // The Myanmar Times, 2015.

[3] Letpadaung Investigation Commission Issues Final Report, Myanmar Law Updates //Charltons, April 2013. URL: https://www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/ (date of access: 19.02.2020).

Su Kyi met with the villagers, they responded with emotional words. Su Kyi told the villagers, "If we stop this project, it will not benefit the local community, or the country and they might think that our country cannot be trusted on the economy." at the *Letpadaung* [Charltons, 2013. P. 4]. She also argued that "Myanmar needs Chinese investment. We have to get along with [China] whether we like it or not" [Ramachandran, 2016].

The commission also visited the Moneywa mine project areas, not only *Letpaduang* but also *Sabetaung* and *Kyaysintaung* projects. In March 2013, the investigation commission delivered its final report to the President and publishing it in governmental newspapers [Mizumo, 2016. P. 113]. However, the commission agreed to continue the *Letpadaung* Copper Mine Project recommending 42 essential suggestions to the mines' investors. Official Beijing being satisfied with the final report of the commission and sent the Chinese ambassador to pay visit to Aung San Su Kyi's residence, expressing his congratulation on behalf of the Chinese government on the 24th of April 2013 [BBC]. *Myanmar Wanbao* also released its statement, promising that "they will continue contributing to the sustainable development of our local community and of Myanmar as a whole" [Charltons, 2013. P. 3].

In the new contract, *Myanmar Wanbao*, UMEHL, and the government specified new profit-sharing of the project by allocating 51% to the Myanmar government, 30% to *Myanmar Wanbao*, and 19% to the UMEHL. On the other hand, the investors have to use one million US$ for corporate social responsibility and two million US$ for the annual environmental preservation [Mizumo, 2016. P. 113]. Yun Sun noted that "the investigation committee for the Letpdaung copper mine project, which she (Aung San Su Kyi) chaired, approved the continuation of the joint venture despite opposition from local residents and Myanmar society in general... her position (or rather lack of it) has made her, at the minimum, an acceptable Myanmar politician for China." [Yun Sun, 2015].

Protests after the Commission

On 13 March 2013, Aung San Su Kyi visited local residents again, shortly after her commission published a final report. At the same time, the villagers did not stop their protests, rather intensifying them more provokingly. She faced emotional counter words from the villagers like during her first

trip[1], but this time they became more depraved and the government responded with tight security for her. The villagers also delivered their opinion that they did not want relocation and compensation, and they were not going to stop until the project shuts down totally [Charltons, 2015. P. 4].

In November 2013, police officers and villagers clashed again in the *Myanmar Wanbao's* headquarter, near the *Letpadaung* Project. The police used rubber bullets for antiriot shotguns, and nine police officers and five activists were wounded [Win Zaw Latt, 2013]. However, the villagers and activists still commented on environmental pollution and unfair salary for local workers, relocation and compensation processes for their land. Before the Letpadaung Investigation commission, Myanmar Wanbao reimbursed 550,000 MMKyats[2] for an acre. Later, according to the commission's suggestion, Wanbao agreed to provide additional compensation for an acre between 700,000 and 1,25 million MMKyats [Maung Myoe, 2015. P. 38].

Back then, the author worked as a reporter, and visited the project on two times interviewing locals and activists. When he reached out to Myanmar *Wanbao*, they explained every detail of the Letpaduang project. The company sent journalists to meetings between villagers and company officers to examine how the company officials proposed CSR programs to local community. However, the author interviewed villagers and activists. The author asked, "If you need urgent development for your community, and, even, you know that you can produce valuable bronze from Letpaduang Mountain, what will you do?" The local activist answered that "We will not produce any copper or bronze from the Letpadaung Mountain, even we do not have anything to eat. We do not need any development if we have to destroy the Letpadaung, and we are going to enjoy its beauty until we die." Therefore, we could clearly understand that the local residence feeling on the project.

When Myanmar Wanbao tried to start the project in December 2014, they faced vocal protests from the villagers again. Finally, the tension reached the highest point, after the police opened fire, and one villager, Daw

---

[1] Letpadaung Investigation Commission Issues Final Report, Myanmar Law Updates // Charltons, April 2013. URL: https://www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/ (date of access: 19.01.2020).

[2] Myanmar Wanbao Company Limited. URL: http://www.myanmarwanbao.com.mm/mm.html (19.01.2020).

Khin Win died on the spot. It received attention from international and local activists [Kivimäki, 2016]. According to Amnesty's research paper, there was preannounced lack of environmental concern and management in the mine. In May 2016, *Myanmar Wanbao* announced that they had started to producing copper from the *Letpadaung Mine* for the first time [Amnesty, 2016. P. 4].

Effects in Sino-Myanmar Relations

Every Myanmar government has believed that China is the paramount partner for domestic and foreign interests [Toh Han Shih, 2014]. Until the Myanmar's democratization period, China was the leading investor in Myanmar. However, after a series of protests in *Letpadaung Copper Mine* Project took place, Beijing investments dropped rapidly [Yun Sun, 2012. P. 75]. In the first year of Thein Sein's administration, 2011-2012, Chinese FDI in Myanmar reached US$ 4345.73[1] million, and it was the second-highest amount in two countries trade since 1988, according to the Myanmar State Directorate of the Investment and Company Administration's figures. However, in 2013-2014, FDI from China to Myanmar visibly dropped to the US$ 56.16 million, becoming the lowest since 1988 [DICA's annual report].

In March 2016, the NLD government came into power. They continue focusing on the "China's role in the region" and "Logic of geopolitic" when comstructing their foreign policy and Sudha Ramachandran has also illustrated symmetric idea in his work [Ramachandran, 2016]. However, the relations between the two countries have not improved as it was expected by both sides. The FDI from China never reached its highest pre 2011 point. On the other hand, the anti-Chinese sentiments are still festering in the Myanmar community.

Conclusion

Since 1988, Myanmar political activists had been trying to develop democracy in the country. However, they were suppressed by the Military

[1] Myanmar State Directorate of the Investment and Company Administration official Website. URL: https://www.dica.gov.mm/en/taxonomy/term/38 (date of access: 19.02.2020).

government for over two decades, from 1988 to 2011. Therefore, majority of Myanmar people did not support the junta. They considered the government supporters and partner countries as traitors. Whenever the military government was under international pressure, China always stood by their side and supported with loans and investments [U Myo-Thit, 2017]. It has resulted in the development of the Sinophobia in Myanmar. The citizens did not trust Chinese investments because of their lack of duties for social responsibilities. Beijing understood for those sentiments and, therefore, tried to smooth every process for their investments in Myanmar with the Junta

However, the Chinese policies backfired when President Thein Sein's government listened to their follow people's voices. Consequently, the Beijing became concerned when the opposition was elected in the general election in 2015 [BBC, 2019]. In his trip, Wang Yi expressed hopes to his counterpart, Daw Aung San Su Kyi that Chinese interests in Myanmar will continue to be expected. The present situation of Sino-Myanmar relations, however, has many unresolved problems such the Chinese role in the Myanmar cease-fire, Myitsone Dam General Project and border issues.

References

Open for Business? Corporate Crime and Abuses at Myanmar Copper Mine // Amnesty International, February 2015. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/asa16/0003/2015/en/ (date of access: 19.02.2020). (in English)

A. Clapp Priscilla. China's Relations with Burma: Testimony Before The U.S-China Economic and Security Review Commission on China's Relations with Southeast Asia // United States Institute of Peace, 2015. URL: http://www.usip.org/publications/2015/05/13/china-s-relations-burma (date of access: 19.02.2020). (in English)

Atsuko Mizumo. Economica Relations Between Myanmar and China // JICA Research Institute, Department of International Economy and Business // Faculty of Economics // Kyushu University, Japan, 2016. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-4-431-55735-7_8 (date of access: 19.02.2020). (in English)

Copper Mine Investigation Commission, Letpadaung Copper Mine Investi- gation Commission Issues Final Report // The President's Office of The Republic of the Union of Myanmar, April 2013. URL: http://www.charltonslaw.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/ (date of access: 19.02.2020). (in English)

China-Myanmar agrees to deepen comprehensive strategic cooperation // Xinhuanet, 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/15/c_133790813.htm (date of access: 19.02.2020). (in English)

Cheny Ang Li and James Char. China-Myanmar Relations Since Naypyidaw's Political Transition: How Beijing Can Balance Short-Term Interests and Long-Term Values // S. Rajaratnam School of International Studies, 2015. URL: https://www.rsis. edu.sg/wp-content/uploads/2015/03/WP288_150316_China-Myanmar-Relations (date of access: 06.01.2020). (in English)

Debby Sze Wan Chan. China's Diplomatic Strategies in Response to Economic disputes in Myanmar // In. J. International Relations of the Asia-Pacific, Vol. 00, 2018, pp. 1–30, Oxford Academic. URL: https://academic.oup.com/irap/advance-article/doi/10.1093/irap/lcy026/5149704 (date of access: 01.01.2020). (in English)

Lauren Decicca. In the Shadow of Letpadaung: Stories from Myanmar's Largest Copper Mine // National Resource Governance Institute, 2015. URL: https://resourcegovernance.org/blog/shadow-letpadaung-stories-myanmars-largest-copper-mine (date of access: 01.01.2020). (in English)

Myanmar Cracks Down on Protest at China-owned Mine // China Digital Times, 2012. URL: http://chinadigitaltimes.net/2012/11/myanmar-cracks-down-on- protest-at-china-owned-mine/ (date of access: 02.01.2020). (in English)

Myanmar Wanbao Company Limited. URL: http://www.myanmarwanbao.com.mm/mm.html (date of access: 03.01.2020). (in English)

Maung Aung MYOE, Myanmar's China Policy since 2011: Determinants and Directions // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2015, Vol. 34. No. 2. Pp. 21-54. URL: https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/872/879.Html (date of access: 05.01.2020). (in English)

Maria Abi-Habib. How China Got Srilanka to Cough Up a Port// The New York Times, 2018, URL: https://www.nytimes.com/2018/06/25/world/asia/china-sri-lanka-port.html (date of access: 02.01.2020). (in English)

Prashanth Paremeswaran, China's Influence in Myanmar Facing Growing Scrutiny: Beijing Is still Struggling to Adapt To Myanmar's New Landscape // Di- plomat Magazine, 2015. URL: http://thediplomat.com/2015/01/chinas-influence-in- myanmar-facing-growing-scrutiny/ (date of access: 02.01.2020). (in English)

Sudha Ramachandran. Chinese Influence Faces Uncertain Future in Myanmar // The Jamestown Foundation, Global Research & Analysis, 2016. URL: https://jamestown.org/program/chinese-influence-faces-uncertain-future-in-myanmar/ (date of access: 02.01.2020). (in English)

Toh Han Shih. China's rivals catching up in investment race in Myanmar // South China Morning Post, 2014. URL: http://carnegietsinghua.org/2014/01/25/chinese-investment-is-key-to-myanmar-s-reforms-pub-54299 (date of access: 04.01.2020). (in English)

Tang Xiaoyang. Chinese Investment is Key to Myanmar's Reform // Carnegie-Tsinghua, Center for Global Policy, 2014, URL: http://carnegietsinghua.org/2014/01/25/chinese-investment-is-key-to-myanmar-s-reforms-pub-54299 (date of access: 02.01.2020). (in English)

Timo Kivimäki. Politics of Economic Relations Between China and Myanmar // In Book: Chinese Global Production Networks in ASEAN, 2016. URL: https://

www.researchgate.net/publication/300130508_Politics_of_Economic_Relations_Between_China_and_Myanmar (date of access: 05.01.2020). (in English)

Yun Sun. Can the NLD and China usher in a new era in relations? // The Myanmar Times, 2015. URL: http://www.mmtimes.com/index.php/opinion/18167- can-the-nld-and-china-usher-in-a-new-era-in-relations.html (date of access: 05.01.2020). (in English)

Yun Sun. China's Strategic Misjudgement on Myanmar // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2012, Vol. 31. No. 1. P. 73–96. URL: https:// journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/513.html (date of access: 09.01.2020). (in English)

လက်ပံတောင်းမှာ မျက်နှာဖုံးကွာပျီ၊ဝင်းဇော်လတ်၊ ၂၀၁၃၊ မော်ကွန်း မဂဇင်း၊ URL: https://mawkun.com/latpadaung/ [Win Zaw Latt. Letpadaungmarr Myatnarphone Kwar Pyi (Lost Mask in Letpadaung) // Mawkun Magazine, 2013]. (in Burmese)

"အနီးခတော် တရုတ်-မန္တလေးမြို့ဆက်ဆံရေး ၃ (၁၉၈၈-၂၀၁၅) ၊ ဦးမျိုးသစ်၊ ၂၀ အောက်တိုဘာ ၂၀၁၇၊ ဘီဘီစီ မန္တလေး၊ URL: https://www.bbc.com/burmese/in-depth-41670417 [U Myo Thit, Aneekhit Tayouk-Myanmar Setsanyay 3(Contemorary Sino-Myanmar Relations 3) // BBC Myanmar, 2017]. (in Burmese).

လက်ပံတောင်း အနောက်က တရုတ်ကခြေနီစီမံကိန်းသစ် ခရီးလှမ်း၊ ၂၀၁၉၊ ဘီဘီစီ မန္တလေး၊ URL: https://www.bbc.com/burmese/burma-49871611 [Letpadaung A Naukka Tayok Kyayneeseemankaintit Chaylann (New Chinese Investment Footstep beyond Letpadaung) // BBC Myanmar, 2019]. (date of access: 02.02.2020). (in Burmese)

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ

ШАУМЯН ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА
кандидат исторических наук, руководитель
Центра индийских исследований Института востоковедения РАН
tshaumyan@gmail.com

В статье анализируются значение геополитического региона Арктики, основные направления внешней политики Индии в Арктике, происходящие глобальные процессы, такие как глобальное потепление и таяние арктических льдов; рассматривается значение Северного морского пути с точки зрения использования его для осуществления коммуникаций; показана политика арктических и неарктических государств, расширение их сотрудничества в этой зоне. Взаимодействие российских и индийских компаний в разработке арктических месторождений определяется стремлением подтвердить заинтересованность в Индии как важном союзнике на мировой арене. Индия стремится сохранить для себя возможность маневра при участии в решении арктических проблем, используя членство в Арктическом совете. Она намерена принимать активное участие в инициативах, связанных с проблемами Арктики. Партнерство Дели с Россией может способствовать сдерживанию Китая в его соперничестве с Индией в борьбе за энергетические ресурсы Арктики.

Ключевые слова: Арктика, Индия, Россия, Северный морской путь, Арктический совет, арктические и неарктические государства.

ARCTIC POLICY OF THE REPUBLIC OF INDIA

SHAUMYAN TATIANA LVOVNA
Head, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences
tshaumyan@gmail.com

The article analyzes the geopolitical importance of the Arctic region, the main directions of India's foreign policy in the Arctic, ongoing global processes such as global warming and the melting of the Arctic, discusses the importance of the Northern sea route from the point of view of using it for communication; the politics of Arctic and non-Arctic States to increase their cooperation in this area. The problem for India is the study of global climate change, precipitation, and ice conditions in Arctic glaciers to detect possible distant interdependence between the Arctic climate and the Indian monsoon. The melting of Arctic ice, global warming, raising global sea level by melting of glaciers can cause flooding in large areas of India with a population of over 100 million people. Monitoring the condition of the ice is one of

the priorities of Indian scientists working in the Arctic region. The Russian-Indian cooperation to develop Arctic fields is determined by their desire to confirm the interest in India as an important ally on the world stage. India seeks to write for itself the flexibility with participation in the solution of problems of the Arctic, using membership in the Arctic Council. India intends to take an active part in initiatives related to Arctic issues. The Indian side confirmed its interest in equal participation in the development of existing and new projects in Siberia, the Russian Far East and the Arctic shelf through oil and gas company ONGC-OVL. India will continue to participate actively in the initiatives related to the Arctic issues using membership in the Arctic Council. Delhi's partnership with Russia may contribute to the containment of China in its rivalry with India in the struggle for energy resources in the Arctic.

Keywords: Arctic, India, Russia, Northern Sea Route, the Arctic Council, Arctic and Non-Arctic States.

Первые свидетельства заинтересованности Индии в арктических исследованиях относятся к периоду, когда она еще была частью Британской колониальной империи. В феврале 1920 г. Индия присоединилась к Шпицбергенскому трактату, который определил международно-правовой статус архипелага Шпицберген, находившегося под суверенитетом Норвегии. Этот документ был подписан в Париже странами Европы, Азии и Америки, включая заморские доминионы Великобритании.

В 1981 г. по инициативе премьер-министра Индии Индиры Ганди был создан Департамент океанических исследований, который впоследствии был преобразован в Министерство наук о земле. Была разработана программа арктических исследований. Основанный в апреле 1999 г. в Гоа Национальный центр для антарктических и океанических исследований (NCAOR) с целью координации и развития полярных исследований в Индии активно включился в сотрудничество с зарубежными научными арктическими центрами.

По инициативе Министерства наук о земле Индии планы арктических экспедиций и программ научных исследований включались в пятилетние планы развития Индии. Предусматривалось направление индийских ученых на архипелаг Шпицберген и исследовательских судов океанографических экспедиций в периоды арктического лета.

Цели Индии в Арктике: экологический аспект. Охрана окружающей среды – важнейший фактор, определяющий активность Индии в Арктике. Речь идет о проблеме изменения климата и глобального потепления, причем, если пик потепления придется на весну и начало лета,

рост температур на Севере Индии может иметь катастрофические последствия. Таяние льдов в Арктике, глобальное потепление, повышение уровня мирового океана в результате таяния ледников могут привести к затоплению значительной части территории Индии с населением более 100 млн. человек. Поэтому наблюдение за состоянием льдов является одной из приоритетных задач индийских ученых, работающих в Арктике.

Актуальной проблемой для Индии является исследование глобального изменения климата, осадков и состояния льдов арктических ледников и Северного Ледовитого океана для выявления возможной отдаленной взаимозависимости между арктическим климатом и индийскими муссонами. Индийские ученые установили наличие подобной зависимости, но пока ее механизмы не ясны. Объемы муссонных дождей представляются жизненно важной проблемой для развития сельского хозяйства Индии. По словам одного из участников арктических исследований Индии К. П. Кришнана, особое значение арктического региона для индийского субконтинента как раз и определяется тем, что «существует атмосферная зависимость региона Северного полюса и интенсивности индийских муссонов». Поэтому результаты исследований могут помочь моделированию и предсказанию состояния и интенсивности индийских муссонов [Антюшина, Арктика... 2014. С. 91–93; Антюшина, Расширение... 2014. С. 65–78].

Первая научная экспедиция Индии в Северный Ледовитый океан в составе пяти человек во главе с директором Национального центра антарктических и океанских исследований Шри Разик Равиндрой была направлена в первую неделю августа 2007 г. [Подоплекин, 2011. С. 42]. В результате месячного пребывания на международной арктической базе в Ню-Олесунне было положено начало трем долгосрочным научным проектам в области изучения атмосферы, микробиологии, науки о земле и исследования ледников. С этого времени Индия регулярно – 3–4 раза в год – направляла в Арктику научные экспедиции [Страны-наблюдатели, 2014. С. 18–24]. В ходе второй научной экспедиции лета 2008 г. была официально открыта индийская научно-исследовательская станция «Химадри» в 1200 км от Северного полюса как часть Международной исследовательской арктической базы в Ню-Олесунне на архипелаге Шпицберген. Здесь ведутся исследования льдов, атмосферных

и биологических процессов и т. д. Третья индийская экспедиция работала в июне-июле-августе 2009 и марте-апреле 2010 гг. С 14.05.2011 до 08.06.2011 г. в Арктике работала индийская экспедиция в составе 5 человек. В индийской арктической программе принимают участие ученые из различных национальных институтов; в исследования за последние годы было вложено свыше 12 млн. долларов США. В 2012–2013 гг. 25 ученых посетили базу в Химадри, где провели в общей сложности более 185 дней для проведения исследований по десяти специальным проектам [Коновалова, 2014. С. 145–151].

В 2012 г. Индия обратилась с просьбой о предоставлении ей статуса наблюдателя в Международном комитете по исследованиям Арктики, и 01.05.2013 г. на восьмой встрече министров стран – членов Арктического совета, состоявшейся в г. Кируна (Швеция), этот статус был ей предоставлен (наряду с Китаем, Японией, Республикой Корея, Италией и Сингапуром). Получая статус наблюдателя, Индия должна была придерживаться ряда условий: уважать суверенные права арктических государств; признать, что морское право и конвенция ООН по морскому праву являются законодательной основой и законодательными рамками, определяющими условия деятельности в Арктике; уважать коренное население, местную культуру и традиции; вносить вклад в деятельность Арктического совета.

В качестве постоянного наблюдателя Индия принимает активное участие в исследовательской деятельности в сотрудничестве с другими членами Арктического совета, уделяя особое внимание необходимости изучения глобального потепления и состояния арктических льдов. Таяние арктических льдов оказывает влияние на состояние льдов на Тибетском плато, откуда берут начало основные реки Индии. Известно, что любые изменения состояния льдов на вершинах Гималайского хребта могут вызывать серьезные наводнения и иметь катастрофические последствия для всей Индо-Гангской долины.

В мае 2017 г. Индия как одна из стран-наблюдателей в Арктическом совете приняла участие в его заседании, состоявшемся в городе Фэрбанкс (штат Аляска, США). Объясняя заинтересованность тропической Индии в делах Арктики, один из участников встречи индийский дипломат Р. К. Сривастава в интервью изданию *Alaska Dispatch News* отметил, что «высокие широты земли» имеют сходство с высокогорья-

ми Гималайского региона Индии, учитывая быстрый процесс потепления и таяние льдов. Он выразил мнение, «что земной шар состоит из трех полюсов – Антарктики, Арктики и Гималаев», добавив, что, по мнению Индии, пример Арктического совета может быть использован для создания Гималайского совета для рассмотрения региональных научных и экологических проблем[1].

Активность Индии и ее потенциальные возможности в Арктике стали вызывать озабоченность некоторых членов Арктического совета, которые были заинтересованы в преимущественно евроцентристском взгляде на Арктику, а не на отношении к ней как к «общему наследию человечества». Растущие потребности Индии в углеводородах формировали точку зрения, что Арктика должна стать важным источником нефти и газа для растущей экономики Индии. Именно поэтому в Арктике ее называли «нежелательным игроком», который медленно, но верно прокладывает здесь свой путь, прикрываясь сугубо научными интересами и действуя в тесном сотрудничестве с Россией.

Противники расширения добычи нефти и газа такими странами, как Индия, мотивируют свою позицию тем, что поиски нефти и ее добыча в Арктике связаны с многими рисками и трудностями. Существует угроза экологической катастрофы в связи с неустойчивостью экосистемы, отсутствием необходимых технологий, ограниченными научными знаниями, серьезной опасностью в связи с возможными последствиями изменения климата. Возникает вопрос: сможет ли Индия не только добывать нефть, но и инвестировать в ее добычу для ослабления негативных последствий для экологии. Как считают противники расширения ее присутствия в Арктике, Индия может широко использовать солнечную энергию и энергию ветра с тем, чтобы перейти от нефти и газа к использованию возобновляемых источников, снижая, таким образом, ее вовлеченность в арктические исследования и уменьшая риск от возможных климатических изменений.

Разрабатываются возможности использования Арктики как более короткого морского пути между восточной и западной частями мира (он короче на 40% или 4000 км по сравнению с путем через Суэцкий канал и на 12 дней пути по сравнению с путем через Панамский канал).

[1] *Шимберг А.* Зачем Индии Арктика? // Regnum. 23.05.2017. URL: https://regnum.ru/society/2278644.html (дата обращения: 10.06.2017).

Стратегически важные морские пути пролегают также и через Индийский океан, который широко используется Индией. Перспектива более широкого освоения Северного морского пути потребует от Индии пересмотра ее стратегических интересов и возможностей в Индийском океане.

В начале октября 2014 г. Индия принимала участие в международной конференции в Санкт-Петербурге по развитию портов и судоходства (ТРАНСТЕК), посвященной развитию Северного морского пути. Правда, индийские эксперты констатировали, что Индия пока не имеет достаточных технических возможностей для расширения арктических исследований, но предпринимает меры для решения этой проблемы. В начале ноября 2014 года премьер-министр Н. Моди распорядился о закупке полярного исследовательского судна для расширения деятельности Индии в Арктике. Индия стремится выстраивать отношения с другими участниками процесса освоения Арктики, прежде всего с Россией, роль которой в устойчивом развитии региона, по словам индийского участника конференции, «может стать ключевой». Учитывается также и то обстоятельство, что Россия – это единственная страна мира, которая имеет атомный ледокольный флот, базирующийся на самых современных технологиях и не требующий частых дозаправок топливом.

Политические и геостратегические цели Индии в Арктике. Кроме климатических изменений на Арктическом пространстве, озабоченность Индии вызывают политические и стратегические проблемы, связанные с ситуацией в Арктике. Это требует от Индии глубокого анализа международно-правовой ситуации, понимания динамики развития событий в Арктике и активного участия в них. Индия выражает точку зрения, что Арктика должна быть объявлена регионом, свободным от ядерного оружия [Лунев, 2013. С. 247].

Индийский совет по международным делам (Indian Council of World Affairs – ICWA) подготовил специальный документ, в котором сформулированы задачи, стоящие перед Индией в Арктике. Имеется в виду создание механизма двустороннего диалога с прибрежными странами Арктики; поддержка деятельности Арктического совета и развитие сотрудничества между его членами; назначение спецпредставителя (посла по особым поручениям) по делам Арктики, который будет представлять Индию на заседаниях Арктического совета; разработка

арктической политики, которая будет обеспечивать как дипломатические, так и научные, экономические и стратегические интересы страны. Предусматривается создание специальной группы для постоянного мониторинга и наблюдения за развитием политико-дипломатических и стратегических процессов в Арктике; подготовка и публикация научно разработанных проектов и программ, в том числе совместных с иностранными государствами, для предоставления политикам и соответствующим государственным организациям. Рекомендуется принимать участие в международных конференциях, где существуют реальные возможности для обмена мнениями с учеными различных стран по проблемам Арктики; активно участвовать в выработке консолидированных взглядов азиатских стран на такие арктические проблемы, как изменение уровня океана, состояние льдов, погодные условия, т. е. всего того, что может оказать влияние на ситуацию в регионах и странах с преобладающим развитием сельского хозяйства; добиваться включения вопросов о состоянии северной полярной зоны в повестку для международных форумов, таких как БРИКС, Восточноазиатский саммит и др. с участием стран, в той или иной степени вовлеченных в арктические или антарктические исследования. Наконец, добиваться включения проблем, связанных с Арктикой, в первую очередь для обсуждений с Канадой, Китаем, Данией, Европейским союзом, Японией, Норвегией, Республикой Корея, Россией, США и другими странами для анализа перспектив сотрудничества Индии с этими странами. ICWA также считает, что полярные исследования должны обсуждаться в ходе переговоров между Индией и Пакистаном, так как связанные с Арктикой изменения в Гималаях и на Тибетском плато отражаются на социально-экономическом развитии обеих стран.

Активное участие в полярных исследованиях придает Индии статус морской державы, полноправного участника при решении глобальных проблем, к числу которых ведущие эксперты страны относят и освоение Арктики; способствует подготовке национальных кадров для мореплавания и обслуживания морских судов, задействованных в Арктике [Страны-наблюдатели, 2014. С. 18].

Индия с настороженностью относится к активизации политики Китая в Арктике. По мнению ряда экспертов, Арктика становится ареной новой «Большой игры» – соперничества Индии, Китая и Японии

за энергетические ресурсы в этом особом экологическом и экономическом регионе мира, и Арктика становится ареной, где сталкиваются их интересы. В июле 2004 г. в Пекине была образована Арктическая и антарктическая администрация, которая основала на Шпицбергене китайскую арктическую станцию. В марте 2010 г. контр-адмирал китайских ВВС в отставке Инь Чжао заявил, что «Арктика принадлежит всем людям мира, так как ни одна нация не обладает суверенитетом над ней»[1]. Китай должен также иметь долю ресурсов региона.

Индийский дипломат Шиям Саран считает, что Индия должна поддержать подписание Арктического договора, согласно которому территориальные притязания должны быть отложены в сторону до окончания срока его действия; поставить этот вопрос в повестку дня Совета Безопасности ООН и инициировать соответствующие международные акции. Такие действия будут способствовать ее репутации как ответственной глобальной державы. Партнерство Дели с Россией может способствовать сдерживанию Китая в его борьбе за энергетические ресурсы в Арктике [Страны-наблюдатели, 2014. С. 18–24].

В середине ноября 2006 г. индийский министр наук о земле Капил Сибал посетил Норвегию. Арктические исследования были определены как приоритетная сфера научного сотрудничества двух стран. В июне 2007 г. достигнутые договоренности были подтверждены в ходе визита в Индию министра высшего образования Норвегии [Коновалова, 2014. С. 145–151]. В октябре 2014 г. состоялся визит президента Индии Пранаба Мукерджи в Норвегию и Финляндию. Индия официально подтвердила, что ее «интересы в регионе Арктики носят научный, экологический, коммерческий, так же как и стратегический характер» [Антюшина, 2014. С. 93].

Экономические интересы Индии в Арктике. Активно развивающаяся индийская экономика испытывает острую потребность в энергоресурсах. Арктический регион является громадным хранилищем углеводородов, и поэтому Индия стремится проявлять активность в использовании богатств Северного Ледовитого океана и российского нефтегазового рынка. 04.05.2012 г. компания ONGC-OVL (*Oil and National Gas Corporation-Videsh Limited)* направила в «Роснефть» предложение

[1] Холодная война в Арктике: ставки Индии. 11.05.2012. Режим доступа: URL: http://ru.apircentr. org/archives/616 (дата обращения: 19 июня 2016).

об участии в совместных проектах по освоению российского арктического шельфа. В них участвуют также американская ExxonMobil, итальянская ENI и норвежская Statoil. Компания ONGC-OVL работает в том числе на проекте «Сахалин-1», где ее доля составляет 30%.

В Совместном заявлении по итогам 13-го индийско-российского ежегодного саммита (24.12.2012 г., Нью-Дели) стороны подтвердили свою заинтересованность в выполнении условий Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области углеводородов, подписанного 21.12.2010 г. Индийская сторона подтвердила свой интерес к равноправному участию в разработке существующих и начале новых проектов в Сибири, российском Дальнем Востоке и арктическом шельфе через нефтегазовую компанию ONGC-OVL.

В совместном документе по итогам 14-го саммита, состоявшегося 20–22.10.2013 г. в Москве, сказано, что «индийская сторона выразила заинтересованность компании ONGC-OVL в разведке месторождений углеводородов в Арктике совместно с ведущими российскими компаниями». В мае 2014 г. «Роснефть» и ONGC-OVL подписали Меморандум о сотрудничестве в зоне арктического шельфа России в рамках международного консорциума.

В ноябре 2014 г. в Дели в ходе заседания российско-индийской рабочей группы по энергетике и энергоэффективности индийским компаниям было предложено участвовать в проектах по разведке, разработке, добыче углеводородов в России, в том числе в Арктике и Восточной Сибири, и их переработке и поставке, а также в работах на газовом месторождении «Сахалин-1», где планируется строительство второй очереди завода по сжижению природного газа (СПГ). Индийским компаниям было предложено участвовать в проектах СПГ на полуострове Ямал и Гыдан и в акватории Обской губы[1].

Эксперт У. К. Синха из Индийского института оборонных исследований и анализа (IDSA) считает, что в связи с глобальным потеплением запасы нефти и природного газа становятся более доступными и Индия может сотрудничать с Россией в стратегической, торгово-экономиче-

[1] *Сентюрин Ю.* РФ и Индия будут искать углеводороды в Арктике. 4 ноября 2014 г. // Новости промышленности, Арктика, углеводороды. Режим доступа: URL: http://promyshlennosts.ru/novosti-promyshlennosti/rf-i-indiya-budut-iskat-uglevodorody-v-arktike.html.

ской и научной областях [Sinha, 2019. P. 113–126]. Россия будет играть важную роль в обеспечении энергетической безопасности Индии, а индийский флот может участвовать в исследовательской деятельности, наблюдая за ситуацией с загрязнением окружающей среды; российские и индийские ученые могут совместно работать над проблемами арктической климатологии и метеорологии.

В подписанном по итогам визита в Индию президента РФ В. В. Путина в декабре 2014 г. Российско-индийском совместном заявлении выражалась готовность обеих стран развивать научное сотрудничество в изучении быстро меняющейся ситуации в Арктике и совершенствовать технологии для добычи редкоземельных минералов в ее российской части.

Стороны разрабатывали коммерческие условия контракта на поставки нефти и нефтепродуктов компаниями «Роснефть» и индийской компанией Essar; 08.07.2015 г. в кулуарах саммита БРИКС в Уфе был подписан контракт о поставках нефти для дальнейшей ее переработки на предприятии в Вадинаре (Индия). Компания «Роснефть» предложила также обучение индийских студентов по специальностям, связанным с нефтью и газом, в российских учебных заведениях[1].

В декабре 2015 г. руководители России и Индии провели переговоры о совместных исследованиях и добыче углеводородов на арктическом шельфе России и признали важность организации доставки сжиженного природного газа (LNG) из России в Индию.

В совместном заявлении, опубликованном 05.10.2018 г. по итогам визита в Индию В. В. Путина, была отмечена «заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества в Арктике, в том числе по совместным научным исследованиям». Стороны выразили поддержку компаниям двух государств в их намерении продолжать изучение возможностей совместной разработки нефтяных месторождений, «включая арктический шельф, и совместную разработку проектов на Печорском шельфе и в Охотском море»[2].

[1] Министр энергетики РФ Александр Новак принял участие в переговорах президента РФ Владимира Путина с премьер-министром Индии Нарендрой Моди. URL: http://minernergo.gov.ru/node/3710 (дата обращения: 15.07.2015).

[2] Россия–Индия: надежные партнеры в меняющемся мире // Совместное заявление по итогам визита президента Российской Федерации В. В. Путина в Индию. URL: www.Kremlin.ru. 05.10.2018 (дата обращения: 12.10.2018).

В конце 2019 г. в Москве состоялся международный форум «Арктика: настоящее и будущее», в ходе которого была подтверждена необходимость совместного освоения Арктики. Выступая на Форуме, посол Республики Индия в РФ Б. В. Варма специально отметил: «Мы изучаем возможность установления связи между Арктическим регионом и Международным транспортным коридором “Север–Юг”. Мы рассчитывает на сотрудничество с Россией в Арктическом совете и активно обсуждаем потенциальные направления сотрудничества, в том числе в сфере энергетической безопасности, научных исследований и транспортных связей» [Тамилин, 27.01.2020. С. 4].

Сотрудничество «Роснефти» с индийскими компаниями определяется стремлением восстановить сотрудничество по самому широкому кругу направлений, подтвердить заинтересованность в Индии как влиятельном союзнике на мировой арене. Россия заинтересована в том, чтобы партнеры финансировали затраты на шельфовых проектах. Участие ONGC-OVL в арктических проектах поможет индийской компании закрепиться на российском северном нефтегазовом рынке.

Индия и впредь намерена принимать активное участие в инициативах, связанных с проблемами Арктики, используя членство в Арктическом совете. Партнерство Дели с Россией может способствовать сдерживанию Китая в его соперничестве с Индией в борьбе за энергетические ресурсы, в том числе в Арктике.

References

Antyushina N. M. Arctic: new format of International Cooperation. Reports of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, № 37, Moscow, 2014. (in Russian)

Antyushina N. M. Expansion of the Arctic Club is a new trend. International Economics, 2014, no. 9б, pp. 65–78. (in Russian)

Konovalova Yu. A. Indian interests in the Arctic region. World Economy. Series 1. Economics and law, 2014, no. 4, pp. 145–151. (in Russian)

Lunev S. I. India rushed to the Arctic // Arctic region. Problems of International cooperation. In three volumes. Russian international Affairs Council. Under the General editorship of I. S. Ivanov. M., Aspect Press, 2013. Vol. 1. P. 243–249. (in Russian)

International conference of representatives of the Arctic Council member States, Observer States and Foreign Scientific Community “Ensuring the security

and sustainable development of the Arctic region, preserving ecosystems and the traditional way of life of the indigenous population of the Arctic". Arkhangelsk. 16.09.2015. Moscow, 2015. P. 90–91. (in Russian)

Podoplekin A. O. O. The Arctic as an object of geopolitical interests of non-Arctic countries. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences, 2011, no. 2. S. 40–45. (in Russian)

Sentyurin Yu. RF i Indija budut iskat' uglevodorody v Arktike. 4 nojabrja 2014 g. // Novosti promyshlennosti, Arktika, uglevodorody. Rezhim dostupa: URL: http://promyshlennosts.ru/novosti-promyshlennosti/rf-i-indiya-budut-iskat-uglevodorody-v-arktike.html. (in Russian)

Observer countries in the Arctic Council: position and motives of activity. Moscow: ANO Center for strategic assessments and forecasts, 2014. S. 18–24. (in Russian)

Sergey Tamilin. This hot topic of the Arctic. India's involvement in the development of the ice continent confirms its global ambitions // Review Day of the Republic of India. Appendix No. 13. 27.01.2020. P. 4. (in Russian)

Alexander Shimberg. Why Does India Need the Arctic? // Regnum. URL: https:// regnum.ru/ society/ 2278644.html. New Delhi, May 23, 2017. (in Russian)

Sinha U. K. India in the Arctic: A multidisciplinary approach / Bulletin of Saint Petersburg University. International relations. Volume 12, Issue 1. 2019, March. S. 113–126. (in Russian)

Zhuravel V. P., Shaumyan T. L. India and the Arctic: environment, economy and politics // Arctic and North, 2016, No 24. P. 153–161. (in English)

SOFA AND MCC WITH SRI LANKA: DISCUSSIONS ON THE EVE OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN SRI LANKA – 2019

MICHAEL FERNANDO
BA (Ceylon), PhD (Berlin), Former Head of the Department of Fine Arts, University of Peradeniya, Sri Lanka, Former Editor-in-Chief of the News Paper 'Atta' ('Truth') of Communist Party of Sri Lanka
michaelfernando43@gmail.com

M. N. MOSEYKINA
PhD, DSc in History, Professor and Head of the Department of Russian History, RUDN University, Moscow, Russia
marina_moseikina@mail.ru

R. D. SENASINGHE
Post Graduate Student of the Department of Russian History, RUDN University, Moscow, Russia
roma.lanka@mail.ru

Proposed security agreements between Sri Lanka and the United States of America became a prominent topic in the 2019 Sri Lankan Presidential election which was held on the 16th of November. This question has had a decisive influence on the present political dialogue of the country and in determining the future political direction of Sri Lanka. To be precise, Gotabhaya Rajapakse, the main candidate representing a section of the traditional left including the Communist Party of Sri Lanka and center parties such as the Sri Lanka Freedom Party which were closely associated with the non-aligned movement and previously friendly towards the Soviet Union, has been accused of being an American Citizen. However, this citizenship problem did not affect his candidacy as the US embassy in Sri Lanka kept silent on this matter. Sajith Premadasa, the other main candidate representing the bloc headed by the United National Party has ardently taken a traditional pro-American stance. Though anti-Americanism occupied a prominent place in Rajapakse's election campaign at the beginning it was dropped later on. But due to Prime Minister Ranil Wickramasinghe's declaration that the Millennium Challenge Corporation (MCC) agreement would be definitely signed by his government, the United States once again became a main target of Rajapakse's camp, and fear of US interference has been instilled in Sri Lanka. They went even to the extent to declare their opposition to the MCC agreement and made use of this position to criticize the candidate of the United National Party. After the presidential election, the group led by Rajapakses

seems to be faced by a dilemma as they want the money which come with the MCC agreement and also to show the people that they are against it. There seems to be a crisis within the alliance represented by the newly elected President Gotabhaya Rajapakse and the Prime Minister who is his elder brother Mahinda Rajapaksa. As described elsewhere in this paper they have appointed a four-man committee headed by prof. Lalithasiri Gunaruwan to examine whether this agreement contains any clauses which go against the interests of Sri Lanka. At the same time a section of the people including the National Peoples' Power (NPP) which contested the presidential election putting forward the leader of the Peoples Liberation Front (JVP) Anura Kumara Dissanayake as their candidate at the 2019 presidential election has started a campaign against the policy of the Government. While speaking against it at many fora such as TV discussions and social media the JVP has already written to the president asking not to sign the MCC agreement and to follow their pre-election policy which was against it. It seems that the newly appointed president and his followers are trying to find and excuse to justify ACSA and SOFA agreements and to sign MCC agreement with the US.

Keywords: Sri Lanka, global politics in South Asia, US bilateral defense agreements, Chinese Silk Route project, relations between small and large countries, Status of forces agreement, Acquisition and Cross-Servicing Agreement, Millennium Challenge Corporation.

SOFA И MCC СО ШРИ-ЛАНКОЙ: ДИСКУССИИ НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ШРИ-ЛАНКЕ – 2019

МАЙКЛ ФЕРНАНДО

BA (Цейлон), PhD (Берлин), бывший заведующий кафедрой изящных искусств, Университет Перадения, Шри-Ланка, бывший главный редактор газеты «Atta» («Правда») Коммунистической партии Шри-Ланки
michaelfernando43@gmail.com

М. Н. МОСЕЙКИНА

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, РУДН, Москва, Россия
marina_moseikina@mail.ru

Р. Д. СЕНАСИНГХЕ

аспирант кафедры истории России, РУДН, Москва, Россия
roma.lanka@mail.ru

Рассматриваемые к подписанию соглашения о безопасности между Шри-Ланкой и США стали важной темой накануне президентских выборов в Шри-Ланке в ноябре 2019 г. и оказали решающее влияние на политический

диалог в стране. Г. Раджапакса был главным кандидатом, поддержанным частью традиционных левых и центристских партий. С. Премадаса, его основной оппонент, представляющий блок прозападной ориентации, занял проамериканскую позицию. Антиамериканизм оказался в центре внимания ланкийских политиков после сделанного тогдашним премьер-министром Р. Викрамасингхом заявления об обязательном подписании соглашения с институтом Сотрудничества «Вызовы тысячелетия» (МСС), что стало одним из факторов поражения Пермадасы. Избранный президентом Раджапакса оказался в сложном положении выбора внешнеполитического курса страны. В этих условиях оппозиционная Национальная народная сила начала антиправительственную кампанию с требованием отказаться от подписания соглашения МСС и следовать своей предвыборной программе. В свою очередь, действующая власть пытается найти оправдания соглашений ACSA и SOFA и будет добиваться подписания соглашение МСС с США.

Ключевые слова: Шри-Ланка, глобальная политика в Южной Азии, двусторонние оборонные соглашения США, проект «Шелковый путь Китая», отношения между малыми и большими странами, соглашение о статусе сил, соглашение о приобретении и перекрестном обслуживании, корпорация «Вызовы тысячелетия».

Introduction

The paper of Bruce Vaughn titled "Sri Lanka: Background and U.S. Relations" deals with US-Sri Lanka relations in various fields, paying considerable attention to the background of Human Rights and War Crimes in post-civil war Sri Lanka and examines the history of US-Sri Lanka relations, domestic politics, economy and US aids to Sri Lanka, specifically regarding the impact of USAID on the Sri Lankan agricultural sector[1]. Paper of R. Chuck Mason titled "Status of Forces Agreement (SOFA): What is it, and how has it been utilized?", provides a comprehensive and vivid description of categories of multilateral and bilateral agreements of USA with foreign countries, and on the status of US armed forces in the particular countries or organizations that are involved in such agreements. This article analyses the provisions and security arrangements of such agreements, describes the historical practices of bilateral SOFAs, and their statuses[2].

[1] *Vaughn Bruce.* Sri Lanka: Background and U.S. Relations, Congressional Research Service, CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. September 4, 2013. P. 1–14.

[2] *Mason R.* Chuck. "Status of Forces Agreement (SOFA): What Is It, and How Has It Been Utilized?", Congressional Research Service, CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. March 15, 2012. P. 1–30.

Definition of SOFA

US Legislative Attorney R. Chuck Mason presents a detailed definition describing several aspects of the agreements categorized as SOFAs. According to him "SOFAs are multilateral or bilateral agreements that generally establish the framework under which U.S. military personnel operate in a foreign country and how its domestic laws of jurisdiction apply toward U.S. personnel in that country"[1], especially relating to the matter of exercising criminal jurisdiction over U.S. personnel. He further comments that formal requirements concerning form, content, length, or title of a SOFA do not exist. SOFAs may be signed for a specific purpose or activity, or for a longer-term relationship, and provide for maximum flexibility and applicability. Other provisions provided for the U.S.A. are the wearing of uniforms, taxes and fees, carrying of weapons, use of radio frequencies, licenses and customs regulations. As described by Mason, a SOFA is not a defense or security agreement in itself, but it establishes the rights and privileges of U.S. personnel present in a country in support of a larger security arrangement. Furthermore, "SOFAs may be entered based on authority found in previous treaties and congressional actions or as sole executive agreements"[2]. SOFAs are drafted by The US Departments of State and of Defense and may consist of 1-200 pages. United States have signed more than 100 such agreements considered as SOFAs with foreign states such as NATO member countries, NATO PfP member countries, and other countries.

SOFA with Sri Lanka

Sri Lanka apparently became the first among South Asian nations that singed a SOFA agreement with the USA as far as in 1995. This followed the declaration of war by the LTTE, the Tamil separatist armed organization, on the 19th of May 1995. The LTTE was declared as a terrorist organization the by USA in 1997. It was during the tenure of President Chandrika Bandaranaike Kumaratunga, leader of the Sri Lanka Freedom Party which was inclined to a social democratic orientation. Diplomatic relations between

[1] Ibid.
[2] Ibid.

Ceylon and the socialist countries were established in the late 1950s since the said party came to power in 1956, whereby Ceylon gained considerable economic assistance from the socialist countries. A few examples are the Metallurgical plant in Oruwala, Tyre producing factory in Kelaniya, Flour milling plant in Modara, Sugar producing plant in Kanthale and many others.

Other South Asian nations that entered into such agreements with USA are Bangladesh in 1998, relating to the status of U.S. forces visiting Bangladesh, Nepal in 2000, in pursuit of the temporary stay of US military personnel in the Kingdom of Nepal necessitated by the Multi-Platoon Training Event and Afghanistan in 2002, relating to cooperative efforts in repulsing terrorism as well as providing humanitarian and civic assistance, military training and exercises, and other activities. Though India does not have a publicly acknowledged SOFA agreement with the United States, both countries engage in bilateral training exercises, despite India having close ties with Russia in the field of defense and military cooperation.

Purpose of the 1995 SOFA with Sri Lanka was to facilitate US military personnel, including advisors visiting Sri Lanka for exercises or other duties designed to primarily providing training and logistical assistance, solely at Sri Lanka's invitation. This agreement was strengthened with another one signed in 2007. As reported in the 'Sunday Times' of 13th October 2019, military relations between the United States and Sri Lanka comparative grew closer since the return of Gotabaya Rajapaksa (an American citizen and US-trained infantry officer) to Sri Lanka in December 2005 to be the Secretary of Defense, than during the tenure of President Chandrika Kumaratunge. According to diplomatic cables reviewed by the Sunday Observer, Robert O. Blake, the former US Ambassador in Colombo said that Rajapaksa would cite "strong personal connections between the United States and his country's leadership", in bilateral talks an allusion to the fact that his as well as two of his brothers' families were US citizens and residents"[1]. As authors of this article further described, US-Sri Lanka relations strengthened during the tenure of President Mahinda Rajapaksa, culminating with the signing of the 'Acquisition and Cross-Servicing Agreement' (ACSA). It was signed by Gotabhaya Rajapaksa as Sri Lanka's Defense Secretary and Robert O. Blake, then US Ambassador in Colombo. In other words, the

[1] *Borham M., Vipulasena A.* Inside the "secret" American defense agreements // Sunday Observer, July 14, 2019. P. 28.

agreement was signed between two American citizens, as acknowledged by President Mahinda Rajapaksa, elder brother of Gotabhaya. Moreover, the US had been lobbying the Sri Lankan government to sign the said ACSA agreement since 2002, as per US diplomatic cables reviewed by the *Sunday Observer*[1]. Nonetheless, the successive governments of Prime Minister Ranil Wickremesinghe, leader of the Pro-American United National Party and of President Chandrika Kumaratunge declined from reaching consensus on it for five years. However, the aforesaid article described it as follows: "'On January 27, 2007, a leaked cable gloats, 'Secretary Rajapaksa stated that he was ready to sign the agreement at any time convenient to the US'"[2]. That was the conduct of the Rajapaksa family and so it was signed without approval from his cabinet nor from parliament.

Economy and Defense

History of having defense agreements with European nations, especially with Great Britain, goes back to pre- and early post-independence era of Ceylon. European nations value the strategic importance of Ceylonese ports for international trade. Hence it was important for Ceylon to strengthen its sovereignty in the precincts of a powerful neighbor such as India. Thus, Ceylon entered into defense agreements with Great Britain relating to Trincomalee harbor in the east of the island and Katunayake airbase in the west during the aforesaid period[3]. Great Britain was a major investor of Ceylon's economy at that time and these economic relations have continued thus far, with UK becoming the second biggest export market for Ceylonese products such as cinnamon, tea, rubber, fisheries products and textiles as at 2009[4]. European Union (before Brexit) also became one of the main export markets for Sri Lanka in the last few decades due to the GSP concession granted by the EU. Approximately one third of Sri Lanka's exports are to the EU. They

[1] Ibid.

[2] Ibid.

[3] *Gunasekara Sandya Nishanthi.* Bandwagoning, Balancing and Small States: A Case of Sri Lanka // Asian Social Science. 2015. P. 212–220.

[4] *Kandaudahewa H.* Sri Lanka in Commonwealth: UK – Sri Lanka Political and Economic Relations. Proceedings of 8th International Research Conference, KDU, Sri Lanka, November 2015. P. 54–59.

also provide loans for investment projects in Sri Lanka. Similarly, EU is conscious of Sri Lankan efforts in such as areas as protection of human rights as well as individual rights. The USA is in agreement with the European people in these respects.

The establishment of diplomatic relations between China and Ceylon in 1957 also caused the development of trade and commerce. Mutual relations between the two countries initially strengthened with the Sino-Lanka rubber-rice agreement signed in 1952. Since then China has assisted Sri Lanka in every way: from the provision of vessels for the maintenance of its maritime power, as well as providing of naval training and military equipment. The importance of the Indian Ocean is highlighted by the fact that the world's major trade routes and fuel and crude oil transportation seas are in it. Thus, the Indian Ocean is of utmost importance to many countries including China. Meanwhile, China is also sponsoring a number of major investment projects in Sri Lanka such as highways, ports, airports, the Norochcholai power plant and the Port City (A total investment of US $ 1.34 billion from China). This is a precursor to Sri Lanka becoming an important stop-over in the Chinese Silk Route project. It is also important herein to note that the Hambantota Port in the South of Sri Lanka is leased to China. China's strategic objectives include the controlling of Colombo's naval power through the Port City and directing shipping. Nonetheless, the Chinese Ambassador Cheng Xueyuan addressing a meeting on last 29th of October stated that, whilst Sri Lanka's present debt stands at Rs. 56 billion, it owes China only Rs. 6 billion or approx. 11.5% of it. Hence, the story that Sri Lanka is entangled in a Chinese debt trap is wear false propaganda.

Sri Lanka is a much better place than the US base on Diego Garcia Island for a military base and for military maneuvers. Not surprisingly, some refer to Sri Lanka as the center of the world, or at least the center of the Indian Ocean. Mangala Samaraweera, Sri Lankan Foreign Minister once branded Sri Lanka as 'the Hub of the Indian Ocean' recently[1]. Meanwhile, strategic planners, officials and intellectuals clarified this stance as follows: "Sri Lanka aims to forge a dual identity; as the center of the Indian Ocean and

[1] *Samaraweera M.* Sri Lanka's Peace and Reconciliation Process. January 13, 2017. URL: https://www.news. lk/fetures/item/15646-sri-lanka-s-peace-and-reconciliationprocess (date of access: 17.10.2019).

an economic entry point to the Indian sub-continent"[1]. Dr. Saman Kelegama also sees Sri Lanka as "strategically located in Asia, next to the Indian sub-continent and in close proximity to Southeast Asia, and that its existence is coupled with a long history of engagements in the region, Sri Lanka is in an ideal position to foster strong relations with rising Asia"[2]. The question is whether this will be used for future purposes, and if so, by which country. China's strategic aim may be to use Sri Lanka as a geopolitical tool against US regional interests. Moreover, China seems to count Sri Lanka as a more easily utilizable ground in dealing with Taiwan and India.

Sri Lanka is closely aligned with India through SAARC agreements such as the South Asian Preferential Trading Arrangement, the South Asian Free Trade Agreement and the Indo-Sri Lanka Free Trade Agreement, the strongest in the South Asian region. India observes everything in Sri Lanka with great caution and is expected to protest the leasing the Trincomalee port. This was a condition of the Indo-Lanka Accord of 1997. However, India and the United States are currently undergoing a tough economic tug of war over trade. At the moment, the balance of trade between the two countries is US $ 1 billion. So, if the US plans to lease the Trincomalee port, India will have little choice except to oppose it. On the other hand, Sri Lanka is important to India, since it is a significant market for them. India has also traditionally provided loans to Sri Lanka for some of its development projects. In addition, Indian specialists made adequate and pragmatic calculations on Sri Lanka's importance for India and other parts of the world. R. Hariharan, a retired Indian army colonel and specialist in South Asian geopolitics told CNBC that "Sri Lanka lies just a few nautical miles away from the major east-west shipping route, through which an estimated 60,000 ships pass every year, carrying two-thirds of the world's oil and half of all container shipments. Sri Lanka is the pivotal point for a global grand strategy"[3]. Gauri Bhatia

---

[1] *Panditaratne D.* Re-Energising the SAARC Process", Lakshman Kadirgamar Institute. August 21, 2017. URL: http://www.lki.lk/events/lkis-dinusha-panditaratne-speaks-reenergising-saarc-process// (date of access).

[2] *Kelegama S.* China-Sri Lanka Economic Relations: An Overview, China Report Volume: 50 issue: 2, Sage Publication, May 1, 2014. P. 131–149.

[3] *Bhatia G.* China, India tussle for influence as Sri Lanka seeks investment, CNBC, April 24, 2016. URL: http://www.cnbc.com/2016/04/24/global-opportunities-china-india-tussle-forinfluence-as-sri-lanka-develops.html. (date of access: 15.10.2019).

stressed that "Sri Lanka's geography gives it an advantage disproportionate to its size"[1]. Prof. Polly Diven of Grand Valley State University Grand Rapids, Michigan USA says that, despite the support expended by India to the separatist movement in Sri Lanka in the 1980s, India has given umpteen military assistance to the government of Sri Lanka, including radar, offshore patrol boats, and five Mi-15 helicopters used to defeat the LTTE at the final stage of the civil war in northern Sri Lanka. J. R. Jayewardene, the then President of Sri Lanka also received military assistance from many countries including Britain, China, Pakistan, and Israel[2] in the 1980s.

According to CIA reports, "Sri Lanka's economy now relies mainly on the services sector and has a thriving tourism market. It additionally relies on agriculture and, to a lesser extent, industry, the largest exports being garments, tea, spices, rubber, gems and jewelry, refined petroleum, fish, and coconut products. Nearly 20% of the nation's exports reach the United States and the other large trading partners include India and several European Union nations"[3].

It is important to note that the US could influence Sri Lanka in many ways. The government of Sri Lanka may have to agree to any proposal that would allow foreign currency to flow into Sri Lanka if it is pushed to the point where it cannot afford to repay its debts. This is a good way for the US to influence Sri Lanka into signing a SOFA-type agreement. It is possible that Sri Lanka will now have a new agreement that surpasses the previous one signed with Gotabhaya Rajapaksa. Pro-American government of Ranil Wickramasinghe has made some initiatives to sign such an agreement, but President Maithripala Sirisena was not responsive to these moves. Considering this background, it is not difficult to see that despite the ongoing political battle for power between the two sides, there is no real program but just anti or pro-American grand-standing. Ultimately, the two standing parties will be forced to sign such an agreement with US, after the elections.

The two main Presidential candidates have not expressed their views on the subject matter thus far. While it is obvious that Gotabhaya Rajapakse's

---

[1] Ibid.

[2] *Brewster D.* Sri Lanka Tilts Back from China", East Asia Forum, September 17, 2015. Pp. 69–81.

[3] Sri Lanka, The World Factbook, Central Intelligence Agency, 2013.

citizenship is in dispute, he is unable to say anything about it. Moreover, he is the one who signed and expanded the 1995 agreement as well.

It is noteworthy that President Maithripala Sirisena, the former leader of the Sri Lanka Freedom Party (SLFP), traditionally loyal to the Soviet Union, has not signed the imposition of this power-seeking agreement, despite the United National Party (UNP), the main US ally in Sri Lanka, being in the government as its major partner.

On the other hand, the US Embassy has not yet responded to enquiries made from then regarding the question of Gotabhaya's citizenship. Alaina B. Teplitz, the US Ambassador in Colombo said it was a personal matter. The 19th Amendment of the Sri Lankan Constitution does not allow a dual citizen to become president.

Anura Kumara Dissanayake, Presidential candidate and leader of the leftist People's Liberation Front as well as other left oriented candidates contesting for the Presidency strongly condemn these agreements. Nevertheless, the Peoples Liberation Front has also mentioned that it is not opposed to any such agreements, as long as they are not harmful to the independence of Sri Lanka.

Meanwhile, Nagananda Kodituwakku, who was preparing for the Presidential race at the outset, stated that these agreements would threaten the sovereignty of Sri Lanka. However, he did not seek nomination for the election.

The US Embassy has stated in an interview with the Lankadeepa newspaper that the Government of Sri Lanka has approved the Acquisition and Cross-Servicing Agreement in 2017. This agreement generally used by the NATO countries and the US, and covers common types of support including food, fuel, transportation, ammunition and equipment. The Ambassador also stated that it will allow troops of both countries access to each other's goods and services. However, it is obvious that American troops will be at an advantage in such an agreement. The Ambassador stated that the proposed SOFA agreements are still in talks. The Millennium Challenge Corporation is also planned to launch its own development program. They also plan a grant for the development of Sri Lankan infrastructure including its road network. The grant is a tool to pressure Sri Lankan authorities toward signing these agreements.

Meanwhile the UNP government announced on the 29th of October that it would sign the MCC grant agreement with the US at an early date, meaning before the Presidential elections, irrespective of the wishes of the President.

Thus, the opposition suspect that the government has surreptitiously concluded a military co-operation agreement as well. It is evident that the UNP has indicated to the US government that not only influence, Gotabhaya Rajapakse, but they too can take bold decisions, and thereby will seek American support for its candidate, Sajith Premadasa in the coming Presidential elections. Meanwhile, the Sunday Observer which captions this as 'Sri Lanka's largest ever development grant' revealed that the initial discussions in pursuit of this issue was held during the, 2nd term of Mahinada Rajapakse's tenure. It was also mentioned that Sirisena Amarasekara, Secretary of former Premier D. M. Jayaratna went to Washington for talks on this matter.

However, a significant event took place in Sri Lanka's political arena recently regarding the agreement. A Buddhist monk, who subsequently died, had demanded the withdrawal of this agreement in a letter, which had given to Sajith Premadasa, the UNP Presidential candidate. Among the things mentioned in the said letter was the fact that he would not cause to sign this agreement without presenting it into Parliament as well as informing the general public regarding it. Gotabhaya Rajapakse however has not expressed any views on this matter.

Deepthi Kumara Gunaratna, an independent political commentator mentioned that whichever party wining the elections has to consent to this agreement.

Conclusions

All these factors have become decisive in determining the current geo-political balance of Sri Lanka. It is clear that China wishes to fill in the vacuum created by Russia's withdrawal from the South Asian region since the collapse of the Soviet Union and the eventual change of direction of the foreign policy of the Russian Federation. Right now, the economic and socio-political struggle between China & the USA, the rivalry between China & India as well as economic co-operation between India & USA are all more important to the issue at hand. Thus, the importance of Sri Lanka having good relations with these three major countries has become decisive to the future of Sri Lanka. What can happen to us in consequence of the aforesaid American war agreements is that Sri Lanka, formerly an outstanding member of the non-aligned movement, will have to dissociate from its old friends and

enter into new alliances. How Sri Lanka would cope with this new challenge, whilst retaining its past reputation, will be illustrative of how relations between small and large countries will develop in the 21st century.

However, the situation seems to have changed after the presidential election held on the 16th of November 2019, at which time Gotabhaya Rajapakse representing the common opposition, became the new President. As already mentioned the opposition was against a infinite time period for the SOFA. At the presidential election, they promised not to sign the MCC agreement with a US agency. Now the new President says that he will not sign the MCC agreement without reconsidering its clauses carefully. There are three trends among the supporters of the present President. Some people like Wimal Weerawnsa and Vasudedeva Nanayakkara are directly against the signing or extending of prevailing agreements such as SOFA, ACSA and MCC. At the same time some people such as Udaya Gammanpila, who supported the present President during the election, does not seem to be not against the MCC even though they used the MCC agreement to attack the government of the UNP. The policy of the present President seems focused on reconsidering some of the clauses of the MCC. The President have already appointed a committee to review the agreement.

On one hand, the President will find it very difficult to refuse a huge sum of $ 480 million due to an impending financial crisis. On the other hand, he faces the unpleasant task of signing an agreement which he opposed during the presidential election. Finally, it is likely that the President will agree to extend the period of existing SOFA and ACSA agreements, and to sign the MCC agreement with some changes which will not affect the spirit of either agreement.

References

Borham M., Vipulasena A. Inside the “secret” American defense agreements, Sunday Observer, July 14, 2019. P. 28.

Brewster D. Sri Lanka Tilts Back from China, East Asia Forum, September 17, 2015. P. 69–81.

Gunasekara, Sandya N. Bandwagoning, Balancing and Small States: A Case of Sri Lanka, Asian Social Science. 2015. P. 212–220.

Kandaudahewa H. Sri Lanka in Commonwealth: UK- Sri Lanka Political and Economic Relations, Proceedings of 8th International Research Conference, KDU, Sri Lanka, November 2015. P. 54–59.

Kelegama S. China-Sri Lanka Economic Relations: An Overview", China Report Volume: 50 issue: 2, Sage Publication, May 1, 2014. P. 131–149.

Mason R. Chuck. Status of Forces Agreement (SOFA): What Is It, and How Has It Been Utilized?, Congressional Research Service, CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. March 15, 2012. P. 1–30.

Sri Lanka, The World Factbook, Central Intelligence Agency, 2013.

Teplitz, Alaina B. "We are ready to cooperate with any government to be elected", Lankadeepa, October 6, 2019. P. 14.

Vaughn B. Sri Lanka: Background and U.S. Relations, Congressional Research Service, CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. September 4, 2013. P. 1–14.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В АЗИИ

КИМ ЕН УН
ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН
kimkorea@list.ru

Объективный процесс глобализации как формирования и утверждения в человеческом сообществе достижений науки, техники и производительных сил, близких по своим характеристикам и качеству орудий и предметов труда, получил ускорение с началом информатизации и цифровизации в конце XX – начале XXI вв. Он оказал существенное влияние на увеличение массы материальных ресурсов для жизнедеятельности людей, а также на развитие образования и культуры.

Вместе с тем глобализация не только сопровождалась многими негативными моментами как в социальной, так и в экологической сферах. В политической области она фактически привела не к гармонии, а к провалу глобализации, как это замышляли те, кто провозгласил и продвигал глобализацию как универсальное средство прогресса человечества под руководством единоличного лидера так называемого однополюсного мира.

Глобализация серьезно меняет баланс сил в международной политике. Сейчас основные экономические и научно-технологические, политические соперники коллективному Западу растут в Азии, которая возвращает себе свою историческую роль в развитии как экономики, так и цивилизации. В настоящем исследовании ставится задача выявить основные сферы, формы социального и экономического развития азиатских стран, влияющих на изменение баланса сил в Азии, в частности в Северо-Восточной Азии, также перспективы дальнейшего возрастания роли и значения Азии, оказывающих решающее влияние на общий баланс сил в мире и по-новому ставящих вопросы устойчивого развития, сотрудничества и обеспечения безопасности всех стран.

Ключевые слова: Глобализация, поляризация, расслоение, баланс сил, коллективный Запад, Азия.

GLOBALIZATION AND CHANGING THE BALANCE OF POWER IN ASIA

KIM EN UN
Associated professor, PhD in Philosophy, Leading Research Fellow / Center for Korean Studies of the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
kimkorea@list.ru

The objective process of globalization as the formation and approval in the human community of the achievements of science, technology and productive forces that are similar in their characteristics and quality of tools and objects of labor was accelerated with the beginning of informatization and digitalization in the late XX–early XXI centuries. It has had a significant impact on increasing the mass of material resources for the life of people, as well as the development of education and culture.

At the same time, globalization was not only accompanied by many negative aspects in the social and environmental spheres, but also in the political sphere, which actually led not to harmony, but to the failure of globalization, as was planned by those who proclaimed and promoted globalization as a universal means of human progress under the leadership of the sole leader of the so-called Unilateral world.

Globalization is seriously changing the balance of power in international politics. Now the main economic, scientific, technological, and political rivals to the collective West are growing in Asia, which is regaining its historical role both in the development of the economy and in civilization. This study aims to identify the main areas and forms of social and economic development of Asian countries that affect the change in the balance of power in Asia, as well as the prospects for further growth of the role and importance of Asia, in particular, in North-East Asia, which have a decisive impact on the overall balance of power in the world and raise issues of sustainable development, cooperation and ensuring the security of all countries in a new way.

Keywords: Globalization, polarization, stratification, balance of power, collective West, Asia.

Внешняя политика любого государства всегда исходит из задачи обеспечения безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, а также создания благоприятных внешних условий ее развития[1]. Почти на всем протяжении существования государства эти задачи обеспечивались главным образом военной силой, подкрепленной экономической мощью и частично умелой дипломатией.

Возникновение биполярного мира в середине XX в. внесло существенные изменения в принципы, цели и задачи внешней политики, предотвратив возможность возникновения мировой войны, ставшей печальной закономерностью империалистической политики, закрепив уважение и охрану суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и отказ о войны как средства решения международных проблем и провозгласив мирное сосуществование государств.

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/ content/id/2542248 (дата обращения: 01.12.2016).

Вместе с тем попытки решения международных и межгосударственных проблем путем применения военной силы или угрозы ее применения все еще оставались среди методов внешней политики империалистических государств, что приводило к многочисленным локальным конфликтам. Особенно они участились в период, когда исчезла биполярная система в силу распада мировой системы социализма и самое могущественное на тот момент как в военном, так и в экономическом отношении государство попыталось явочным порядком утвердить однополярность, т. е. единоличное определение норм внешней политики, а также торгового, экономического и культурного сотрудничества под названием «глобализация». Многими политиками и учеными-политологами большие надежды в плане сохранения мира и устойчивого развития возлагались именно на глобализацию.

Глобализация по-американски: суть и результаты

З. Бжезинский считал, что распад СССР, приведший к доминированию США в мире, является одним из признаков изменений базовых основ международных отношений. По его мнению, эти изменения ускоряются под влиянием современной экономики и коммуникаций и отражают «сокращение первичности нации-государства и появление более прямой связи между внутренней и глобальной экономикой и политикой. Все в большей степени мировые дела формируются внутренними процессами, не признающими границ и требующими коллективной реакции со стороны правительств, которые все в меньшей степени способны действовать в «суверенном режиме» [Brzezinski, 1993. P. 91].

В свое время было у части российских политологов и такое мнение, что идейным фундаментом глобализации является тот факт, что «рыночная экономика, политическая демократия, идейный плюрализм, открытое общество стали общезначимыми ориентирами в движении вперед. Впервые в истории абсолютное большинство живущих на Земле людей постепенно вырабатывают общее понимание основных принципов жизнеустройства [Кувалдин, 2002. С. 166].

Вообще-то, это была весьма спорная постановка вопроса, так как она была призвана создать видимость того, что в новых условиях агрессивная сущность основных империалистических держав, и прежде всего

США, как-то будет нивелироваться из-за их уменьшающейся способности «действовать в суверенном режиме», как это было в первой половине XX в., когда они подготовили и развязали две мировые войны, да и во второй половине века продолжали свои агрессивные вмешательства в дела неугодных стран, часто организуя государственные перевороты, приводя к власти своих прямых или косвенных ставленников.

Но такая позиция одного из идеологов политики глобализации была призвана вовлечь все страны мира в систему прежде всего международных торговых отношений под лозунгами утверждения справедливых общепризнанных норм международного права, регулирующих торговые, внешнеэкономические, финансовые, а также внешнеполитические отношения в мире. Но при этом они умалчивали тот факт, что все эти так называемые нормы международного права формулировались и утверждались ими же, правоведами их государств. Нельзя забывать, что для вступления в созданную в 1995 г. бывшими участниками Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) Всемирную торговую организацию, страна-кандидат должна была получить согласие каждого из членов ВТО (т. е. прежде всего членов бывшего ГАТТ, а это были в подавляющем большинстве высокоразвитые капиталистические страны, а также часть политически и экономически зависевших от них отсталых стран), договариваясь о предоставлении им определенных преференции, открывая свои рынки для их товаров, а также соглашаясь на открытие всех своих финансовых операций. К тому же почти вся мировая торговля, в особенности по ключевым товарам в области энергетики и металлов, станков, приборов, семян, племенного скота велась исключительно в долларах, а затем и в евро. Соответственно, все страны, вступающие в ВТО, вынуждены были для ведения внешней торговли проводить расчеты во внешней торговле и во внешнеэкономических связях через банки США и Евросоюза, пользоваться расчетными системами этих же стран, соответственно, и платить за это.

Поэтому глобализация привела к еще большему обогащению итак богатых людей, развитых стран в ущерб интересам слаборазвитых и развивающихся государств. Например, с 1980 г. доля доходов самых богатых 1% людей выросла с 16 до 20,4% в общем доходе всего занятого населения, тогда как на долю 50% низко- и малообеспеченных людей приходилось около 10%. То есть 1% богатых имеют доходы, превыша-

ющие в 2 раза доходы 50% мало- и низкооплачиваемых. Еще больше доля доходов 10% богатых людей, соответственно, на Ближнем Востоке составляет 65%, в Африке – 55% всего дохода людей (здесь 10% богатых имеют, соответственно, в 6,5 и 5,5 раза больше доходов, чем 50% населения страны с малыми и низкими доходами). Большие цифры поляризации доходов зафиксированы в совершивших экономический рывок в условиях рыночной экономики эпох глобализации в КНР и Индии – соответственно, 40 и 55%[1].

Глобализация сопровождалась снижением уровня жизни различных слоев общества, а также вымыванием в капиталистических странах слоя среднего класса и его вытеснением в разряд малодоходных или бедных групп населения, ухудшением трудовых прав наемных работников. Так, например, в 1980 г. доля среднего класса в США, если за средний класс брать лиц, не входящих в 10% самых богатых людей и 50% низкодоходных людей, т. е. 40% имеющих доходы людей, составляла 46%, а в 2016 г. – 40%, т. е. доля их доходов снизилась на 13%. При этом одновременно упала доля нижних 50% занятого населения: в 1980 г. в США они имели 20% дохода, а в 2016 г. их доля снизилась до 13%, т. е. на 35%[2].

Никакая демократия в развитых буржуазных странах в условиях глобализации не могла укрепиться. Наоборот, все больше происходит вымывание демократии, снижение ее потенциала. Вот как об этом писал еще в 2007 г. профессор Калифорнийского университета в Беркли Роберт Райх: «Обычно считается, что с развитием капитализма в стране должна расцвести и демократия, и наоборот – развитие демократии содействует росту капитализма. Между тем сегодня их пути расходятся. Капитализм, долгое время считавшийся неотъемлемым “инь” для демократического “ян”, действительно процветает, в тот время как демократия с трудом удерживает позиции. Если капитализм стал исключительно успешно откликаться на нужды граждан как частных по-

[1] *Сон Чжон Ук.* Сеге пулпхендын-ый кваго хенчжэ кыриго мирэ [손정욱. 세 계 불평등의 과거, 현재, 그리고 미래]. *Сон Чжон Ук.* Поляризация доходов в мире: прошлое, настоящее и будущее. Режим доступа: URL: http://www.jpi.or.kr/kor/regular/policy_ view.sky?code= archive&id=5732 (дата обращения: 30.03.2020).

[2] World Inequality Report. English Edition. URL: https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-english, p. 6 (дата обращения: 30.03.2020).

требителей, то демократии становится все труднее осуществлять свои основные функции: ясно определять общественное благо, действовать во имя этого блага и способствовать развитию общества и равноправию граждан. Мы остро нуждаемся в том, чтобы провести четкую границу между глобальным капитализмом и демократией» [Роберт Райх, 2008. С. 81, 82].

Хотя возникновение все более взаимосвязанного мирового рынка товаров, труда, капитала, услуг и закономерности развития техники и технологий, науки объективно усиливали тенденцию глобализации в развитии экономики, науки, торговли, тот вариант глобализации, который был осуществлен в конце прошлого и в первое десятилетие нынешнего века представлял собой утверждение американских стандартов в мировых делах. Самозваные унилатералисты (авторы однополярного мира) настолько уверовали в свое могущество, что явочным порядком стали вводить экстерриториальные ограничительные меры, распространяя внутреннее законодательство на зарубежные страны, на весь мир, широко используя вторичные санкции, т. е. накладывая санкции не только к тем странам, на которых они их наложили, но и на те страны, которые не хотели вслед им вводить и осуществлять рестрикции к жертвам санкций США. Эти действия привели к подрыву норм международного права и его замене правом сильного, т. е. к законам джунглей.

Глобализация и рост новых сил в мире

Инициаторы политики глобализации не учли, что целый ряд стран сумеет, пока не опомнились США и ЕС, воспользоваться установленными ими стандартами, нормами международного права, используя преимущества низкой стоимости трудовых ресурсов по сравнению с развитыми странами, крупные компании которых в погоне за наживой стали переносить огромное количество не только трудоемких но и технологичных производств в развивающиеся страны, располагавшие не только дешевой рабочей силой, но и квалифицированными кадрами. Все это привело к тому, что, например, КНР стала своеобразной мастерской мира, как некогда Великобритания в эпоху первой промышленной революции. Многие из развивающихся стран, в особенности те, что стали именоваться новыми индустриальными странами, доби-

лись впечатляющих успехов в экономическом и техническом развитии, стремительно догоняя, а затем начиная превосходить основные империалистические страны по объему ВВП как в номинальном выражении, так и по паритету покупательной способности. Это относится к КНР, Индии, Бразилии, России, Южной Корее, в целом государствам Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Политика глобализации привела к возникновению новых сильных экономик и, соответственно, новых центров экономического и политического влияния, мощных региональных сообществ. Они стали оказывать сопротивление политике однополярности, утверждая многополярную (полицентричную) систему международных отношений. Кроме того, бремя управления всем миром оказалось непосильным для самозваного мирового гегемона, называвшего себя супердержавой, а также его союзников и сателлитов.

Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г.: «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств»[1].

В этих условиях важное место отводится «развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций»[2], которое осуществляется не только по линии государства, но и общественных организаций и межличностных контактов..

Эту форму диалога и взаимообогащения культур принято называть «мягкой силой» в сфере международных отношений. Для того чтобы государство и общество могли принять участие в этом диалоге, необходимо иметь не только желание, но и возможности, в том числе финан-

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 01.12.2016).

[2] Там же.

сово-экономические. Поэтому более или менее устойчиво и последовательно мягкая сила начинает применяться с того момента, когда страна выходит на уровень среднеразвитой.

Баланс сил в Северо-Восточной Азии и судьба статус-кво в регионе

Если посмотреть ситуацию в Северо-Восточной Азии, можно увидеть существенные изменения в балансе сил. В самом деле, каким был этот регион в 1953 году, когда закончилась Корейская война (1950–1953 гг.)? В регионе усилилось присутствие США, которые тогда имели половину всего объема промышленного производства в мире. Был почти восстановившийся после Второй мировой войны СССР, который тогда уступал США по экономической мощи в 10 с лишним раз, был экономически слабый Китай, который тогда только становился на ноги как централизованное буржуазно-демократическое государство в народно-демократической форме, относившиеся к беднейшим государствам мира на тот момент КНДР и РК, и была еще слабая экономически и политически совершенно незаметная страна Япония.

Китай и СССР уступали США по вооружению, по технической оснащенности вооруженных сил. Да, СССР к тому времени создал атомную бомбу, но еще не создал водородную бомбу, и, самое главное, у него не было средства доставки этого ядерного оружия на территорию США. СССР и Китай уступали США и по международному влиянию, так как в руках США был такой мощный элемент давления на все государства, как ООН, через которую они могли, используя своих сателлитов, протаскивать весьма выгодные для себя оценки тех или иных явлений международной жизни. А Китай вовсе был лишен и места в ООН, так как его место там занимал Тайвань, разгромленный на материке, но благодаря поддержке США и отсутствию приличного военно-морского флота у КНР сумевший создать государство и сохранить членство в ООН, которое было у потерпевшего поражение в гражданской войне гоминьдановского правительства. В то же время Корейская война показала, что США не всемогущи, что они не смогли разгромить слабое государство, которое пользовалось поддержкой СССР и его союзников. И это оказалось существенной причиной того, что удалось не допустить

повторения новой войны на Корейском полуострове. Этот сложившийся баланс сил в СВА создал так называемый статус-кво, в котором всегда учитывался фактор военного, политического и даже экономического присутствия США в регионе.

Но неумолимая логика развития научно-технического прогресса и умелое использование возможностей человеческого капитала позволили постепенно менять баланс сил не только в мире, но и в регионе. Так, через 20 лет после окончания Корейской войны СССР стал не только второй по мощи военной державой мира, но и второй промышленной державой мира, а также второй по влиянию политической силой в мире. К тому времени Китай стал ядерной державой и, пройдя через череду внутриполитических потрясений, вышел на путь реформ. Япония наращивала свой экономический потенциал и была близка к тому, чтобы стать второй экономикой мира. Был период еще через 20 лет после окончания Корейской войны, когда распался СССР и позиции сил, противостоящих США и их союзникам в регионе, серьезно ослабли. 15 независимых государств, образовавшихся после исчезновения второй в мире промышленной и военной державы – СССР, не смогли удержать былые позиции СССР в экономике и в политическом влиянии. Но России, как продолжателю СССР, удалось сохранить мощный рычаг влияния на международные дела – членство в Совете Безопасности ООН, а также не потерять свой ракетно-ядерный потенциал. Хотя баланс сил в СВА несколько изменился, но положение России как второй по мощи военной державы позволило сохранить имеющийся до распада СССР статус-кво.

Прошло еще 20 лет, и сложилась новая картина с балансом сил в СВА, т. е. во втором десятилетии XXI в. Здесь сосредоточено влияние трех первых в мире экономик – США, Китая и Японии. Здесь же Россия и Южная Корея, которые занимают 12-е и 13-е места в мире по экономике, т. е. представлены 5 государств из группы 20 наиболее крупных экономик мира и их совокупный ВВП превышает половину мирового ВВП. Сейчас здесь прямые интересы трех официально признанных и одной де-факто ядерной державы. Сегодня материковую часть США может разрушить ракетно-ядерное вооружение трех государств (России, КНР и КНДР). Совокупная военная мощь России и КНР, а также КНДР превышает мощь США. И этот баланс военной мощи будет все

больше меняться в пользу не США. Известно, что КНР хочет завершить свою программу создания мощных вооруженных сил к 2035 г., т. е. к тому времени она будет обладать сопоставимой с США военной мощью во всех компонентах вооруженных сил, т. е. во всех видах и родах войск.

Сейчас можно сказать, что в балансе сил в регионе, а также в экономических возможностях произошли существенные перемены. И то, что США пошли на переговоры высших руководителей с КНДР, как раз отражает этот изменившийся баланс военных сил в регионе. Изменилось и экономическое значение каждой из этих стран для других государств. Так, например, доля США во внешней торговле Республики Корея снизилась с 75% в 1953–1959 гг. до 8% в 2019 г., а доля Китая составляет четверть всего внешнеторгового оборота РК. Считается, что к 2030 г. КНР гарантированно превзойдет США по ВВП в номинальном выражении, а не только по паритету покупательской способности, как это имеет место сейчас. У России есть шанс к тому же времени выйти на 5-е место в мире по экономической мощи.

Существенные изменения произошли в положении Японии за последние 30 лет. В 1990 г. доля Японии в ВВП Восточной Азии составляла 70,53%. Доля КНР составляла 9%; КНДР, Монголия, Вьетнам, Лаос, вместе взятые, – 1,04%; Южная Корея и Тайвань – 6,03%; страны АСЕАН (без Вьетнама и Лаоса) – 5,99% (тогда авторы обзора включили в этот регион Австралию и Новую Зеландию, доля которых составила 7,42%) [Far Eastern Economic Review, 1990. P. 6–7].

В 1989 г. ВВП Японии составлял 3 трлн 130 млрд. долл., а ВВП Южной Кореи – 210 млрд. долл. При этом ВВП Японии рос темпами 6,6%, т. е. на 206 млрд. долл. в год.

На 2020 г. ВВП Японии составляет 5 трлн. долл, а РК 1,66 трлн., т. е. ВВП Японии вырос в 1,6 раза, а РК – в 8 раз. Можно напомнить, что ВВП Японии в 1989 г. превосходил ВВП РК в 16 раз, а сейчас всего в 3 с небольшим раза. И не подлежит сомнению, что в ближайшие 20 лет РК, если будет расти как в последние 20 лет, практически догонит Японию по ВВП, притом, что население РК в 2 с лишним раза меньше, чем Японии.

ВВП КНР в 1989 г. составлял примерно 300 млрд. долл., т. е. уступал Японии в 10 раз. Сейчас только по номинальному курсу доллара

14 трлн. долл., т. е. превосходит ВВП Японии почти в 3 раза и не подлежит сомнению, что в пределах предстоящих 10 лет он превысит ВВП США и показатели Японии не менее чем в 4 раза.

По данным газеты «Никкей синбун», ВВП Японии в 1989 г. составлял 55% от ВВП США, и прогнозировалось, что к 2020 г. он сравняется с ВВП США. Но этого не произошло, так как США увеличили свой ВВП в 3 раза и при этом накопили долгов, превышающих ВВП, т. е. более 22 трлн. долл. За это время ВВП Японии рос очень медленно (за 40 лет всего на 60%), серьезно все эти годы уступая среднемировым темпам развития, не говоря уже о темпах развития своих соседей – КНР и РК. Внешний долг Японии сейчас превышает в 2 раза ВВП, что, конечно, является очень серьезным тормозом в ее экономическом развитии. Ведь в отличие от США, чья валюта является преобладающей, почти монопольной валютой в международных торговых и финансовых расчетах, к тому же имеет возможность бесконтрольно печатать свою валюту в неограниченных количествах. Япония таких возможностей лишена, хотя частично ее валюта хранится в некоторых странах в валютных резервах.

Как в период холодной войны, так и в более позднее время теоретики международных отношений часто рассматривали баланс сил в основном как определенное равновесие сил конкурирующих, конфронтационных. При этом считалось, что усиление силы одной из сторон баланса непременно угрожает другой или другим. Так, Ганс Моргентау писал: «В плюралистском международном сообществе если одна держава приобретает новую значительную силу, угрожая другим, то последние начинают координировать и кооперировать свои силы для отражения этой угрозы и восстановления прежнего баланса сил» [Morgenthau, 1985. P. 208]. В 1996 г. в изданной в России монографии южнокорейский автор Ким Юн Дук писал: «Политика баланса сил в самом широком ее значении означает распределение властных функций между государствами или их коалициями. Если сила какого-либо государства, в том числе вооруженная, возрастает по сравнению с остальными и возникает опасность нарушения существующего до сего момента равновесия, то ответом на это будет противоположное движение, направленное на обеспечение своей модели сферы влияния. Это движение сводится, таким образом, к тому, чтобы, с одной стороны, воспрепятствовать более сильным занять более выгодные позиции, а

с другой стороны, слабые стремятся сохранить прежний баланс сил. В международных отношениях рост силы одного государства может происходить, как правило, за счет относительного ослабления сил других стран» [Ким Юн Дук, 1996. С. 59].

Отсюда очень интересное и грустное явление, связанное с балансом сил, например, в Северо-Восточной Азии или конкретно на Корейском полуострове, когда под балансом сил понимается только баланс внешних сил в регионе. То есть при анализе этого баланса сил страны региона фактически рассматриваются исключительно как объект, а не субъект международных отношений и баланса сил. Поэтому, например, вышеупомянутый автор в своей монографии в динамике баланса сил совершенно не учел возможности самих корейских государств. Между тем нельзя правильно оценить баланс сил и на Корейском полуострове без учета политики и возможностей влияния самих корейских государств. Ведь в рассматриваемом им балансе сил из четырех государств, только одно является внешним актором (США), а три остальных (Россия, КНР, Япония) – территориальные соседи обоих корейских государств, а также друг друга.

Произошли серьезные изменения и в политическом весе в регионе. Китай в 1979 г. вернул себе место в ООН и его высшем органе – Совете Безопасности. Его вес в мире сейчас неоспорим. Стоит обратить внимание на то, как Китай вовлек в реализацию своего проекта «Один пояс, один путь» не только отдельные страны, но и крупные экономические сообщества. Предложение Китая о единой судьбе человечества стало общепризнанным термином в международных отношениях. Существенно стала меняться и роль России как одной из мировых держав. Многие важнейшие проблемы в мире в настоящее время невозможно решать без учета, а зачастую и без участия России. При этом, если посмотреть на проделанную Россией работу в Сирии, то речь идет о государстве, способном решать проблемы, которые другие страны не могли или отказывались решать. Можно взять другую проблему: как России удалось создать формат ОПЕК+ и, не будучи членом ОПЕК, договориться с его членами о регулировании добычи нефти, чтобы стабилизировать цены на нефть, что, несомненно, положительно сказалось на развитии мировой экономики.

Заключение

Проведенное исследование показывает не только общее изменение баланса сил в эпоху глобализации, которое произошло вопреки надеждам крупнейших империалистических государств на глобализацию а-ля США и Запад. Новые центры силы, выросшие благодаря умелому использованию возможностей глобализации в сфере экономики, науки, технологии, торговли, все более подтачивают так называемый однополярный мир, который виделся идеологам глобализации как окончательный ее результат. Кроме того, в настоящее время происходит весьма трудный и требующий глубоко разработанной стратегии и умелой тактики утверждения многополярный мир. Изменился в Северо-Восточной Азии военный, экономический и политический баланс сил. Может ли в этой ситуации остаться неизменным статус-кво, который сложился в 1953 г.? Тот статус-кво позволил не допустить новой войны на Корейском полуострове. Здесь немалую роль сыграло и заявление США президенту РК Ли Сынману о невозможности поддержки РК в случае новой войны с Северной Кореей. СССР, со своей стороны, заключением Договора о мире, дружбе и взаимной помощи не только предупредил враждебные к КНДР силы от нападения на нее, но и саму ее удержал от намерений объединить Корею путем помощи восставшим трудящимся Юга.

Баланс сил в международных отношениях есть соотношение политики, влияния авторитета государств субрегионов, регионов, макрорегионов и мира. Под влиянием понимается в данном случае весомость аргументов и действий государства, оцениваемых другими акторами. При этом вовсе не обязательно, чтобы изменение баланса было связано с какими-то коварными или агрессивными действиями одного государства или группы государств. Баланс сил складывается из политических, дипломатических, экономических и военных возможностей той или иной страны, или группы стран. При этом наиболее весомыми факторами здесь выступают последовательность и твердость позиции, а также дипломатические навыки.

Нужно отметить, что статус-кво образца 1953 г. был непрочным, он не позволил решить корейскую проблему, не смог смягчить напряженность. Поэтому настала пора с учетом изменившегося баланса сил

в регионе начать формирование нового статус-кво, который гарантированно обеспечит мир на полуострове и создаст условия процветания, мирного сотрудничества, сближения, а затем и объединения.

Список литературы

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 01.12.2016).

World Inequality Report. English Edition. URL: https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-english, p. 6 (дата обращения 30.03.2020).

Кувалдин В. Б. Глобализация – светлое будущее человечества? (На пороге XXI в. мегаобщество приобретает реальные очертания / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–1992. Хрестоматия в четырех томах / сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России; Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-ЦЕНТР (Информация. Наука. Образование)»; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 554, с. 166.

Brzezinski Z. Out of Control. New York, 1993. 266 p.

Far Eastern Economic Review. Asia Yearbook, 1990. 500 p.

Hans J. Morgenthau. Politics Among Nations. New York, 1985. 165 p.

Роберт Райх. Как капитализм уничтожает демократию // Pro et Contra. Т. 12. № 1 (40), январь-февраль 2008 г. С. 81–85. Оригинал статьи Robert Reich. HOW CAPITALIZM IS KILLING DEMOCRACY // Foreign Policy. No. 162, September/October 2007).

Ким Юн Дук. Динамика баланса сил между США, Россией, Китаем и Японией на Корейском полуострове: Монография. М.: Научная книга, 1996. 225 с.

Сон Чжон Ук. Сеге пулпхендын-ый кваго хенчжэ кыриго мирэ (손정욱. 세계 불평등의 과거, 현재, 그리고 미래).

Сон Чжон Ук. Поляризация доходов мире: прошлое, настоящее и будущее. URL: http://www.jpi.or.kr/kor/regular/ policy_view.sky?code= archive&id=5732 (дата обращения: 03.01.2020).

References

The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016): http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed: 01.12.2016). (in Russian)

World Inequality Report. English Edition. URL: https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-english (accessed: 03.03.2020). (in English)

Kuvaldin V. B. Globalization – the bright future of mankind? (At the threshold of the XXI century, the megacommunity takes real shape / Foreign policy and security of modern Russia. 1991–1992. Anthology in four volumes / Compiled by T. A. Shaklein. Vol. 1. Researches. Moscow: Moscow state Institute of international relations (U) of the Ministry of foreign Affairs of Russia; Russian Association of international studies; ANO " INO-CENTER (Information. The science. Education)"; Russian political encyclopedia "(ROSSPEN), 2002. P. 544, p. 166. (in Russian)

Brzezinski Z. Out of Control. New York, 1993. 266 p. (in English)

Far Eastern Economic Review. Asia Yearbook, 1990. 500 p. (in English)

Hans J. Morgenthau. Politics Among Nations. New York, 1985. 165 p.

Robert Reich. HOW CAPITALIZM IS KILLING DEMOCRACY // Pro et Contra. T. 12. No 1(40), January-February 2008. P. 81–85. (in English)

Kim Yoon Duk. Dynamics of the balance of power between the United States, Russia, China, and Japan on the Korean Peninsula. Moscow: Scientific book. 1996. (in English)

Song Jung-Wook. Sege bulphenduni of gvago heonjae Grigo mire. (*Song Jung-Wook*. Polarization in the world: past, present, and future. URL: http://www.jpi.or.kr/kor/regular/policy_view.sky?code= archive&id=5732 (accessed: 03.01.2020). (in Korean)

3. Многообразие форм глобализации: от Ближнего Востока до АТР

ПРОЦЕССЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ПОЛИТИКА РОССИИ

МАРИЯ ХОДЫНСКАЯ-ГОЛЕНИЩЕВА
старший советник Департамента внешнеполитического планирования МИД России; профессор кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России
khodynskaya_m@mail.ru

В статье анализируется работа различных форматов, созданных в целях решения конфликта, включая астанинскую платформу. Сделан упор на разъяснение причин, по которым три государства с несовпадающими политическими повестками в Сирии – Россия, Турция и Иран – смогли прийти к договоренностям по вопросам, связанным с сирийским урегулированием. В частности, выработать важнейшие договоренности – по введению в Сирии общенационального режима прекращения боевых действий, о создании зон деэскалации, об обеспечении прогресса в области политического процесса в САР, прежде всего в части, касающейся создания Конституционного комитета. Подробно рассматривается линия России на сирийском направлении. Отмечается прагматичный подход, который Москва демонстрирует в отношении вопросов выстраивания взаимодействия как с сирийскими сторонами (политическая и вооруженная оппозиция), так и с их внешними спонсорами. Делается вывод о том, что такая линия будет востребована и в деле решения других конфликтов на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Сирия, Ближний Восток, международные отношения, внешняя политика России, Турция, астанинский формат.

MARIA KHODYNSKAYA-GOLENISHCHEVA,
Senior Advisor, Strategic Planning Department Foreign Ministry of the Russian Federation Professor, Moscow State University of International Relations
khodynskaya_m@mail.ru

This article analyzes the activities of various collective formats that were created to resolve the conflict in Syria. That includes the Astana platform (Russia, Iran, Turkey). The author puts special attention to explaining how could the three

states with conflicting political agendas in Syria - Russia, Turkey and Iran – be able to come to an agreement on tricky issues related to the Syrian settlement. In particular, to work out important agreements: on the introduction of a nation-wide cessation of hostilities regime in Syria, on the creation of four de-escalation zones, and in ensuring progress in the field of the political process, primarily creating the Constitutional Committee. Russia's stance in the Syrian dossier is subject to detailed examination. The author notes pragmatic approach of Moscow to building interaction with Syrian parties in conflict (political and armed opposition) and their external sponsors. It is concluded that such a line will be high-demanded in resolving other conflicts in the Middle East.

Keywords: Syria, Middle East, international relations, Russia's foreign policy, Turkey, Astana format.

К политике России на Ближнем Востоке приковано повышенное внимание. Весьма расхожим стал тезис о «возвращении Москвы в регион»[1]. Эксперты и аналитики рассуждают о том, какие интересы преследует наша страна в том или ином ближневосточном государстве. Версии выдвигаются самые разные, включая конспирологические. Однако все сходятся в одном: за последние годы Россия стала одним из ключевых игроков в регионе, без участия которой обсуждение любого аспекта ситуации на Ближнем Востоке бесперспективно – идет ли речь о положении в отдельно взятой стране или о более «широких» темах (например, вопросы нераспространения или обеспечения региональной безопасности).

Военно-политические инструменты, сочетание которых позволяет России добиваться заметных успехов в урегулировании региональных конфликтов, были в свое время активно применены в Сирии. Речь идет как об освобождении стратегических районов от боевиков вооруженных антиправительственных группировок, так и об обеспечении прогресса в области политического урегулирования (сопровождение межсирийских переговоров под эгидой ООН, контакты с глобальными и региональными игроками в целях решения отдельных аспектов конфликта, запуск Конституционного комитета и др.).

Сегодня Россия – единственное государство, которое ведет диалог со всеми без исключения глобальными и региональными игроками по сирийскому урегулированию, является участником всех значимых

[1] In the Middle East Russia is Back. Washington Post. 5 December 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/in-the-middle-east-russia-is-back/2018/12/04/e899df30-aaf1-11e8-9a7d-cd30504ff902_story.html (date of access: 05.09.2020).

форматов и коллективных механизмов решения конфликта Сирии (как поствоенных – СБ ООН, так и «экспериментальных», созданных позднее). Наша страна выстроила взаимодействие со всеми сирийскими сторонами (кроме террористических групп), включая правительство САР, разномастные группы внутренней и внешней политической оппозиции, курдские организации, антиправительственные вооруженные формирования различного толка.

Вопреки некоторым прогнозам, Россия не только не испортила отношения с крупными суннитскими государствами региона (а Запад пытался выставить Москву как «союзника шиитского Ирана и алавитского режима Б. Асада), но, напротив, интенсифицировала связи, в частности, со странами Персидского залива – как по Сирии, так и по более широкой региональной проблематике.

Добиться подобного результата удалось благодаря прагматичной, деидеологизированной, гибкой линии на сирийском направлении, открытости к контактам в целях решения отдельных аспектов конфликта с государствами, оказывавшими массированную поддержку антиправительственным вооруженным формированиям.

Парадоксально, но, несмотря на проводившуюся в САР военную операцию и оказанное официальному Дамаску существенное содействие в борьбе с терроризмом и возвращением под его контроль обширных территорий страны, и незаконные вооруженные формирования, и их внешние спонсоры проявляли заинтересованность в диалоге и взаимодействии с российскими представителями. Странам региона, поддерживавшим группы боевиков, импонировала принципиальность России в том, что касается недопустимости силовой смены «неугодных режимов». В большинстве этих столиц системы, да и стиль государственного управления были далеки от демократических стандартов, а вопрос политической выживаемости был для соответствующих лидеров далеко не праздным. Последовательность и даже жесткость Москвы по вопросу о том, что любые изменения в государственном устройстве должны быть предметом широкого общенационального консенсуса и осуществляться строго в правовом поле, не могли не вызывать симпатии в соответствующих странах.

По мере перехода стратегически важных территорий под контроль правительства Сирии при российской поддержке, интерес незаконных вооруженных формирований в диалоге с Россией возрастал: недоверие

к властям и опасение делало естественным партнером НВФ российских военных переговорщиков, которые предлагали эвакуацию с легким оружием в другие районы (чаще всего Идлиб) с гарантией безопасности и при сопровождении российской военной полиции. Именно так была решена проблема Восточного Алеппо – путем достижения Россией и полевыми командирами при посредничестве Турции соответствующих договоренностей в декабре 2016 г. с опорой на предложения ООН, разработанные бывшим Спецпосланником Генсекретаря ООН С. де Мистурой[I]. Боевики НВФ были эвакуированы в Идлиб в сопровождении военной полиции России. Точно таким же образом были переведены под контроль правительства Сирии три из четырех «зон деэскалации», созданных решениями астанинского формата (Россия, Турция, Иран) – Восточная Гута, Хама/Хомс, Юг (части провинций Сувейда, Кунейтра, Дераа). В центре соответствующих договоренностей между полевыми командирами и российскими военными переговорщиками также находился принцип эвакуации с легким оружием при получении гарантий безопасности от российской стороны.

Примечательно, что работа России по ликвидации созданных астанинским треугольником зон деэскалации не встречала открытого сопротивления Турции – одного из трех астанинских гарантов, с участием которого принимались решения о создании этих зон (очевидно, что в свое время турецкая сторона была заинтересована сохранить соответствующие районы под контролем антиправительственных группировок). Анкара была осведомлена о контактах российских военных переговорщиков с полевыми командирами таких НВФ, как «Ахрар аш-Шам» и «Фейляк ар-Рахман», акцентировавших свою связь с турецкой стороной, и не предпринимала шагов, направленных на срыв процесса достижения договоренностей. Более того, никто из официальных лиц в Турции не выступил с заявлениями о том, что усилия по переводу блокированных населенных пунктов под правительственный контроль идут в нарушение астанинских договоренностей (тезис о том, что ликвидация «зон деэскалации «хоронит» Астану, принадлежал странам Запада). Работа по возвращению стратегически важных районов Дамаску воспринималась в Анкаре с пониманием. Турцию в приоритетном порядке заботила ситуация на севере и северо-востоке Сирии, в зонах, контролируемых курдскими отрядами самообороны из Партии

демократического союза, которых Анкара обвиняла в связях с РПК и считала террористическими. Активная работа с Турцией, в том числе содействие, оказанное Россией, в деле вывода курдских бойцов из согласованных зон на севере в рамках соответствующего Меморандума (октябрь 2018 г.), продемонстрировала готовность и способность Москвы и Анкары учитывать интересы друг друга и достигать на этой основе «работающих» договоренностей.

С аналогичным пониманием усилия России по расширению подконтрольных правительству территорий были восприняты другими странами региона, ряд из которых оказал реальное содействие России в диалоге с вооруженными группировками (предоставление площадки для переговоров, помощь в установлении контактов с полевыми командирами). Египет, на территории которого проходили контакты между российскими военными и главами НВФ о замирении в районах Джобар и Восточная Гута[II], в целом не выступал против режима Б. Асада и поддерживал с ним контакты по линии профильных служб[1]. А например, Иордания предпочла бы переход всего Юга Сирии под контроль Дамаска засилью там радикальных группировок, способных угрожать безопасности Королевства, в связи с чем также оказала некоторое содействие в переводе южной зоны деэскалации под контроль официальных властей.

Работа России в пользу ликвидации зон деэскалации шла в русле астанинских договоренностей, которые, напомним, подразумевали временный характер этих зон. Уже после перевода соответствующих районов под контроль правительства астанинский формат не только продолжил работу, но и добился весьма серьезных результатов как на политическом, так и на гуманитарном треках урегулирования, в чем Россия сыграла лидирующую роль. Адекватному восприятию действий Москвы, сумевшей добиться изменения ситуации «на земле» в пользу сирийского правительства, повторим, способствовали активные контакты российских представителей как с полевыми командирами, так и с внешними спонсорами группировок, ставшие возможными в результате отказа от логики «свой-чужой», столь присущей большинству заинтересованных игроков, поддерживавших лишь одну сторону в конфликте

[1] Syria security chief makes rare visit to Egypt. 23.12.2018. URL: https://www.france24. com/en/20181223-syria-security-chief-makes-rare-visit-egypt (дата обращения: 01.03.2020).

и деливших регионы на «друзей» и «врагов». Неоднократно продемонстрированная Россией способность выполнить обязательства, взятые в ходе переговоров о локальных замирениях (прежде всего в том, что касается обеспечения безопасности членов незаконных вооруженных формирований, эвакуированных в «третьи» районы), закрепила за нашей страной реноме ответственного игрока, способного «держать слово».

Укреплению позиций России в сирийском «досье» и в регионе в целом способствовало и активное участие России в усилиях, направленных на политико-дипломатическое урегулирование сирийского кризиса. Речь идет как о межсирийском переговорном процессе «на площадке» ООН, так и о решениях, принятых в рамках астанинской тройки, в первую очередь о создании Конституционного комитета.

Сопровождение политического трека в его межсирийском измерении позволило не только собственно осуществлять мониторинг процесса, но и не допускать его выхода за линии, пересечение которых негативно сказалось бы на российских интересах (под ними подразумеваем прежде всего нежелание допустить дальнейшей перекройки карты региона силовыми методами со ставкой на радикальные силы, уничтожения государственности в очередной стране). Речь идет о попытках Запада реализовать через политический процесс и Секретариат ООН схемы, подразумевающие существенное сокращение полномочий действующего главы государства. Соответствующие наработки содержались в предлагавшихся сирийским сторонам на переговорах командой Спецпосланника Генсекретаря ООН документах, предусматривавших реформирование государственной системы САР в пользу парламентской республики[III] при серьезном урезании возможностей спецслужб[IV]. Именно по причине стойкого неприятия российской стороной формул, в основе которых – мышление политического инжиниринга, из сформированных ООН четырех переговорных «корзин» (государственное управление, конституция, выборы, а также антитеррор, который стоял особняком) Москвой в качестве приоритетного был выбран именно конституционный трек. Только он был способен задержать дискуссии по эвентуальной трансформации политической системы САР в политико-правовом поле. Создание Конституционного комитета по результатам организованного Россией при поддержке двух других астанинских гарантов сочинского Конгресса сирийского

национального диалога (январь 2017 г.) и в развитие решений, принятых в астанинском формате Россией, Ираном и Турцией, было с нескрываемой ревностью воспринято странами Запада, годами безрезультатно добивавшимися обеспечения прогресса на политическом треке по собственным лекалам. В этом смысле вполне логичным видится согласие России на то, чтобы заседания Комитета проходили в Женеве под эгидой ООН (при осознании всех рисков, которые несет ооновский «зонтик» с учетом антиправительственного идеологического уклона Секретариата). С одной стороны, это своего рода предохранитель от возвращения спонсоров оппозиции (прежде всего Запада) к излюбленной теме политического перехода (где искомый результат, с их точки зрения, способна принести корзина «государственное управление»). С другой – важный аргумент против тех, кто рассуждал о якобы имеющих место попытках стран-гарантов Астаны узурпировать межсирийский политический процесс и таким образом чуть ли не препятствовать соответствующим усилиям ООН. Астанинские гаранты готовы способствовать политическому урегулированию кризиса в САР в рамках затвержденной ООН правовой базы, включая резолюцию СБ ООН 2254. Москва неоднократно публично подтверждала приверженность реализации этой резолюции[1]. Однако Россия, в отличие от стран Запада, воспринимала этот документ целиком, не вычленяя из него отдельные пункты в угоду конъюнктурным политическим установкам. Стоит напомнить, что резолюция подтверждает территориальную целостность и суверенитет Сирии – и именно через эту призму стоит рассматривать все содержащиеся в документе положения, касающиеся так называемого политического перехода (political transition)[2], столь любимого западными государствами.

Стоит добавить, что важным политическим «подспорьем» стало участие России в качестве сопредседателя (вторым сопредседателем выступали США) в работе Международной группы поддержки Сирии (МГПС). Взаимодействие Москвы по сирийскому сюжету с офисом

[1] Интервью Спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М. Л. Богданова греческому еженедельнику «То Вима», опубликованное 23 февраля 2020 года. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/ content/id/4055420 (дата обращения: 01.02.2020).

[2] Resolution 2254 (2015). UN Document S/RES/2254 (2015).

Спецпосланника Генсекретаря ООН началось еще до создания МГПС в 2015 г. Но именно статус сопредседателя группы, в мандат которой входило обсуждение в коллективном формате военно-политических и гуманитарных аспектов кризиса, позволил российским представителям существенно нарастить сотрудничество со Спецпосланником (в тот период эту роль выполнял итальянский дипломат С. де Мистура), а также структурами и агентствами ООН в рамках регулярно заседавших в Женеве Целевой группы МГПС по прекращению огня и Целевой группы по гуманитарному доступу. Российские дипломаты и военные наладили беспрецедентные по частоте и субстантивному наполнению ежедневные контакты с организациями ООН, так или иначе вовлеченными в работу на сирийском направлении. Это, в частности, Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, Управление Верховного комиссара ООН по беженцам, Всемирная организация здравоохранения, Служба ООН по разминированию. Особняком стоит Международный Комитет Красного Креста (МККК), с которым у России было налажено тесное взаимодействие по Сирии. Добавим, что МККК – единственная из международных организаций, сумевшая выстроить доверительные рабочие отношения с правительством САР, в силу чего пользовалась наиболее масштабным гуманитарным доступом.

В ходе взаимодействия с международными гуманитарными организациями по сирийскому сюжету Россия приобрела крайне полезный опыт. В контексте критики, которой подвергалась Москва в ходе операций по освобождению Восточного Алеппо, Восточной Гуты и других районов, тесная кооперация, которую российским дипломатам и военным удалось отладить с международными гуманитарными и правозащитными организациями, была востребована. Она, в частности, позволила подключать соответствующие структуры к реализации тех или иных инициатив/проектов «на земле» (можно вспомнить, например, создание гуманитарных коридоров для выхода мирных жителей из Восточного Алеппо и Восточной Гуты или доставку ООН продовольствия и предметов первой необходимости в блокированные населенные пункты в сопровождении российской военной полиции). В свою очередь, участие сотрудников международных гуморганизаций в акциях, проводившихся российскими военными в тех или иных районах САР, демонстрировало транспарентность действий России, ее приверженность

в ходе реализации тех или иных инициатив принципам международного гуманитарного права (а осуществление соответствующего мониторинга зачастую входит в мандат тех или иных гуманитарных структур).

Накопленный в Сирии опыт, безусловно, будет полезен и в работе по урегулированию кризисных ситуаций в других регионах мира. Приверженность соблюдению норм международного права, готовность к диалогу со всеми сторонами в конфликте (за исключением террористических структур) и заинтересованными внешними игроками, последовательность, неподверженность позиции внутренней или внешней конъюнктуре (избирательные циклы, поиск союзников в регионе) и нацеленность на продвижение конструктивной объединительной повестки – все эти отличительные признаки российской внешнеполитической линии позволят нашей стране оставаться в качестве одного из ведущих игроков в регионе.

Примечания

I Operational Details For the Four-Point UN Humanitarian Plan For Easter Aleppo. 3 November 2016 (Документ ООН. Представлен членам Гуманитарной целевой группы в Женеве 3 ноября 2016). p. 1.

II إتفاقية بشأن الخطوات لإيجاد حل شامل للقضية الروسية بالوسائل السلمية في منطقة تخفيف التصعيد التي تضم كل من جوبر والغوطة الشرقية. القاهرة. 22 يوليو2017 - ص1.

Соглашение о шагах по комплексному разрешению сирийской проблемы мирным путем в зоне деэскалации Джобар и Восточная Гута. 22 июля 2017. 2017, p. 2. (in Arabic)

أحكام نشر قوات مراقبة تخفيف التصعيد في منطقة تخفيف التصعيد في منطقة حمص31 يوليو 2017-

Мандат на развертывание Сил контроля деэскалации в зоне деэскалации провинция Хомс. 31 июля 2017. Каир.

III Summary of Proposed Framework Agreement for Political Transition as per SCR 2254. Office of the UNSG Special Envoy for Syria. July 2016.

IV Annex X. Summary Overview. Draft Transitions Security Framework. Office of the UNSG Special Envoy for Syria. July 2016.

Список литературы

Annex X. Summary Overview. Draft Transitions Security Framework. Office of the UNSG Special Envoy for Syria. July 2016. (in English)

Operational Details For the Four-Point UN Humanitarian Plan For Easter Aleppo. 3 November 2016 (Документ ООН. Представлен членам Гуманитарной целевой группы в Женеве 3 ноября 2016). (на англ. яз.)

Summary of Proposed Framework Agreement for Political Transition as per SCR 2254. Office of the UNSG Special Envoy for Syria. July 2016. (на англ. яз.)

Ittifaquia bisha'n al-hatawat li-ijad hal shamil lil'qadyia as'suriya bi'lwasail as'silmiya fi mintaqa tahfif at-tas'iyd allati tadummu kul min Jobar wa al-Ghouta ash-Sharqiya. Al-Qahira, 22 Juliy 2017, p. 1.

إتفاقية بشأن الخطوات لإيجاد حل شامل للقضية الروسية بالوسائل السلمية في منطقة تخفيف التصعيد التي تضم كل من جوبر والغوطة الشرقية. القاهرة. 22 يوليو2017 - ص1.

Соглашение о шагах по комплексному разрешению сирийской проблемы мирным путем в зоне деэскалации Джобар и Восточная Гута. 22 июля 2017. Каир. (на араб. яз.)

Ахкям нашр кувват мураkаба тахфиф ат-тасыд фи минтака тахфиф ат-тасыд фи минтака Хомс. 31 юлийю 2017, с. 2.

أحكام نشر قوات مراقبة تخفيف التصعيد في منطقة تخفيف التصعيد في منطقة حمص31 يوليو 2017- ص2

Мандат на развертывание Сил контроля деэскалации в зоне деэскалации, провинция Хомс. 31 июля 2017. Каир. (на араб. яз.)

References

Annex X. Summary Overview. Draft Transitions Security Framework. Office of the UNSG Special Envoy for Syria. July 2016. (на англ. яз.)

Operational Details For the Four-Point UN Humanitarian Plan For Easter Aleppo. 3 November 2016 (Документ ООН. Представлен членам Гуманитарной целевой группы в Женеве 3 ноября 2016). (на англ. яз.)

Summary of Proposed Framework Agreement for Political Transition as per SCR 2254. Office of the UNSG Special Envoy for Syria. July 2016 (на англ. яз.)

Ittifaquia bisha'n al-hatawat li-ijad hal shamil lil'qadyia as'suriya bi'lwasail as'silmiya fi mintaqa tahfif at-tas'iyd allati tadummu kul min Jobar wa al-Ghouta ash-Sharqiya. Al-Qahira, 22 Juliy 2017, p. 1.

Agreement on steps necessary to comprehensively solve the Syrian problem by peaceful means in Jobar and Eastern Ghouta de-escalation zones. 22 July 2017. Cairo. (In Arabic)

Ahkam nashr quwwat muraqaba tahfif at-tasy'id fi mintaqa tahfif at-tasy'id fi mintaqa Homs. 31 July 2017, p. 2. (in Arabic)

إتفاقية بشأن الخطوات لإيجاد حل شامل للقضية الروسية بالوسائل السلمية في منطقة تخفيف التصعيد التي تضم كل من جوبر والغوطة الشرقية. القاهرة. 22 يوليو2017 - ص1.

أحكام نشر قوات مراقبة تخفيف التصعيد في منطقة تخفيف التصعيد في منطقة حمص31 يوليو 2017- ص2

Mandate of the Joint de-escalation control forces deployment in the Homs de-escalation zone. 31 July 2017. Каир. (In Arabic)

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

КОРЕНЕВ ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России СГУ им. Н. Г. Чернышевского
korenev.es@mail.ru

В статье рассматривается взаимодействие Североатлантического альянса с партнерами в Азии в рамках многосторонних и индивидуальных форматов. Отдельное внимание уделяется изучению доктринальных документов НАТО, в которых содержатся основные принципы ее азиатской стратегии. Кратко анализируется деятельность каждого вида партнерства, в который включены азиатские государства: Средиземноморский диалог, Стамбульская инициатива, а также партнерства по миру с отдельными странами (Афганистан, Ирак, Монголия, Пакистан, Республика Корея, Япония).

Автор приходит к выводу о том, что развитие партнерской сети в Азии является важнейшим элементом глобальной стратегии Альянса. Укрепление связей с азиатскими партнерами помогает НАТО осуществлять сдерживание РФ и КНР. Автором делается предположение о том, что формирование новых партнерств НАТО будет происходить прежде всего в Южной и Юго-Восточной Азии, что станет важным направлением практической реализации США концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: НАТО, глобальное партнерство НАТО.

THE ASIAN VECTOR OF THE NATO'S GLOBAL PARTNERSHIP'S SYSTEM IN THE POSTBIPOLAR PERIOD

KORENEV EVGENIY SERGEEVICH
Senior Lecturer, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University
korenev.es@mail.ru

The article considers the interaction of the North Atlantic Alliance with partners in Asia in the framework of multilateral and individual formats. Special attention is paid to the study of NATO doctrinal documents, which contain the basic principles of the Organization's Asian strategy (NATO Strategic Concept in the editions of the 1991, 1999 and 2010s). At the same time, the main directions of the partnership policy of NATO in different regions of Asia are determined. The activity of each type of partnership, which includes Asian states: the Mediterranean Dialogue, the Istanbul

Cooperation Initiative, as well as non-institutionalized partnerships around the world with countries (Afghanistan, Iraq, Mongolia, Pakistan, the Republic of Korea, Japan) is briefly analyzed. The Alliance's relations with each partner state are studied in the most important areas: defense reform, the fight against terrorism and the proliferation of Weapon of mass destruction, crisis management and peacekeeping operations, scientific and technical cooperation, military education, and cybersecurity. The work of NATO with the republics of Central Asia and the South Caucasus, carried out through the Euro-Atlantic Partnership Council and within the framework of the NATO Partnership for Peace program, is also evaluated.

The author concludes that the development of partnership network in Asia is an essential element of the Alliance's global strategy. NATO restrains Russia and China due to strengthening ties with Asian partners. In this regard, the author makes the assumption that the Alliance will continue to develop its partnership network in Asia in near future. In his opinion, the formation of new NATO partnerships will take place primarily in South and Southeast Asia, which will become an important direction in the practical implementation of the Indo-Pacific region's concept by the United States.

Keywords: NATO, NATO's global partnership.

Введение

Окончание холодной войны открыло перед Североатлантическим альянсом большие перспективы, поскольку у Организации появилась уникальная возможность превратиться в глобальную структуру. Для реализации данной задачи руководство НАТО стало создавать форматы партнерского взаимодействия с государствами, расположенными в различных регионах мира. Особую роль при этом играли те структуры, которые вовлекали в сотрудничество с НАТО азиатские страны.

Большинство государств-партнеров, естественно, не планировалось интегрировать в евроатлантические структуры, но с ними предполагалось сотрудничество по различным вопросам безопасности. Очевидно, что взаимодействие с государствами Персидского залива было ориентировано на укрепление геополитических позиций НАТО в регионе Ближнего Востока в условиях проведения американской операции в Ираке. Сотрудничество с Афганистаном и Пакистаном выстраивалось в контексте действий МССБ на афганской территории. Отношения с Японией и Республикой Корея развивались с целью оказать давление на КНДР.

Начав операцию в Афганистане, НАТО окончательно вышла за географические рамки зоны своей ответственности, очерченные

Североатлантическим договором. Это обстоятельство вызвало беспокойство России и Китая, поскольку именно их позициям в Азии угрожала подобная активность Альянса. В связи с этим возникает необходимость проанализировать, каким образом формировался азиатский вектор системы глобального партнерства НАТО после окончания холодной войны и как эволюционировали отношения Альянса с партнерами в Азии, для того чтобы оценить влияние этого процесса на национальную безопасность РФ.

Методология

Методологическая база исследования сформирована на основе использования общенаучных методов: анализа, синтеза, дедукции, индукции и сравнения. Так, например, применение индуктивных и дедуктивных приемов позволило, с одной стороны, благодаря рассмотрению отдельных примеров работы партнерств НАТО в Азии сделать общий вывод о функционировании этого механизма, с другой стороны, помогло понять, как подходы Альянса к ситуации в азиатском регионе отразились на реализации конкретных проектов с региональными партнерами.

Достигнутые результаты

В Стратегической концепции НАТО 1991 г. впервые достаточно отчетливо сформулированы интересы НАТО на Ближнем Востоке в новых геополитических реалиях. В частности, в концепции было сказано о желании Альянса установить дружественные отношения с государствами Южного Средиземноморья и Ближнего Востока[1]. Подобное заявление было сделано не случайно, так как в тот момент только что закончилась война в Персидском заливе. В связи с этим НАТО была крайне заинтересована в стабильности на своих южных границах.

К середине 1990-х гг. все большее внимание в рамках своей азиатской стратегии Североатлантический альянс начинает уделять Сре-

[1] The Alliance's New Strategic Concept: agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. URL: https ://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=en (date of access: 15.09.2019).

диземноморью. В частности, Стратегическая концепция НАТО 1999 г. фиксировала взаимосвязь между уровнем безопасности в бассейне Средиземного моря и в Европе[1]. Фактически включение подобного пункта в Стратегическую концепцию Альянса существенным образом повышало статус его отношений с двумя государствами, расположенными в Азии и в силу своего географического положения входившими в созданный в 1994 г. Средиземноморский диалог. Речь идет, конечно же, об Израиле и Иордании.

С учетом того, что за десять лет, прошедших с момента принятия предыдущей редакции Стратегической концепции НАТО, ситуация в регионе Средиземноморья и Персидского залива существенно изменилась, Альянс решил зафиксировать в обновленной версии своего главного доктринального документа, принятого на саммите в Лиссабоне в 2010 г., приверженность работе в сформированных к тому моменту форматах регионального партнерства. Такое желание не выглядит случайностью, поскольку НАТО была уже довольно глубоко вовлечена в сложные геополитические процессы, происходившие на Ближнем Востоке.

Обращает на себя внимание тот факт, что в стратегических документах Альянса на протяжении практически трех десятилетий при рассмотрении вопросов, связанных с Азией, превалирует ближневосточная проблематика. Вместе с тем отдельные аспекты работы с партнерами, расположенными на азиатском пространстве, рассматривались в ходе саммитов глав государств и правительств НАТО. В целом же можно сделать вывод о том, что азиатская повестка дня все в большей степени интересует НАТО в последние десятилетия.

Как уже было отмечено, в азиатской стратегии НАТО особое внимание после окончания холодной войны уделялось Ближнему Востоку. В связи с этим выглядит не случайным, что Альянс сформировал сразу два формата партнерского взаимодействия, которые занимались вопросами ближневосточной повестки дня. Первым из них стал созданный в 1994 г. Средиземноморский диалог. К данной инициативе были

[1] Стратегическая концепция Североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.09.2019).

привлечены первоначально пять стран, расположенных в Средиземноморье или на границе данного региона: Египет, Израиль, Мавритания, Марокко и Тунис, в ноябре 1995 г. к ним присоединилась Иордания, а в марте 2000 г. еще и Алжир [Петрович-Белкин, 2011. С. 19]. Несмотря на то что даже по составу участников данный партнерский формат выглядит как проект, ориентированный на решение вопросов на африканском направлении, он позволяет НАТО проводить свою политику и в регионе Ближнего Востока.

Вторым форматом взаимодействия с партнерами, созданным НАТО для решения вопросов в ближневосточном регионе, стала Стамбульская инициатива о сотрудничестве, учрежденная в 2004 г. К участию в ней были приглашены монархии Персидского залива. Несмотря на то что все эти государства проявили интерес к подобному формату, присоединились к нему только Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ[1]. Очевидно, что отсутствие в этом списке Саудовской Аравии серьезно ослабляет потенциал данного партнерства, хотя она и реализует ряд проектов с НАТО.

Необходимо отметить, что Средиземноморский диалог и Стамбульская инициатива сыграли важную роль в ходе обеспечения поддержки операциям Альянса в Афганистане и Ливии и действиям союзников под эгидой США в Ираке. Кроме того, в последние годы в рамках подобных площадок происходило определенное согласование позиций НАТО и ближневосточных партнеров по ситуации в Йемене и Сирии, а также обсуждение спорных вопросов, связанных с иранской ядерной программой. Однако стоит отметить, что Альянс все же предпочитает работать с участниками двух вышеописанных партнерских структур в формате «29+1», что, с одной стороны, облегчает процесс принятия решений, а с другой – снижает синергетический эффект от использования партнерств на Ближнем Востоке.

Еще одним Ближневосточным регионом в партнерской сети НАТО является Ирак. Партнерство с этой страной было сформировано в сентябре 2012 г. По сути, его учреждение стало логическим следствием тренировочной миссии НАТО в 2004–2011-х гг., в ходе которой было

[1] Istanbul Cooperation Initiative (ICI): Reaching out to the broader Middle East. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_58787.htm? (date of access: 15.09.2019).

обучено 15 000 военнослужащих иракской армии[1], что позволило создать необходимые условия для дальнейшего взаимодействия Брюсселя и Багдада в сфере безопасности.

После начала операции МССБ в Афганистане, которая проходила под эгидой НАТО, для Брюсселя было крайне важно сформировать партнерские отношения с этой страной. Сегодня НАТО продолжает реализацию ряда проектов в Афганистане в соответствии с целями партнерства [Новикова, 2010. С. 134]. Во многом для стабилизации обстановки на афганской территории в партнерскую сеть Альянса был приглашен Пакистан. Взаимодействие с Исламабадом Брюссель осуществляет в основном в сфере борьбы с терроризмом и наркотрафиком[2].

В контексте операции НАТО в Афганистане в 2000-е гг. началась активизация контактов Организации и с государствами Центральной Азии [Штоль, 2008. С. 67]. Однако есть основания полагать, что взаимодействие со странами региона, так же как и сотрудничество с постсоветскими республиками на Южном Кавказе, велось на антироссийской основе и было ориентировано на определенное сдерживание РФ в непосредственной близости от ее границ. При этом реализация ряда проектов по линии программы «Партнерство ради мира» служила своего рода прикрытием для подобной деятельности [Цыплин, 2017. С. 9].

Сотрудничество с отдельными государствами-партнерами в Азии было ориентировано на решение различных задач. К примеру, в 2012 г. Североатлантический совет официально утвердил Индивидуальную программу партнерства и сотрудничества с Монголией[3]. Взаимодействие Брюсселя и Улан-Батора с этого момента было нацелено на борьбу с терроризмом и распространением ОМУ, а также на взаимодействие в области кризисного урегулирования и киберзащиты. Однако очевидно, что в реальности интерес НАТО к Монголии был вызван ее уникальным геостратегическим положением. Используя ее как гипотетический плацдарм, Альянс мог бы одновременно осуществлять сдер-

---

[1] NATO's Assistance to Iraq. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_51978.htm?selectedLocale=en (date of access: 15.09.2019).

[2] *Замараева Н. А.* Пакистан – НАТО: углубление политического диалога. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=10979 (дата обращения: 15.09.2019).

[3] NATO and Mongolia agree Programme of Cooperation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85430.htm (date of access: 15.09.2019).

живание России и Китая. Для того чтобы в перспективе при необходимости быть способной решить эту задачу, НАТО уже сейчас реализует совместно с Монголией ряд проектов в области военного образования, науки и технологий[1].

Наконец, стоит также отдельно упомянуть про два важных элемента в стратегии НАТО в Северо-Восточной Азии, которыми являются партнерства с Японией и Республикой Корея. Взаимодействие с этими странами для Альянса важно как минимум с двух точек зрения. Во-первых, НАТО заинтересована в сотрудничестве с данными государствами в области киберзащиты. С геополитической точки зрения, развивая партнерство с Токио и Сеулом, Брюссель получает возможность более пристально следить за действиями КНР и КНДР.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что после окончания холодной войны Североатлантический альянс решил выйти за границы зоны своей географической ответственности. Особую активность НАТО стала проявлять с начала 1990-х гг. на азиатском направлении. С учетом того, что руководство США постепенно начинает рассматривать Китай не только как экономического конкурента, но и как соперника в военно-политической сфере, стоит также ожидать усиления взаимодействия НАТО с государствами Северо-Восточной и Центральной Азии. При этом не исключено, что Альянсом могут быть сформированы новые партнерства в Южной и Юго-Восточной Азии, для того чтобы в процессе работы с региональными игроками оказывать давление на КНР. Подобный шаг мог бы стать частью предпринимаемых Вашингтоном усилий по практической реализации концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Необходимо отметить, что отдельные инициативы НАТО на азиатском пространстве будут направлены не только против КНР, но и против России. Особенно это касается проектов Альянса с государствами Северо-Восточной и Центральной Азии. Работа над ними будет идти на

[1] NATO and Mongolia Review Cooperation through Science. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_116158.htm (date of access: 15.09.2019).

антироссийской платформе, в том числе с использованием инструментов общественной дипломатии. В целом же можно констатировать, что НАТО будет и дальше при помощи различных партнерств усиливать свои позиции в мире, превращаясь в глобальную структуру, претендующую на статус «мирового жандарма».

Список литературы

Новикова О. Н. Страны НАТО в Афганистане: цели и подходы // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 3. С. 134–157.

Петрович-Белкин О. К. Структурно-институциональные изменения в НАТО после окончания «холодной войны» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. № 4. 2011. С. 15–22.

Цыплин В. Г. Дискуссионные вопросы вокруг военного сотрудничества США и Казахстана в 2016–2017 гг. // Современные евразийские исследования. 2017. № 3. С. 6–23.

Штоль В. В. Двери НАТО остаются открытыми // Научно-аналитический журнал «Обозреватель» – Observer. 2008. № 6. С. 56–70.

References

Novikova O. N. Strany NATO v Afganistane: celi i podhody. Aktual’nye problemy Evropy. 2010. No 3. P. 134–157. (in Russian)

Petrovich-Belkin O. K. Strukturno-institucional’nye izmenenija v NATO posle okonchanija «holodnoj vojny». Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. No 4. 2011. P. 15–22. (In Russian)

Cyplin V. G. Diskussionnye voprosy vokrug voennogo sotrudnichestva SShA i Kazahstana v 2016–2017 gg. Sovremennye evrazijskie issledovanija. 2017. No 3. P. 6–23. (in Russian)

Shtol’ V. V. Dveri NATO ostajutsja otkrytymi. Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel’ – Observer. 2008. No 6. P. 56–70. (In Russian)

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В АТР И ЯПОНИЯ (ИНТЕГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

ГОРДЕЕВА ИРИНА ВИКТОРОВНА
кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
igordeeva@hse.ru

В последние годы процесс глобализации охватил весь мир. Наиболее активную роль в этом процессе играет Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), который считается самым быстрорастущим регионом в мире. Страны АТР много выиграли от глобализации и внесли большой вклад в ее развитие. Особое внимание автор уделяет последним интеграционным процессам в АТР в рамках глобализации. Япония, с ее высоким уровнем технологий и инноваций, огромными инвестиционными возможностями, играет исключительную роль в этих процессах, получая большую выгоду в результате такой политики. Она занимает лидирующее положение во Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о транстихоокеанском партнерстве, является одной из ведущих сил в механизме Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, вместе с США выдвинула идею «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Руководствуясь экономическими интересами, Токио выстраивает продуктивные связи в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», проявляет интерес к ЕАЭС.

Ключевые слова: Глобализация, интеграционные процессы в АТР, Япония, ВПТТП, ВРЭП, ИТР, «Один пояс, один путь», ЕАЭС.

GLOBALIZATION PROCESSES IN THE APR AND JAPAN. RECENT INTEGRATIONAL ASPECTS

GORDEEVA IRINA VICTOROVNA
Associate Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics
igordeeva@hse.ru

In recent years, the process of globalization has spread worldwide. Asia Pacific Region, which is considered to be the fastest growing region in the world, plays the most active role in this process. APR countries gained a lot from globalization, at the same time making a great contribution to its development. The author makes a special emphasis on recent integrational processes in Asia Pacific Region, as a part of globalization, due to important developments in the region. Trade liberalization, creation of favorable conditions for investments, removal of trade barriers and the

abolition of tariffs lead to an improvement in the general situation in the Asia-Pacific Region. And Japan with its powerful economy, high level of technology and innovations, huge investment possibilities plays an exceptional role in these processes, gaining much as a result of such policy. Contrary to the protectionist, in fact isolationist policy of the United States under Trump Administration Japan prefers to participate or cooperate with major integration mechanisms forming now in APR. Japan holds a leading position in the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP), which, even after the withdrawal of the United States, remains one of the largest multilateral agreements defining the rules of free trade. Japan is one of the leading forces in the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) mechanism, which, as consider many Japanese experts, complements the TPP and is the core of economic integration in East Asia. Together with the United States, Japan put forward the idea of a "free and open Indo-Pacific Region" (IPR). Guided by economic interests, Tokyo builds productive ties within the framework of the Chinese initiative "One belt, one road".

There is still much tension in the region due to the growing strength of China and its struggle for dominance, old territorial disputes and so on. The processes, mentioned above, however, not only contribute to the rapprochement of the economies of the countries of the region, but also lead to an improvement in the overall situation in APR.

Keywords: Globalization, Integrational Processes in the APR, Japan, CPTPP, RCEP, One belt One Road Initiative, Indo-Pacific Region, EAEC.

Введение

Охватившие весь мир процессы глобализации сыграли важнейшую роль в ускоренном развитии Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). За сравнительно короткий период времени некогда отсталый, удаленный от основных политических и промышленных центров мира регион превратился в один из ведущих локомотивов мирового развития (40% населения, свыше 60% мирового ВВП, около 40% мировой торговли). Опираясь на богатейшие природные, территориальные и людские ресурсы, страны АТР сумели быстро перенять и освоить передовые научно-технические достижения западных стран, наладить крупное производство высоколиквидной продукции, что принесло значительные средства, необходимые для развития экономического потенциала региона, накопления финансовых ресурсов, в том числе в целях осуществления масштабных инвестиций. В целом страны АТР не только извлекли большую пользу из процесса глобализации, но и внесли свой немалый вклад. Необходимо отметить, что в этом особенно преуспела Япония,

раньше других вставшая на путь модернизации, а в последние десятилетия вперед резко вырвался Китай.

Важнейшую роль сыграли развернувшиеся в регионе интеграционные процессы. Сформировались обширные зоны свободной торговли, активизировались обмены услугами, движение капиталов в рамках АТЭС, АСЕАН и аффилированных с АСЕАН механизмов, а также на двусторонней и многосторонней основе.

С начала нынешнего столетия в АТР один за другим возникают новые крупные интеграционные проекты: Транстихоокеанское партнерство (ТТП); Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство; инициатива Пекина «Один пояс, один путь»; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); концепция Индо-Тихоокеанского региона и др.

Активная роль во всех этих процессах принадлежит Японии с ее мощной экономикой, высоким уровнем технологий и инноваций, значительными инвестиционными возможностями. Япония, руководствуясь собственными интересами, развивает экономические связи как на двусторонней, так и на многосторонней основе, при этом зачастую в последнее время действуя независимо от политики США.

Целью работы является исследование процессов, происходящих в регионе, и роли Японии в данных процессах.

Методология

Данное исследование базируется на принципах историзма и объективности. При анализе динамики международных процессов был привлечен исторический метод. Использованы также сравнительный метод, обобщение. Основу исследования составили официальные документы и источники, посвященные анализу интеграционных объединений АТР и роли Японии в них, перспектив и трудностей на данном направлении, практических действий, предпринимаемых японским правительством. Эти методы позволили оценить текущую ситуацию и сделать прогнозы на будущее.

Начало Транстихоокеанскому партнерству было положено в 2005 г., когда Бруней, Чили, Новая Зеландия и Сингапур заключили Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (вступило в силу в 2006 г.). На более поздних этапах к соглашению присоединились другие страны, включая Японию, которой

пришлось преодолеть сопротивление своего сельскохозяйственного лобби, опасавшегося, что поток дешевых продуктов в Японию, в особенности отмена пошлин на импорт риса, говядину и др., отрицательно скажется на сельском хозяйстве страны.

Активную роль в ускорении продвижения ТТП как «потенциальной модели для всего региона» сыграли Соединенные Штаты в расчете использовать новое образование в качестве орудия для укрепления лидерства США в регионе, оттеснения Китая, пытающегося, как утверждалось американской стороной, «взять на себя определение глобальных и региональных условий торговли»[1].

4 февраля 2016 г. министры торговли 12 государств (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония) подписали Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, отражающее во многом американскую позицию[2]. Помимо положений о свободной торговле, упразднении таможенных платежей, предусматривались также правила торговли и инвестиций, относящиеся не только к таможенной сфере[3].

Положение круто изменилось, когда с приходом к власти администрации Д. Трампа Соединенные Штаты вышли (23 января 2017 г.) из соглашения, указав, что США намерены вести прямые переговоры о будущих торговых сделках с потенциальными странами-партнерами один на один[4]. В октябре 2019 г. в соответствии с этой политикой было заключено соглашение о свободной торговле напрямую с Японией.

Тем не менее ТТП похоронено не было, и инициативу в дальнейшем продвижении объединения взяла на себя Япония. 8 марта 2018 г. в Сантьяго 11 стран (без США) подписали модифицированное соглашение, полу-

---

[1] Remarks By President Obama to the Australian Parliament. November 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament (дата обращения: 12.07.2019).

[2] Text of the Trans-Pacific Partnership Aggreement. URL: https://www.mfat.govt.nz/en/about-us/who-we-are/treaties/trans-pacific-partnership (дата обращения: 25.07.2019).

[3] *Сираиси Такаси.* Геополитическое будущее Японии и Азиатско-Тихоокеанского региона в Транстихоокеанском партнерстве. 2016. URL: https://www.nippon/ru/column/g00338 (дата обращения: 22.05.2019).

[4] США вышли из Транстихоокеанского партнерства. URL: https://www.bbc.com/russian/features-38729182 (дата обращения: 06.08.2019).

чившее название «Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнерство» (ВПТТП) (вступило в силу 30 декабря 2018 г.). В целом прежнее соглашение осталось практически без изменений, за исключением 20 положений, выдвинутых ранее Соединенными Штатами.

Несмотря на выход из соглашения первой экономики мира, ВПТТП является одной из крупнейших многосторонних договоренностей, определяющих правила свободной торговли, на долю которого приходится 13,5% мирового ВВП.

Параллельно с ВПТТП шло формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Здесь инициаторами выступили страны АСЕАН – в интересах создания широкого регионального объединения, основанного на принципах свободной торговли и создания благоприятных условий для инвестиций. Постепенно, однако, на первый план вышел Китай, который во многом задает тон в организации в силу своего экономического потенциала.

К настоящему времени работа по выработке положений соглашения по ВРЭП близится к завершению, и в Совместном заявлении стран-участниц от 14 ноября 2018 г. на Втором саммите ВРЭП была выражена «решимость заключить современный, всеобъемлющий, высококачественный и взаимовыгодный документ» в 2019 г.[1] Однако продвижение пока затормозилось вследствие неготовности к подписанию соглашения Индии.

Япония придает большое значение заключению указанного соглашения. Как подчеркивается в японской Голубой книге дипломатии-2018, «ВРЭП является стержнем экономической интеграции в Восточной Азии, направленной на формирование широкой и интегрированной экономической зоны, которая покрывает приблизительно половину мирового населения и примерно 30% мирового ВВП и товарооборота»[2].

Сравнивая сформировавшиеся в АТР в последние годы крупнейшие интеграционные образования – ВПТТП и ВРЭП, японские эксперты приходят к выводу, что эти механизмы не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга, тем более что ряд членов ВПТТП

[1] Joint Leaders' Statement on the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Negotiations. November 2018. URL: https://asean.org/storage/2018/11/RCEP-Summit-2_Joint-Leaders-Statement_FINAL2.pdf (дата обращения: 29.07.2019).

[2] Diplomatic Bluebook 2018. URL: https://www..mofa.go.jp/pp/page25e_000237.html (дата обращения: 30.07.2019).

и ВРЭП, включая Японию, участвуют и в той и в другой организации. Как отмечает профессор Токийского университета М. Оба, ВРЭП означает существенный шаг вперед в осуществлении принципов свободной торговли, улучшении рыночного доступа к услугам и инвестициям, что обеспечивает данной структуре достаточно широкую поддержку[1].

С собственными крупными инициативами выступил Китай. 7 сентября 2013 г. во время визита в Казахстан председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею построения Экономического пояса Шелкового пути, простирающегося от Китая до Европы, а 2 октября 2013 г. в индонезийском парламенте он обратился к странам региона с призывом «вместе построить Морской Шелковый путь XXI века». Обе идеи получили хождение в виде концепции «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Соединенные Штаты и Япония с настороженностью встретили инициативу китайского руководства, расценив ее как стремление Пекина утвердить свои позиции на мировой арене за счет интересов Запада. Негативно было воспринято Вашингтоном и Токио учреждение Пекином в целях финансового обеспечения ОПОП, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), хотя ряд крупных западных государств (Великобритания, Германия, Франция, Австралия и др.) вошли в число учредителей банка.

Вместе с тем, в отличие от Соединенных Штатов, подвергших китайскую концепцию жесткой критике как «своекорыстную», «противоречащую основным принципам либерального экономического порядка», официальный Токио проявил определенную сдержанность, не желая обострять отношения с Пекином.

Принципиальная позиция Токио в отношении ОПОП была изложена в речи С. Абэ 5 июня 2017 г. на 23-й Международной конференции о будущем Азии. Японский премьер в целом позитивно отозвался о китайской идее, указав, что инициатива Пекина «содержит потенциальную возможность соединить Восток и Запад, а также различные регионы, которые находятся между ними». В то же время японский премьер подчеркнул, что «было бы важно, чтобы создаваемая инфраструктура

[1] *Mie Oba.* TPP, RCEP and the Liberal Economic Order // The Diplomat, September 2018. URL: https://thediplomat.com/2018/09/tpp-rcep-and-the-liberal-economic-order/ (дата обращения: 31.07.2019).

была открыта для использования всеми и развивалась на базе торговых сделок, которые были бы транспарентными и справедливыми».[1]

Обладая сильными экономическими позициями на азиатском континенте, тесными, устоявшимися связями со странами региона, Япония противопоставляет Пекину собственный экономический курс, основанный, как подчеркивают в Токио, на «открытости, справедливости, соблюдении общепринятых экономических норм». В 2015 г. японское правительство выступило с рассчитанной на пять лет (2016–2020 гг.) программой «Партнерство в создании качественной инфраструктуры» (Partnership for Quality Infrastructure). В соответствии с этой программой предполагалось предоставление, совместно с Азиатским банком развития, 110 млрд. долл. в качестве инвестиций на цели инфраструктурных проектов в странах АТР (по 50 млрд. долл. от Японии и АБР)[2]. В ноябре 2016 г. С. Абэ и премьер-министр Индии Н. Моди в совместном заявлении по результатам визита индийского премьера в Японию объявили о намерении создать новый крупный инфраструктурный проект – «Азиатско-Африканский коридор роста», что расценивается как откровенный противовес китайской концепции построения Морского Шелкового пути XXI века[3].

Все больший интерес проявляет Япония к евразийскому направлению своей политики, осознавая огромные потенциальные возможности Евразии как одного из формирующихся крупнейших промышленно-транспортных кластеров мировой экономики. Для самой Японии регион может стать важным полем приложения японских капиталов, кратчайшим мостом в Европу.

Активно идет «Диалог Центральная Азия плюс Япония» (инициирован в августе 2004 г.). Осуществляются – с японской помощью – крупные проекты в сфере промышленности, сельского хозяйства, ин-

[1] „Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia". Speech by Prime Minister S. Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. June 2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (дата обращения: 15.07.2019).

[2] Partnership for Quality Infrastructure. URL: https://www.mofa.go.jp/files/000081298.pdf (дата обращения: 25.07.2019).

[3] Asia Africa Growth Corridor. A Vision Document // ERIA, 2017. URL: https://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf (дата обращения: 19.06.2019).

фраструктуры, подготовки кадров. Жизненно важное значение для стран Центральной Азии имеет содействие Японии в решении проблем водораспределения, обеспечения региона электричеством, борьбы с саранчой [Леонтьева, 2016. С. 94]. Во время посещения в 2015 г. стран Центральной Азии японским премьером С. Абэ был заключен ряд соглашений об оказании содействия в осуществлении энергетических и инфраструктурных проектов в регионе на сумму 45 млрд. долл.[1]

Нельзя не упомянуть об интересе Токио к ЕАЭС. Отвечая в октябре 2014 г. на вопросы депутатов бюджетной комиссии верхней палаты японского парламента, министр иностранных дел Японии Ф. Кисида подчеркнул, что «Япония проявляет большой интерес к Евразийскому экономическому союзу»[2].

Налаживанию диалога ЕАЭС–Япония способствует заинтересованность стран-членов ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия) во взаимодействии с Японией, с ее огромными ресурсами, высоким технологическим уровнем, в реализации масштабных проектов в регионе. В ходе встречи представителей деловых кругов России и Японии 16 декабря 2016 г. В. Путин сообщил о том, что «в ближайшее время стороны обсудят вопросы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией»[3].

Важным шагом со стороны США и Японии стало выдвижение концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР). Суть концепции заключается в том, что ИТР – это регион, «где уважается суверенитет и международное право, разногласия улаживаются путем диалога и где все страны, большие или малые, пользуются свободой судоходства и пролета, устойчивым развитием и свободной, справедливой и открытой торговой и инвестиционной системой»[4].

[1] Steady as it goes in Central Asia. Japan Times. 22.05.2019. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/05/22/editorials/steady-goes-central-asia/#.XTwLPEdS-1s (дата обращения: 25.07.2019).

[2] Ф. Кисида: Япония проявляет большой интерес к ЕАЭС. 08.10.2014. URL: http://www.camarade.biz/node/16012 (дата обращения: 21.05.2019).

[3] EAEU-Japan Free Trade Zone to Be Discussed in Nearest Future-Putin. February 2016. URL: https://sputniknews.com/politics/201612161048638009-eaeu-japan-free-trade/ (дата обращения: 19.07.2019).

[4] Japan-India Joint Statement Toward a Free, Open and Prosperous Indo-Pacific. Gandhinagar, Gujarat. India, 2017 URL: www.mofa.go.jp/files/ooo289999.pdf (дата обращения: 05.03.2017).

А вершить здесь делами призвана так называемая «четверка» – США, Япония, Австралия, Индия.

В то же время японо-американская инициатива встретила в АТР неоднозначную реакцию. На 34-м саммите АСЕАН, проходившем в июне 2019 г. в Бангкоке, страны-участницы заявили, что они рассматривают АТР и Индийский океан как «тесно интегрированный и взаимосвязанный регион, где АСЕАН играет центральную и стратегическую роль». Этот регион должен быть «регионом диалога и сотрудничества, а не соперничества», «развития и процветания для всех». Согласованная позиция стран АСЕАН нашла отражение в принятом на саммите специальном документе – «Точка зрения АСЕАН по Индо-Тихоокеанскому региону» (AOIP)[1].

В этой ситуации Токио и Вашингтон сочли целесообразным согласиться с позицией АСЕАН о «центричности» этой организации в регионе. В выступлении 4 ноября 2019 г. на 22-м саммите Япония–АСЕАН премьер-министр С. Абэ подчеркнул, что Япония «полностью поддерживает» указанный документ (AOIP) и будет стремиться к «синергии» позиции АСЕАН и идеи «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»[2].

Основные результаты исследования

Разворачивающиеся в настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе процессы заслуживают самого пристального внимания. Мы являемся свидетелями очередного витка острой борьбы за преобладающее влияние в регионе между государствами, традиционно занимавшими лидирующие позиции в АТР, и все больше набирающим силу Китаем. По-прежнему тлеет немало опасных очагов напряженности.

И все же нельзя не видеть заметно усиливающихся в АТР настроений в пользу налаживания взаимовыгодного сотрудничества, стремления найти пути разрешения застарелых конфликтов. Показателен,

[1] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 20.07.2019).

[2] 22nd Japan-ASEAN Summit Meeting. 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_001122.html (дата обращения: 15.11.2019).

в частности, факт, что не получила широкой поддержки концепция Индо-Тихоокеанского региона – в ее блоковом измерении. Реакция большинства стран региона говорит о том, что их в целом устраивает сложившийся в АТР порядок обеспечения безопасности на базе сформировавшихся здесь механизмов – АСЕАН, Восточноазиатский саммит (ВАС) и др. Позитивную роль играют идущие в АТР интеграционные процессы – либерализация торговли, создание благоприятных условий для инвестиций, снятие торговых барьеров и упразднение тарифов, что не только способствует сближению экономик стран региона, но и ведет к улучшению общей обстановки в АТР.

Активное участие в указанных процессах принимает Япония, что приносит свои плоды. Токио все больше выстраивает собственную линию по многим направлениям политики и экономики, стремится наладить конструктивные отношения со странами региона на базе сотрудничества и диалога.

Список литературы

Кистанов В. О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32–43.

Леонтьева Е. Л. Экономическая политика правительства Абэ Синдзо в условиях глобализации // Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 79–104.

References

Kistanov, V. O. (2018) Indo-Tikhookeanskaya strategiya Yaponii kak sredstvo sderzhivaniya Kitaya [Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China]. Moscow: Far Eastern Affairs, 2. (In Russ.)

Leontieva, E. L. (2016) Economicheskaya politica pravitelstva Abe Sindzo v usloviyah globalizatsii [The Economic Policy of Shinzo Abe Cabinet under Globalization]. Moscow: Yaponiya 2016. (In Russ.)

ЧЕТЫРЕХСТОРОННИЙ ДИАЛОГ ПО БЕЗОПАСНОСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ ТОКИО

ДОБРИНСКАЯ ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА
кандидат исторических наук,
старший преподаватель Дипломатической академии МИД,
научный сотрудник Института востоковедения РАН
Doa_78@mail.ru

В статье освещены особенности похода Японии к четырехстороннему сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Японский премьер-министр С. Абэ является давним сторонником сближения Японии, США, Австралии и Индии, еще в 2007 г. он стоял у истоков институционализации четырехстороннего диалога. Сотрудничество «четверки» неразрывно связано с выдвинутой С. Абэ в 2016 г. стратегией свободного и открытого ИТР, предусматривающей тесное политическое взаимодействие с ключевыми игроками региона и активное инфраструктурное строительство. В этой сфере Япония сотрудничает с Индией, существуют планы трехстороннего сотрудничества Японии, США и Австралии, а также Японии, США и Индии, однако перспективы четырехстороннего инфраструктурного сотрудничества остаются неясны. В политической сфере у Японии налажены механизмы двустороннего и трехстороннего сотрудничества с США, Индией и Австралией, а также присутствует общее видение региональной ситуации со странами АСЕАН. В то же время размытость политической повестки «четверки», политический и экономический вес Китая в регионе сдерживают развитие «четверки» в полноценный механизм сотрудничества.

Ключевые слова: ИТР, внешнеполитическая стратегия Абэ, Япония, «четверка», Китай.

QUADRILATERAL SECURITY DIALOGUE: THE VIEW FROM TOKYO

DOBRINSKAYA OLGA ALEXEYEVNA
PhD, senior lecturer, Diplomatic academy MOFA of Russia,
researcher, Institute of Oriental studies.
Doa_78@mail.ru

The article covers Japan's approach towards quadrilateral cooperation in the Indo Pacific. Japanese prime minister Shinzo Abe has been a long-time proponent of the rapprochement of Japan, US, Australia and India. During his first term in office in

2007 he was the one who proposed the institutionalization of the Quad. For numerous reasons in 2007 the framework turned out to be short lived. However, in 2017 it was revived due to the continuous efforts by Japan and now it has been demonstrating sustainability for a few years in a row. The quadrilateral cooperation is inextrincably linked to the Free and Open Indo Pacific Strategy put forward by Abe in 2016. It envisions close political cooperation with key regional actors as well as infrastructure cooperation. It is believed that the strategy is Japan's answer to Chinese Belt and Road initiative. Japan has boosted infrastructure cooperation with India, both bilaterally and in the third countries, and there are plans for trilateral infrastructure cooperation of Japan, Australia and US, as well as cooperation of Japan, US and India. However, the prospects for quadrilateral infrastructure cooperation remain unclear. In the political sphere Japan has developed bilateral and trilateral frameworks with US, Australia and India but the Quad agenda seems rather ambiguous. This makes some researchers doubt its long-term character. Japan's important partners in the Indo Pacific are ASEAN countries, and their vision is crucial in estimating the prospects for further development of the Quad. Japan has been actively establishing close relations with the countries which have disputes with China in the South China Sea. The perception of China as a challenge by many countries of the region prompts them to unite their efforts to balance China's influence. At the same time the political and economic weight of China and its close relations with most of the countries of the Indo Pacific, including Japan, are the factors that bring uncertainty to the Quad and may hinder its evolvement into full-scale cooperation mechanism.

Keywords: Indo Pacific, Abe diplomatic strategy, Japan, Quad, China.

Введение

Состоявшаяся 12 ноября 2017 г. в Маниле встреча старших должностных лиц США, Австралии, Японии и Индии символизировала возвращение в региональную повестку дня четырехстороннего формата сотрудничества США, Японии, Индии и Австралии, так называемой четверки – «Quad». Возрождение формата четверки вызвало живой интерес в политических и академических кругах стран региона, породило немало дискуссий относительно его жизнеспособности, значения с точки зрения поддержания регионального баланса сил, а также перспектив развития. В данной статье говорится об интересах Японии в отношении «четверки», ее видении сотрудничества в регионе и перспектив дальнейшего участия в «четырехстороннем механизме».

Методология

В статье будет рассмотрена история зарождения формата «четверки». В частности, будет указано, какую роль играла Япония на начальном этапе формирования этого механизма, а также на этапе его возрождения в 2017 г. Будет дана краткая характеристика четырехстороннего сотрудничества на нынешнем этапе, наполнения его повестки дня, а также оценка с точки зрения интересов основных игроков региона. Особое внимание уделено связи между четырехсторонним форматом и концепцией свободного и открытого ИТР. Будут освещены предпосылки и причины появления концепции, ее основные положения, а также роль «четверки» в ее реализации. Речь пойдет как о политическом диалоге, так и о возможном инфраструктурном сотрудничестве, представляющем особый интерес для Токио. В статье подчеркивается, что у Японии уже налажены тесные отношения со всеми участниками «четверки», однако не в полном составе, а в составе различных «треугольников», то есть Япония готова и хотела бы продолжать укреплять связи с точки зрения налаживания устойчивого взаимодействия на четырехстороннем уровне, однако этому могут препятствовать различные факторы, о которых будет сказано ниже. Для изучения проблематики японского видения четырехстороннего сотрудничества в регионе использован исторический метод, контент-анализ политических документов и выступлений официальных лиц, а также проанализированы интересы Японии с точки зрения парадигмы реализма.

История четырехстороннего сотрудничества

История четырехстороннего сотрудничества берет начало еще в 2004 г., когда Япония, США, Австралия и Индия объединили усилия для работы по ликвидации последствий цунами в Индийском океане. Образованная тогда группа имела конкретную задачу и не предполагала долгосрочного сотрудничества, выходящего за ее рамки.

В 2007 г. премьер-министр С. Абэ выдвинул предложение на основе уже испытанного формата наладить четырехсторонний стратегический диалог. Идея получила положительный отклик у остальных участников, и в августе 2007 г. прошла первая и единственная встреча

«четверки» в кулуарах саммита Регионального форума Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), состоявшегося на Филиппинах.

Сам факт политического взаимодействия в таком формате, а также почти совпавшие по времени военные учения Малабар, в которых приняли участия страны «четверки» и Сингапур, вызвали довольно жесткую негативную реакцию Китая. Нежелание провоцировать Пекин в конечном счете оказалось той причиной, по которой формат вскоре распался. Первой о выходе объявила Австралия, где пришедшее к власти правительство К. Радда отказалось проводить курс на конфронтацию с Китаем как не отвечающий национальным интересам страны. Индия тоже вскоре утратила интерес к продолжению сотрудничества. В Японии также изменилась внутриполитическая ситуация: в сентябре 2007 г. С. Абэ ушел в отставку, а сменивший его Я. Фукуда взял курс на сближение с Китаем, и идея «четверки» была постепенно забыта.

К идее сотрудничества в ИТР Япония вернулась осенью 2017 г. В октябре 2017 г. в интервью газете «Никкэй мининдел» Т. Коно озвучил идею возрождения формата четверки, которая позволила бы обеспечить мир на морском пространстве, простирающемся от Азии до Африки[1]. В ноябре 2017 г. после десятилетнего перерыва работа четверки возобновилась. На первой встрече старших должностных лиц, прошедшей в Маниле, обсуждались вопросы безопасности на море, борьбы с терроризмом и последствиями стихийных бедствий. На этот раз четверка оказалась более жизнеспособной – по состоянию на ноябрь 2019 г. уже прошло пять встреч старших должностных лиц и одна министерская встреча на полях Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

В новом варианте четверка имеет название «четырехсторонний диалог по безопасности». Ее повестка дня включает в основном вопросы невоенной безопасности, такие как борьба с терроризмом, обеспечение безопасности на море, ликвидация последствий стихийных бедствий. Новой тенденцией становится включение в повестку дня обсуждения конкретных стран. Так, на состоявшихся осенью 2019 г. встречах темами обсуждения стали ситуация вокруг КНДР, в Шри-Ланке и на Мальдивах.

[1] Japan to propose dialogue with US, India and Australia. Nikkei Asian Review. 26.10.2017. URL: asia.nikkei.com/Politics/Japan-to-propose-dialogue-with-US-India-and-Australia (дата обращения: 20.12.2019).

Сам факт появления и существования механизма «четверки» воспринимается неоднозначно. Его критикуют за попытку создания в АТР некоего эксклюзивного блока государств, что способствует возрождению логики холодной войны. По словам замминистра иностранных дел И. В. Моргулова, реализация концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) несет угрозу фрагментации общего пространства и углубления имеющихся разделительных линий[1]. Появление четверки также нередко трактуется как попытка преуменьшить роль АСЕАН в регионе, особенно с учетом того, что США нередко в наиболее значимых вопросах де-факто игнорировали региональные институты, в лучшем случае отводя им второстепенную роль в обсуждении вопросов безопасности [Колдунова, 2017. С. 62].

В то же время в существовании четверки некоторые исследователи видят позитивные стороны. Прежде всего она способствует сдерживанию усиливающего свое геополитическое влияние Китая, а значит, уравновешивает его военно-политический вес и способствует поддержанию баланса сил в регионе. Кроме того, некоторые указывают на то, что механизмы, сосредоточенные вокруг АСЕАН, недостаточно эффективны. В основе их деятельности лежит принцип соблюдения «пути АСЕАН», то есть присоединения к процессам по мере готовности, что снижает скорость принятия решений и их воплощения в жизнь[2].

«Четверка» во внешнеполитическом курсе Японии

Япония изначально выступала самым активным сторонником «четверки». Именно по инициативе С. Абэ в августе 2007 г. состоялось первое заседание в этом формате. Внешняя политика Японии в период первого пребывания С. Абэ у власти демонстрировала явно выраженную геополитическую направленность, а также акцент на дипломатию ценностей. В недрах японского МИД была разработана концепция Дуги

[1] И. Моргулов: Россия и Япония пока в самом начале пути к заключению мирного договора. Режим доступа: URL: https://tass.ru/politika/5175651 (дата обращения: 15.12.2019).

[2] *Hanada Ryosuke.* The role of U.S.-Japan-Australia-India cooperation, or the “Quad” in FOIP: a policy coordination mechanism for a rules-based order. P.10. Center for strategic and international studies. 17 p. Режим доступа: URL: https://csis-prod.s3.amazonaws. com/s3fs-public/FINAL_Working%20Paper_Ryosuke%20Hanada.pdf (дата обращения: 10.12.2019).

свободы и процветания, направленная на укрепление солидарности Японии со странами, разделяющими с ней ценности демократии, рыночной экономики, защиты прав человека и т. п. Эта Дуга простиралась от стран Прибалтики через Центральную и Южную Азию, доходя до стран ЮВА и далее до Австралии. Япония намеревалась тесно сотрудничать со странами и при необходимости оказывать им финансовую помощь. Тот факт, что Дуга огибала и Китай, и Россию, позволил многим наблюдателям трактовать ее как направленную на сдерживание Китая. Примерно в то же время в Японии зазвучала риторика, отражающая новое понимание границ Азиатско-Тихоокеанского региона. Речь идет об укоренившемся сегодня понятии Индо-Тихоокеанского региона, или Большой Азии, Расширенной Азии (*Какудай Адзиа*).

Понятие ИТР, хотя и давно не новое (в годы холодной войны оно фигурировало в стратегических наработках США и Великобритании), в постбиполярный период впервые появилось в статье индийского аналитика Г. Хураны, посвященной японо-индийскому сотрудничеству в обеспечении безопасности морских линий коммуникаций. В статье доказывалось, что по мере экономического роста Индии ее интересы все более связаны с морскими коммуникациями, таким образом во многом совпадая с интересами Японии, чьи жизненно важные торговые артерии пролегают через Тихий и Индийский океаны [Khurana, 2007. P. 140]. Концепция ИТР вскоре была взята на вооружение в Токио и появилась в японском внешнеполитическом лексиконе в 2007 г. Находясь в Дели с визитом, японский премьер выступил в индийском парламенте с речью «Слияние двух океанов», в которой подчеркнул важность сотрудничества Японии и Индии по вышеупомянутым вопросам.

В сентябре 2007 г. С. Абэ ушел в отставку, и вместе с ним отошли на второй план его инициативы, касающиеся расширения роли Японии в обеспечении безопасности. Концепция Дуги свободы и процветания постепенно перестала упоминаться в качестве одного из столпов японской внешней политики. Потерял Токио интерес и к «четверке». Период потепления отношений с Китаем оказался недолгим, а курс пришедшей к власти оппозиционной ДПЯ на сближение с Азией, создание восточноазиатского сообщества и выравнивание отношений в союзе с США потерпел крах, что особенно стало очевидно после кризиса 2010 г. в японо-китайских отношениях.

Вернувшись к власти в 2012 г., С. Абэ вновь возродил многие начинания, связанные с его первым премьерским сроком. Это касается и дальнейшего развития его взглядов на четырехстороннее сотрудничество в регионе. На следующий день после победы С. Абэ на выборах вышла в свет его статья «Демократический ромб безопасности». Ее сущность состоит в том, чтобы сформировать пространство, углами которого будут Австралия, Индия, Япония и американский штат Гавайи, с тем чтобы охранять общее морское пространство, простирающееся от Индийского океана до западной части Тихого океана»[1]. Концепция прежде всего направлена на сдерживание Китая, по словам С. Абэ стремящегося превратить ЮКМ в «Пекинское озеро». Концепция не стала частью официальной дипломатической повестки, скорее, ее можно рассматривать как личное видение премьера, что тем не менее не умаляет ее значения.

Выдвижение Китаем концепции «Один пояс, один путь» подтолкнуло Японию к еще более активному поиску путей противостояния геополитическому и экономическому усилению Китая, распространяющемуся от Восточной Азии до Ближнего Востока и берегов Африки [Галимзянова, 2018. С. 161]. Ответом на китайский проект стало наращивание экономического присутствия в Центральной Азии, активизация японской дипломатии в ЮВА, а также усилившийся интерес к Африканскому континенту. На встрече ТИКАД в августе 2016 г. в Кении С. Абэ выступил с речью «Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В ней он сделал упор на взаимосвязь Азии и Африки и на перспективы их совместного процветания. По словам С. Абэ, эта стратегия, отправной точкой которой является Восточная Азия, охватывает также Южную Азию, Ближний Восток и Африку, где планируется развернуть деятельность по созданию инфраструктуры, торговле, инвестициям, налаживанию условий для ведения бизнеса, развитию, воспитанию человеческих ресурсов[2]. Регион позициониру-

[1] Abe Shinzo. Asia's democratic security diamond. Project – syndicate. 27.12.2012. URL: http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance- for-japan-and-india-by-shinzo-abe (дата обращения: 20.12.2019).

[2] Дзию де хиракарета индо тайхэйё сэнряку [自由で開けれたインド太平洋「略]. Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. МИД Японии. URL: www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (дата обращения: 20.11.2019).

ется как пространство, где уважаются свобода, верховенство закона и рыночная экономика.

По мнению японских аналитиков, три столпа Индо-Тихоокеанской стратегии включают: 1) распространение и укоренение принципов верховенства закона, свободы навигации, свободной торговли; 2) достижение экономического благосостояния; обеспечение мира и стабильности. Первое явно относится к Китаю, поскольку, по словам японских аналитиков, единственным игроком, который угрожает свободе навигации и правлению закона на морском пространстве ИТР, является Китай. Второе – это признание важной роли АСЕАН. Одна из целей концепции – создание и повышение солидарности с АСЕАН. Причиной этого является не только географический фактор, поскольку ЮВА связывает Тихий и Индийский океаны, но и тот факт, что уже существуют многосторонние механизмы, ядром которых является АСЕАН (АРФ, ВАС, встречи министров обороны «АСЕАН плюс»). Япония собирается не создавать новые механизмы сотрудничества для осуществления своей ИТР стратегии, а намерена использовать существующие механизмы, осью которых является АСЕАН. В рамках третьего направления Япония делает особый акцент на развитие Африки. Не случайно стратегия была озвучена на конференции ТИКАД. Ожидается создание экономических коридоров, связывающих внутренние районы и побережье таких стран, как Мозамбик и Кения[1].

Понятие ИТР, вновь прозвучавшее спустя много лет из уст С. Абэ, приобрело новое содержание, поскольку охватывает не только Индию, но и более далекие страны, доходя до Африканского побережья. Кроме того, стратегия опирается на основополагающие внешнеполитические принципы С. Абэ – панорамную дипломатию и активный пацифизм. Панорамная дипломатия предполагает расширение круга внешнеполитических партнеров и укрепление существующих партнерств, а активный пацифизм направлен на расширение участия Японии в деятельно-

[1] *Окамото Дзиро.* Нихон то Госю но Индо тайхэйё косо [岡本 次郎. 日本と豪州の「インド太平洋」構想 アジ研ポリシー・ブリーフ, 2019. No 130. アジア経 済研究所]. Японская и австралийская концепция ИТР. Политический обзор азиатских исследований, 2019. No 130. Исследовательский институт экономики Азии. URL: https://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Download/PolicyBrief/Ajiken/130. html (дата обращения: 20.11.2019).

сти по обеспечению международной безопасности, расширяя диапазон возможностей применения военной силы в благих целях [Добринская, 2016. С. 72–73]. Очертания региональной направленности концепции свободного и открытого ИТР явно схожи с китайской концепцией «Один пояс, один путь», охватывающей ключевые порты на побережье Индийского океана и простирающейся до берегов Африканского континента.

Можно сказать, что видение ИТР в версии Абэ 2.0 стало приобретать более выраженную антикитайскую направленность. В то же время, в отличие от 2007 г., в нынешних условиях Японии приходится учитывать более уверенную и наступательную внешнюю политику Китая, готового активно отстаивать свои жизненно важные интересы, что демонстрируют его риторика и действия в районе ВКМ и ЮКМ. Более сильным Китай стал и по экономическим показателям, обогнав Японию по размерам ВВП. Выдвинутая в 2013 г. концепция «Один пояс, один путь» направлена на усиление геополитических и экономических позиций Пекина на широком географическом пространстве, что не может не рассматриваться как вызов японским интересам.

В то же время ее политическую составляющую нередко связывают с существованием «четверки». Намереваясь содействовать ее институционализации, японский премьер-министр сталкивается со сложностями, связанными с привлечением внимания США к проблемам региона. Президентство Трампа, безусловно, является одним из тех вызовов, с которым ему приходится иметь дело. По словам японских аналитиков, японская сторона предложила использовать понятие ИТР как способ вдохнуть новую жизнь в азиатско-тихоокеанскую политику Д. Трампа. Именно в ходе первого азиатского турне упоминание об ИТР активно зазвучало из уст американского президента. Япония заинтересована в том, чтобы удержать внимание Вашингтона на проблемах региональной безопасности, что особенно важно для нее в свете общей тенденции к снижению роли США в азиатских делах и ожиданий того, что влияние Китая в регионе станет сильней, чем влияние США, опасения по поводу политики Трампа, отказавшегося от ТТП и отличающегося довольно жесткой риторикой в отношении своих традиционных союзников в Азии. Япония заинтересована и в укреплении своего лидерства в регионе, о чем свидетельствует и ее активная дипломатия, в том числе отно-

шения со странами ЮВА, а также довольно жесткая позиция С. Абэ по отстаиванию своих интересов в спорных вопросах со странами региона, и инициативы Токио в сфере поддержания безопасности в Азии.

В Токио обратили внимание на то, что в своих выступлениях президент США Трамп использовал понятие ИТР, которое премьер-министр С. Абэ выдвинул несколькими месяцами ранее, на шестой конференции ТИКАД в Кении. В связи с этим и в Токио многие считают, что на этот раз, в отличие от обычно принятого алгоритма действий, не Япония подстраивается под то, что провозглашают США, а, скорее, наоборот[1].

Если политическое сотрудничество со странами «четверки» для Японии связано прежде всего с выстраиванием фронта солидарности против Китая, то его экономический аспект преследует цели наращивания экспорта инфраструктуры за рубеж, и в этом сотрудничество со странами региона играло бы важную роль. Наращивание инфраструктурного строительства является основой экономической политики С. Абэ. Задача увеличения экспорта японской инфраструктуры в качестве меры по стимулированию экономического роста изучалась в Японии и ранее: так, в марте 2013 г. была создана экспертная комиссия по разработке инфраструктурной стратегии, однако с появлением «Одного пояса, одного пути» это направление получило значительный импульс. В мае 2015 г. С. Абэ объявил о выдвижении Инициативы качественной инфраструктуры, подразумевающей капиталовложения порядка 110 млрд. долл. в строительство и модернизацию различных объектов в Азии, а через год расширил действие Инициативы на страны Африки и Южной части Тихого океана и увеличил сумму содействия до 200 млрд. долл.

Инфраструктурное сотрудничество в ИТР

Японии было бы наиболее выгодно использовать четырехсторонний механизм как площадку для сотрудничества в сфере инфраструк-

[1] *Миякэ Кунихико.* Индо тайхэйё сэнряку то ва нани ка [【宮家邦彦. インド太平洋戦略とは何か。08.06.2018. キャノングローバル戦略研究所]. Что такое Индо-Тихоокеанская стратегия? Институт глобальных стратегических исследований Кэнон. URL: www.canon-igs.org/column/security/20180608_5078.html_(дата обращения: 10.12.2019).

турного строительства. В феврале 2018 г. появилась информация о том, что инфраструктурное сотрудничество обсуждалось в формате индо-тихоокеанской «четверки». Такое сотрудничество позволит наполнить содержанием формат четырехстороннего взаимодействия, придать ему долгосрочный характер, поскольку это не будет восприниматься Китаем столь негативно, как, например, взаимодействие в военной сфере и в сфере безопасности. Это также позволит более рационально осуществлять экономическую стратегию по расширению присутствия на широком географическом пространстве. По итогам встречи в ноябре 2019 г. четыре страны согласились усилить координацию инвестиций в качественную инфраструктуру на основе международных стандартов, таких как «Принципы G20 для инвестиций в качественную инфраструктуру», в том числе путем укрепления партнерских отношений и поддержки существующих региональных структур. В то же время до сих пор ни одного четырехстороннего проекта одобрено не было. Зато существуют договоренности о совместном налаживании инфраструктуры между Японией, Индией и США, Японией, Австралией и США.

В сентябре 2017 г. на встрече министров иностранных дел Японии, США и Индии была достигнута договоренность о сотрудничестве в деле создания инфраструктуры в ИТР, прежде всего в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности в таких странах, как Непал, Бангладеш, Мьянма. Ожидается, что Индия займется развитием портовой инфраструктуры, Япония – созданием промышленных парков, а США – строительством электростанций[1].

Существуют договоренности об инфраструктурном партнерстве и между Японией, Австралией и США. В ноябре 2018 г. Японский банк международного сотрудничества, американская корпорация по частному инвестированию за рубежом и австралийское министерство иностранных дел и торговли, а также корпорация по финансированию и страхованию экспорта подписали меморандум о взаимопонимании, зафиксировавший намерение сторон оказывать взаимную поддержку в реализации крупных инфраструктурных объектов в АТР. Первым про-

[1] Japan, US and India team to fund Indo-Pacific infrastructure. Nikkei Asian Review, 10.04.2018. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-US-and-India-team-to-fund-Indo-Pacific-infrastructure (дата обращения: 22.12.2019).

ектом был выбран завод по производству СПГ в Папуа – Новой Гвинее, в который планируется вложить порядка 1 млрд. долл.[1]

Трехстороннее сотрудничество Японии со странами «четверки»

Япония уже на протяжении многих лет успешно развивает сотрудничество в военно-политической сфере со всеми участниками «четверки», как в двустороннем, так и в мини-многостороннем формате.

На первой после прихода Д. Трампа встрече 2+2 в августе 2017 г. стороны выразили намерение усилить сотрудничество в сфере безопасности и обороны с Южной Кореей, Австралией, Индией и странами ЮВА. Как часть этих усилий мининдел Т. Коно заявил о выделении Японией помощи размером в 500 млн. долл для поддержки программ наращивания возможностей в сфере морской безопасности береговых государств в ИТР[2].

На встрече Абэ и Трампа в апреле 2018 г. лидеры подтвердили общий взгляд на расширение сотрудничества в ИТР сферах, включающих развитие качественной инфраструктуры в соответствии с международными стандартами[3]. Д. Трамп и С. Абэ договорились углублять сотрудничество по осуществлению свободного и открытого ИТР, однако фактически первые шаги американского президента, в частности лозунг «Америка превыше всего!», а также отказ от многостороннего сотрудничества в экономической сфере, противоречили этой договоренности. В Токио сильны опасения насчет того, что политика Трампа, для которой приоритетом являются лишь американские интересы, поставила под угрозу реализацию стратегии ИТР, являющейся редким примером регионального идейного лидерства Японии.

Сближение с Индией, наметившееся при первом сроке С. Абэ, продолжается и набирает скорость сейчас. Внешнеполитическое видение

[1] США, Япония и Австралия в противовес Китаю создают собственный «Пояс и Путь», решив проинвестировать СПГ-проект в Папуа – Новой Гвинее. Нефтегаз, 26.06. 2019. URL: https://neftegaz.ru/news/politics/455892-ssha-yaponiya-i-avstraliya-v-protivoves-kitayu-sozdayut-sobstvennyy-poyas-i-put-reshiv-proinvestirov/ (дата обращения: 22.12.2019).

[2] Japan-US security consultative committee. 17.08.2017. MOFA Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/na/st/page3e_000714.html (дата обращения: 20.12.2019).

[3] Japan-US summit meeting. 18.04.2018. MOFA Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page3e_000845.html (дата обращения: 20.12.2019).

С. Абэ коррелирует с индийской политикой «Действовать на Востоке (в восточном направлении)», проводимой Н. Моди. Об этом свидетельствует совместное заявление по итогам визита С. Абэ в Индию в сентябре 2017 г.

Помимо политической сферы, сотрудничество все больше распространяется на военную область и др. Между странами подписаны соглашения о сотрудничестве на море, в ядерной сфере, в оборонной сфере. Ведутся переговоры о покупке Индией японской военной техники. В соответствии с соглашением о сотрудничестве в сфере мирной ядерной энергетики, вступившим в силу с июля 2017 г., ведутся переговоры об экспорте японских технологий АЭС в Индию.

В ноябре 2016 г. Япония и Индия заявили о намерении совместно реализовать программу «Коридор роста Азия–Африка» стоимостью 40 млрд. долл., которая предполагает проекты в сфере развития качественной инфраструктуры, институциональной взаимосвязанности, обучения и наращивания возможностей. В качестве сильных сторон, отличающих японо-индийские инфраструктурные проекты от китайских, стороны акцентируют финансовую ответственность реципиентов, привлечение местной рабочей силы и ее обучение, а также устойчивость с точки зрения длительного использования. В отличие от китайского, японо-индийский проект делает акцент на финансовую ответственность, не поощряя невозвратные долги, как в случае Шри-Ланки, попавшей в долговой капкан Китая.

Австралия как военно-политический союзник США является естественным партнером Японии. Отношения Японии с Австралией развиваются успешно, особенно динамично в сфере безопасности. Австралийские силы оперативно совместимы с американскими, что определяет перспективность дальнейшего сотрудничества в сфере безопасности. В 2007 г. стороны обнародовали Совместное заявление о сотрудничестве в сфере безопасности, придавшее импульс двустороннему взаимодействию. В 2010 г. было подписано соглашение о взаимных поставках оборудования и услуг между военными ведомствами. Австралия стала второй после США страной, с которой Япония подписала такое соглашение. В мае 2012 г. подписано Соглашение о защите информации, позволяющее эффективно обмениваться секретными данными. В июле 2014 г. подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве,

в рамках которого Япония и Австралия могут обмениваться военными технологиями взаимной подготовкой военнослужащих.

Помимо вышеперечисленного, несколько лет действуют трехсторонние диалоговые механизмы. Существуют форматы США–Япония–Австралия, США–Япония–Индия, Япония–Индия–Австралия. В 2002 г. состоялась первая трехсторонняя встреча на уровне старших должностных лиц Японии, Австралии и США, а в 2005 г. уровень диалога был повышен до министерского. Несколько лет действует переговорный механизм Япония–Индия–США: в Дели в апреле 2018 г прошел четвертый диалог на уровне старших должностных лиц, а в ноябре 2018 г. и в июне 2019 г. состоялись встречи лидеров трех стран. В июне 2015 г. состоялась первая встреча в рамках трехстороннего формата Япония–Австралия–Индия. Таким образом, на протяжении многих лет создавались предпосылки для налаживания многостороннего сотрудничества в четырехстороннем формате.

АСЕАН – возможный партнер в ИТР?

Отношения со странами ЮВА занимают особое место во внешней политике Японии, что особенно стало очевидно с приходом С. Абэ. Не случайно и первый визит нового премьер-министра состоялся именно в страны ЮВА – Индонезию, Вьетнам и Таиланд. За первый год пребывания у власти С. Абэ успел посетить все страны АСЕАН, задав тон активной дипломатии на этом направлении. Регулярные встречи на высшем уровне сопровождались установлением отношений стратегического партнерства (например, с Камбоджей, Малайзией), а также укреплением существующих партнерств (с Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией).

Юго-Восточная Азия, и особенно Индонезия, играет важнейшую роль с точки зрения выстраивания отношений между субрегионами Индийского и Тихого океанов. Индонезия – растущая держава, которая соседствует с самым сложным участком, где разворачиваются акваториальные споры в регионе, а также расположена вблизи основных морских путей. Это определяет ее геополитический потенциал и даже позволяет говорить о ней как о возможном участнике «пятистороннего» формата, подчеркивая ее роль нового элемента стратегической ар-

хитектуры Индо-Тихоокеанского региона, ее способность усилить существующий «четырехсторонний формат» [Envall, 2019].

О том, что АСЕАН намерена принимать непосредственное участие в трансформации архитектуры региональной безопасности, свидетельствует то, что в июне 2019 г. АСЕАН обнародовала документ под названием «Взгляд АСЕАН на ИТР». Он во многом выражает видение Джакарты, чей интерес к идее Индо-Тихоокеанского региона обусловлен целью президента Джоко Видодо превратить Индонезию в «точку опоры на море»[1].

В то же время отношение к «четверки» в АСЕАН неоднозначное. Так, в мае 2018 г. Сингапур отказался от идеи присоединиться к «четверке», а премьер-министр Сингапура заявил: «Мы не хотим прийти к формированию противостоящих блоков или к необходимости выбирать чью-то сторону»[2]. Страны ЮВА не готовы рисковать своими отношениями с Китаем, который они считают наиболее влиятельной страной в регионе.

Япония на протяжении последних нескольких лет стремится повысить свою роль в обеспечении безопасности региона. Как и Вашингтон, Токио оказывает помощь в создании возможностей стран ЮВА, оснащая их береговую охрану, позволяя им более эффективно патрулировать морское пространство и развивать свой потенциал противостояния Китаю. Это сопровождается активными дипломатическими усилиями по сближению со странами, имеющими территориальные противоречия с Китаем. Внимание С. Абэ к отношениям с Индонезией, готовность обсуждать с ней проблематику сотрудничества в ИТР, с учетом центральной роли в нем АСЕАН, свидетельствует о возможном сближении двух стран на основе сочетания их интересов в сфере обеспечения регионального порядка и уравновешивания влияния Китая.

Хотя Япония изначально строила свою индо-тихоокеанскую стратегию вокруг понятий «свободный» и «открытый», в ее политическом

[1] *A. Acharya*. Why ASEAN's Indo-Pacific outlook matters. 11 August 2019. URL: https://www.eastasiaforum.org/2019/08/11/why-aseans-indo-pacific-outlook-matters/ (дата обращения: 22.12.2019).

[2] *B. Carr.* The shrinking 'Quad': how the alliance is going nowhere as Japan and India court China/ South China Morning Post. 17.05.2018. URL: https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2146484/shrinking-quad-how-alliance-going-nowhere-japan-and-india (дата обращения: 20.12.2019).

лексиконе стали фигурировать упоминания о его «инклюзивности», не без влияния Индии, настаивающей на таком понимании регионального сотрудничества. С. Абэ подчеркивает, что концепция не направлена на сдерживание Китая и даже считает возможным включение Китая в сотрудничество с ИТР, если Китай выразит такое желание.

В то же время разница стратегий участников «четверки», их разная степень вовлеченности в сотрудничество, видение наполнения этого сотрудничества помимо сдерживания Китая, неготовность ставить под угрозу отношения с Пекином ради неясных результатов остаются существенным вызовом для «четверки» и для Японии как ее главного сторонника.

Как отмечает бывший министр иностранных дел Австралии Б. Карр, ни одна из стран четверки, за исключением Японии, не имеет возможностей экспортировать излишние инфраструктурные мощности, а Индия, например, сама нуждается в налаживании инфраструктуры. Бывший премьер-министр Австралии К. Радд задается вопросом, насколько будет мудро ставит двусторонние отношения Австралии и Китая в зависимость от состояния японо-китайских отношений или индийско-китайских отношений, на которые Австралия не может повлиять[1].

Осторожную позицию демонстрирует и Индия, которая поддерживает тесные политические связи с Китаем как в двустороннем формате, так и в форматах ШОС и БРИКС. Индия проявляет осторожность по отношению к четырехстороннему сотрудничеству, настаивая на «инклюзивности» ИТР, тем самым подразумевая, что новые форматы сотрудничества не должны противопоставлять себя Китаю. Индия не желает расширять свои трехсторонние военные учения и включать в них Австралию. Хотя отношения Индии и Китая нельзя назвать простыми, это не означает, что стороны намерены обострять ситуацию. После периода охлаждения, связанного с противостоянием на плато Доклам летом 2017 г. и политическим кризисом на Мальдивах в феврале 2018 г., в отношениях наступил новый этап, начало которому было

[1] *K. Rudd.* The convenient rewriting of the history of the Quad. Nikkei Asian Review. 26.03.2019. URL: https://asia.nikkei.com/Opinion/The-Convenient-Rewriting-of-the-History-of-the-Quad (дата обращения 21.01.2020)

положено двусторонним саммитом в Ухане в апреле 2018 г. В руководстве двух стран преобладает прагматичный подход. КНР является главным торговым партнером и инвестором Индии, в Индии работают более 100 китайских компаний, 15% индийских стартапов финансируются из Китая [Куприянов, 2018. С. 196]. Индия нуждается в средствах на масштабные экономические реформы, что обусловливает ее экономическую заинтересованность в Китае.

Япония также не заинтересована в обострении отношений с КНР, который является его главным торговым партнером. Токио с присущим ему прагматизмом подходит к сочетанию политики вовлечения Китая в сотрудничество в Азии и сдерживания его влияния в других регионах. На фоне усиления американо-китайских и американо-японских торговых противоречий в отношениях Токио и Пекина наблюдаются позитивные тенденции. В 2018 г. состоялся визит С. Абэ в Китай, где стороны подтвердили намерение сотрудничать по широкому кругу вопросов. Премьер-министр С. Абэ и китайский премьер Ли Кэцян в мае 2018 г. договорились сотрудничать по инфраструктурным проектам в третьих странах. Партнерство в сфере инфраструктурного строительства позволит оптимизировать затраты на реализацию крупных проектов. Поддержка Японией ИПП будет способствовать улучшению двусторонних отношений, а для Китая участие Японии позволит избежать обвинений в том, что он является инвестором с плохой репутацией.

Выводы

Внимание Токио к четырехстороннему формату сотрудничества естественно вписывается в его политику балансирования против Пекина. Для Японии любой новый формат с антикитайским подтекстом означает демонстрацию ее политических возможностей формирования антикитайского фронта, ее сильных дипломатических позиций по отношению к Китаю.

Японии также было бы выгодно заручиться финансовой поддержкой ее инфраструктурных инициатив, которые она позиционирует как альтернативу китайским проектам. В противовес им Япония выдвигает лозунг создания качественной инфраструктуры, а привлечение к нему стран «четверки» позволит добиться большего эффекта от этой инициативы.

Для Японии четверка интересна как новый механизм решения региональных проблем. Мотивы Японии связаны с озабоченностью ростом Китая, поддержанием американского лидерства в регионе и являются способом удержания администрации США в регионе, особенно при Трампе. В условиях видимого снижения интереса США к многостороннему сотрудничеству в Азии Япония стремится играть лидирующую роль в защите мира и стабильности в регионе, а использование риторики ИТР позволяет С. Абэ проявлять лидерство в регионе при поддержке США.

Список литературы

Галимзянова А. К. Экономическая деятельность Китая в Африканских странах // Вестник молодых ученых-международников, 2018. № 3. С. 160–167.

Добринская О. А. Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное, региональное и национальное значение // Ежегодник Япония. 2016. С. 61–78.

Куприянов А. В. Великий южноазиатский поворот // Россия в глобальной политике. 2018. № 6. С. 193–203.

Колдунова Е. В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Том 15. № 3. С. 55–66.

H. D. P. Envall. The quadrilateral security dialogue: towards an Indo-Pacific order? RSIS Policy report. Nanyang technological university. Singapore. September 2019. 11 p.

Gurpreet S. Khurana. Security of sea lines: prospects for India–Japan cooperation // Strategic analysis. 2007. No 1. P. 139–153.

References

Galimzyanova A. K. Ekonomicheskaya deyatel`nost` Kitaya v Afrikanskih stranah //Vestnik molodyh uchenyh- mezhdunarodnikov. [China's economic activity in African countries] // Young scholars herald, 2018. № 3. P. 160–167 (in Russ.).

Dobrinskaya O. A. Zakonodatel`stvo ob obespechenii mira i bezopasnosti: global`noe, regional`noe i nacional`noe znachenie // Ezhegodnik Yaponiya. [Peace and security legislation: global, regional and national implications] // Japan. Yearbook, 2016. P. 61–78 (in Russ.).

Kupriyanov A. V. Velikij yuzhnoaziatskij povorot // Rossiya v global`noj politike. [Great South Asian shift] // Russia in global politics, 2018. № 6. P. 193–203 (in Russ.).

Koldunova E. V. «Dialogovye partnerstva» vo vneshnej politike ASEAN // Mezhdunarodnye processy. [Dialogue partnerships in ASEAN foreign policy] // International trends, 2017. Vol. 15. № 3. P. 55–66 (in Russ.).

H. D. P. Envall. The quadrilateral security dialogue: towards an Indo-Pacific order? RSIS Policy report. Nanyang technological university. Singapore. September 2019. 11 p. (in English).

Gurpreet S. Khurana. Security of sea lines: prospects for India-Japan cooperation // Strategic analysis, 2007. № 1. P. 139–153 (in English).

4. Информационно-коммуникативное пространство и культурные коды Азии

БАЗОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

НИ ЖАННА ВЛАДИМИРОВНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Тихоокеанского государственного университета
tiger.nee2012@mail.ru

Дальний Восток России – это регион, стратегически значимый в современных условиях, территория особого социально-экономического развития (ТОСЭР**).** Дальний Восток России связывают исторические, культурные и экономические связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). Именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе российская экономика непосредственно соприкасается с крупнейшими экономиками мира – Китая, Японии, Южной Кореи, США. Актуальность современного языкового образования в Дальневосточном регионе существенно возрастает, поскольку обусловлена географическим и геополитическим положением России.

В статье исследованы базовые феномены иноязычной культуры в лингвистической коммуникации, вопросы современного иноязычного высшего образования в парадигме межкультурного подхода. Статья содержит обобщение собственно профессионального лингводидактического и методического опыта преподавания восточного языка в высшей школе, интегративный практико-ориентированный подход преподавателей восточного (корейского) языка, специалистов в области востоковедения и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Базовые феномены иноязычной культуры, искусство, миф, традиция, лингвистическая коммуникация, иноязычное образование, лингводидактическая креативная IT-технология.

BASIC PHENOMENA OF FOREIGN LANGUAGE CULTURE IN LINGUISTIC COMMUNICATION

NEE ZHANNA VLADIMIROVNA
Associate Professor, Department of Linguistics & Intercultural Communications, Pacific National University
tiger.nee2012@mail.ru

The Russian Far East is a region that is strategically important in modern conditions, and a territory of special socio-economic development (TOSER). It is closely connected with other countries of the Asia-Pacific region (APR). In this region the Russian economy is in contact with the largest economies of the world – China, Japan, South Korea, the United States of America. That is why the annual Eastern economic forum (WEF) is held in Vladivostok – the capital of the Far Eastern Federal district. The main purpose of this forum is the economic development of the Far East through strategic partnerships in the Asia-Pacific region.

The foregoing circumstances designate the relevance of modern language education in the Far East region, because it is due to the geographical and geopolitical position of Russia, where the ideas of the intercultural communication are particularly important. The specialist's status and the role in the field of intercultural communication, as well as in the international economy are particularly significant, and are largely determined by his linguistic and cultural background.

The article investigates the basic phenomena of communication of different cultures in sphere of linguistic communication, and the issues of modern foreign language higher education in the paradigm of intercultural approach. The article contains a generalization of the professional linguodidactic and methodological experience of the Oriental language teaching in high school, as well as the integrative practice-oriented approach of teachers of the Oriental (Korean) language, specialists in the field of Oriental studies and Intercultural Communication.

Keywords: Phenomena of foreign cultures, art, myth, tradition, linguistic communication, foreign language education, linguodidactic creative IT technology.

Введение

Если вы знаете языки, вы везде будете как дома.
With languages, you are at home anywhere.
언어를 할줄 알면, 어디든 집이다.

Эдмунд де Вааль

Ключевым фактором развития человека и общества выступает фактор производительности труда, а его рост должна обеспечивать наука и поддерживать образование. Этот процесс будет успешным при условии создания и усовершенствования образовательных (гуманитарных и социальных) технологий как инструментов, обеспечивающих прогресс человека и общества. Но для этого, производительность труда в самих науке и образовании способна увеличиться только вследствие новых открытий, разработки технологий трансляции знаний и развития интеллекта.

Методология

Методологической базой исследования стали работы отечественных ученых М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, П. Р. Палажченко, Е. А. Тиняковой и зарубежных авторов Э. Гуссерля, Э. Кассирера, М. Полани о базовых феноменах культуры, языке как форме существования культуры. Значимыми для нашего исследования являются труды дальневосточных ученых А. Ю. Иванова, О. В. Кичатиновой, Н. В. Ли, М. В. Осиповой, О. А. Трофименко, Е. В. Чалой и др., в которых различные аспекты современного образования, подготовки будущих выпускников вузов, рассматриваются с лингвистической, лингводидактической, лингвострановедческой, этнографической, методической и педагогической позиции.

Авторы Е. Н. Дмитриева и О. Г. Оберемко выделяют фундаментальную, теоретически обоснованную и практически подтвержденную методологическую базу понимания языка как социокультурного явления, его взаимосвязи с мышлением, а также хорошую методическую базу образовательных программ подготовки выпускников-мультилингви- стов, владеющих двумя, тремя и более языками.

Основные результаты

В сравнении понятия «язык искусства» и «язык культуры», расширение коммуникационных возможностей языка человека и языков культуры, анализируя единство языка (языка музыки – языка песни – языка танца – языка мифологии – языка традиции), философы выводили мыслительное пространство за пределы языка. Так, Э. Кассирер полагал, что человеческий язык – не единственный способ записи понимания окружающего мира, Э. Гуссерль призывал постигать вещи, не отягощенные лингвистическим смыслом, а М. Полани считал важнейшей составной частью стиля научного мышления невербализуемое личностное или периферийное знание [Тинякова, 2018. С. 11–13].

Э. Кассирер вписал язык в систему культуры, понимаемой как символическая деятельность человека. Миф, искусство и язык – это символические формы культуры. Опыт Э. Кассирер понимал, как культуротворчество, поэтому он тоже организован у него на символической основе [Ни, 2019. С. 14]. Ранние летописи многих государств играют

существенную роль в понимании своей культуры, мифологии и языка [Иванов, 2018. С. 108]. Чтобы понять искусственные символы, все многочисленные знаки, которые создает мышление в языке, искусстве и мифе, необходимо обратиться к «природному» символизму, к знаку. Это воспроизводство знака не создает значения, а лишь стабилизирует его, налагая на конкретный случай. Каждый лингвистический знак, мифический или художественный образ по своему духовному содержанию превосходит сенсорную сферу и реализуется визуально, аудитивно или осязаемо [Тинякова, 2018. С. 73–75]. Но при более близком анализе содержание приобретает несколько специфический характер вследствие соединения с лингвистическим знаком. Рождение интеллектуальной идеи и ее лингвистическое оформление неразрывно связаны.

В науке и языке, искусстве и мифе, культуре и традиции, этот процесс проходит по-разному, в соответствии с различными принципами, но есть и общее, что объединяет. Однако результат далек от исходного стимула. Миф, искусство, традиция, язык и наука – это различные базовые феномены воспроизведения бытия, иноязычной культуры.

Итак, рассмотрим феномен искусства, а именно: язык музыки и его письменные средства – музыкальные ноты. Универсальная письменность языка музыки делает его доступным для каждого, вне зависимости от индивидуального, лингвистического выражения. Нотная запись в равной степени понятна русскому, англичанину, корейцу. Проведем аналогию между нотами в музыке и буквами в иностранном языке. По мнению Е. А. Тиняковой, общее то, что они являются мельчайшими смысловыми строительными элементами в обоих языках – музыке и обычном человеческом языке. Но музыкальные ноты соединяются во фразы более универсально, чем буквы в слове. Роль языка музыки в информационном процессе можно определить как ориентацию на порождение смысла, интеллектуально проработанного прежде всего средствами человеческого языка [Там же. 2018. С. 33].

Устойчивость человеческого языка по вмещению интеллектуального образа мира делает его фундаментом глобального информационного процесса. Языки культуры имеют, в свою очередь, преимущество перед человеческим языком: их коммуникативные компоненты более вместительны по смыслу в силу их высокой образности; их символы универсальны для размещения разных, иногда противоположных смыс-

лов, но в таком случае языку отведена роль регулятора и корректора смысла в коммуникации.

Мы переходим к анализу интегративного практико-ориентированного подхода исследований ученых в области межкультурной коммуникации и востоковедения, преподавателей восточного (корейского) языка. Языковые контакты, дифференциация терминов – транслингвизм и транскультурализм [Прошина, 2017. С. 155], несовпадение языковых картин мира и менталитета, универсальность слова-символа, общность ассоциативно-образного мышления носителей русского и корейского языков [Кичатинова, 2019. С. 108], структура стратегической речевой компетенции и методические приемы оптимизации процесса обучения языку [Ли, 2018. С. 181], дискурсивные маркеры, концептуальная лексика, коллокации, лингвокультуремы [Мозоль, 2019. С. 64–76], создание и редактирование словарей, тренировка и закрепление тематической лексики с использованием автоматического произношения [Трофименко, 2019. С. 51], место языка в генеалогической и типологической классификациях, обобщение эволюции грамматических учений в плане выявления связи с современными тенденциями развития корейской грамматической теории [Аникина, 2014. С. 9], грамматика на примере категории императивности «prototypical and non-prototypical imperatives depending on directive force as a core properties» [Lee Ji-Soo, 2015. С. 270]; «express of must, express of supposition and determination, express of a wish, express of a duty on a declarative sentence as a performative sentence» [Kim Byeong-Keon, 2014. С. 130]. Символическая сила слов, маркирующих этнографические артефакты, очень универсальна по своему захвату конкретных примеров, она может покрывать значительные смысловые лингвистические пространства. Символическое содержание этнографического пласта языка очень универсально, определяет дух языка и дает ему специфическую культурологическую оболочку: «새해 어린이 파티인 우트렌닉 (Utrennik)은 러시아어로 '아침'을 뜻하는 우트로 (utro)에서 왔다. 이 파티는 크리스마스 트리 주위에서 춤을 추며 놀기 때문에 트리를 뜻하는 '욜카(yolka)' 라고 부르기도 한다. 아이들이 손을 잡고 트리 주위를 돌면서 다음과 같이 <조그만 트리> 라는 노래하며 치러진다 [허승철, 이항재, 이득재. 1998. С. 118–119].

З. Г. Прошина считает, что исследование языка в русле этнографического контекста языка помогает поддерживать его лингвистическую

стабильность, этническая окраска речевой коммуникации делает ее более привлекательной для говорящих на другом языке, национальный колорит делает речь эмоционально выразительной, этнический компонент в коммуникации повышает ее философское содержание вследствие перехода в интерпретации речевых образцов от архаичных форм к символической современности, например: «정보 다이제스트. 극동 경제포럼 뉴스. 극동의 경제발전=Восточный экономический форум. Ежемесячный информационный Дайджест. Экономическое развитие Дальнего Востока». Так, при активных современных межкультурных контактах возрастает значение в сближении различных языков.

Опытной базой исследования были Восточный коммерческий гуманитарный колледж (ВКГК), в дальнейшем Дальневосточный филиал Московского университета потребительской кооперации (ДВФ МУПК), где с 1993 по 2001 г. осуществлялась языковая подготовка коммерсантов со специализацией по странам АТР: Китай, Корея, Япония; частная школа «Акме» с этнокультурным компонентом – восточный язык (1993–1997 гг.). Экспериментальной базой исследования стал Хабаровский государственный университет экономики и права (2001–2013 гг.). Факультет международных экономических отношений, кафедры иностранного языка и межкультурной деловой коммуникации. Комплекс педагогических условий обучения базовым феноменам иноязычной культуры у студентов составили интеграция языковой и экономической подготовки, а также инновационная деятельность преподавателя – поуровневое введение базовых феноменов иноязычной культуры: искусство (танец, песня), миф и традиция на занятиях по иностранному языку. На рис. 1. представлена авторская модель обучения базовым феноменам иноязычной культуры на занятиях по иностранному (восточному) языку.

С 2014 г. по настоящее время практико-ориентированный опыт преподавания восточного языка в высшей школе продолжается в образовательном пространстве Тихоокеанского государственного университета, института социально-политических технологий и коммуникаций, на кафедре «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Преподаваемые дисциплины «Корейский язык», направление «Зарубежное регионоведение», профиль подготовки «Азиатские исследования», «Иностранный язык (второй)», направления: «Социально-культурный сервис и туризм», «Гостиничное дело». Приобретенный опыт работы позволил

Базовые феномены иноязычной культуры	ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ	РЕЗУЛЬТАТ
○ **Искусство** (танец=песня)	○ поуровневое введение (**ИМТ**) иноязычной культуры на занятиях по иностранному языку;	○ Опыт положительного эмоционального отношения к иностранному (восточному) языку.
○ **Миф**	○ мотивации учебной деятельности студентов через создание преподавателем искусственной коммуникации;	○ Толерантное отношение к иноязычной культуре.
○ **Традиция**	○ организация встреч студентов с представителями иноязычной культуры для реальной коммуникации.	○ Сформированность межкультурной компетенции.

Рис. 1. Модель формирования базовых феноменов иноязычной культуры в лингвистической коммуникации

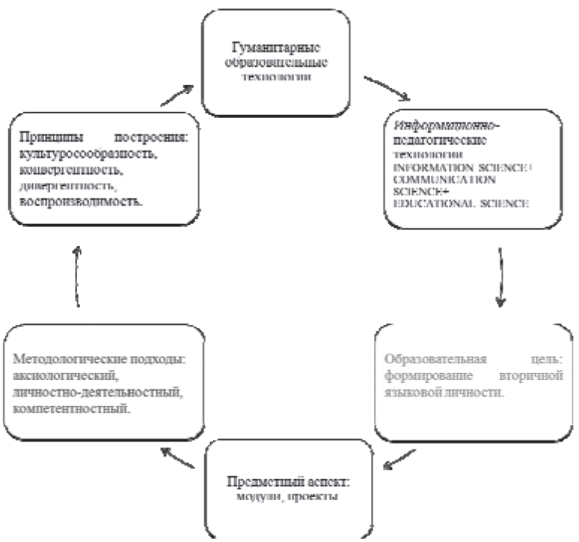


Рис. 2. Лингводидактическая креативная IT-модель проектирования технологий (механизм реализации)

вести дисциплины для иностранных студентов «Практический курс перевода с корейского языка на русский» и «Русский язык как иностранный». Ежегодное участие в Олимпиаде, выступление на иностранном языке, написание эссе на иностранном языке с опубликованием в газете, проведение мероприятий с привлечением иностранных студентов, изучающих русский язык как иностранный на материале лингвокультурных сценариев, таких как «История создания корейской письменности» «한글», Международный день туризма, «Язык – символическое руководство к пониманию культуры», мастер-класс «Восточная кухня» и др.

На основе исследования и обобщения теоретико-методических результатов выпускной аттестационной работы по программе «Преподаватель высшей школы» 2015–2016 гг. мы предложили лингводидактическую креативную IT-модель проектирования технологий и базовых феноменов иноязычной культуры в лингвистической коммуникации. На рис. 2. представлена лингводидактическая креативная IT-модель проектирования технологий применительно к подготовке профессионалов нелингвистического профиля.

Заключение

Исследование базовых феноменов иноязычной культуры в лингвистической коммуникации: искусства, мифа и традиции – позволило акцентировать внимание на культурной идентификации как важнейшей составляющей процесса образования в подготовке профессионалов нелингвистического профиля, где одинаково важны идентификация с родной культурой и иноязычной. Это подтверждает тезис успешной коммуникации, приводящей к пониманию и взаимопониманию партнеров по бизнесу.

В современном образовании этот процесс может плавно интегрироваться в кросс-культурный менеджмент и отличаться наличием определенных критериев, позволяющих говорить о транслингвальном и транснациональном уровне взаимодействия в связи проникновением крупных ТНК на рынки других стран. К таким критериям следует отнести:

– опыт видения мира в других лингвистических знаках, включающих язык, символы и иные знаковые системы;

– инокультурный фон обучения иностранному языку, который предусматривает знакомство с базовыми феноменами иноязычной культуры.

Анализ понятия «базовые феномены иноязычной культуры в лингвистической коммуникации» показывает, что его правомерно рассматривать как системообразующий компонент кросс-культурного менеджмента, в котором язык рассматривается не как отдельно взятая знаковая система, доминирующая над личностью в реализации ее коммуникативных намерений, а как составная часть системы управления человеческими ресурсами, обеспечивающая разработку инновационных образовательных технологий обучения, способствующая эффективному ведению бизнеса, экономическому развитию Дальнего Востока, стратегическому партнерству в АТР.

Список литературы

Аникина В. В. Зарождение и становление лингвистической традиции в Корее (на материале эволюции учений о частях речи). Монография. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 167 с.

Дмитриева Е. Н., Оберемко О. Г. Лингвистическое образование в контексте исследования феномена межэтнической коммуникации. 2018. DOI: 10.17223/19996195/41/15. С. 241–254.

Иванов А. Ю. Мифы о Тангуне и Дзимму как отражение культурной общности Кореи и Японии. Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. (к 130-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова): материалы IV Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 21–22 ноября 2018 г. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2019. С. 107–116.

Кичатинова О. В. Особенности соматических фразеологизмов в русском и корейском языках. Вестник МИЭЛ ИГУ. Серия: Восточные языки / отв. ред. Е. В. Крайнова. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2019. № 9. С. 102–109.

Ли Н. В. Структура стратегической речевой компетенции при обучении устно-речевому общению на корейском языке. Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2018. № 4 (193). С. 178–182. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-178-182.

Мозоль Т. С. Формирование лексических навыков при обучении устному последовательному переводу с корейского языка на русский. Вестник МИЭЛ ИГУ. Серия: Восточные языки / отв. ред. Е. В. Крайнова. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2019. № 9. С. 39–49.

Ни Ж. В. Обучение элементам иноязычной культуры = 언어를 배우는 과정에서의 해당 나라의 문화 교육 요소 = TEACHING THE ELEMENTS OF

FOREIGN LANGUAGE CULTURE: монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. 152 с. ISBN 978-5-7389-1929-9.

Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение. Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. № 2. Т. 14. С. 155–170.

Тинякова Е. А. Язык как форма существования культуры и концепция нелингвистического позитивизма: монография. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, НОУ ВПО «Московский институт предпринимательства и права», ГБПОУ МО «Сергиево-Посадский колледж». 3-е изд., перераб. и сокращ. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 165 с.

Трофименко О. А. Использование информационно-коммуникационных технологий и интернет-технологий для тренировки лексических навыков при обучении иностранному языку. Вестник МИЭЛ ИГУ. Серия: Восточные языки / отв. ред. Е. В. Крайнова. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2019. № 9. С. 49–52.

Чалая Е. В. Ценностные составляющие профессиональной педагогической подготовки учителей в Республике Корея. Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. № 4 (145). С. 143–148.

Kim, Byeong-Keon. The types and Properties on a performative sentence of command in Korean. Institute of Humanities at Kangwon National University // Studies in Humanities 41, 2014. P. 109–131.

Lee, Ji-Soo. Conditions and the Scope of Korean Imperatives. The Society of Korean Linguistics // Journal of Korea Linguistics 75, 2015. P. 233–270.

Хо Сынчхоль, Ли Хангчже, Ли Дыкчже. Культура России. Издательство «Тэхан кёгвасо», Сеул, 1998. 359 с. 허승철 (許勝澈), 이항재 (李恒在), 이득재 (李得宰). 러시아 문화의 이해. 대한 교과서, 서울특별시, 서초구, 서 초동 1361-5. Understanding of Russian culture. Seoul. 1998. P. 359.

정보 다이제스트. 극동경제포럼 뉴스. 극동의 경제발전. 2019년 1월. Eastern Economic Forum. 2019. 1.

References

Anikina V. V. Zarozhdenje i stanovlenje lingvisticheskoj tradicii v Koree (na materiale evolucii uchenij o chastjah rechi) [Origin and formation of linguistic tradition in Korea (on the material of evolution of doctrines about parts of speech)]. Monographija. NATS. issled. un-t "Vysshaja shkola ekonomiki". M.: Izd.dom Vyssheji shkoly ekonomiki 2014. (in Russ.)

Dmitrieva E. N., Oberemko O. G. Lingvisticheckoje obrazovanije v kontekste issledovanija phenomena mezhetnicheskoj kommunikaciji [Linguistic education in the context of the study of the phenomenon of interethnic communication]. DOI: 10.17223/19996195/41/15. 2018, P. 241–254. (in Russ.)

Ivanov A. Y. Miphy o Tangune i Dzimmu kak otrazhenije kulturnoi obsh'nosti Korei i Yaponiji [Myths about Tangun and Jimmu as a reflection of the cultural community of Korea and Japan]. Literatura i zhurnalistica stran Aziatsko-

Tihookeanskogo regiona v mezhkul'turnoj kommunikacii XX–XXI vv. (k 130-letiju so dnja pozhdenija Vs. N. Ivanova): materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno – practicheskoi konferencii, Khabarovsk, 21–22 nojabrja 2018 g. Izd-vo TOGU, 2019. S. 107–116. (in Russ.)

Kichatinova O. V. Osobennosti somaticheskih phrazeologizmov v russkom i koreiskom jazykah [Peculiarities of somatic idioms in Russian and Korean]. Vestnik MIEL IGU. Ser. Vostochnyje jazyki / otv. red E. V. Krainova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. № 9. S. 102–109. (in Russ.)

Lee N. V. Structura strategicheskoj rechevoj kompetencii pri obuchenii ustno-rechevomu obshheniju na koreiskom jazyke [The Structure of strategic speech competence in teaching oral-speech communication in Korean]. Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2018. 4 (193). S. 178–182. (in Russ.)

Mozol T. S. Phormirovanije lexicheskih navukov pri obuchenii ustnomu posledovatel'nomu perevodu s koreiskogo jazyka na russkij [Formation of lexical skills in teaching consecutive interpretation from Korean into Russian]. Vestnik MIEL IGU. Ser. Vostochnyje jazuki / otv. red E. V. Krainova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. – No 9. S. 39–49. (in Russ.)

Nee Zh. V. Obuchenije elementam inojazychnoi kul'tury [TEACHING THE ELEMENTS OF FOREIGN LANGUAGE CULTURE] = Monographija. Khabarovsk: Izd-vo Tihookean.gos. un-ta, 2019. 152 s. (in Russ.)

Proshina Z. G. Translingvizm i ego prikladnoje znachenije [Translingual and its practical significance]. Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'. 2017. T. 14. No. 2. S. 155–170. (in Russ.)

Tinjakova E. A. Jazyk kak phorma suphhestvovanija kul'tury i kontseptsija nelingvisticheskogo pozitivizma [Language as a form of culture existence and the concept of linguistic positivism]: monographija. Ministerstvo nauki I vysshego obrazovanija Rossijskoi phederacii, NOU VPO "Moskovskij institute predprinaimatel'stva i prava", GBPOU MO "Sergievo-Posadskij kolledzh'. 3-e izd., pererab. i cokrachh. Moskva, Berlin: Direct-Media, 2018. 165s. (in Russ)

Trofimenko O. A. Ispol'zovanije inphormacionno-kommunikacionnyh tehnologij i internet-tehnologij dlja trenirovki lexicheskih navykov pri obuchenii inostrannomy jazyku. [The use of information and communication technologies and Internet technologies for training lexical skills in teaching a foreign language] // Vestnik MIEL IGU. Ser. Vostochnyje jazyki/ otv.red E. V. Krainova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. No 9. S. 49–52. (in Russ.)

Chalaya E. V. Tsennostnye sostavljaushhije professional'noi pedagogicheskoi podgotovki uchitelei v respublike Koreja [Value components of professional pedagogical training of teachers in the Republic of Korea]. Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2014. 4 (145). S. 148–143. (in Russ.)

Kim Byeong-Keon. The types and Properties on a performative sentence of command in Korean. Institute of Humanities at Kangwon National University // Studies in Humanities 41, 2014.6. P. 109–131. (in Kor.)

Lee Ji-Soo. Conditions and the Scope of Korean Imperatives. The Society of Korean Linguistics. //Journal of Korea Linguistics 75, 2015.9. P. 233–270. (in Kor.)
허승철 (許勝澈), 이항재 (李恒在), 이득재 (李得宰). Understanding of Russian culture. Seoul. (1998). P. 359. (in Kor.)
정보 다이제스트. 극동경제포럼 뉴스. 극동의 경제발전 2019년 1월. Eastern Economic Forum. 2019. 1. (in Kor.)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ИНДО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 60-Х – 70-Х ГОДАХ XX ВЕКА (на примере деятельности лауреата премии Неру Митрохина Л. В.)[1]

СОЛОДКОВА ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА
кандидат исторических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Olsolodkova@hse.ru, Olsolodkova@hotmail.com

НЕСТЕРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор философских наук, профессор департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
onesterova@hse.ru

В статье представлены результаты изучения коммуникативной стратегии «Дружба», которая была заложена в основу сотрудничества Индии и России, стабильно и плодотворно развивавшегося на протяжении последних 70 лет. Исследуя период 1960–1970-х гг. XX в., когда формировались и активно развивались основные формы сотрудничества между странами в области экономики, политики и культуры, авторы рассматривают процесс формирования в общественном сознании позитивного и устойчивого образа Друга как уникальное явление не только в рамках индо-советских взаимодействий, но и в целом – в истории международных отношений XX в. Концепт «дружба» был широко представлен в официальных документах Индии и СССР и стал частью межкультурной коммуникации, проявляясь в межличностном и профессионально-дело-

[1] *В данной научной работе использованы результаты проекта «Коммуникативные стратегии и практики российско-индийского взаимодействия второй половины XX века», выполненного в рамках программы исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2019 году. This work/article is an output of a research project "Friendly communication strategies in Indo-Soviet relations in the second part of the 20th century", implemented as part of the Individual Research Program of the School of World economy and International Affairs at National Research University – Higher School of Economics.*

вом общении. На основе изучения библиографии индо-советских отношений за тридцатилетний период (с 1947 по 1977 г.), авторы выявили тематические доминанты и жанровое разнообразие журналистских и научных публикаций; осуществили попытку их классификации. В статье подчеркивается большая роль СМИ в развитии индо-советских отношений и формировании имиджей двух стран во взаимном восприятии. Авторы исследуют уникальный феномен внедрения в картину мира взаимодействующих народов основных идей и концептов официальной пропаганды через творчество журналистов и их личные коммуникативные практики. На примере деятельности советского индолога Л. В. Митрохина, лауреата Международной премии им. Дж. Неру (1985 г.), более десяти лет проработавшего в Индии и хорошо знавшего и любившего ее языки и культуры, авторы статьи изучают особенности коммуникативного опыта публициста и исследователя и его методы реализации стратегии «Дружба» не только в газетно-журнальных и научных публикациях, но и в сфере межличностного общения.

Ключевые слова: концепция дружбы, международная журналистика, коммуникативные стратегии, образ Индии, Л. В. Митрохин, журналист-востоковед, пропаганда.

FRIENDLY COMMUNICATION STRATEGIES IN INDO-SOVIET RELATIONS IN THE 1960s AND 1970s (Study of the Work of Nehru Award Winner Leonid Mitrokhin)

SOLODKOVA OLGA L.EONIDOVNA
PhD, Associate Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics
Olsolodkova@hse.ru, Olsolodkova@hotmail.com

NESTEROVA OLGA ALEKSANDROVNA
Dr. Hab., Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics
onesterova@hse.ru

This article presents the results of a study of the friendly communication strategy at the basis of Indo-Soviet relations that have sustainably and successfully developed over the past 70 years. We examine the period of the 1960s and 1970s during which the basic forms of cooperation between the two countries took shape in the domain of economics, politics and culture. The process of the formation of the positive and sustainable image of the Friend in the public awareness of both countries is studied as a unique phenomenon not only in Indo-Soviet ties but also in the entire history

of 20th century international relations. The concept of friendship was widely used in official Indian and Soviet documents and became part of intercultural communication both in the personal and professional sphere. We study the bibliography of Indo-Soviet relations over a thirty-year period (from 1947 to 1977) to identify and classify the major themes and different genres of journalist and scholarly publications. We draw attention to the major role played by the media in developing Indo-Soviet relations and shaping the mutual images of the two countries and analyze the unique phenomenon of the introduction of the main ideas and concepts of official propaganda into the worldview of both peoples through the work of journalists and their personal communicative practices. We explore the work of the Soviet Indologist L. Mitrokhin, the 1985 Nehru Award winner who worked for over 10 years in India and was a specialist and admirer of its languages and cultures, paying particular attention to his communicative experience and his methods of implementing the strategy of friendship in newspaper, magazine and scholarly articles as well as in the domain of personal communication.

Keywords: the concept of "friendship", communicative strategies, international journalism, Indo-Russian relations, L.V. Mitrokhin, journalist-orientalist; propaganda.

On the occasion of the 70th anniversary of the establishment of diplomatic ties between Russia and India, many experts spoke of their exclusively amiable nature. Today, when anxiety and tension are augmenting in the international arena, and political scientists constantly examine different types of real or possible conflicts, it is interesting to study *another type* of communication strategy between countries and peoples: mutual interaction based on cooperation rather than the division of spheres of influence. An example of interaction based on friendship strategies is the relations between the USSR and India in the 1950s, 1960s and 1970s. Scholars note that the friendship between India and the USSR was "a striking example of how two peoples and systems with different political ideologies and socio-economic structures can work together in close harmony for mutual benefit, and progress" [Attar Chand, 1978, p. 1]. They say that these relations developed successfully "both in the conditions of international peace and during periods of tension on the subcontinent" and were marked by "identical or close stances on key international problems" [Monin S.M., 1980], as they always advocated the cause of peace.

The process of the formation of a friendly image was a unique phenomenon in 20th century international relations. The concept of "friendship" not only figured in official documents and public texts but also became part of intercultural communication, both in personal, official, and business ties.

Friendly communication strategies were implemented with the help of mass media that served the needs of state propaganda. Just as other states, India established information centers that created a positive image of the country. One of the key participants in the process of creating a friendly image in Soviet-Indian relations was the journalist and indologist Leonid Mitrokhin (1934–2002), who used different types of interaction in his research and journalist activities: personal ties, official relations and media propaganda. Leonid Mitrokhin's discourse is particularly interesting for this study insofar as it was not simply a mouthpiece of official propaganda but a representation of his original views that were informed by deep self-identification with the country and at the same time profound cultural knowledge of India and other South Asian countries. Mitrokhin tried hard to create a positive image of the USSR as a friend of India, although "Soviet propaganda was primarily characterised by hard persuasion methods, there was also an element of soft power" [Kuznetsova, 2018], and Mitrokhin was a representative of the latter, while striving to remain objective.

An analysis of the work of Leonid Mitrokhin, author of 14 books and over 60 academic and popular articles, gives a fairly good idea of the implementation of the "friendship" strategy at all levels of Indo-Soviet relations. Mitrokhin's personal archivecontains a unique collection of historical documents, including his extensive correspondence with Indian colleagues, politicians, scholars, cultural figures, blue and white-collar workers, students, doctors, engineers and civil servants over 35 years from 1965 to 2000. Mitrokhin put his archive in order in later life, dividing documents into several subject groups. For example, he arranged letters from India in eight large folders, each of which contains between 150 and 200 sheets of paper. They were written by editors of central and provincial newspapers and magazines, scholars, teachers, and members of universities, education centres and schools; members of the Communist Party, political figures, members of parliament, former revolutionaries, ministers, and high-ranking officials of different ministries; and his Indian friends, with whom he maintained informal relations. A comparative study of the documents shows that, as the business or personal correspondence developed, the respondents often shifted from official to informal-friendly relations.

In Indo-Soviet communication, the concept of friendship was closely tied to the concept of peace, and its content reflected different types of ac-

tive ties (cooperation, mutual support). Friendship was understood as a key condition for the interaction of the two countries in the struggle for peace, and Indian authors noted that "one of the major factors for India's friendship with the Soviet Union is the common struggle of these two countries against imperialism and for world peace" [Bhambhri C.P., 1984, p. 39.].

Scholars have studied political, economic and cultural relations between India and the USSR in the 1960s and 1970s in the overall context of the systematic development of Soviet policy in Asian countries [Budhraj, 1973; Imam, Zafar. 1977]. They have examined the impact of the ideology of the October Revolution of 1917 and the policies of Vladimir Lenin on political processes and worldviews in India as well as Lenin's image in India [Mitrokhin, 1972; Sardesai, 1967]. They have studied the key role of J. Nehru in the development of Indo-Soviet relations [Banerjee, Anjan Kumar. 1965]. They have drawn up a detailed timeline of general relations and cooperation between India and the USSR [Karup, Harish. 1969] and con- ducted in-depth studies of the main stages of cooperation [Mastny V. 2010] and economic and commercial ties between India and the USSR [Mishra, Girish. 1977]. They have identified mechanisms of Soviet cultural diplomacy in developing countries [Barghoorn F. C. 1960] and described the specific nature of Soviet-Indian diplomatic relations. Soviet–Indian relations have been characterized as trustful, close, and positive, and the terms "Friendship" and "Friend" have been used to denote the key aspects of these relations by journalists, scholars and analysts [Venugopal Rao. 1976].

Contemporary Russian scholars study Indo-Russian relations of the 1960s and 1970s in order to trace the evolution of Soviet and Indian foreign policy. In his description of Indo-Russian friendly ties, S. Lounev notes, "At the same time it is necessary to point out the relative closeness of the two countries in the sphere of cultural life (the enormous differences of Russian and Indian civilizations notwithstanding): spiritualism as an immanent element of both cultures opposes the materialism and consumerism of the developed world, while the multinational and multiconfessional composition of both countries brings them closer" [Lounev S.I. 2017]. The range of English-language publications reflecting the aforementioned main thematic areas and approaches to creating the image of the Friend was fairly extensive. This thematic diversity was found in numerous publications by historians, politicians, economists, sociologists, philologists, political scientists, cultural

figures, and Asian scholars (including works by the following Soviet authors, among others: K. Antonova, K. Ashrofyan, G. Kotovsky, V. Balabushevich, M. Blagonravova, G. Bondarevsky, G. Bongard-Levin, A. Dubyansky, A. Garetovsky, B. Gafurov, E. Komarov, and N. Guseva). Soviet foreign journalists working in India in the 1960s and 1970s (L. Mitrokhin, V. Morozov, N. Fedin, Y. Rumyantsev) played a special role in implementing the friendly communicative strategy. The specific nature of journalism, which calls not only for establishing official business ties but also personal relations, helped to create the image of a friend both on the pages of newspapers and magazines and in real communicative practice (in their personal contacts with members of different Indian social and ethnocultural communities, Soviet journalists embodied the image of the Friend and served as vehicles of fundamental communicative, cultural and ethical values).

Friendship societies were an important organizational element of Soviet foreign policy all over the world, including India.[1] They served as "soft power" instruments that helped to shape a positive image of the Soviet Union. The correspondence in Leonid Mitrokhin's archive shows the active work of friendship societies that were situated throughout India and headed by well-known politicians, scholars, writers, artists, corporate directors, etc. Collective friendship societies were created at factories, incorporating organizations from different spheres of education, science and industry.

In the 1960s and 1970s, about 250 Indo-Soviet cultural societies were established to promote Indo-Soviet cultural ties in Delhi and other cities and regions. For example, letters sent to Leonid Mitrokhin from the Indo-Soviet cultural society in Bijnor mention Mitrokhin's participation in a meeting of the society, his encounters with members of different social and professional groups, and the impression that the visit of the Soviet journalist from Moscow made on the inhabitants of this provincial Indian town. In preparation for Mitrokhin's visit, the Indians gathered materials[2] about the achievements

[1] The Society of Friends of the USSR in India was first established in Calcutta in 1941 and then in other Indian cities and towns. The First Congress of Friends of the USSR (Bombay, 1944) decided to found the All-Indian Society of Friends of the Soviet Union. The Indo-Soviet Cultural Society was established in 1952, engaging in cultural and public awareness activities throughout the country through a network of branch offices, of which there were about 60 by 1960.

[2] L. Mitrokhin's archive.

of Bijnor inhabitants, the history of the town, and the prominent citizens and sights of the region. These documents tell about the local Higher Secondary School and the Community Hall for Religious Discourses, the temples and the Methodist church, the mills and small companies producing maltodextrin from sugarcane, the historical buildings, the victories of the town's field hockey team, and the town's prominent inhabitants, among whom three poets took pride of place.

The correspondence that began after this trip continued for many years. Leonid Mitrokhin's archive includes letters from members of the local Communist party, with whom he had met in priority to discuss political problems, and from many other people who had nothing to do with politics. The fact that Mitrokhin's meetings in Bijnor were mostly consecrated not to propagandistic and ideological aspects of communication but to cultivating friendly ties and human understanding is shown by a letter from the ordinary worker Balech Kumar Jain who was employed at a textile plant that produced bedspreads and towels. In his letter to the Soviet journalist, Jain tells about his life difficulties and social injustice: "I am a deaf person, who worked at a linen factory <…> After doing an M.A. in world history in 1964, I had to face the cruelties of 7 unemployments <…> I stood first in order of merit lists in the whole of the university."[1]

Leonid Mitrokhin's archive contains a large number of letters from Indo-Soviet cultural societies from different parts of the country. He engaged in a long-term correspondence with the Indo-Soviet cultural society in Kuttalam.[2] The secretary G. Rani writes about society events in 1973, including a May Day Celebration: "out of 125 members 100 attended the function who were offered [a] light lunch. A variety of picture-cards about the USSR were presented to all the members. Indian and Soviet musical records entertained the gathering. Photographic exhibition depicting the life and culture of the Soviet [Union] was displayed."[3] G. Rani gives detailed summaries of the talks made at the meeting and notes that the last speaker was Mr. M.S. Dakshinamoorthy who "in his speech told the details about the USSR's contributions and timely help to India. <…> All the members hailed

[1] Letter No 8. Balech Kumar Jain. 25.04.76. L. Mitrokhin's archive.

[2] This panchayat town is situated at a mean elevation of 160 m on the Western Ghats in the Tenkasi district of Tamil Nadu.

[3] Letter No 3. G. Rani. 03.05.73. L. Mitrokhin's archive.

'Ever Live Indo-Soviet Friendship and Peace.' With the National Anthem the function came to the end."[1] He asks Mitrokhin to send him visual materials, including fiction, political literature, and exhibition items such as folk toys. In an addendum to the letter, Rani gives a detailed report of the celebration of the 103rd birthday of V. Lenin. Examining Mitrokhin's correspondence with Indo-Soviet cultural societies, one sees that all such events were organized according to the same format. The meeting started with a friendly lunch, which gave way to speeches and discussions about the matter at hand. The organizers handed out brochures, books and postcards to the guests. The meetings always ended with the declamation of slogans and wishes.

Leonid Mitrokhin maintained close professional and personal ties with the National Council of the Indo-Soviet cultural society in New Delhi. The president of this society was the former Indian ambassador to Russia K. P. S. Menon, who wrote a book that is well known to Russian Indologists: *The Flying Troika: Extracts from a Diary by K. P. S. Menon, India's Ambassador to Russia, 1952–1961*.[2] Menon and Mitrokhin became friends during the Soviet journalist's first stay in India in 1964–1969. Their relations continued after Mitrokhin's return to Moscow. They exchanged letters through the General Secretary of the Indo-Soviet Cultural Society Prem Sadar Gupta, who thanked Mitrokhin for sending Soviet postal stamps and asked whether he got the "bulletin regularly".[3] In the next letter, he promised to send K. P. S. Menon's book when the occasion presented itself, along with L. Mitrokhin's own book that had been published in India in Hindi and Urdu.[4]

The other General Secretary of the Indo-Soviet Cultural Society in New Delhi, Nanda Kishore Patnaik, wrote to Leonid Mitrokhin with a personal request to help his friend Shri Ram Subramanian, who was working on the book *Mahakavi Bharati and the Great Russian Revolution*, by checking information (names, dates and facts) relating to the revolutionary events in Russia. He also asked Mitrokhin to help clarify the reasons and mechanisms of the impact of the October Revolution on the Indian independence movement

[1] Letter No 3. G. Rani 03.05.73. L. Mitrokhin's archive.

[2] K. P. S. Menon, *The Flying Troika: Extracts from a Diary by K. P. S. Menon, India's Ambassador to Russia, 1952-61*. London: Oxford University Press, 1963, p. 330.

[3] Letter No 1. S. Gupta. 10.11.71. L. Mitrokhin's archive.

[4] Letter No 2. S. Gupta. 25.02.72. L. Mitrokhin's archive.

in 1906–1921 and emphasized the importance of helping the Indian author: "He needs [this] information for the final editing of the book and I believe only you can help him in the matter."[1]

Mitrokhin used a letter from General Secretary of the Indo-Soviet Cultural Society (Punjab State Council) Dr Sat Tandon as a source when working on a series of articles as well as the book *Friends of the Soviet Union.*[2] The letter speaks about the search for documents relating to events of World War II: the construction of the East Persian route, a strategic railway from India to Eastern Iran that was used to send essential cargoes to the front lines. Dr Sat Tandon described in detail his meetings with veterans, participants in the railway's construction through Iran to the USSR, and officials, whom he asked about the whereabouts of the documents that interested Mitrokhin. He wrote that the archive "is definitely given a concrete documental substrate of People's solidarity with the Great Patriotic war of the USSR. Because the complete record was left in Lahore or destroyed, divine the portions."[3] He then lists all the addresses in Lahore and ends with the words, "Under these circumstances, I am [at] your disposal [at] these places to help you and send you the documents, if I find any in the nearer future."[4]

Writing in his letter about preparations for the Seventh Kerala State Conference of the Indo-Soviet Cultural Society on March 8-9 at Trivandrum, the General Secretary of the Society in Kerala S. Sharma noted, "This conference will be dedicated mainly to the Jubilee of Indo-Soviet Economic Cooperation and the beginning of the Bhilai Project."[5] He stressed the importance of economic cooperation between India and the USSR for launching major projects that would drive the development of India and its regions. Sharma accorded a lot of importance to the organization of a seminar on the problems of Kerala's development and Indo-Soviet cooperation: "A Commission with participation of the Economists and Experts of the State Planning Board, the Ministry of Industry, Agriculture and Fisheries, the Centre for Development Studies <…>, Industrialists and Social Engineers is

[1] Letter No 5. N.K. Patnaik. 11.10.74. L. Mitrokhin's archive.

[2] *Mitrokhin L.V.,* 1977. This book was reedited in India in 2020. A Tamil edition is planned to appear in 2021.

[3] Letter No 6. Dr Sat Tandon 23.04.75. L. Mitrokhin's archive.

[4] Letter No 6. Dr Sat Tandon 23.04.75. L. Mitrokhin's archive.

[5] Letter No 7. S. Sharma 23.02.75 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

being set up for the preparations of papers for this seminar."[1] He stressed the importance of visual materials and reference works on the matter in question: "Also pamphlets, books, publications on this aspect can be exhibited and distributed among the delegates of the conference."[2] The respondent transmitted to L. Mitrokhin the "request to ensure that a Photo Exhibition on Indo-Soviet Economic Cooperation and other materials be made available for our Society".[3]

Mitrokhin's archive also contains his correspondence with the Indian journalist Narayan Desai (December 24, 1924 – March 15, 2015) from Bombay (present-day Mumbai). Desai was the son of Gandhi's personal secretary and a founding member of the Janata Party, practiced Gandhian philosophy, and helped Morarji Desai to become prime minister. The cooperation between Mitrokhin and Narayan Desai lasted for several years, gradually leading to warm friendly relations. Several letters between Desai and Mitrokhin have survived; they show that the two journalists held similar views as well as engaging in research and writing analytic articles and political books in addition to their professional activities. Their correspondence also tells about their rare yet intense meetings in Delhi and Bombay. Narayan Desai and Leonid Mitrokhin helped each other to find sources and materials and highly valued each other's work and assistance. In a letter of April 4, 1978, Desai noted, "It will certainly enlighten all of us in India and it will guide our historians in the matter of proper methodology and even fact-finding as in your previous works. Moreover, such work is specially awaited in Goa. Hence my keen interest in your perspective book."[4] Evidence of their mutual assistance and respect is also found in a letter on books and materials that Desai found for Mitrokhin: "I am sending herewith the only Portuguese book I have been able to find out, and GOA TODAY – an interesting magazine from Goa."[5]

---

[1] Letter No 7. S. Sharma 23.02.75 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

[2] Letter No 7. S. Sharma 23.02.75 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

[3] Letter No 7. S. Sharma 23.02.75 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

[4] Letter No 11. Narayan Desai 04.04.78. L. Mitrokhin's archive.

[5] Letter No 11. Narayan Desai 04.04.78 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

Leonid Mitrokhin took a scholarly interest in different aspects of Indian history and spiritual culture and in Indo-Soviet political and cultural relations. He was considered to be an authoritative expert by Indian specialists, as can be seen from letters sent to him by Indians who were engaging in research. People asked him for advice on different issues from checking historical facts and processes to the way certain aspects of Indian cultural, social, economic or scholarly life were viewed in the USSR.

A letter from Narayan Desai begins with questions about the history of the arrival of Christianity in India. The author lists the names of scholars who could help him to understand this issue and locate information. Similarly, Desai asks his Soviet colleague for advice on the subject of his future journalistic project about the perception of India in the USSR: "What about my new venture? Yes. This time the subject is India itself! India through the eyes of Soviet people, of great Soviet scholars, who devoted themselves to the study of Indian Society, including the pre-Soviet Russian tradition of sound and disinterested Indology."[1] He asks Mitrokhin to help him in this work. As many Indians, Desai highly valued Soviet humanities and social sciences and, in particular, Soviet Indology: "The aim is to create a popular science work in Indology. My basic task is to present the achievements of Soviet Indology properly and competently. Soviet achievements in Indology, as you know, and everybody knows, are stupendously rich. Soviet social scientists engaged in Indology possess an enviable wealth of new knowledge, also a wealth of theory and unprecedented experience of applying it to Ancient, Medieval, Modern and Contemporary India."[2]

Narayan Desai's letter shows that, while Indian intellectuals recognized the political and ideological aspects of Indo-Soviet relations, they focused not on propaganda techniques and strategies but on the real behaviour of the Soviet people with whom they came into contact. They highly valued the latter's professionalism, erudition, scholarly methodology, and humanistic worldview. They saw that Soviet scholars had a profound knowledge of India. Narayan Desai realized that Soviet people "understood so well the past, present and future of his country" from Indological works written before the Russian Revolution that cast the foundations of contemporary intercultural dialogue. Desai told Mitrokhin about his impressions from the

[1] Letter No 12. Narayan Desai 11.07.78. L. Mitrokhin's archive.

[2] Letter No 12. Narayan Desai 11.07.78. L. Mitrokhin's archive.

books *Philosophical Traditions Today* by Mikhail Iovchuk, *Problems of the History of Philosophy* by Theodor Oizerman, and *Eternal Man* by Evgeny Bogat.

Stunned by the depth and breadth of their knowledge of Indian spiritual culture, Desai emotionally wrote, "Believe me, those books have corrected my attitude towards the past, and I plunged myself deep in the past of India."[1] He compared the methodologies of studying India in Russia and the West, identifying major differences and concluding that the Marxist-Leninist approach was the best grounded and most constructive: "That study is helping me now in every step whilst comparing, contrasting, arguing, proving and approving the intrinsic guiding substance of Soviet Indology based on Marxism-Leninism and also it helps me in setting my accounts sharply with Western Indology – specially German, French, English, etc. Western Indology has a sway on the minds of Marathi reading people from the days of Krishna Shastri and particularly Vishnu Shastri Chipulancar called 'Shivaji of Marathi Language' who coined the phrase 'Vagginiche Dudh' (Tigress's milk) in Marathi language for British thought. <…> The picture has not changed much in spite of justice K. T. Telang, B. G. Tilac, great Bhandarcar, Rajwade and many other figures of Indian Renascence and of our Liberation Movement having exposed and refuted many a claim of Imperialists and Europo-Centrists and also their other idealist lucubrations, though inadequately. On the progressive side, there is very little to be found in Marathi as yet. All-comprehensive, all-surmising, and short account at the same time – none so far."[2]

In another letter to Leonid Mitrokhin, Narayan Desai proudly notes that his article written on the occasion of the 60th anniversary of the Great October Revolution got a lot of publicity and was published in authoritative periodicals with a large circulation: "Also let me inform you that my present work '60 Years that Changed the World' has been reviewed by all the main dailies in Maharashtra in their weekly editions. They include Loksatta (300 thousand circulation), Maharashtra Times (180 thousand circulation), Navshakti (65 thousand circulation), Mumbai Sakal (60 thousand), Gomantak

[1] Letter No 12. Narayan Desai 11.07.78 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

[2] Letter No 12. Narayan Desai 11.07.78 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

(20 thousand), Navprabha (15 thousand circulation) and so many other periodicals with small circulation."[1]

Leonid Mitrokhin often received personal letters, too. For example, in April 1977 he got a letter from A.S. Moorthy in Madras, who wrote that his younger 17-year-old son was suffering from heart failure. Indian doctors in the hospital in Madras told him that only an operation could help and that the risk of a fatal outcome was great. The father turned for assistance to a person who was a citizen of a superpower with one of the best cardiovascular treatment systems in the world. Soviet doctors had a unique record of successful heart operations, as one knew from Soviet and Indian mass media, including the magazine *Soviet Land*, for which Mitrokhin worked. A.S. Moorthy wrote, "It is possible to send him to Moscow for treatment or whether I shall try through the Party sources."[2] The archive has a copy of Mitrokhin's reply, in which he expresses his readiness to help and asks his correspondent, "Kindly send me the complete case history of your son so that I can discuss it with medical experts there."[3]

A message from Dr P. Krishnan from a Madras clinic may be called a letter to an old friend. He apologizes for not writing for a long time, citing his busy schedule. He tells that he is working intensely despite his advanced age and notes that the "Lenin Medical Centre also took much of my life". He asks Mitrokhin to bring him vitamins from the USSR: "Vitamin A, Vitamin B. Complex and simple drugs for diarrhea like Sulfaguanidine. Vitamin A could be for oral administration or for injection." He also writes that "recently a television group came from USSR and filmed Lenin Medical Centre. If you have already seen the film, you would have recognized the old man working there as Dr. Krishnan!"[4]

Letters from Leonid Mitrokhin's archive bring to life the Indo-Soviet cultural dialogue of the 1960s and 1970s thanks to the images of real people with their personal problems and life situations and evoke sincere emotions and experiences that are only possible in close and friendly interaction. The political concept of propaganda recedes into the background in comparison

[1] Letter No 12. Narayan Desai 11.07.78. L. Mitrokhin's archive.

[2] Letter No 9. A.S. Moorthy 30.04.77. L. Mitrokhin's archive.

[3] Letter No 10. L.V. Mitrokhin 06.05.77. L. Mitrokhin's archive.

[4] Letter No 4. Dr P. Krishnan 18.11.74 (original author's wording). L. Mitrokhin's archive.

with mutual interaction, understanding and compassion that shine through in the thousands of letters. Although letter writing was one of the most important activities of journalists working in Soviet media, which served as a "collective organizer, agitator and propagandist" according to V. Lenin, and, of course, part and parcel of L. Mitrokhin's professional work (especially his correspondence with ordinary Indians that brought to light topical social, ethno-psychological and cultural problems), one may say that *personal, ethical* and *cultural* aspects predominated in communication.

The correspondence in L. Mitrokhin's archive sheds light on a deep stratum of Indo-Russian interaction of the 1960s and 1970s, which, in addition to official events, the activities of the Indo-Soviet cultural societies, and government relations, enriched the Indo-Russian discourse of friendship.

The seventy-year experience of official relations and intercultural communication between India and Russia was based on a solid foundation of deep mutual interest and sympathy. Communication strategies in the relations between Delhi and Moscow were developed and implemented in the 1960s and 1970s. The friendly nature of Russian-Indian relations was not affected by changes in the domestic or foreign policy of the two countries. These relations have currently attained the level of a strategic partnership. The relations between Moscow and Delhi provide a successful historical example of sustainable interaction based on friendship strategies. The financial, intellectual and material investments of the Soviet Union in the creation of a positive image in South Asia still help to preserve and develop the friendly nature of Indo-Russian relations today. As the experience of Indo-Russian relations shows, communication strategies based on the concept of friendship constitute the most viable and effective approach.

References

Archive (Mitrokhin L. V.) Letters No 1, No 2, No 3, No 4, No 5, No 6, No 7, No 8, No 9, No 10, No 11, No 12. (in Russ.)

Kuznetsova E. Framing and counter-framing in world politics: the case study of Russian international broadcasting, RT, City, University of London, London, 2018, 117 p. (in Russ.)

Lounev S. I. Soviet-Indian Relations (1955–1971): The Birth of a Friendship" (in Russian). MGIMO Review of International Relations, #2, 2017, pp. 24–51. (in Russ.)

Monin S. M. Sovetsko-indiyskie otnosheniya v 70-kh godakh [The Soviet-Indian Relations in the 1970th]. Voprosy istorii. No. 2, 1980, pp. 40–51. (in Russ.)

Attar Chand. Bibliography of Indo-Soviet Relations 1947–1977. A book of readings with selected abstracts. New Delhi. Sterling Publishers PVT Ltd., 1978, 152 p. (in English)

Banerjee A. K. Nehru and Soviet Russia Calcutta, Benson's,1965, 60 p. (in English)

Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1960, 356 p. (in. English)

Bhambhri C. P Perspective on Soviet Contribution to India in Defence Efforts.

Indo-Soviet Relations. Problems and Prospects. New Delhi, 1984, pp. 38–44. (in English)

Budhraj V. S. Soviet Russia and the Hindustan Sub-Continent, Bombay, 1973, 296 p. (in English)

Imam Zafar, ed., Soviet View of India, 1957–1975, Delhi, 1977, 211 p. (in English)

Karup K. P. Soviet Strategy in South Asia, New Delhi, 1983, 113 p. (in English)

Mastny V. The Global Revolution: A History of International Communism 1917–1991 Oxford 2010, 215 p.

Menon K. P. S. The Flying Troika, London, Oxford University Press, 1963, 330 p. (in English)

Mishra Girish, Contours of Indo-Soviet Economic Cooperation, Delhi, Allied Publishers, 1977, 142 p. (in English)

Mitrokhin L. Lenin: A Friend of the Eastern Peoples. Soviet Review, 18 April 1972, pp. 32–34. (in English)

Mitrokhin L. V. Friends of the Soviet Union: India's Solidarity with the USSR during the Second World War in 1941–1945. Bombay, 1977, 247 p. (in English)

Sardesai S. G. India and the Russian Revolution, New Delhi, 1967, 47 p.

Venugopal Rao, M. Friends and Partners: Five Years of Indo–Soviet Treaty. New Delhi, allied Publishers. 1976, 236 p. (in English)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО РЫНКА КИТАЯ

НЕСТЕРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор философских наук, профессор департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
onesterova@hse.ru

СОКОЛОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
кандидат философских наук, доцент переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
sokelnik1@mail.ru

БЕЛЯЕВА АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА
ведущий специалист отдела анализа международных рынков Россельхознадзора
anastacibelyaeva@mail.ru

Глобализация заставляет миллионы людей подчеркивать собственную уникальность через язык, культуру и традиции. Данная тенденция – вызов для корпораций, захватывающих новые рынки Азии, а сходство целевых аудиторий материкового Китая, Гонконга и Тайваня позволяет осуществить анализ рекламных инструментов, тенденций и перспектив их развития. Маркетинг продуктов тесно связан с маркетингом ценностей, поскольку этнокультурные компоненты используются в качестве инструментов для создания, продвижения и распространения представлений потенциальных потребителей и их дальнейшей актуализации. Это, в свою очередь, ведет к формированию поведенческих моделей, неизбежно провоцирующих спрос на рекламный продукт. Использование знаков, образов и символов, традиционных для культуры целевой аудитории, оказывает огромное влияние на развитие брендов на рынках. В то время как коммерческая реклама предлагает определенный стиль жизни в качестве продукта, социальная реклама может стать инструментом для развития стиля жизни в рамках определенной социокультурной парадигмы. Данное исследование является попыткой интерпретировать современные рекламные практики в материковом Китае, Гонконге и Тайване и их влияние на целевые аудитории.

Ключевые слова: Социокультурные компоненты, материковый Китай, Гонконг, Тайвань, реклама, телевизионная реклама, законодательство, традиция, характер, нация, обычаи.

THE USE OF SOCIO-CULTURAL COMPONENTS AS A MARKER OF CHINA'S CONTEMPORARY ADVERTISING MARKETS

NESTEROVA OLGA ALEKSANDROVNA
Dr. Hab., Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics
onesterova@hse.ru

SOKOLOVA ELENA NIKOLAEVNA
PhD, Associate Professor, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
sokelnik1@mail.ru

BELIAEVA ANASTASIA VICTOROVNA
Lead Expert of International Market Analysis Department of Rosselkhoznadzor,
anastacibelyaeva@mail.ru

Globalization has incited millions of people to set themselves apart through language, culture and traditions, resulting in one more challenge for corporations in search of coordinating operations all over the world. The similarity of the audience base in mainland China, Hong Kong and Taiwan gives an excellent opportunity for analyzing advertising tools, trends and future development. Product marketing is closely connected to the marketing of values, which can be defined as the means and ways of using ethno-cultural components for creating, distributing and promoting products. The marketing of values entails the development of certain concepts and conceptual fields as well as images in the minds of potential consumers and their subsequent actualization. This, in turn, leads to the formation of behavioral patterns required to create a demand for the advertised product. Marketing is less interested in the origins of a product than in how it expresses local tastes and traditions – something that is not necessarily linked to the origins of the product itself. While target audiences have no difficulty in appreciating foreign goods, this is made easier by traditions expressed through socio-cultural components represented in modern ways. The use of signs, images and symbols relevant to the ethnic or social culture of the target audience increases the advertisement's impact and the overall brand enhancement. Actualizing meaningful images and concepts latent in the minds of consumers is easier and less expensive than formulating new concepts or localizing foreign developments. While commercial advertising offers a certain lifestyle as a product, PSA may be called a tool for developing such a lifestyle within a given ethno-cultural paradigm. Our study of ethnic and socio-cultural components of

present-day TV advertising in Taiwan, Hong Kong and mainland China attempts to interpret contemporary advertising and its impact on the perceptive and behavioral aspects of target audiences on three similar yet different markets.

Keywords: socio-cultural components, mainland China, Hong Kong, Taiwan, advertising, commercials, regulation, tradition, character, nation, customs.

Today, globalization strives for standardization, which is effectively used in IT communication in general and advertising and telecommunications in particular. Similar services and products are sold globally, breaching interstate and intercultural barriers while creating global consumer values that draw people all over the world into the global consumer dynamics.

Thanks to global coverage, companies can avoid worrying about short-term plans and focus on long-term targets, pursuing ever more ambitious goals. Globalization as a development target offers the advantage of spreading corporate risks, as many companies do not see any prospects in purely national business activities. As a result, corporations have to coordinate operations all over the world. National offices cannot optimize their activities without extensive coordination with their head office and local branches. However, the initial expectations of many companies were quite disappointing. Their original approach to local markets was quite simplistic, as they believed they could basically impose their own business approach. Although local management can follow the values of the company it represents, such an approach is unlikely to conquer the market. Global companies can spread their marketing and publicity throughout an extensive network of branches, yet the latter will be no more than a small group facing a vast army of cultural preferences. Globalization brings considerable and often underestimated challenges, which can lead to dramatic consequences for business practices.

World advertising practice shows that product advertising adapts to the ethno-cultural elements and mental characteristics of different socio-cultural and socio-economic communities. All advertising on the domestic market of any country always includes socio-cultural components. TV advertising is a highly representative sphere, as it continues to target the broadest possible audience. This advertising is interesting to study for a number of other reasons that include,in particular, the synthesis of audio and video channels for impacting target audiences (a mix of different means of information transmission, including moving images, podcast and text); the capacity to exert an impact on both the rational and the subconscious levels of an

individual through the psycho-emotional sphere; and the ability to create a special virtual reality (a distinctive world of material, spiritual and social preferences). A commercial is made with the help of audio-visual technology, which augments consumer motivation and stimulates people to seek consumer goods and services. This creates a demand for the advertised product (in the case of commercial advertising) or value (in the case of public service advertising or PSA), as well as promoting a certain lifestyle in people's mental code. In PSA, the subject of demand and propaganda is a certain lifestyle, code of conduct or ideals and standards of a world view promoting balanced socio-political processes and governmental institutions. Today, mainland China and its autonomous territories are seeking to overcome the existing differences between their identities. Therefore, a study of these markets will give a good example of how advertising is developing and how it employs socio-cultural elements in its content to attain its overall goals. The following research methods have been used in this study: content analys is for studying the content of prime-time commercials broadcast on the TV channels of three regions (mainland China, Hong Kong and Taiwan), for identifying the socio-cultural components, if any, that are used, and for calculating the relevant content percentage; the classification method for classifying commercials; and the structural and typological method for determining the types of advertising that is aired on TV.

The socio-cultural analysis of the content of contemporary TV advertising in mainland China, Hong Kong and Taiwan requires an understanding of how advertising markets in these regions function in general, of how and by whom they are regulated, and of the role the state delegates to the advertising sphere. This makes it possible to identify the main trends and features of market development and the main similarities and differences between the three advertising markets. Advertising in mainland China is unique as it is largely regulated by the government. The state sees advertising as a means of implementing its political and cultural strategies based on traditional values. The 1st International Conference on Advertising organized by the Ministry of Commerce of the PRC indicated that the criteria for the content of advertising are "political" and "ideological," i.e., corresponding to the country's political and ideological course [Ulianova M.U, 2014]. According to the Advertising Law of the PRC adopted in 1995, advertising should promote the

development of the nation[1]. Therefore, advertising in mainland China as a way of implementing cultural strategies strives not only to attract consumers and promote products and services but also to propagandize traditions and national values through the media.

At the same time, some parts of China ("special administrative regions" Hong Kong and Taiwan) have been developing differently. Although Hong Kong and Taiwan are parts of China, they have their own governmental institutions and purely market-oriented economies where the advertising regulations of the PRC are not applied. Despite these regions' very close economic and cultural ties, they have been following different development trajectories over the past 150 years [Ulianova M. U., 2014]. As advertising is a key tool of promotion in any economy, it is interesting to study the extent and nature of differences between advertising markets in mainland China, Hong Kong and Taiwan. TV commercials still have the broadest audience reach and therefore give the best representation of advertising techniques and content for scholars. The study of advertising and especially TV commercials in mainland China, Taiwan and Hong Kong should reveal the extent to which socio-cultural components are used and their functional importance for both target audiences and government institutions.

The problem of advertising in Asia in general and the aforementioned regions in particularhas been extensively studied by many prominent specialists both in the West and in the East. Chinese advertising, cross-cultural advertising and international advertising strategies have been considered by Professor Gao Zhihong, PhD, Department of Marketing, Rider University, New Jersey, USA, in his fundamental works "The Priming Effect of News Context on Chinese Attitudes toward Foreign Brands" [Gao Z., Li N., 2013], "An In-depth Examination of China's Advertising Regulation System" [Gao Z., 2007], and "Regulation of Soft Issues in Advertising in Confucian Societies: A Comparative Examination" [Gao Z., Kim J. H., 2009]. Dr. Gao also makes a thorough study of advertising regulations in the three regions in his article "Harmonious Regional Advertising Regulation? A Comparative Examination of Government Advertising Regulation in China, Hong Kong, and Taiwan" [Gao Z., 2005]. Another important expert in the field is Laura Wen-yu, a specialiston Chinese law who has written numerous articles

[1] Advertising Law of the People's Republic of China (2015). *HFG Law & Intellectual Property*, URL: https://www.hfgip.com/sites/default/files/law/advertising_law_16.02.2016.pdf (date of access: 13.12.2019).

on Chinese law and business. In her article "Advertising in Taiwan" in the World Trade Press journal *A to Z World Business* [Young L. W., 2013], Dr. Wen-yu attempts to describe the structure of advertising legislation in Taiwan. The use of socio-cultural elements in Chinese advertising has been studied in depth by the Russian scholar Maria Ulianova, PhD, who has written several articles and monographs on this subject. Her thesis "Culture and Traditions in the System of Modern Mass Communication of the PRC in the Beginning of the 21st Century" [Ulianova M. U., 2014] examines the cultural components used in visual advertising. One of the principal works on the use of socio-cultural components in Chinese advertising is a2003study by Kara Chan and Hong Cheng that examines the key aspects of China's public service advertising and shows that its main goal is to build socialist ideology [Chan Kara, Cheng Hong, 2003]. In her research, Carolyn Lin compares commercial advertising in the US and China and comes to the conclusion that, despite the westernization of Chinese advertising, the role of socio-cultural components remains high [Lin Carolyn A., 2001]. In a study of the basic elements of television advertising (functioning of the advertising institution, content and target audience of advertising), Zixu Liu highlights the main difference between advertising in the PRC and the West: the strong relationship between advertising and the state in China [Liu Zixu, 2009]. Researchers Lee Simmons and Robert Schindler argue that the use of cultural symbols in advertising is primarily due to the highly superstitious nature of the Chinese [Simmons Lee C. and Schindler Robert M., 2003]. The work of the Chinese scholar Wang Yanyan is also very important in this regard: in his article "Using Cultural Elements in Advertising," he identifies the reasons for the use of socio-cultural components[1]. *Brief History of Public Service Advertising in China* edited by Liu Xingxing traces the development of this type of advertising in the region[2]. The following books and articles give a detailed historical, political and economic background of Taiwan,

[1] *Wang Yanyan.* Zhongguo yuansu zai guanggao zhong de yingyong [中国元素在广告中的应用] (Using cultural elements in advertising), *Zhongguo guanggao ren* [中国广告人]. The website of Chinese advertising agencies, 2013, URL: http://www.chinaadren.com/html/file/2013-8-16/2013816130805.html (date of access: 13.12.2019).

[2] Zhongguo gongyi guanggao xiaoshi [中国公益广告小史] (Brief History of Public Service Advertising in China), ed. Liu Xingxing, *Zhongguo wenming wang* [中国文明网] (official website of the Propaganda Department of the Central Committee), http://www.wenming.cn/wmwmobile/zt/201311/t20131120_1592021.shtml (date of access: 13.12.2019).

Hong Kong and China: *China-Taiwan Relations* by Eleanor Albert[1], *Handbook of Markets and Economies: East Asia, Southeast Asia, Australia, New Zealand* by Anthony Pecotich [Pecotich A., Shultz C. J., 2006], and the *Hong Kong Yearbook* (香港年報)[2] published by the Government of Hong Kong (香港政府). These works give an important insight into the forms of presentation of ethno-cultural values and images in contemporary public service advertising in China.

The importance of socio-cultural components in advertising is unique insofar as they have several different functions at once: the formulation and inculcation of traditional behavioral patterns in communication protocols; the formulation and inculcation of ethical Confucian values; the actualization of archaic images of Chinese culture; the actualization of esthetic principals, images and forms of traditional visual art; and the introduction of traditional culture into the contemporary socio-cultural and political context in order to create a positive image of today's China in the international arena [Nesterova O. A., Raspertova S. Y., Belyaeva A. V., 2015].

Statistics and factual data are found in the following articles and reports: "57% of China's Ad Spend Will Go to the Internet This Year" by Angela Doland[3] in *Ad Age Electronic Journal*, May 2017; "Hong Kong's Online Ad Spend Expected To Double TV'swithin Five Years" by Josh Ye in *South China Morning Post*, September 6, 2017[4]; and "DMA Report: The Volume of Digital Advertising Grew by 19.6%, the Volume of Mobile Advertising Grew by 115.4%"in *Inside Journal*[5].

---

[1] *Albert E.* China-Taiwan Relations, *Council on Foreign Relations*, December 7, 2016, URL: http://www.cfr.org/china/china-taiwan-relations/p9223 (accessed 13.12.2019).

[2] *Hong Kong Year Book 2016*. URL: https://www.yearbook.gov.hk/2016/en/pdf/E22.pdf (date of access: 13.12.2019).

[3] *Doland A.* 57% of China's Ad Spend Will Go to the Internet This Year. *Ad Age Electronic Journal*, May 2017, URL: http://adage.com/article/digital/57-china-s-ad-spending-internet-year/309046/ (date of access: 13.12.2019).

[4] *Ye J.* Hong Kong's online ad spend expected to double TV's within five years. *Inside Journal*. September 6, 2017. URL: https://www.scmp.com/business/companies/article/2110042/hong-kongs-online-ad-spend-expected-double-tvs-within-five-years (date of access: 13.12.2019).

[5] DMA baogao: 2015 Taiwan shuwei guanggaoliang chengzhang 19.6%, xingdong guanggao chengzhang 115.4%. [DMA 報告：2015 台灣數位廣告量成長 19.6%、行動廣告成長 115.4%居冠]. (DMA Report: the Volume of Digital Advertising Grew

The TV commercials studied here were broadcast on three over-the-air TV channels: CCTV 1 (mainland China)[1], ViuTV (Hong Kong)[2] and DaAi TV (Taiwan)[3].

The analyzed commercials can be divided into four groups:

1) Advertising of foreign products. This type of advertising promotes foreign products. Such commercials often advertise products of a prominent international brand. A case in point is an advertiser running global campaigns with the same commercials all over the world regardless of ethnic and national specifics. A good example is the endorsement of Skin Relief cosmetics by the world-famous American actress Jennifer Aniston.

2) Advertising of domestic products without socio-culturalcomponents. Products promoted in this type of commercials are made in the home country (mainland China, Taiwan or Hong Kong in our case). In terms of representation, this type of commercial presents no significant differences from the first type, as it also pursues the sole goal of promoting domestic production and stimulating consumer demand for national products.

3) Advertising with socio-cultural components (Zhongguo Yuansu). This type of advertising embeds different traditional and cultural elements into the content.

4) Public service advertising. PSA aims to attract people's attention to specific social problems and promote particular lifestyles and behavioral patterns. Some companies strive to create long-term values in a way that is acceptable to the audience they address. In this case, companies and their employees view their business in terms of relationships rather that offered products or services and see profit as a result of other goals rather than an objective in itself. Marketing ethics most purely manifests itself in social marketing – for example, when people are convinced to change their behavioral patterns for their own good or for the benefit of society. "Don't drink and drive" is a good example; encouraging people to quit smoking

---

by 19.6%, the Volume of Mobile Advertising Grew by 115.4%). *Inside Journal*, 2016. URL: https://www.inside.com.tw/2016/04/29/taiwans-digital-ad-revenues (date of access: 13.12.2019).

[1] CCTV 1. *Channel. URL:* http://tv.cctv.com/cctv1/ , 2018 (accessed 13.12.2019).

[2] ViuTV *Channel* (Hong Kong). URL: https://viu.tv/, 2018 (accessed 13.12.2019).

[3] DaAi TV *Channel* (Taiwan). URL: http://www.daai.tv/, 2018 (date of access: 13.12.2019).

is another. The aim of social marketing in general is to alleviate social problems such as low living standards, poverty and crime. Corporate social responsibility (CSR) can offer different advantages for a company, including brand enhancement and the attraction of more educated staff. There are different ways of demonstrating CSR. One way is cause-related marketing, in which a company supports a charity, a non-profit organization or simply a good cause. Another is green marketing, in which businesses contribute to environmental sustainability by supporting eco-friendly goods. Companies can also demonstrate responsible purchasing by refusing to buy products made with child labor or tested on animals. In sustainable purchasing (buying products that come from renewable sources), companies demonstrate their awareness of the risk of today's development compromising the life of future generations.

The content analysis of prime-time broadcasting on CCTV 1 from January 17 to January 22 shows that the majority of broadcast advertising content pertained to the second group or advertising of domestic products without socio-cultural components (46.9%); advertising with socio-cultural components accounted for one fourth (25.3%) of the content; public service advertising represented 9.5% of the content; and the smallest part of the content involved the advertising of foreign products (only 1.7%).

Without adoubt, commercials for domestic products constitute the greater part of advertising content. The promoted products include not only the latest technological goods such as cars, computers, smartphones and the like but also FMCG.

Good examples of this type of advertising are GM8 by Chuanqi Company (传祺公司), Volkswagen Group China (大众汽车)，Changan Company (长安公司), Gag Group (广汽集团)，S7 by Biac Group (北汽集团)，Song Max (宋MAX) by BYD Company (比亚迪)，and Aima (爱玛) motorcycle; domestic appliances by Haier Company (海尔公司) (washing machine), Midea Company (美的公司) (kitchen hood)，Fotile Company (方太企业) (dishwashing machine)，and Gree Company (格力) (air conditioner and air humidifier); Huawei (华为品牌) and Gome (国美品牌) smartphones;yogurts by Xiaoyangren Company (小洋人), Tizhi Nengliang （体质能量） energy drink by Henan Woshi Company (河南沃实有限公司), Doubendou (豆本豆) soy milk by Dali Foods Group (达利食品集团), Lulu (露露) almond drink, corn oil by Changshouhua Food Company （长寿花食品有限公司），

Tab 1. Makeup of Chinese Advertising Content (CCTV 1) (Beliaeva A., 2018)

China, CCTV1 (2018)													
	17.01		18.01		19.01		20.01		21.01		22.01		Average
	amount	%	amount	%	amount	%	amount	%	amount	%	amount	%	%
Domestic Products with Socio-Cultural Elements	25	26.9	22	25,9	21	30.0	7	43.8	21	24.1	13	25.0	29.4
Foreign Products	0	0	0	0	0	0	1	6.3	2	2.3	2	3,8	2.1
Domestic Products	56	60.2	55	64.7	48	68.6	3	18.8	52	59.8	36	69.2	56.7
Public Service	12	12.9	8	9.4	1	1.4	5	31.3	12	13.8	1	1.9	11.8

sunflower oil by Duoli Company （多力公司）and Jinlongyu Company (金龙鱼公司)， and Luhua (鲁花) peanut oil; toothpaste by Yunnan Baiyao (云南白药); shampoos for men and women by Lanyueliang Brand (蓝月亮品牌) and See Young Brand（滋源）;milk Yili (伊利); infant formulas by Junlebao Company (君乐宝公司), Changhe Company (长鹤公司) and Jinlingguan Company (金领冠); ceramic tiles Dalishi （大理石）and Marco Polo (马可波罗瓷砖). There is also a number of TV commercials promoting different kinds of services, for example, the shopping malls Wuyue （吾悦广场）and Wanda (万达广场)， the realestate agency Biguiyuan (碧桂园)，the online shopping platform Suning (宋宁), etc.

However, the findings show that advertising of foreign products accounts for only a small part of commercials (2.1% or only 5 commercials in 6 days). The promoted products included Head&Shoulders shampoo, Crest toothpaste, the Japanese car Isuzu and the American car Ford.

The third type of advertising – advertising of domestic products with socio-cultural components – represents almost one third of the analyzed content or 29.4%.

In this type of advertising, we analyzed ethno-cultural elements and traditions in commercial videos. These elements represent different aspects of material and spiritual culture, including:

- Traditional music (12 commercials or 35.2% – e.g., commercialsfor Jiaduobao (加多宝) drink, Meifubao (美肤宝)cosmetics and Mengzhilan (梦之蓝) vodka);
- Calligraphy and traditional script (11 commercials or 32.3% – e.g., commercials for Guojia Maotai (国家茅台)vodka, Jingdong (京东)online shop and Jiannanchun (剑南春) vodka)
- Traditional architecture and interior design elements (11 commercials or 32.3% – e.g., commercialsfor the healthcare service provider Hengda Jiankang Group （恒大健康集团），traditional Chinese medicines by Zhangzhou Pien Tze Huang Pharmaceutical Company（漳州片仔癀药业股份有限公司是), and Liuge Hetao (六个核桃) drink by Yangyuan Zhihui Drink Company（养元智汇饮品股份））;
- Traditional clothes (8 commercials or 23.5% – e.g., commercialsfor Jianlibao (健力宝饮料) drink, alcoholic beverages by Qinghuacijiu Company (青花瓷酒公司), and traditional Chinese medicines by Zhangzhou Pien Tze Huang Pharmaceutical Company (漳州片仔癀药业股份有限公司是));

• Traditional landscape images *Shanshui* (山水, mountains and water) (6 commercials or 17.6% – e.g., commercials for Qinghualang (青花郎) vodka, traditional Chinese medicines by Tianjin Lisheng Zhiyao Company (天津力生制药股份有限公司), and Meifubao (美肤宝) cosmetics);

• Traditional decorations (5 commercials or 14.7% – e.g., commercials for the Suning (宋宁) online shopping platform, Mengzhilan (梦之蓝) vodka and Hongmao Yaojiu (鸿茅药酒) liqueur).

Public service advertising constitutes a big part of TV advertising content in the PRC in accordance with Chinese legislation. Studies show that PSA accounts for 11.8% of the overall advertising content. Most of the PSA on mainland China TV introduces viewers to different Chinese provinces and regions. These videos promote the special features of regions, their famous places and sights, their traditions and customs, their handicrafts, etc. For example, public service advertising presents Guizhou province (贵州省), Fujian province (福建省), Jiangxi province (江西省), Anhui province (安徽省)， Gansu province (甘肃省)，and different cities and towns such as Yichang (宜昌) and Fukang (阜康). Other commercials transmit traditional socio-cultural patterns of behavior and etiquette, accepted social conventions, and traditional manners and ways of realizing the principle of filial piety or *xiao* (孝). The concept of xiao (孝) is semantically complex, as it includes love and respect for the elderly both in the family and in the context of society and the state. Thus one commercial is devoted to family values and the importance of going home and visiting parents.Another type of public service advertising represents the Chinese dream. The Chinese dream, a symbol of the life strategy of the entire Chinese nation and its individual representatives, is based on the desire of the individual and the state to form and develop social harmony in accordance with centuries-old traditions and the spiritual experience of previous generations.

Furthermore, public advertising promotes safe behavioral patterns. For example, it tells people to fasten their seatbelts while driving. As China has a number of ecological problems, some commercials strive to protect the environment. Most public service advertising is broadcast between 6 and 7 p.m.

In Hong Kong, just as in mainland China, most of the advertising content consists of the second type of advertising – commercials for domestic products with socio-cultural components (46.0%). However, in contrast to China where the advertising of foreign products is strongly discouraged

Tab. 2. Makeup of Hong Kong Advertising Content (ViuTV) (Beliaeva A., 2018)

Hong Kong, ViuTV (2018)													
	17.01		18.01		19.01		20.01		21.01		22.01		Average
	amount	%	amount	%	amount	%	amount	%	amount	%	amount	%	%
Domestic Products with Socio-Cultural Elements	5	20.8	2	9.1	5	14.7	3	21.4	3	9.1	3	9.7	14.1
Foreign Products	8	33.3	5	22.7	13	38.2	4	28.6	8	24.2	12	38.7	31.0
Domestic Products	11	45.8	13	59.1	14	41.2	6	42.9	16	48.5	12	38.7	46.0
Public Service	0	0	2	9.1	2	5.9	1	7.1	6	18.2	4	12.9	8.9

by existing legislation, commercials for foreign products comein secondin Hong Kong (31%). Although commercials for domestic products with socio-cultural components are also present on Hong Kong TV, they are almost half as frequent as in China (29.4% vs. 14.1%). Foreign brands also use local socio-cultural components in advertising in order to localize the product faster and integrate it into the new market. This sub-type of commercial – advertising of foreign products with social and cultural elements (Zhongguo Yuansu) – looks quite original and can quickly attract consumer attention to a new product. A case in point is the McDonald's commercial on the Hong Kong channel ViuTV: just before the Spring Festival, the popular international fast food company launched a commercial with traditional elements, including calligraphy and customary wishes for the Spring Festival.

Advertising content on ViuTV also includes public service advertising (8.9%).

The second type of advertising – advertising of domestic products without socio-cultural components – promotes a broad range of products and services such as the bank PrimeCredit Limited (安信信貸有限公司), Miramar Travel (美麗華旅遊) travel company, Hutchgo online travel agency, AIA Group (美國友邦保險) insurance company, Meiyuan Facai (美源发采) face mask, Market Place shop of health and organic products, Welcome (惠康超级市场) supermarket, Chow Sang Sang (周生生) jewelry, MathConcept (数学思维) learning center, medicines by Herbalgy Pharmaceutical Ltd. (健絡通藥業有限公司), the sport event Cycle for Millions (单车百万行), medicines by Ling Nam Medicine Factory (hk) Ltd. (岭南药厂(香港)有限公司), etc.

Commercials of the first type advertise foreign products from a number of different countries such as the USA, Great Britain, Japan, Greece, Israel, Germany, New Zealand, France, and Italy. Examples include English language courses for children by the British Council, jewelry and accessories by Folli Follie, German Pool furniture, Expedia online travel agency, Hitachi domestic appliances, KFC fast food restaurant, Anchor cheese, Ingrid Millet professional cosmetics, Ichikami shampoo, Ballarinicooking pans, D.U.P. cosmetics, and Fitness muesli.

The third type –commercials for domestic products with socio-cultural components –is also present on Hong Kong TV. Examples include Maxim's Group (美心集团) restaurant, Welcome (惠康超级市场) supermarket,

products by Fortune Pharmacal Co., Ltd. (特強幸福止痛素), Jin Yuan (锦源企业（香港）有限公司) retail company, and Baoyudan (薄鱼蛋) dumplings.

The most common social and cultural elementsin ViuTV advertising include calligraphy (50% or 3 commercialsout of 6), traditional clothes (50% or 3 commercialsout of 6), traditional interior (33.3% or 2 commercialsout of 6), traditional cuisine (16.6% or 1 commercialout of 6) and traditional architecture (16.6% or 1 commercial of 6).

The advertising content on Hong Kong TV also includes public service advertising. In Hong Kong, the focus of PSA shifts from China's dominant traditions and history to the interaction between the state (represented by its different institutions) and nationals. For example, the Legislative Council (香港特別行政區立法會) broadcast a video on by-elections, while a commercialby the Social Welfare Department of the Government of the Hong Kong Special Administrative Region (香港特別行政區政府社會福利署) contains information about its services as well as various benefits and subsidies for different groups of citizens. Another example is public service advertising by the Transport Department（香港特別行政區政運輸署), whose video promotes a code of conductin public transport and the importance of assisting disabled people. Public service advertising by the Labor and Welfare Bureau (香港特別行政區政勞工及福利局) also focuses on disabled people and, more precisely, guidance assistance and the use of guide dogs. PSA commercials were also presented by the Communication Authority (通訊事務管理局) and the Rating and Valuation Department (香港特別行政區政府差餉物業估價署) to acquaint viewers with these organizations. Moreover, most public service advertising videos are accompanied by sign language interpretation, which is, in itself, a manifestation of PSA.

A special case is TV advertising content on the Taiwanese DaAi Channel. This privately owned channel has its own philosophy focused on the values of love, peace and harmony for every individual and society as a whole. This philosophy is promoted via advertising. The channel has a right to broadcast its own videos with advertising tailored to the channel's concept in accordance with its formats and standards. The key point is that DaAi TV creates its own advertising, which pursues not only commercial goals but also contains social and cultural elements that promote specific values and traditions. The volume of advertising is also very low on the channel: 10–15 commercials every 2 hours.

Commercial videos by the following companies have both commercial and public service goals: ASUS (華碩) laptops and other electronic devices, Dadu (大度) investing company, medical products by Mingtai Chemical Co., Ltd. (明台化工股份有限公司), Ancheng (安程企業有限公司) export company, and Universal Container Terminal Co., Ltd. (環球倉儲股份有限公司). DaAi TV channel does not promote foreign companies or goods in keeping with its policy.

The channel also broadcasts public service advertising. Such commercials promote a healthy lifestyle, environmental protection, traditional handicrafts, customs and values, and so on.

Moreover, DaAi advertising content includes so-called "Jingsi" (静思) subject matter relating to religion and outstanding Buddhist monks, poets and philosophers.

The present study shows that product marketing is closely connected with the marketing of values, a phenomenon which can be defined as the means and waysof usingsocio-cultural components for creating, distributingand promoting products. The marketing of values entails the development of certain concepts and conceptual fields as well as images in the minds of potential consumers and their subsequent actualization. This, in turn, leads to the formation of behavioral patterns required to create a demand for the advertised product. The use of signs, images, and symbols relevant to the ethnic or social culture of the intended audience increases the advertising's impact and the overall brand enhancement. Actualizing meaningful images and concepts latent in consumers' minds is easier and less expensive than formulating new concepts or localizing foreign developments. Commercial advertising promotes the lifestyle of the generic consumer of new products. The use of commercials for the needs of governmental institutions is based on an understanding of the capacity of TV advertising to influence viewers by broadening and intensifying the dissemination of information. However, political propaganda using slogans and mottoes is not part of advertising, as it does not conform to the existing advertising methods for consumer products that are based on subconscious and non-aggressive "soft" impact. This leads governments to use ethno-cultural components in PSA with their bias towards ethnic culture and history in order to actualize archetypical images underpinning the traditional perception of the world and national mentality. These processes are prominent in Chinese advertising

and exceptionally important for forming public opinion, codes of conduct and values for socializing individuals. At the same time, while commercial advertising offers a certain lifestyle as a product, PSA may be called a tool for developing such a lifestyle within a given ethno-cultural paradigm.

Advertising as a tool of propaganda and cultural strategy is quite effective, as it is able to attract a broad audience regardless of nationality, educational level, social background, etc. Advertising in mainland China, whether commercial or PSA, differs from advertising elsewhere (including Hong Kong and Taiwan) structurally, contentually and semiotically. The use of socio-cultural components in advertising for attracting viewers' attention to history, culture and traditions promotes the formation of the image of a state's exclusiveness in the public mind in terms of historical and cultural development and encourages the promotion and dissemination of national traditions and values, making them modern and up-to-date.

In mainland China, advertising is not only a means of promoting goods and services but also a powerful tool for implementing cultural strategies through the modern interpretation of basic socio-cultural components and traditional values of society. At the same time, advertising in both autonomous territories of China, namely Taiwan and Hong Kong, is the domain of private enterprise that mainly uses it to market products and services. These territories are stable market-oriented economies with a developed service sector in need of promotion. There is little governmental involvement in advertising.

Thestudy of the prime-time content on three TV channels in mainland China, Taiwan and Hong Kong shows thatsocio-cultural components are used on all three advertising markets yet with different approaches. Advertising in mainland Chinaseldom promotes foreign products, while the latter account for the bulk of Hong Kong advertising content. Taiwanese advertising is a case apart.

While advertising in mainland China is highly regulated by the state through a number of legislative acts, it is basically independent from state interference in Taiwan and Hong Kong. Advertising in mainland China is a tool for transmitting cultural and traditional components to the nation and for prescribing behavioral patterns.

The government's right tointerferein advertising is confirmed by a number of documents, including the Advertising Law (adopted in 1995, amended in 2015), the Notice of Production of Public Service Advertising,

and different programs and concepts like Zhongguo Yuansu (2004) and the Plan for State Brands (国家品牌计划). The main bodies that have been responsible for regulating the advertising market and its content include the State Administration of Press, Publication, Radio, Film and Television of the People's Republic of China, the State Administration of Radio and Television of the People's Republic of China, and the Publicity Department of the Communist Party of China.

In contrast to mainland China, advertising markets in Taiwan and Hong Kong are regulated by different bodies and organizations rather than the central government. In Taiwan,these organizations include the National Communication Commission, the Fair Trade Commission, the Food and Drug Administration of the Ministry of Health and Welfare and others, all of which draft bills for regulating advertising. The advertising market is regulated by the following documents: the Television Advertising Production Act (regulates advertising content), the Fair Trade Law (prohibits the use of misleading information), the Radio and Television Law (regulates the proper use of broadcasting resources), the Act Governing Food Safety and Sanitation, the Statute for the Control of Cosmetic Hygiene, the Drugs and Pharmacists Management Act (requiring pharmaceutical products to be approved by the Health Authority and receive the relevant certification documents), and the Television Advertising Production Act (regulates the content of advertising).

In Hong Kong, the advertising market is regulated by the following bodies:the Customs and Excise Department (香港海關), the Communications Authority (通訊事務管理局), and the Consumer Council (消費者委員會). Hong Kong legislation in the advertising sphere includes the following laws and regulations: the Trade Description Ordinance (商品說明條例), the Generic Code of Practice on Television Advertising Standards (電視通用業務守則), the Broadcasting Ordinance (廣播條例), the Trade Marks Ordinance (商標條例), the Consumer Council Ordinance (消費者委員會條例), and the Undesirable Medical Advertisements Ordinance (不良廣告(醫藥)條例).

Our findings show that, in both regions, the vast majority of advertising content pertains to the second type of advertising (advertising without socio-cultural components): 46.0% in Hong Kong and 56.7% in mainland China. However, the difference amounts to over 10%. At the same time, advertising with socio-cultural components accounts for almost one third (29.1%) of

the content in China, and only 14.1% in Hong Kong. There is almost no advertising of foreign products on mainland China TV (only 2.1%), while this is one of the most predominant types of advertising broadcast in Hong Kong (31%).

Furthermore, as we mentioned above, socio-cultural components play an important role in localizing foreign products. A case in point is the McDonald's commercial on the Hong Kong channel ViuTV. Foreign companies usually use such components to enter the local market and build trust in their products among local consumers. Traditional elements apparently encourage locals to buy products, because they can identify with them through traditional elements, which increase their trust in foreign goods. The prevalence of commercials for domestic products (with or without socio-cultural components) can be explained by the Plan for National Brands adopted by CCTV Channel in 2016, which calls for predominantly advertising national brands.

Public service advertising is present on both channels in equal proportions – 11.8% in mainland China and 8.9% in Hong Kong. Being ethical can be a clever marketing strategy as consumers are increasingly influenced by "non-commercial" factors. However, thegoalsof PSA are different in the two countries. Public service advertising on ViuTV explains Chinese nationals their civil rights and the functions of different government bodies. In mainland China, this type of advertising mainly describes culture and traditions, promotes different Chinese regionsand praises the CPC.

We analyzed the content of two-hour prime-time over-the-air broadcasts on CCTV 1 Channel (China) and ViuTV (Hong Kong) during the period January 17–22.

The socio-cultural components of commercials are represented differently on the channels. For example, CCTV commercials most frequently resort to traditional music (12 commercials or 35.2%), calligraphy and traditional script (11 commercials or 32.3%), traditional architecture and interior (11 commercials or 32.3%), traditional clothes (8 commercials or 23.5%), traditional landscape Shanshui (山水, mountains and water) (6 commercials or 17.6%), and traditional decoration (5 commercials or 14.7%). In contrast, the makeup of components on the Hong Kong ViuTV Channel is as follows: calligraphy (50% or 3 commercials out of 6), traditional clothes (50% or 3 commercials out of 6), traditional interior design

elements (33.3% or 2 commercials out of 6), traditional cuisine (16.6% or 1 commercial out of 6) and traditional architecture (16.6% or 1 commercial out of 6).

While promising to make the world smaller, globalization has only accelerated the desire of millions of people to set themselves apart through language, culture and traditions. It also unleashed ethnic drives and potent forces in the human spirit, making the world more volatile. Today, the world is striking a balance between globalization and cultural identity. The homogeneity of the audience base and the mobility of both consumers and businesses brought about by globalization are a basic assumption of advertising today. Marketing is less interested in the origins of a product than in how it expresses local tastes and traditions – something that is not necessarily linked to the origins of the product itself. While target audiences have no difficulty in appreciating foreign goods, this is made even easier by traditions expressed through socio-cultural components represented in modern ways. Underestimating the impact of socio-cultural components in advertising may prove to be rather costly. Businesses are well aware of this fact, as we see from the growing use of socio-cultural components in commercial advertising all over the world.

References

Beliaeva A. V. Comparative Analysis of Socio-Cultural Aspects of Modern TV Commercials in the PRC, Taiwan and Hong Kong. Unpublished master's thesis. National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, 2018, pp. 33–50.

Chan Kara, Cheng Hong. One Country, Two Systems: Cultural Values Reflected in Chinese and Hong Kong Commercials. In: Gazette: *The International Journal for Communications Studies*. London, 2003.

Gao Z. An In-depth Examination of China's Advertising Regulation System. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*, 2007, vol. 19, no. 3, pp. 307–323.

Gao Z. Harmonious Regional Advertising Regulation? A Comparative Examination of Government Advertising Regulation in China, Hong Kong, and Taiwan. *Journal of Advertising*, 2005, vol. 34, no. 3, pp. 75–87.

Gao Z., Kim J. H. Regulation of Soft Issues in Advertising in Confucian Societies: A Comparative Examination. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*, 2009, vol. 21, no. 1, pp. 76–92.

Gao Z., Li N. The Priming Effect of News Context on Chinese Attitudes toward Foreign Brands. *Journal of Asia-Pacific Business*, 2013, no.14 (4), pp. 268–286.

Lin Carolyn A. Cultural values reflected in Chinese and American advertising. *Journal of Advertising*, 2001, vol. 30, no. 4, pp. 83–94.

Liu Zixu. *Political Economy of Chinese Television Advertising*. University of Massachusetts, 2009.

Nesterova O. A., Raspertova S. Y., Belyaeva A. V. Etnokul'turnye tsennosti i obrazy v sovremennoy sotsial'noy reklame KNR (*Ethnocultural values and images in modern social advertising in the PRC*) // Polignozis. 2015. № 1, pp. 90–102. (In Russ.)

Pecotich A., Shultz C. J. Handbook of Markets and Economies: East Asia, Southeast Asia, Australia, New Zealand, New York: M. E. Sharpe, 2006.

Simmons Lee C. and Schindler Robert M. Cultural Superstitions and the Price Endings Used in Chinese Advertising, *Journal of International Marketing*, 2003, vol. 11, no. 2 (Special Issue on Marketing in Transitional Economies), pp. 101–111.

Ulianova M. U. Culture and Tradition in the System of Modern Mass Communication of the PRC at the Beginning of the 21st Century (a study of advertisement texts from 2005–2008). Thesis for the Degree of Candidate of Philological Sciences, Moscow, 2014, p. 38.

Young L. W. Advertising in Taiwan, *A to Z World Business*, World Trade Press, February 2013.

ПЕРСУАЗИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В БЮДЖЕТНЫХ ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ МУН ЧЖЭ ИНА (2018, 2019 гг.)

ВИШНЯКОВА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
vvishnyakova@hse.ru

В статье анализируются персуазивные высказывания бюджетных посланий президента Мун Чжэ Ина. Предпринимается попытка описать природу персуазивности и обозначить границы и структуру персуазивного высказывания. Выдвигается гипотеза о том, что в персуазивном высказывании, в отличие от аргументативного, тезис и аргумент восходят к образному единству и не разнесены на уровне синтактики. Бюджетные послания, относящиеся к консервативному типу политического дискурса, обладают высоким потенциалом персуазивности. Наиболее убедительными можно считать персуазивные высказывания, фактором иллокутивной силы которых являются условия искренности. В текстах бюджетных посланий, где адресантом выступает президент, а адресатом парламент и корейский народ, Мун Чжэ Ин апеллирует к архетипу «отца». Это позволяет ему, а с одной стороны – заручиться поддержкой широкой национальной аудитории, с другой, оказывать давление на парламент в принятии проекта бюджета. Тексты бюджетных посланий отражают переход корейского общества от конфуцианской к капиталистической модели государственного устройства, где приоритет отдается не коллективному успеху, а благосостоянию отдельного его члена.

Ключевые слова: Персуазивное высказывание, иллокутивная сила, условия искренности, бюджетные послания, архетипический образ.

SOUTH KOREAN PRESIDENTS` PERSUASIVE APPEALS TO THE PARLIAMENT IN THE BUDGET SESSIONS (2018, 2019)

VISHNYAKOVA VERA VLADIMIROVNA
Associate Professor, Head of the Department of International Regional Studies
vvishnyakova@hse.ru

The article analyzes the persuasive appeals to the budget messages of President Moon Jae In. An attempt is being made to describe the nature of persuasiveness and

to outline the boundaries and structure of the persuasive utterance. A hypothesis is put forward that in a Persuasive utterance, in contrast to an argumentative one, the thesis and argument go back to figurative unity and are not separated at the level of syntactics. Budget messages related to the conservative type of political discourse have a high potential for persuasiveness. The most convincing is the persuasive appeals, the illocutionary force factor of which are the conditions of sincerity. In the texts of the budget messages, where the president is the author, and the parliamentary and the Korean people are recipient, Moon Jae In appeals to the archetype of the "father". This allows him, on the one hand, to enlist the support of a wide national audience, on the other, to exert pressure on parliament in adopting the draft budget. Numerous repetitions, which are one of the means of persuasion, allow Moon Jae In to act as a "father-protector" for the people, able to correct their plight, and for parliament as a "father", who can punish some of the "children" who will go against his will. The texts of the budget messages reflect the transition of Korean society from Confucian to the capitalist model of government, where priority is given not to collective success, but to the well-being of an individual member.

The text of the budget message reflects the particular culture at a particular time factor associated with a key event, which is expressed in the maturity of Korean society to make decisions independently and determine its destiny

Keywords: Persuasive appeal, illocutionary force, sincerity conditions, budget sessions, archetypal image

Настоящая работа включает два этапа исследования: 1) уточнение природы персуазивности и категориальных границ персуазивного высказывания; 2) анализ в контексте принятых утверждений текстов бюджетных посланий президента Мун Чжэ Ина парламенту.

О природе персуазивности и персуазивном высказывании

Персуазивность в исследованиях последних лет нередко отождествляется с риторичностью. Утверждается, что входящие в нее эмоционально-оценочные смыслы убеждают адресата эффективнее, чем рациональные аргументы [Голоднов, 2011. С. 130]. Если эмоциональность в качестве отличительного признака персуазивности обращает научные рассуждения к психологическим категориям, то оценочные смыслы [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1958. P. 74] лежат в области лингвофилософии. Аргументы к ценностям неизбежно порождают и оценку, и эмоциональность речи, к которым и сводят в настоящее время специфику персуазивности.

Под высказыванием вслед за М. Фуко мы понимаем, что оно «существует, если существует несколько близлежащих знаков и если среди них есть один и единственный знак» [Фуко, 1996. С. 159]. Следовательно, персуазивное высказывание может состоять как из одного слова, так и представлять собой целый текст.

Персуазивным высказыванием может быть любой речевой акт из теории речевых актов (ТРА) Дж. Серля [Новое в зарубежной лингвистике, 1986. С. 169]. Однако несмотря на то, что аксиологический компонент является важной характеристикой персуазивности, расширять номенклатуру общепризнанной классификации речевых актов, предложенной Д. Серлем [Serle, 1986. P. 209] и приведенной к иллокутивной логике Д. Вардервекеном [Vanderveken, 1990. P. 40], еще одной позицией по оценочному речевому акту А. А. Ивина [Ивин, 2000. С. 9], мы считаем нецелесообразным.

Функциональной характеристикой персуазивного высказывания является аргументативность, обусловленная назначением убеждать адресата. Если мы примем, что персуазивное высказывание, так же как и аргументативное, включает три обязательных компонента: тезис, аргумент и посылку, – то можно утверждать о категориальных границах данного высказывания. Однако в персуазивном высказывании, в отличие от аргументативного, тезис, аргумент и посылка восходят к образному единству, а тезис и аргумент не распределены и не разнесены по синтактике.

Персуазивность и персуазивные высказывания в бюджетных посланиях президента Мун Чжэ Ина

М. Фуко «время культуры» формулирует как период в развитии общества, который с одной стороны, определяется, ключевыми событиями, а с другой – ключевыми фигурами. Время культуры в субстанциональном смысле определяется как «общее, которое объективно существует и характеризует важность культурных событий» [Пилипенко, 2018. С. 114].

Ключевой фигурой времени культуры Республики Корея *(далее – РК)*, когда конфуцианскую модель государственного устройства сменяет капиталистическая, по праву можно считать Мун Чжэ Ина, пришед-

шего к власти в результате революционной победы оппозиционных сил на досрочных выборах в 2017 году. Важно отметить, что под капиталистической моделью мы понимаем синтез американской модели, в большей степени экономической, и европейской, нацеленной на укрепление социальной сферы государства.

Тексты бюджетных посланий в качестве материала для анализа выбраны по ряду причин. Во-первых, несмотря на то, что жанр политического дискурса, представленный в них, является весьма консервативным, здесь нашли отражение фундаментальные изменения, произошедшие в корейском обществе в последнее время. Во-вторых, в бюджетных посланиях отчетливо прослеживается взаимодействие трех основных агентов: президента, избирателя и парламента. Причем адресантом выступает президент, представляющий позицию народа, а адресатом как народ, так и парламент, от которого зависит утверждение либо отклонение предлагаемого президентом и правительством проекта бюджета на будущий год. В-третьих, иллокутивная сила подобных посланий, которая с необходимостью учитывает не только возможное противодействие парламента, где оппозиция традиционно достаточно сильна, но и доступность документа широким народным массам. В-четвертых, анализ документа позволяет определить модель поведения президента, которое коррелирует с его рейтингом.

Текст бюджетного послания 2018 г. в полной мере отражает время культуры, в котором ключевым событием являлась «революция свечей», послужившая причиной смены власти в стране[1]. Мун Чжэ Ин, согласно требованиям своей эпохи, уходит от популистских высказываний, восходящих к традиционным ценностям, к которым часто прибегали его предшественники. В его речи преобладают перформативы, призывающие к действию, персуазивные высказывания убедительны и наделены иллокутивной силой, где основным потенциалом являются условия искренности.

В триаде основных агентов дискурса бюджетного послания президент является адресантом, выступая в роли «отца», «мудрого пра-

[1] Мун Чжэ Ин тэтхоннен 2018нен есанан кваллен кукхве сиджоненсоль [文대통령 2018년도 예산안 국회 시정연설]. Бюджетное послание президента Мун Чжэ Ина парламенту. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20171101076600001 (дата обращения: 20.01.2020).

вителя». С этой позиции он обращается как к широкой национальной аудитории, так и к депутатам. Напомним, что «отец» в психоанализе К. Г. Юнга является архетипическим образом, ассоциирующимся с защитником, создателем, которому характерны активность, направленность, доминирование и достижения [Юнг, 1994. С. 146].

Архетип «отца» выражается в таких глаголах действия, как: *восстанавливать* (재기하다 복구하다 이루다), *защищать* (지키다, 보호하다, 보장하다), *строить* (나라를 찾아나서다, 개선하다, 마련하다, 새롭게 하겠습니다, 이뤄내다, 시스템을 갖추겠습니다, 평화를 실현하다, 평화로운 한반도를 실현하세우겠다), *сохранять* (보유하다, 유지하다, 지키다, 보장하다), *решать* (결정하다), *гордиться* (자랑스럽다). Мун Чжэ Ин, помимо решительности строить «новую страну», защищать интересы своего народа, демонстрирует образ «любящего отца», высказывая гордость своим народом за терпение, смелость, отвагу: 참으로 우리 국민들이 자랑스럽습니다 *(досл.: Действительно нашими гражданами горжусь)*. Персуазивность таких высказываний заключена в активизации интенсиональных смыслов, восходящих к архетипическому бессознательному «отца».

Обращение к образу «отца», «мудрого правителя», позволяет Мун Чжэ Ину, с одной стороны, заверить граждан в правильности сделанного ими выбора, а с другой – оказывать давление на парламент, демонстрируя свою власть и поддержку широких масс. 국민이 요구한 새 정부의 책무 *(досл.: Обязанности нового правительства, требуемые гражданами)*, 변화를 요구하는 국민의 뜻 *(досл.: Посыл граждан, требующих перемен)*, 검찰의 변화를 요구하는 국민의 뜻 *(досл.: Посыл граждан, требующих изменений в прокуратуре)*, 이러한 국민들의 여망을 반영한 것 *(досл.: Так отражается желание граждан)*, 국민참여예산 *(досл.: Бюджет, в подготовке которого участвовали граждане)*, 국민과 함께하는 예산이 되도록 할 것입니다 *(досл.: Мы и впредь будем готовить бюджет вместе с гражданами)*, 국가의 존재 이유를 묻는 국민들에게 성실하게 대답해야 합니다 *(досл.: Нам надо честно ответить гражданам, которые спрашивают о причинах существования государства)*, 국민의 참여와 의사가 반영되는 국민개헌 *(досл.: Поправка к конституции, отражающая намерения и участие в ее подготовке граждан)*, 개헌은 국민의 뜻을 받드는 일입니다 *(досл.: Эта поправка к конституции посыл, полученный от граждан)*, 우리 국민

들은 언제나 정치의 변화를 주도해 왔습니다 *(досл.: наши граждане всегда руководили политическими изменениями)*. Мун Чжэ Ин за счет высказываний, апеллирующих к архетипическим образам, успешно достигает цели убедить две совершенно разные аудитории: народ в том, что их «трудное» положение будет исправлено; парламент в том, что надо принимать предлагаемые адресантом решения.

Основным тезисом послания можно считать утверждение о необходимости реформ и смены экономической парадигмы, в центре которой будет стоять человек: 경제의 패러다임을 바꾸겠다는 것입니다 *(досл.: Считаю, что изменю экономическую парадигму)*. *Посылками* данного тезиса служат следующие высказывания: экономика государства стала сильнее (국가경제는 더 크게 성장했습니다), силы граждан увеличились (우리 국민들의 힘이 컸습니다), народ готов к изменениям 지금 (우리는 스스로 변화할 준비가 되어 있습니다), замедлены темпы роста (저성장), необратимые изменения жизни граждан (그 후유증은 국민들의 삶을 바꾸어버렸습니다). *Аргументами* являются следующие высказывания: снижение доходов, застой в экономике (가계소득은 줄어들고.., 정체된 성장과 고단한 국민의 삶이 증명하듯이), рост безработицы (실업이 구조화되었고), рост протестов / снижение уровня поддержки властей (세월호 광장과 촛불집회는 지난 세월 우리 사회의 부조리와 모순을 한꺼번에 드러낸 공론의 장이었습니다, 촛불혁명은 민주주의의 회복을 넘어 새로운 민주주의의 미래를 밝힌 이정표였습니다), высокая конкуренция в обществе (무한경쟁사회), расслоение/поляризация общества (사회경제적 불평등, 양극화). Обратим внимание, что в персуазивных высказываниях тезис, аргумент и посылка представляют образное единство. Поэтому определение тезиса и аргумента не всегда удается провести с определенной очевидностью. В нашем случае анализ многочисленных повторов, отсылок к идее о смене экономической парадигмы позволил определить ключевой тезис послания.

Новым для корейского политического дискурса является и отраженный в тексте бюджетного послания 2018 г. переход от коллективного «мы», провозглашающего процветание государства выше личных благ, к индивидуальному «я», когда в центре внимания встают проблемы отдельного человека, группы людей, семьи. Выявление в таком консервативном тексте признаков перехода от коллективного к инди-

видуальному является доказательством того, что корейское общество в полной мере стало капиталистическим и американская экономическая модель действительно легла в основу развития государства. О политической модернизации и трансформации корейского общества подробно изложено в работе И. А. Толстокулакова [Толстокулаков, 2009. С. 4].

Преобладание в современном политическом дискурсе РК персуазивных высказываний, свойственных американскому политическому дискурсу, в которых иллокутивная сила обусловлена условиями искренности, является подтверждением трансформации корейского общества. Под условиями искренности понимается «психологическое состояние говорящего, выраженное в речевом акте» [Serle, 1979. P. 5]. Условия искренности в заявлениях Мун Чжэ Ина отражены в таких перформативах, как «я требую, я настаиваю», а также в лозунгах «я верю», «поможем миру найти ответ», «построим новую страну» и т. д.

Мун Чжэ Ин заявляет в бюджетном послании о зрелости корейского общества, способного самостоятельно принимать решения и определять свою судьбу: 그러나 지금 우리는 스스로 변화할 준비가 되어 있습니다 *(досл.: Однако мы готовы меняться сами);* 저는 세계가 고민하는 저성장과 양극화 문제에 대해 우리가 선구적으로 해답을 제시할 수 있을 것이라고 자신합니다 *(досл.: Я уверен, что мы сами, как передовое государство, можем найти ответ на проблемы поляризации общества и замедления темпов роста, от которых страдает сейчас мир);* 우리 민족의 운명은 우리 스스로 결정해야 합니다 *(досл.: Мы сами должны решать судьбу своего народа);* 우리의 의사와 무관하게 우리 운명이 결정된 불행한 역사를 반복하지 않을 것입니다 *(досл.: Мы не должны повторить страшные события истории, когда судьба нашего народа решалась без нас)*; 내 삶을 바꾸는 정치를 요구하며 스스로 나서고 있습니다 *(досл.: Они требуют политического курса, который изменит их жизнь, и они самостоятельно выдвигают требования).* Такие персуазивные высказывания, обращенные к архетипическому образу «отца», способного принимать решения и давать советы, демонстрируют международному сообществу, в частности США, самостоятельность РК, ее развитую демократию и сильное гражданское общество. Аксиологический компонент данных высказываний, обусловленный апелляцией к таким общечеловеческим ценностям, как «свобода» и «независимость», активизирует интенсиональные смыс-

лы адресата (народ), восходящие к архетипическому образу свободы [Вишнякова, 2019. С. 25]. Мун Чжэ Ин таким образом стремится убедить адресата в непосредственной причастности последнего к разработке проекта реформ и проводимой правительством политике. В том, что он (адресат) настолько самостоятелен, что способен сам принимать решения и определять судьбу своего государства.

Одновременно президент обращается ко второму адресату – парламенту. Учитывая высокую социальную значимость послания, президент озвучивает не только основные статьи расходов на будущий год, но и социально-экономическую программу развития. Он обращается к парламенту с предложением рассмотреть и принять важные законопроекты.

Мун Чжэ Ин в своем выступлении затрагивает крайне острый вопрос реформы государственных органов власти и прокуратуры. Он предлагает законопроект, принятие которого в значительной степени изменит всю архитектуру государственной системы и сильно ослабит позиции прокуратуры, которая в настоящее время обладает неограниченными правами. Учитывая слабость своей позиции и сильное сопротивление парламента по данному вопросу, Мун Чжэ Ин усиливает персуазивность своего выступления, применяя как перформативы, типа «я требую и настаиваю», так и метофоры.

Известно, что персуазивные высказывания, фактором иллокутивной силы которых являются условия искренности, выраженные перформативами, наиболее убедительны [Вишнякова, Каплуненко, 2019. С. 88]. Кроме того, в данные высказывания включен и аксиологический компонент, обусловленный апелляцией к общеизвестным ценностям (доверие граждан), который непосредственно воздействует на интенсиональные смыслы: 국가권력기관의 개혁은 사회적 신뢰 회복을 위한 선결과제입니다 *(досл.: Реформа органов власти – первоочередная задача для того, чтобы вернуть доверие граждан)*; 뒷받침해 주시기를 기대하고 요청합니다 *(я требую и настаиваю, чтобы был принят).*

Обращение к метафоре 검찰의 변화를 요구하는 국민의 뜻이 하늘처럼 무겁습니다 *(досл.: Посыл граждан, требующих изменения в органах прокуратуры, тяжелый как небо)* означает то, что адресант отказывается от анализа. Перекладывая одну сущность в термины другой, Мун Чжэ Ин стремится апеллировать к стереотипам, которые лежат в

области подсознательного, стараясь скрыть отсутствие аргументов по данному вопросу.

Скорее всего, Мун Чжэ Ин сам понимает, что данная попытка будет обречена на провал, но, заявляя об этом, стремится показать свою решимость реализовывать амбициозные проекты и смелость выносить на обсуждение острые вопросы, идти на риск. Мун Чжэ Ин, умело применяя перформативы и метафоры, убеждает народ в правильности своих действий и оправдывает его доверие. Кроме того, озвучивая реперные точки в таком ключе, президент рассчитывает и на поддержку со стороны политической элиты государства, которая несет значительные потери от действий прокуратуры.

Раздел текста, приходящийся на «золотое сечение», посвящен обоснованию тезиса о необходимости увеличения доходов граждан. Именно здесь заложен основной посыл о создании «нового государства», которое в центр внимания ставит благополучие своих граждан. Помимо аргументов в виде конкретных цифр, подтверждающих улучшение положения граждан, здесь используются и персуазивные высказывания с аксиологическим компонентом, восходящим к общим ценностям «благополучие», «ответственность»; и лозунги, иллокутивная сила которых направлена на побуждение к действию: *увеличим ответственность государства; сократим ответственность семей; расширим количество статей по выплатам; мы будем стремиться к появлению у граждан накоплений*.

Президент представил свое обращение к парламенту в новом для корейского политического дискурса североамериканском деловом стиле, практически исключив из речи метафоры, сравнительные обороты и апелляцию к общенациональным ценностям. Он обозначил новый курс развития государства, отражающий реалии современного общества, где в приоритет ставятся интересы личности, а не коллектива.

Архетипический образ «отца» прослеживается и в тексте бюджетного послания 2019 года. Однако, в отличие от 2018 года, где президент выступал от первого лица, в этом послании он выражает свою позицию с помощью инклюзивного «мы», объединяя в нем и народ, и парламент, и оппозицию. Такой способ позволяет ему, распределив ответственность на всех представителей корейского общества, снять с себя обвинения оппозиции в низкой эффективности, проводимой правитель-

ством политики. Напомним, что на момент выступления в 2019 году рейтинг поддержки президента достиг минимальной отметки.

Перед президентом стоит сложная задача вернуть доверие граждан, чтобы продолжить начатый курс реформ, убедить парламент принять не только проект бюджета, но и ряд законопроектов, а также сплотить свою команду, которую из-за постоянной смены кадров ему не удается сформировать.

Объединяя всех перед лицом реформ, Мун Чжэ Ин вынужден избегать тактики «давления» на парламент за счет постоянно повторяющихся отсылок к авторитету народа. Отметим, что эту тактику он достаточно эффективно применял в 2018 году. Перформативы «я желаю», «я требую», «я настаиваю» встречаются реже. Мун Чжэ Ин вводит новое понятие «справедливое государство» (포용국가), вместо «настоящая страна» (나라다운 나라), которое было главным лейтмотивом предвыборной кампании.

Текст бюджетного послания 2019 года аргументативен, насыщен фактами, подкрепленными цифрами, и на 90% посвящен проводимым реформам в социальной сфере[1]. Мун Чжэ Ин продолжает в своих высказываниях апеллировать к образу самостоятельного и независимого государства. Его выступление практически лишено метафор, лозунгов и сравнительных оборотов. Кроме того, подчеркивается и зрелость корейского общества в его способности признавать ошибки: 우리는 이 점을 직시해야 합니다 *(досл.: Мы должны смотреть на это прямо)*, 늘어난 국세 수입을 경기 회복을 위해 충분히 활용하지 못했다는 아쉬움이 있습니다 *(досл.: Нелегко признавать, но мы не смогли в полной мере освоить деньги от возросших налогов для регулирования конъюнктуры рынка)*. Мун Чжэ Ин стремится к диалогу равных, указывая адресату на возможность пусть и условного, но свободного выбора. В данном случае активизация условий искренности, которые содержат максимальный потенциал иллокутивной силы персуазивных высказываний, позволяет адресанту оказывать значительное воздействие на адресата. Адресата побуждают признать искренность адресанта и позволить ему продолжать начатый курс.

[1] Мун Чжэ Ин тэтхоннен 2019нен есанан кваллен кукхве сиджоненсоль [2019 예산안 관련 국회시정 연설]. Бюджетное послание президента Мун Чжэ Ина парламенту. URL: https://www1.president.go.kr/articles/4721 (дата обращения: 20.01.2020).

Мун Чжэ Ин за счет применения инклюзивного «мы» в вопросе, посвященном успехам в переговорах с Северной Кореей, стремится убедить адресата в причастности к достижениям. Активизируя интенсиональные смыслы «единства», «коллектива», президент отмечает общие успехи на пути строительства «новой страны». Он подчеркивает уникальность времени культуры, в котором находятся все участники речевого акта: 한반도와 동북아 공동 번영을 향한 역사적인 출발선이 바로 눈앞에 와 있습니다. *(досл.: Мы стоим на пороге исторического момента, когда начинается совместное процветание Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии).*

Концептуальная метафора «пути», которую Мун Чжэ Ин использует вслед за Ли Мен Баком, является характерным признаком персуазивных высказываний: 그것이 지속가능한 성장의 길이라고 저는 믿습니다 *(досл.: Я верю, что это путь устойчивого роста*; 구조적 전환은 시작했지만 아직 가야할 길이 멉니다 *(досл. Мы начали системные изменения, но до сих пор далеки от пути, который должны пройти);* 우리가 가야할 길이며, 우리 정부에게 주어진 시대적 사명입니다 *(досл.: Дорога, по которой мы должны пойти, и миссия нашего поколения, порученная правительству…);* 이미 세계은행, IMF, OECD 등 많은 국제기구와 나라들이 포용을 말합니다 *(досл.: Многие зарубежные организации, страны, мировой банк, валютные фонд и ОЭРС поют хвалебные песни).* Иллокутивная сила персуазивных высказываний, включающих метафору движения или пути, опирается на оценочные смыслы, обращенные к призывам переходить к североамериканской экономической модели. Именно поэтому встречаются высказывания об успехе, содержащие призывы к бесстрашным совместным действиям либо апеллирующие к «мировым стандартам».

Мун Чжэ Ин, так же как и его предшественница Пак Кын Хэ, использует интертекст из известного I have a dream… Мартина Лютера Кинга. Однако он успешно преодолевает популизм высказываний, свойственных Пак Кын Хэ, интегрируя интертекст в корейскую культуру через инклюзивное «мы»: We have a dream: 함께 잘 살자는 꿈이 민주주의와 경제발전의 동력이 되었습니다 *(досл.: Мечта о том, что все вместе будут жить хорошо, стала мощным стимулом для развития экономики и демократии)*; 국민의 노력으로 우리는, ‘잘 살자’는 꿈을 어느 정도 이뤘습니다 *(досл.: Благодаря усилиям граждан мы*

в какой-то степени достигли мечты о том, что будем жить хорошо); 그러나 '함께' 라는 꿈은 아직 멀기만 합니다 *(досл.: Однако от нас еще далека мечта о том, что мы вместе)*; 일자리를 통해 누구나 꿈을 이룰 수 있도록 *(досл.: Чтобы каждый смог осуществить свою мечту, через создание рабочих мест)*; 청년 창업의 꿈을 더 키우겠습니다 *(досл.: Я считаю, что мечта о предпринимательстве молодежи осуществится)*.

В «золотом сечении» текста Мун Чжэ Ин продолжает, как и в 2018 году, настаивать на политике реформ в социальной сфере и акцентирует внимание на увеличении дохода семьи, повышении прожиточного минимума и поддержке в сфере образования, аренды жилья и здравоохранения. Все это указывает на переход к капиталистическому обществу, а именно – к европейской модели, в которой ключевыми считаются социальные вопросы.

Главный тезис бюджетного послания 2019 года – создание справедливой страны, где все живут хорошо (그것이 함께 잘 사는 포용국가입니다. 우리가 가야할 길이며, 우리 정부에게 주어진 시대적 사명입니다). *Посылки* к тезису: реформы начаты, процессы запущены. *Аргументами* служат высказывания: сделаны конкретные шаги по улучшению жизни граждан, видимые результаты получили одобрение у международного сообщества, есть разработанный план действий, который выведет страну на новый уровень. Данный тезис является логическим продолжением, выдвинутого тезиса в 2018 году.

Подводя итог, следует отметить, что анализ текстов бюджетных посланий Мун Чжэ Ина выявляет характерные особенности персуазивных высказываний, к которым следует отнести образное единство тезиса и аргумента. Персуазивные высказывания, в которых условия искренности выступают в качестве ведущего фактора иллокутивной силы, можно считать наиболее эффективными. Апелляция адресанта к архетипическому образу «отца» и «мудрого руководителя» позволяет оказывать воздействие на адресата и побуждать последнего к действиям: парламент – к принятию проекта бюджета и части законопроектов, народ – к одобрению и поддержке разработанного правительством курса реформ. Аргументативность, призывы к действию, апелляция к мировым стандартам, а также к благосостоянию отдельно взятого члена общества, таких консервативных текстов, как бюджетные послания,

доказывают переход корейского общества от конфуцианских к капиталистическим стандартам государственного устройства, отражают очередной этап развития государства и общества на пути демократизации всех сфер жизни.

Список литературы

Вишнякова В. В. Декларации независимости от 8 февраля и 1 марта 1919 г. через призму ценностей и оценок // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. Т. 2. М.: ИДВ РАН, 2019. Гл. 2. С. 22–35.

Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): диссертация... доктора филол. наук: 10.02.04: защищена 2011 / Голоднов Антон Владимирович. Санкт-Петербург, 2011. 402 с.

Ивин А. А. Аксиология. Научное издание. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.

Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с.

Каплуненко А. М., Вишнякова В. В. Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 84–89.

Пилипенко Е. А. Время культуры как основание существования человека в мире // Социальные и духовные основания существования человека в современном обществе. Сборник научных трудов. Саратов: КУБиК, 2018. С. 113–118.

Толстокулаков И. А. Политическая модернизация в посттрадиционном обществе (на примере Южной Кореи): автореферат диссертации... доктора ист. наук: 07.00.03: защищена 2009 / Толстокулаков Игорь Анатольевич. Владивосток, 2009. 55 с.

Фуко М. Археология знания: монография. Киев: НИКА-ЦЕНТР, 1996. 207 с.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс; Универс, 1994. 336 с.

Vanderveken D. Meaning and Speech Acts: Volum 1, Principles of Language Use. Cambridge University Press, 1990. 244 p.

Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric A Treatise on Argumentation. London: University of Notre Dame Press, 1958. 543 p.

Searle J. R. Meaning, Communication and Representation // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 209–226.

Searle J. R. Expression and meaning. Cambridge: Univ. of Cambridge Publ., 1979. 204 p.

References

Vishnyakova V. Pervomartovskoe dvizhenie 1919 (Korea): Deklarazii nezavisimosti cherez prizmu zennostei i ozenok (na primere deklarazii nezavisimosti 8 fevralya i 1 marta) [March 1st Movement of 1919 (Korea): Two Declarations of Independence through the Prism of Values and Assessments (on the Example of the Declarations of Independence of February 8 and March 1)] // The Korean Peninsula in Search for Peace and Prosperity. Vol. 2. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of Far Eastern Studies, 2019. P. 22–35. (in Russ.)

Golodnov A. Persuazivnosti kak universalnaya strategia teksoobrazovaniya v retoricheskom metadiscirse (na materiale nemezkogo yazika) [Persuasiveness as an universal strategy of the text production in the rhetorical discourse]. S.-Petersburg, 2011. 402 p. (in Russ.)

Ivin A. Aksiologia. Moscow, 2006. 424 p. (in Russ.)

Kaplunenko A., Vishnyakova V. Ob effectivnosti upotreblenia rechevih priemov v budgetnih poslaniyah presidentov Respubliki Korea [On the Nature of Illocutionary Force of the South Korean Presidents' Persuasive Appeals] // Problemy Dalnego Vostoka. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of Far Eastern Studies, 2019. P. 84–89. (in Russ.)

Pilipenko E. Vremya kulturi kak osnovanie sushesvovania cheloveka v mire [Time of Culture as the Foundation of Human Existence in the World] // Social and Spiritual Roots of Human Existence in the World. Saratov: KUBiK, 2018. P. 113–118. (in Russ.)

Tolstokulakov I. Politicheskaya modernizaziya v posttradizionnom obshestve (na primere Uzhnoi Korei [The Political Modernization in the Post-traditional Society (on the material of the South Korea)]. Vladivostok, 2009. 55 p. (In Russ.)

Foucault M. The Archaeology of Knowledge. Kiev, 1996. 207 p. (in English)

Jung K. The Spiritual Problem of Modern Man. Moscow, 1994. 336 p. (in English)

Vanderveken D. Meaning and Speech Acts: Volum 1, Principles of Language Use. Cambridge University Press, 1990. 244 p. (In English)

Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric A Treatise on Argumentation. London: University of Notre Dame Press, 1958. 543 p. (in English)

Searle J. R. Meaning, Communication and Representation // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 209–226. (In English)

Searle J. R. Expression and meaning. Cambridge: Univ. of Cambridge Publ., 1979. 204 p. (in English)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КНР И США

Ю. Б. ДЮНДИК
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

Т. Е. ШИШМАРЕВА
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия
shitat18@gmail.com

В статье кратко рассматривается развитие и современное состояние дел в территориальном конфликте в Южно-Китайском море между КНР и странами АСЕАН: сегодня акватория Южно-Китайского моря представляет собой точку постоянного мирового напряжения. Особое внимание уделяется роли США в данном конфликте. США, выступая гарантом мирового порядка, пытается не только сохранить свои лидирующие позиции в политике и экономике региона, но и не допустить роста влияния КНР в мире в целом. Основная цель исследования заключается в анализе и описании различных способов языковой репрезентации данного конфликта в современных средствах массовой коммуникации КНР и США (аналитические статьи и комментарии политиков и аналитиков). Анализируются лексические способы манипуляции сознанием граждан относительно участия США и Китая в конфликте для формирования нужного мнения и отношения к ситуации конфликта, которые носят преднамеренно эмоциональный характер и неизбежно предполагают оценку, тем самым влияя на настроения в обществе. Авторы приходят к выводу, что статьи на китайском языке формируют более устойчивые мнения адресата благодаря образности китайского языка.

Ключевые слова: Китай, США, страны АСЕАН, Южно-Китайское море, территориальный конфликт, массмедиа, языковая репрезентация, манипуляция.

LANGUAGE REPRESENTATION OF TERRITORIAL CONFLICT IN SOUTH CHINA SEA IN PRC AND USA MASS MEDIA

The article briefly considers development and current state of affairs of territorial conflict in the South China Sea between China and ASEAN countries. Today the South China Sea can be considered one of the major places of world tension and

is often called the “maritime Balkans” of the twenty-first century. Special attention is paid to the key role of the USA in this conflict. The South China Sea dispute has evolved from a territorial and maritime dispute among the claimant states to a source of competition between China and the United States. China tries hard to stifle America’s power in the region, while America does a lot not to let China gain more power and become the new world leader both in economics and politics. The major purpose of the study is to analyze and describe language representation of this conflict in modern PRC and US Mass Media (the authors analyze articles and comments by Chinese and American politicians and analysts). The material analyzed is taken from three different sources: American analytical newspaper articles written in English, analytical newspaper articles by Chinese authors, written in English and analytical newspaper articles written in Chinese by Chinese authors. Such types of articles and commentaries are usually intently very emotional and full of evaluation lexis thus influencing definite apprehension of information presented. The same facts are described from different points of view in PRC and US Mass Media and aim to create the necessary opinion among the audience and assure the readers to come to necessary conclusions. This situation can be described as an example of so-called “Information warfare” when the country concerned can solve the conflict situation without any armed intervention. Hence the authors analyze how vocabulary used in articles helps manipulate people’s awareness and attitude towards the conflict situation. The authors come to the conclusion that articles in Chinese create stronger and more stable opinions thanks to figurativeness and expressiveness of the Chinese language.

Keywords: China, the USA, ASEAN countries, South China Sea, territorial conflict, Mass Media, language representation, manipulation.

Введение

В последние годы Китай привлекает все большее внимание мировой общественности благодаря динамичному развитию не только в экономической сфере, но и активному участию на политической мировой арене. Ни для кого не секрет, что сегодня Китай – это ведущая экономическая держава, добившаяся серьезных успехов по всем направлениям. Впечатляющие экономические успехи страны ведут к желанию добиться бо̀льшего политического влияния в мире, что, в свою очередь, требует расширения беспрепятственного доступа к транспортным коридорам и источникам ресурсов, в связи с этим сегодня мы можем наблюдать постоянное развитие конфликта в акватории Южно-Китайского моря – гонка США и Китая за мировое лидерство.

Так, Китай и некоторые страны АТР, в частности Вьетнам, Бруней, Малайзия, Тайвань и Филиппины, находятся в конфронтации в связи с определением территориальной принадлежности нескольких островов в Южно-Китайском море. Китай претендует на 80% территории: это Парасельские острова, острова Наньша (Спратли) и Хуанъянь (риф Скарборо). В конце 40-х годов XX века Китай выпустил карту, где была обозначена государственная граница, включающая в себя практически 90% этого региона, на основании чего сегодня Китай проводит политику энергичного освоения и расширения данной территории. Активные действия Китая поставили под угрозу авторитет США как безусловного мирового лидера, что, в свою очередь, явилось толчком для более активных действий Америки, которая не хочет потерять этот регион не только с экономической, но и с военно-стратегической точки зрения. Таким образом, набирающему мощь Китаю важно ослабить доминирование США, а для США стратегически необходимо не допустить безусловного лидерства Китая в Южно-Китайском море.

Методология

В основу исследования легли следующие методы лингвистического анализа: дефиниционный (метод анализа словарных дефиниций), контекстуальный, интерпретативный, а также методы непосредственного наблюдения и лингвистического описания. **Цель** настоящего исследования заключается в анализе способов языковой репрезентации конфликта в Южно-Китайском море в медиапространстве КНР и США и их роли в манипуляции сознанием читателя. Специальные исследования в области политического дискурса показывают, что его специфика создается прежде всего на лексическом уровне [Зарезина, 2018. С. 165]. Таким образом, **объектом исследования** являются различные лексические способы языковой репрезентации конфликта. **Материалом** для анализа послужили тексты политиков и журналистов-аналитиков посвященные теме конфликта, при этом репрезентация конфликта анализируется с трех позиций: 1) в аналитических статьях/комментариях китайских авторов/политиков, написанных на английском языке (оригинальные, не переводные статьи); 2) в статьях/комментариях китай-

ских авторов/политиков на китайском языке и 3) в статьях/комментариях американских авторов/политиков на английском языке.

Основные результаты исследования

В развивающемся информационном обществе СМИ утеряли свои ведущие функции: информативную и образовательную, сегодня работа СМИ в первую очередь строится с определенной целью – воздействие на адресата, а не его информирование [Данилова, 2009; Добросклонская, 2010; Сорокина, 2010; Solsoev, Dyundik, 2016]. Автор, «передавая информацию, формирует наше отношение к этой информации, формирует определенные эмоциональные отклики и действия на те или иные события, старается повлиять на мировоззрение людей, их мироощущение и мировосприятие» [Сретенская, 2015].

Роль подобного рода статей/комментариев невозможно недооценить с точки зрения взаимодействия различных стран и народов в области политики, экономики, культуры. «Политическая риторика способна налаживать и поддерживать дружеские отношения между теми или иными странами. Вместе с тем выступления политиков обладают такой силой, что могут влиять на возникновение конфликтов между государствами и их разрешение либо мирным путем, либо с использованием военной силы. В целом по политической коммуникации можно судить и предполагать о возможных стадиях, приоритетах и направлениях в развитии межгосударственных, межконтинентальных и мировых отношений» [Блох, Резникова, 2006. С. 14], и зачастую, по мнению С. В. Олейникова, именно СМИ являются единственным каналом, позволяющим осуществлять диалог конфликтующих сторон и способствующим снижению агрессивности субъектов конфликта, вовлеченных в противостояние и – шире – его урегулированию [Олейников, 2015]. Однако подобного рода риторика нередко направлена не только и не столько на урегулирование конфликта, сколько на формирование общественного мнения, которое играет не последнюю роль в разрешении конфликта и является эффективным механизмом в информационной войне.

Необходимо отметить, что такого рода статьи/комментарии обязательно носят преднамеренно эмоциональный характер, который

неизбежно предполагает оценку и тем самым влияет на настроения в обществе. «Наша мысль… постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки» [Балли, 1961. С. 183], оценка всегда субъектно ориентирована, антропоцентрична – «вне человека нет оценки» [Арутюнова, 1999. С. 178]. Сама суть СМИ состоит именно в манипуляции сознанием, конструировании социально-культурных ценностей. В итоге этого восприятия возникает некий «информационный слой», который формируется в результате функционирования информационных процессов, продуцируемых СМИ [Солганик, 2000. С. 14; Сорокина, 2010. С. 24].

Анализ и сравнение языковых средств, используемых авторами при репрезентации конфликта, происходящего вокруг Южно-Китайского моря, представляет интерес именно с точки зрения манипуляции сознанием читателей. Так, по сути, одни и те же факты в ситуации конфликта описываются в прессе таким образом, что читатель невольно попадает под влияние навязываемой точки зрения.

Правительство Китая уделяет большое внимание созданию положительного образа страны не только внутри страны, но и за ее пределами. «Причина в том, что положительный имидж страны – это стратегический ресурс, значимое конкурентное преимущество, позволяющее сделать голос страны слышимым, идеи и концепции – достойными внимания, а саму страну – привлекательной как для внешних целевых аудиторий, так и для собственных граждан» [Ресурсы…, 2016. С. 3]. Стоит обратить внимание, что статьи китайских авторов в иностранной прессе / на интернациональных сайтах также преисполнены патриотизма и их авторы никоим образом не пытаются критиковать / негативно высказываться относительно Родины, ее правительства и его действий.

Проанализируем некоторые высказывания китайских авторов, написанных на английском языке относительно конфликта в ЮКМ.

Так, наиболее часто ситуация конфликта и участие в нем США репрезентируется словом **suppress** (e.g. *suppress China; suppress Chinese people; suppress China's freedom; suppress development in other countries*).

First, the U.S. is shifting from an approach that uses hard power and confrontation to one that uses soft power plus select hard measures, as well as some purely soft power and confrontation. In the past two years, its main

*policy line has been to **suppress** China's freedom of navigation* [Xiangmiao, 2019][1].

Словарь Merriam-Webster[2] трактует данное слово следующим образом: *to put down by authority or force*, где authority и force являются ключевыми «игроками» и (имлицитно) передают информацию о негативных действиях США по отношению к Китаю и его действиям. Благодаря выбору данных слов у читателя формируется определенное представление о действиях США, основанное в том числе на эмоционально-чувственном восприятии информации.

Еще одно часто встречающееся слово – **deterrence** – *something that makes someone less likely to do something, by making them realize it will be difficult or have bad results*[3]*:*

*The significance of the US Coast Guard's emergence into the SCS is that the US has started to maximize the overall level of its **deterrence** capability in the region* [Nian, 2019][4]; *It is the first time that these four countries held such military exercises in the contested SCS, demonstrating America's enhanced **military deterrence** and **diplomatic pressure** towards China, as well as rising tensions in these waters* [Nian, 2019][5]. В последнем примере эксплицитно показано, к каким последствиям может привести deterrence (политика сдерживания) – в данном случае это rising tensions (рост напряженности в регионе).

Согласно китайским источникам, США пытаются закрепить свои позиции в акватории Южно-Китайского моря благодаря улучшению собственной экономической ситуации в регионе:

*This is in line with President Trump's plan to **slash** global hegemonic costs while still helping the U.S. military achieve a long-term stable presence*

---

[1] Xiangmiao Chen, How the Gray Area Contest between China and the U.S. in the South China Sea Can Become the Norm // China-US Focus, 09.09.2019. – https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/how-the-gray-area-contest-between-china-and-the-us-in-the-south-china-sea-can-become-the-norm (date of access: 18.10.2019).

[2] https://www.merriam-webster.com/dictionary/suppress (Date of access: 15.10.2019).

[3] https://www.ldoceonline.com/dictionary/deterrent#deterrent__3 (date of access: 15.10.2019).

[4] Nian Peng, Greater US Presence Exacerbates South China Sea Tensions // China-US Focus, 20.06.2019. – https://www.chinausfocus.com/peace-security/greater-us-presence-exacerbates-south-china-sea-tensions (date of access: 03.10.2019).

[5] Nian Peng, Ibid.

in the South China Sea and maintaining the U.S. military balance with China in the region [Xiangmiao, 2019][1] (**slash** – to reduce something by a large amount[2]), что, безусловно, выгодно исключительно США; US populism has **impaired** other countries' interests. By withdrawing from various international organizations and revoking important agreements on arms control, Washington has **damaged peace and stability of the world**. In addition to targeting China, US protectionism can also be seen in the country's policies on Japan, South Korea, India, Vietnam and the European Union. **Pursuing economic interests** by trying to contain other countries, the US, with its extreme populist and nationalist mindset, has harmed the world economy and hurt the development of aforesaid countries [Global Times, 2019][3].

Как видно из анализируемых примеров, США репрезентируются таким образом, что у читателя возникает представление о стране, которая старается подавить законопослушные, но в то же время неугодные действия и политику Китая всеми возможными способами, пытаются нарушить существующий баланс и разжечь конфликт, втянув в него не только Китай, но и другие страны АСЕАН, сохранив таким образом лидирующие позиции на мировой арене:

Why is the U.S. bringing up the SCS arbitration once again?

*First, it intends **to sabotage the current favorable conditions** in the SCS that have continued to improve, and aims **to create new troubles** by raising the topic* [Liang 2019][4]; Washington's repeated **meddling** in the South China Sea betrays its anxiety about being marginalized or neglected in the region [Global Times, 2019][5]; The US is an **external power** in the South China Sea. However, it has been **meddling** in the South China Sea issue, **causing instability and tensions** in the region and complicating the problem. China and ASEAN countries have reached a consensus on resorting to diplomatic means in solving the South China Sea disputes, and have been progressing

---

[1] *Xiangmiao Chen,* Ibid.

[2] https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/slash_1?q=slash (date of access: 08.10.2019).

[3] http://www.globaltimes.cn/content/1168832.shtm l (date of access: 08.10.2019).

[4] Liang Luo, Why is U.S. Mentioning the South China Sea Arbitration Again? // China-US Focus, 30.07.2019. – https://www.chinausfocus.com/peace-security/why-is-us-mentioning-the-south-china-sea-arbitration-again (date of access: 12.09.2019).

[5] http://www.globaltimes.cn/content/1169148.shtml (date of access: 04.09.2019).

significantly in the Code of Conduct (COC) negotiations [Global Times, 2019][1].

Китай также обвиняет Европейские страны в разжигании конфликта по указке США:

As China has called for, the South China Sea should be a "sea of peace, friendship and cooperation." Western countries, led by the United States, are ***fueling attempts to destroy*** *this vision* [Xiangmiao, 2019][2].

В то же время миссия Китая – поддержать стабильность в регионе в ответ на действия США:

China, on the one hand, would be faced with intensified military competition in the SCS, requiring a strengthened military deployment as well as defense cooperation with its partners. On the other hand, Beijing will continue to exercise restraint so as ***to maintain stability*** *in the SCS* [Nian, 2019][3].

США обвиняются в попытке «задавить» динамично развивающийся Китай и не дать ему стать доминирующей морской державой, постепенно вытесняющей США с лидирующих мировых позиций:

First, the United States has always expected cooperation and assistance from EU countries on the South China Sea issue so as ***to jointly contain*** *China and help* ***maintain overwhelming maritime U.S. dominance*** *in the western Pacific region, which may be* ***waning*** [Xiangmiao, 2019][4].

Китай также явно обвиняет США в преследовании своих собственных интересов, разжигая конфликт относительно ситуации, которая, по мнению Китая, никоим образом не касается других стран, кроме самого Китая и стран АСЕАН:

---

[1] http://www.globaltimes.cn/content/1164984.shtml (date of access: 04.09.2019)

[2] Xiangmiao Chen, How the Gray Area Contest between China and the U.S. in the South China Sea Can Become the Norm // China-US Focus, 09.09.2019. – https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/how-the-gray-area-contest-between-china-and-the-us-in-the-south-china-sea-can-become-the-norm (date of access: 18.10.2019).

[3] Nian Peng, Greater US Presence Exacerbates South China Sea Tensions // China-US Focus, 20.06.2019. – https://www.chinausfocus.com/peace-security/greater-us-presence-exacerbates-south-china-sea-tensions (date of access: 03.10.2019).

[4] Xiangmiao Chen, How the Gray Area Contest between China and the U.S. in the South China Sea Can Become the Norm // China-US Focus, 09.09.2019. – https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/how-the-gray-area-contest-between-china-and-the-us-in-the-south-china-sea-can-become-the-norm (date of access: 18.10.2019).

For a long time, the U.S. government, military, and think tanks have had a tradition of ***feeding international media with sensational information***; *Chinese Foreign Ministry spokesman Geng Shuang responded on July 12, stating, "The U.S. side is yet to ratify the Convention, but keeps blathering on about the Convention, making requests for other countries; its words and deeds are way* ***too ridiculous****... [it is] typical* ***double standard, hegemonic logic, hypocritical and ugly****"* [Liang, 2019][1].

В свою очередь, США не отстают в этой информационной войне и описывают Китай и его действия, используя различную лексику с имплицитной или эксплицитной негативной коннотацией. Высказывания американских политиков и аналитиков могут носить достаточно нейтральный характер:

A top U.S. diplomat last month expressed ***skepticism*** *about China's sincerity in negotiating a code of conduct, saying it was* ***seeking to reorder the region in its favor*** [Washington Post, Dec. 9, 2019][2].

Однако чаще Китай описывается как враждебная держава, угрожающая не только США:

U.S. Secretary of State Mike Pompeo has lashed out at China, accusing the ruling Communist Party of adopting ***hostile policies*** *that run* ***counter to U.S. interests*** [Washington Post, Dec. 9, 2019][3]; *What* ***a miserable spectacle*** *it is to see China trying to take all of that away with these bomber runs and island grabs, in the interest of forcing them all back into their begging bowl status – this time with China as the colonial master* [Showalter, 2018][4], но и стабильности в мире в целом: *The economic dispute has helped surface*

---

[1] Liang Luo, Why is U.S. Mentioning the South China Sea Arbitration Again? // China-US Focus, 30.07.2019. – https://www.chinausfocus.com/peace-security/why-is-us-mentioning-the-south-china-sea-arbitration-again (date of access: 12.09.2019).

[2] https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/recent-developments-surrounding-the-south-china-sea/2019/11/04/b4454216-fed2-11e9-8341-cc3dce52e7de_story.html (date of access: 13.11.2019).

[3] https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/recent-developments-surrounding-the-south-china-sea/2019/11/04/b4454216-fed2-11e9-8341-cc3dce52e7de_story.html (date of access: 13.11.2019).

[4] Showalter Monica, A heavy new challenge from China out in the South China Sea // American Thinker, 19.05.2018–https://www.americanthinker.com/blog/2018/05/another_heavy_challenge_from_china_out_in_the_south_china_sea.html#ixzz64ltBgrGT (date of access: 13.11.2019).

a host of strategic differences between the two sides, including American complaints that China's military moves ***pose a threat to navigation*** *in the vital shipping lane* [Scott, 2019][1]; *In a separate statement, the U.S. Defense Department accused China of trying to enforce an unlawful maritime claim and of* ***using bullying tactics*** [Mandhana, 2019][2].

США в этом конфликте играют роль глобального миротворца, единственного спасителя, который может сдерживать распоясавшийся Китай:

China Is Trying to Be a Bad Neighbor, But ***the U.S. Won't Let It*** (заголовок в журнале) [Bateman, 2015][3]; *The problem for the Chinese, of course, is that they are* ***on the wrong side of the law****. International treaties and law firmly establishes the fact that you are not allowed to claim "new" land as "sovereign." So* ***the U.S. was doing what nobody else could****: steaming through what everyone else on the planet agrees is international water, regardless of what the Chinese say* [Bateman, 2015][4]; *If the United States pulled back its regional presence to appease Chinese anxieties over the expanding U.S. presence in the region, China is likelier to use the opportunity* ***to reinforce*** *its position than content itself with the gains it has made to date* [Stashwick, 2019][5].

В репрезентации конфликта наиболее употребительными словами являются **protect** и **defend**, которые активно используются как Китаем, так и США в сложившейся ситуации. Так, **protect** интерпретируется как *to keep someone or something safe from harm, damage, or illness*[6],

[1] Scott Brendan, Pentagon Calls China's South Sea Missile Test 'Truly Disturbing // Time. – 3.07.2019, https://time.com/5619618/pentagon-south-china-sea-missile-test-truly-distrubing/ (date of access: 13.11.2019).

[2] Mandhana Niharika, Vietnam Told China to Get Out of Its Waters. Beijing's Response: No, You Get Out // Wall Street Journal. – 1.11.2019, https://www.wsj.com/articles/vietnam-told-china-to-get-out-of-its-waters-beijings-response-no-you-get-out-11572625722?mod=searchresults&page=1&pos=4 (date of access: 04.11.2019).

[3] Bateman Robert, China Is Trying to Be a Bad Neighbor, But the U.S. Won't Let It // Esquire, 13.11.2015. – https://www.esquire.com/news-politics/politics/news/a39695/china-us-spratly-sea/ (date of access: 15.11.2019).

[4] *Bateman Robert,* Ibid.

[5] Stashwick Steven, China's South China Sea Militarization Has Peaked // Forein Policy, 19.08.2019, https://foreignpolicy.com/2019/08/19/chinas-south-china-sea-militarization-has-peaked/ (date of access: 12.09. 2019).

[6] https://www.ldoceonline.com/dictionary/protect (date of access: 15.11.2019).

семантика глагола подразумевает потенциальную или реальную угрозу, от которой необходимо защититься:

To protect *its political, security, and economic interests in the region, the United States has challenged China's assertive territorial claims and land reclamation efforts by conducting FONOPs and bolstering support for Southeast Asian partners* [Global Conflict Tracker, 2019][1]; "The U.S. is going to make sure that we **protect** our interests there," Spicer said when asked if Trump agreed with comments by his secretary of state nominee, Rex Tillerson [Blanchard, Brunnstrom, 2017][2]; China needs a military presence in the Spartlys **to protect** the civilian infrastructure [Stashwick, 2019][3].

Глагол **defend** трактуется следующим образом: **defend** – to do something in order to **protect** someone or something from being attacked[4]:

The United States will adapt its forces, posture, investments, and operational concepts to ensure it retains the ability to **defend** the homeland, deter aggression, protect our allies and partners, and preserve regional peace, prosperity, and freedom [ANNUAL REPORT TO CONGRESS, 2019][5]; China is capable of fighting **to defend** its sovereignty in the South China Sea, a Chinese military chief has said amid rising tensions in the region [Zhou, 2016][6]. То есть имеют место так называемые «круговые определения», когда оба слова (protect, defend) толкуются одно через другое.

---

[1] Global Conflict Tracker 2019. https://www.cfr.org/interactive/global-conflict-tracker/conflict/territorial-disputes-south-china-sea (date of access: 15.11.2019).

[2] Blanchard Ben, Brunnstrom David, China says will protect South China Sea sovereignty // Reuters, 24.01.2017, https://www.reuters.com/article/us-usa-china-southchinasea/china-says-will-protect-south-china-sea-sovereignty-idUSKBN1572M4 (date of access: 07.09.2019).

[3] *Stashwick Steven,* China's South China Sea Militarization Has Peaked // Forein Policy, 19.08.2019. https://foreignpolicy.com/2019/08/19/chinas-south-china-sea-militarization-has-peaked/ (date of access: 12.09. 2019).

[4] https://www.ldoceonline.com/dictionary/defend (date of access: 15.11.2019).

[5] ANNUAL REPORT TO CONGRESS: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019. https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (date of access: 12.10.19).

[6] Zhou Laura, China's military is prepared 'to defend sovereignty' in South China Sea: military chief // South China Morning Post, 18.02.2016, – https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1918436/chinas-military-prepared-defend-sovereignty-south-china (date of access: 10.09.2019).

Таким образом, и Китай в прессе США, и США в прессе Китая представляют друг друга как агрессора, от которого необходима защита, тем не менее только США активно пользуются словами aggression, aggressive:

Despite the islands' scale, China's maximalist regional claims, and its **aggressive coercion** of regional rivals, tension between China's political and military incentives suggest it has little more to gain from expanding its buildup in the Spratly Islands and it could even have quite a bit to lose [Stashwick 2019][1]; America's angst about **Chinese aggression** in the South China Sea is overblown – and China knows it [Manning, Przystup, 2017][2]; At the same time, China became **more aggressive** in its claims to the ownership of the sea and began to prevent entry into the territorial waters surrounding the islands [South China Sea Dispute – 2019][3]: читателю в достаточно напористо и неотступно навязывается идея об агрессивности Китая.

Китай же позиционирует себя в роли жертвы, которая вынуждена защищаться от нападок США и использует более умеренные, мягкие оценки (the USA **create new troubles** in the region; **encourage opposition forces** in the Philippines to handle duties; **stoke public opinions warfare**), т. е. имплицитно дает понять, что действия США агрессивны, но задачи Китая – восстановить мир в регионе и не дать Китаю втянуться в конфликты:

The normalization of U.S. Coast Guard presence in the South China Sea is likely to lead **to greater competition and interference**. Far from keeping the peace, U.S. **intrusions** into the region are deliberate **exercises of power** that aim to assert control [Xiangmiao, 2019][4]; The U.S. means only

---

[1] Stashwick Steven, China's South China Sea Militarization Has Peaked // Forein Policy, 19.08.2019, – https://foreignpolicy.com/2019/08/19/chinas-south-china-sea-militarization-has-peaked/ (date of access: 12.09. 2019).

[2] Manning Robert, Przystup James, Stop the South China Sea Charade // 17.08.2017, https://foreignpolicy.com/2017/08/17/stop-the-south-china-sea-charade/ (date of access: 15.11.2019).

[3] South China Sea Dispute – 2019. https://east-asian-cultures.com/south-china-sea-dispute-2019/ (date of access: 15.11.2019).

[4] Xiangmiao Chen, How the Gray Area Contest between China and the U.S. in the South China Sea Can Become the Norm // China-US Focus, 09.09.2019. – https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/how-the-gray-area-contest-between-china-and-the-us-in-the-south-china-sea-can-become-the-norm (date of access: 18.10.2019).

to **distract and sabotage** the recent favorable conditions in the SCS region. China and the Philippines should remain focused on their current progress toward maritime cooperation, not allow the U.S.'s strategy of public opinion warfare to win out [Liang, 2019][1].

При описании ситуации, сложившейся в ЮКМ в комментариях китайских авторов/политиков на китайском языке, обнаруживается массивный пласт лексических средств, отличающихся разнообразием оценочности. Данная лексика характеризует политический дискурс с высокой долей манипулятивных составляющих. Речевоздействующий потенциал оценки, ее «рекомендательная» сила представляют собой весомый аргумент в процессе формирования мнения адресата о каком-либо объекте. Проанализированные примеры позволяют утверждать, что китайские авторы и политики в большинстве своем высказывают оценочные суждения, широко используя метафоры и сравнения. На первый взгляд, это более «мягкие», непрямые оценки, однако на самом деле образность формирует более устойчивые мнения адресата, поскольку вызывает более яркое восприятие описываемой ситуации.

Так, сравнивая английский язык в частности и западные языки в целом и китайский язык с точки зрения их оценочной функции, С. Хаякава [Hayakawa, 1964. P. 260] отмечает китайский язык как "multi-valued", западные же языки как "two-valued". Если в английском языке мы оцениваем что-то как "good" or "bad" или как "black" or "white", игнорируя оттенки серого, то для китайского такая дихотомия неуместна. Чаще всего, описывая ситуацию, они видят массу оттенков серого. Следовательно, они более толерантны, в отличие от фанатичных идеологий Запада, где оценки высказываются прямо и категорично.

美国的外交政策喜欢披上道德外衣行使权力利益。美国在世界各地"像蝴蝶一样自由飞翔，像蜜蜂一样随意蜇人"。可谓一语道破美国的本质 [Song Luzheng, 2016][2]. Во внешней политике США любят

[1] Liang Luo, Why is U.S. Mentioning the South China Sea Arbitration Again? // China-US Focus, 30.07.2019. – https://www.chinausfocus.com/peace-security/why-is-us-mentioning-the-south-china-sea-arbitration-again (date of access: 12.09.2019).

[2] *Song Luzheng,* Dianping Zhongguo: shei yinggai wei nanhai chongtu fuze [点评中国：谁应该为南海冲突负责？] // BBC News zhongwen, 12.09.2016. – https://www.bbc.com/zhongwen/simp/china/2016/09/160912_cr_schina_sea_conflict_blame (date of access: 16.10.2019).

прикрываться моральными принципами, чтобы осуществить свои собственные интересы (дословно: накидывать на плечи добродетельное пальто). Свободно порхают как бабочки, но жалят как пчелы. Вот их истинная сущность. Это сравнение/противопоставление очень яркое и показательное: с одной стороны – образ бабочки, воплощающей образ невинности, легкости, красоты, полного отсутствия агрессии, а с другой – жалящей пчелы, чей укус может оказаться смертельным.

美在南海进行“懦夫博弈”，恐致冲突升级：[Jane Perlez, 2018][1]. Америка ведет «игру в шашки» (трусливую игру) в ЮКМ, угрожая эскалации конфликта. Метафора/сравнение – добродетельное пальто, бабочки, пчелы, игра в шашки – выражает оценку более ярко, вызывая более сложные чувства и реакции адресата, чем слово в своем прямом значении (например, aggressive).

美国这么关心南海仲裁案是有点多管闲事了 [Waijiaobu xinwen, 2016][2]…Америке до всего есть дело (сует нос в чужие дела), она заботится о том, что совершенно не входит в ее обязанности, т. е. на самом деле навязывает свою политику, добивается решения вопросов в свою пользу, отстаивает свои интересы. Предполагаем, что это вызвано не только особой образностью мышления, но и стремлением как можно ярче представить ситуацию в ЮКМ своему адресату.

В китайской прессе находим также следующие оценки действий США:

其实，谁都明白，美国的一切言行， 都是为了自己国家利益，和道义无关[Huanqiuwang, 2019][3]. На самом деле, все понимают, что слова и дела Соединенных Штатов предназначены для их собственных национальных интересов и не имеют ничего общего с моралью.

---

[1] *Jane Perlez, Steven Iee Myers,* Zhong Mei zai nanhai jinxing “nuofu boyi” kongzhi chongtu shengji [中美在南海进行“懦夫博弈”，恐致冲突升级] // Niu Yue shibaozhongwen,09.11.2018.https://cn.nytimes.com/asia-pacific/20181109/south-china-sea-risks/dual/ (date of access:: 08.08.2019).

[2] Waijiaobu xinwen, Waijiaobu fubuzhang: Meiguo zheme guanxin nanhai zhongcaian shi duoguan xianshi [外交部副部长：美国这么关心南海仲裁案是多管闲事] // Waijiaobu wangzhan, nanhai wenti, 23.05.2016. https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/wjbxw/t1365621.htm (date of access: 10.08.2019).

[3] Waijiaobu xinwen, Waijiaobu fubuzhang: Meiguo zheme guanxin nanhai zhongcaian shi duoguan xianshi [外交部副部长：美国这么关心南海仲裁案是多管闲事] // Waijiaobu wangzhan, nanhai wenti, 23.05.2016. https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/wjbxw/t1365621.htm (date of access: 10.08.2019).

美国不甘心自己全球老大的地位拱手让人，便于2010年开始“亚太转移”，全力遏制中国。南海和南海所谓争端国不过是这个战略的一部分罢了[Waijiaobu xinwen, 2016][1]. Соединенные Штаты не хотят отказываться от своей позиции мирового босса: легко начать «Азиатско-Тихоокеанский переход» и полностью сдержать Китай. Так называемые спорные страны в Южно-Китайском море являются лишь частью этой стратегии.

Действия США описываются с применением оценочной лексики. 不能侵犯中国和周边国家的领海和领空 Не может **вторгаться** на территориальное пространство Китая; 中国一向坚决反对一些国家对中国南沙群岛部分岛礁的非法侵占及在中国相关管辖海域的非法侵占 [Xinhuawang, 2019][2]. **Незаконный захват, нарушение прав.** Свои действия Китай оценивает как **защищающие мир и стабильность, законные, на основе равноправия и взаимовыгоды, ведущие к стабильности в регионе и совместному освоению территорий.** 中国愿继续与直接有关当事国在尊重历史事实的基础上，根据国际法，通过谈判协商和平解决南海有关争议。中国愿同有关直接当事国尽一切努力作出实际性的临时安排，包括在相关海域进行共同开发，实现互利共赢，共同维护南海和平稳定。Китай заявляет **о незаконности решений** арбитражного Европейского суда. 及时发声，揭露所谓“仲裁”非法、无理的本质 [Waijiaobu xinwen, 2016][3].

Европейские страны также обвиняются Китаем в разжигании конфликта по указке США, их действия называются 背后支持的方式 **(исподтишка)**, а сами они 打掉这些爪牙，美国就没有干涉的抓手了 – **приспешники и прихвостни**. «**世上本无“修昔底德陷阱**”——评美国

---

[1] Huanqiuwang, *Nanbu zhanqu huiying meijian shangchuang wonanhai daojiao lingjin haiyu* [**南部战区回应美舰擅闯我南海岛礁邻近海域**] // Huanqiuwang, 25.11.2019. http://www.thesouthchinasea.org.cn/news.html (date of access: 25.11.2019).

[2] Waijiaobu xinwen, Waijiaobu fubuzhang: Meiguo zheme guanxin nanhai zhongcaian shi duoguan xianshi [外交部副部长：美国这么关心南海仲裁案是多管闲事] // Waijiaobu wangzhan, nanhai wenti, 23.05.2016. https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/wjbxw/t1365621.htm (date of access: 20.10.2019).

[3] Xinhuawang, Shishang benwu “xiuxidide xianjing” ping Meiguo yixie ren zhanlüe miwude weixian [**世上本无“修昔底德陷阱**”——评美国一些人战略迷误的危险] // Xinhuawang, 17.06.2019. http://www.xinhuanet.com/2019-06/17/c_1124635884.htm (date of access: 02.08.2019).

一些人战略迷误的危险» [Xinhuawang, 2019][1]. Заголовок на веб-странице новостного агентства Синьхуа: «Критический анализ опасной и ошибочной стратегии США – Ловушка Фукидида». Уже в заголовке дается жесткая оценка действиям США в ЮКМ – термин «Ловушка Фукидида» ярко и однозначно рисует, что США участвуют в этом конфликте из-за опасения быстрого роста КНР, и указывает на эту первопричину.

Стоит обратить внимание, что статьи китайских авторов на китайском языке в высшей степени преисполнены патриотизма и они никоим образом не пытаются критиковать / негативно высказываться относительно Родины, ее правительства и их действий. Используются лозунги и призывы поддержки внешнеполитического курса в этом вопросе, например, **万众一心**, **去争取**胜**利** (в едином порыве, все как один); 我们必须争取战略大局 (обязательно должны бороться за стратегическое превосходство); 争议天天讲， 天天闹， 一直到打起来 ，但就算我们答赢了(громко спорить и убеждать, кричать во всеуслашание, вплоть до драки, только так мы сможем победить) [Shi Yinhong, 2017][2], то есть используется не столько критика США, сколько призыв к объединению нации в борьбе с врагами.

С этой целью, заручившись одобрением ООН, в КНР был создан специальный интернет-канал **中国南海网今日上**线 **在**这**里**读**懂南海** для информирования своего читателя о ежедневной обстановке в ЮКМ. Инициативу проявила проправительственная газета **人民日**报. Стоит отметить также, что в интернет-источниках и СМИ КНР мы не обнаружили какой-либо иной взгляд на ситуацию, отличный от официального Пекина. И даже в комментариях к статьям доступна только положительная информация относительно действия руководства КНР.

---

[1] Xinhuawang, Shishang benwu “xiuxidide xianjing” ping Meiguo yixie ren zhanlüe miwude weixian [**世上本无“修昔底德陷阱**”——评美国一些人战略迷误的危险] // Xinhuawang, 17.06.2019. http://www.xinhuanet.com/2019-06/17/c_1124635884.htm (date of access: 03.09.2019).

[2] Waijiaobu xinwen, Waijiaobu fubuzhang : Meiguo zheme guanxin nanhai zhongcaian shi duoguan xianshi [外交部副部长：美国这么关心南海仲裁案是多管闲事] // Waijiaobu wangzhan, nanhai wenti, 23.05.2016. https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/wjbxw/t1365621.htm (date of access: 14.09.2019).

Заключение

Таким образом, в ходе анализа информации, представленной в американских и китайских СМИ, на наш взгляд, наиболее ярко проявляются следующие функции политического медийного дискурса: 1) воздействующая – формирование через СМИ положительного образа проводимой правительством политики: защиты своей территории (в случае Китая) и функции глобального миротворца (в случае США); 2) регулятивно-контролирующая – контроль и изменение общественного мнения относительно ситуации, связанной с территориальным конфликтом в ЮКМ; 3) оценочно-ориентационная – формирование негативного отношения к политике страны-оппонента (США категорично навязывают мнение о Китае как опасном агрессоре, Китай же более дипломатично и мягко осуждает политику, проводимую США и западными партнерами в отношении спорных территорий, описывая действия США как провокатора конфликта, который всеми силами пытается подавить растущую мощь КНР); 4) консолидационная – стремление к объединению массовой аудитории относительно политических событий в ЮКМ.

Использование эмоционально окрашенных лексических единиц говорит о попытке сформировать определенное воздействие на аудиторию, которое может/должно перерасти в стереотип и представлять общепризнанное мнение народа страны. Подбор лексических единиц, вербализующих мнения и идеи высших должностных лиц Китая («Китай многократно заявлял»), цитаты («трусливая игра в шашки») и США (Китай – агрессор, угрожает мировой стабильности), свидетельствует о том, что обе страны пытаются сформировать у своего народа нужное мнение/настроение, создавая стереотип агрессора, при этом формируемый образ своего правительства – с точки зрения Китая – защитник суверенитета страны, борец за собственные территории, законопослушное государство, действующее в интересах сохранения стабильности и мира в спорном регионе; со стороны США – глобальный миротворец, блюститель закона, единого для всех, защитник более слабых стран АТР от агрессии воинственного Китая.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV, 896 с. (на рус. яз.)

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранная литература, 1961. 394 с. (на рус. яз.)

Блох М. Я., Резникова Н. А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 14–19. (на рус. яз.)

Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; Изд-во «КДУ», 2009. 234 с. (на рус. яз.)

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС, 2010. 286 с. (на рус. яз.)

Зарезина С. Н. Выражение личностного смысла в современном политическом дискурсе: лексический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета, 2018. Серия 2: Языкознание. Т. 17. № 4. С. 163–169. (на рус. яз.)

Олейников С. В. Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 9. Вып. 2. С. 208–215. (на рус. яз.)

Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / И. В. Сидорская [и др.]; под ред. И. В. Сидорской. Минск: БГУ, 2016. 191 с. (на рус. яз.)

Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М.: MAAL, 2000. С. 9–23. (на рус. яз.)

Сорокина О. Н. Языковая реализация образа Китая в СМИ США: Информационная модель «вооружение Китая» // Известия Уральского государственного университета, 2010. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 85. № 6–1. С. 57–64. (на рус. яз.)

Сорокина О. Н. Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «экономический рост Китая» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 24–29. (на рус. яз.)

Сретенская Л. В. Автор и субъект оценки в газетно-публицистическом тексте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 711–715. URL: http://e-koncept.ru/2015/85143.htm. (на рус. яз.)

Dyundik Yu. B. Fight for global leadership: US – China conflict in the South China Sea) // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 151–155. (на англ. яз.)

Hayakawa S. Language in Thought and Action. USA: New-York, 1964. 350 p. (на англ. яз.)

Solsoev I. N., Dyundik Yu. B. Shaping the image of American MASS MEDIA: agenda setting // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: Материалы II Международной научно-практической конференции. 2016. Издательство: Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». 2016. С. 201–206. (на англ. яз.)

References

Arutyunova N. D. Yazik i mir cheloveka [Language and person's world. 2nd edition, revised]. Moscow: Yaziki russkoy kulturi. 1999. (In Russian)

Bally Ch. Frantsuzskaya stilistica [French Stylistics]. Moscow: Inostrannaya Literatura. 1961. (In Russian)

Blokh M. Ya., Reznikova, N. A. Sredstva emotsional'nogo vozdeystviya politicheskih vistupleniy [Means of emotional impact of political presentation]. Vestnik TPGU, 2006. 9, 14–19. (In Russian).

Danilova A. A. Manipulirovaniye slovom v massovoy informatsii [Word manipulation in Mass communication]. Moscow: Dobrosvet. 2009. (In Russian)

Dobrosklonskaya T. G. Voprosi izucheniya mediatekstov: opit issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi [Problems of media texts study: sharing experience of studying modern English Media speech]. Moscow: URSS. 2010. (In Russian)

Dyundik Yu. B. Fight for global leadership: US – China conflict in the South China Sea) // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 151–155.

Hayakawa S. Language in Thought and Action. USA: New-York, 1964. 350 p.

Zarezina S. N. Virazheniye lichnostnogo smisla v sovremennom politicheskom diskurse: leksicheskiy aspect [Expressing personal meaning in modern political discourse: Lexical aspect]. Volgograd, 2018: Vestnik VGU, 4, 163–169. (In Russian)

Oleynikov S. V. Mirotvorcheskiy potentsial i yazik konflikta sovremennoy zhurnalistiki [Modern journalism: peacemaking potential and language of conflict]. St.Petersburgh, 2015: Vestnik SPbGU, 2, 208–215. (In Russian)

Resursi massovoy kommunikatsii v formirovanii stranovih imidjey [Mass communication resources in counties' image formation]. Minsk: BGU. 2016. (In Russian)

Solganik G. Ya. Sovremennaya publitsisticheskaya kartina mira [Modern Publicistic Worlview]. Moscow: MAAL. 2000. (In Russian)

Solsoev I. N., Dyundik, Yu. B. Shaping the image of American MASS MEDIA: agenda setting. Irkutsk: 2016, 201–206. (In English)

Sorokina O. N. Yazikovaya realizatsia obraza Kitaya v SMI SSHA: informatsionnaya model' "vooruzheniye Kitaya" [Language realization of China image in

USA Mass Media: information model “China weaponry”]. Izvestiya UGU, 2010, 6–1, 57–64. (In Russian)

Sorokina O. N. Yazikovaya realizatsia obraza Kitaya v SMI SSHA: informatsionnaya model’ “economicheskiy rost Kitaya” [Language realization of China image in USA Mass Media: information model “China economic growth”]. Vestnik TGU, 2010, 341, 24–29. (In Russian)

Sretenskaya L. V. Avtor I subyekt otsenki v gazetno-publitsisticheskom tekste [Author and subject of evaluation in jouranalese text]. Concept, 2015, 13, 711–715. (In Russian)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ТОЖДЕСТВЕННОЕ И НЕТОЖДЕСТВЕННОЕ В КУЛЬТУРАХ

СТРИЖАК УЛЬЯНА ПЕТРОВНА
доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
ustrizhak@hse.ru

В данной статье в сопоставительном аспекте рассматривается грамматический материал японского и русского языков как транслятор представлений о мире соответствующей лингвокультурной общности. На примере материала переводных текстов анализируются механизмы смещения фокуса внимания и перераспределения синтаксических ролей в предложении. Особое внимание уделяется бытийным глаголам японского языка как средству снижения агентивности. Теоретической основой данного исследования послужили работы Алпатова В. М., в частности, его тезис об отсутствии корреляции между языковыми и культурными нормами. Автор статьи приходит к выводу, что язык как транслятор культурных норм требует детального и системного его изучения в рамках когнитивного подхода и что только при условии сопряжения изучения языка с выходом исследователя в языковое сознание представителей иной лингвокультурной общности существует возможность приблизиться к пониманию сущности рассматриваемых языковых явлений.

Ключевые слова: агентивность, бытийные глаголы, японский язык, параллельные тексты, языковая репрезентация, культурный транслятор.

GRAMMAR OF JAPANESE AND RUSSIAN LANGUAGES: DIFFERENCES AND SIMILARITIES IN CULTURES

STRIZHAK ULYANA PETROVNA
Associate Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics
ustrizhak@hse.ru

In this article in a comparative aspect Japanese and Russian language grammar is considered as a translator of ideas about the world of a corresponding linguocultural community. The mechanisms of shifting the focus of attention and redistributing syntactic roles in a sentence are analyzed using the material of translated texts as an example. Particular attention is paid to the existential verbs of Japanese language

as a tool of decreasing agency. The theoretical basis of this study was the work of Vladimir Alpatov, in particular, his thesis about the absence of correlation between linguistic and cultural norms. The author comes to the conclusion that language as a translator of cultural norms convincingly requires its detailed and systematic study within the framework of the cognitive approach, and only if the study of the language is coupled with the release of the researcher into the linguistic consciousness of representatives of a different linguocultural community, it is possible to come closer to understanding the essence of the linguistic phenomena under consideration.

Keywords: agency, everyday verbs, Japanese, parallel texts, linguistic representation, cultural translator.

Введение

Язык как средство трансляции культуры является предметом многих современных междисциплинарных исследований. При этом лексические единицы как средства репрезентации особенностей мышления носителей соответствующего языка (колоративы, топонимы, темпоральная / пространственная лексика и т.д.) изучены гораздо в большей степени, чем грамматические. В недавнем исследовании, посвященному анализу залоговых конструкций в русском языке [Гаврилова, 2016. С. 105–106] постулируется справедливая мысль о том, что «в современном языкознании антропоцентрический подход стал привычным в области описания лексики. <…> Гораздо реже анропоцентризм, связанный с рассмотрением языка в диаде «язык и человек», распространяется на материал грамматических категорий». В рамках современных японских лингвистических и лингводидактических исследований с некоторым опережением по сравнению с отечественной наукой активно интегрируется когнитивный подход к изучению языковых явлений, а именно: рассмотрение не только лексических, но и грамматических категорий (переходность, залоговость, множественность, направленность действия и др.) как мыслительных, понятийных, тесно связанных со структурой организации знания в языковом сознании говорящих. Здесь стоит упомянуть работы Андо С., Икэгами Ё., Морита Ё., Мория М. и др: так, например, лингвокультуролог Танабэ Ё. описывает и анализирует страдательный залог в японском языке как «показатель особого японского мировидения» [Танабэ, 1981. С. 38].

При этом представляется интересным проанализировать не только отдельную грамматическую конструкцию, но и рассмотреть, например,

такой семантический критерий как агентивность, репрезентируемый в японском языке различными лексическими и грамматическими средствами. В рамках данной работы будут рассмотрены языковые средства отображения степени агентивности субъекта высказывания с помощью японских бытийных глаголов *aru* и *iru* `иметься`, `находиться`. Под бытийными глаголами мы будем понимать такие глагольные единицы, которые означают существование (неодушевленных или одушевленных субъектов соответственно); наличие или присутствие где-л.; свойство; состояние субъекта; обладание ч-л. Из данного перечня функций глаголов видно, что все они акцентируют внимание на отсутствии совершения активного действия или его неконтролируемости. Проследим на примере сопоставлений предложений из переводных параллельных текстов (русской художественной литературы на японский язык), какие фрагменты языкового высказывания в оригинальном тексте были лексически и/или грамматически трансформированы японскими переводчиками – исходя из вышеуказанного методологического положения о том, что язык репрезентирует особенности культуры и мировосприятия, мы сможем сделать выводы о наличии тождественного и нетождественного в разных культурах.

Методология

Следует отметить, что на сегодняшний день в научном сообществе нет единого метода или признанного методологического подхода, который бы достоверно доказывал корреляции между языковыми и культурными нормами нации. В. М. Алпатов неоднократно указывал на отсутствие такого общепризнанного подхода к анализу языковых явлений, например: «При современном уровне развития науки пока нет никаких строгих критериев доказательного подбора подобных фактов. Их всегда много и в языке, и в других компонентах культуры, но можно найти и немало противоположных» [Алпатов, 2008а. С. 135]. В нашем исследовании мы предпринимаем попытку проанализировать особенности иноязычного восприятия окружающей действительности путем изучения общего / разного в параллельных текстах с целью выявления разности представления материала на уровне когнитивных структур говорящих. Здесь мы опираемся на следующие методологические по-

ложения Н. С. Автономовой: «В анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удается увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интерсубъективной проверке» [Автономова, 2016. С. 23] и О. К. Ирисхановой о том, что «значимым для освоения мира, в том числе посредством языка, является не только фокусирование, но и когнитивные механизмы дефокусирования. Под последним понимается выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью языковых единиц» [Ирисханова 2014. С. 13].

В отечественной японистике этими вопросами занимается Т. М. Гуревич, утверждая, в частности, что «Сопоставляя материалы японского и <…> русского языков, мы можем выделить то, что для характерно для каждой из рассматриваемых культур [Гуревич, 2012. С. 211]. Продолжая эту тему, рассмотрим грамматический материал как транслятор культурных норм с целью выделить общее и различное в них: мы считаем, что такое знание является необходимым в построении прагматически верного высказывания как в ходе коммуникации с представителями иной лингвокультурной общности, так и при изучении и переводе иноязычных текстов.

Результаты исследования

Рассмотрим случаи понижения агентивности субъекта (понимая под агентивностью способность носителя предикативного признака совершать активные действия) за счет использования бытийных глаголов *aru* и *iru*. В японском языкознании эти глаголы относят к группе 状態動詞 *joutai doushi* `стативные глаголы`, при этом определяя их и как бытийные глаголы. Х. Араки отмечает, что в японском языке существует множество средств, способствующих перемещению фокуса внимания с производящего действие (высокая степень агентивности) на состояние или результат совершившегося действия (низкая степень агентивности), что свидетельствует о стремлении японского языка смещать акцент с действующих лиц на процесс [Араки, 1986. С. 65–68, 73–75] – так достигается «японскость языковой репрезентации» [Араки, 1986.

С. 69]. Эту же позицию разделяют и доказывают многие другие японские исследователи, перечисленные нами выше. В отечественной японистике В. М. Алпатов говорит о том, что *aru* и *iru* «придают синтаксеме стативный характер» [Алпатов и др. 2008а. С. 90] – получается, что в таких случаях, согласно похожему определению Т. С. Яцко со ссылкой на концепцию перекатегоризации Н. Н. Болдырева, высказывания с агентивными глаголами «перекатегоризовывается в стативные» [Яцко, 2010. С. 12]. Под стативностью в обоих случаях понимается «обозначение состояния, а не процесса или активного действия» и связывают с этим понятие низкой агентивности субъекта, а именно: обозначение данными предикатами состояний и свойств, «в принципе, не зависящих от воли субъекта» [Алпатов и др., 2008в. С. 60].

Данное исследование продолжает серию наших работ по выявлению особенностей грамматических структур японского языка с акциональным предикатом. Ранее мы уже говорили о том, что пассивные конструкции в японском языке свидетельствуют о снижении акциональности высказывания, смещая акцент внимания на результат или состояние, получившиеся в результате каких-либо действий и именно поэтому конструкции со страдательным залогом являются одним из частотных способов перевода действительного залога в других языках; по материалам предварительной выбоки данных показатель смены действительного залога на пассив с меной диатезы при переводе предложений с неодушевленным субъектом составил 14%, т.е., чуть меньше, чем каждое пятое предложение переведено с использованием пассива [Стрижак, 2018. С. 42, 46]. При создании собственного рабочего корпуса параллельных текстов данная особенность была выявлена нами случайно по мере накопления примеров смещения фокуса при грамматической трансформации в японских переводах; иными словами, мы изначально не ставили задачи обнаружить в японском языке тенденцию к пассивизации, а увидели ее в местах смещения фокуса при передаче содержания на другой язык. Мы считаем такой исследовательский подход верным, т.к. он дает нам возможность работать с объективно существующим и верифицируемым материалом – языковыми конструкциями. Проанализируем существующие варианты перевода на японский язык произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», примеры из которого приводятся в двух переводных вариантах: перевод Мидзуно Тадао 2008 года (а) и перевод Наката Тадаси 2016 года (б).

Пример 1. В тот час <…> никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, <…>

1а. 〜にやってくる者もいなければ、ベンチに腰かけている者とてなく...

~ni yatte kuru mono mo inakereba, benchi ni koshi kakete iru mono tote naku, ...

Досл. перевод: Не было и кого-нибудь, кто пришел …, и кого-нибудь, кто присел на скамейку, …

1б. 〜にやって来る者も、ベンチに腰をおろす者もなく、…

~ni yatte kuru mono mo, benchi ni koshi wo orosu mono mo naku, ...

Досл. перевод: Не было и кого-нибудь, кто пришел …, и кого-нибудь, кто присел на скамейку, …

В первом примере в результате грамматической трансформации акциональный предикат `приходить` сменился бытийным глаголом `находиться`; соответственно, все высказывание стало носить стативный характер.

Пример 2. В нашей стране атеизм никого не удивляет.

2а. 無神論に驚く者なんて、わが国では一人もいませんよ。

Mushinron ni odoroku mono nante, wagakuni de ha hitori mo imasen yo.

Досл.: Человека, которого бы удивил атеизм, в нашей стране ни одного нет.

2б. 無神論に驚く者なんて一人もいませんよ。

Mushinron ni odoroku mono nante hitori mo imasen yo.

Досл.: Человека, которого бы удивил атеизм, ни одного нет.

Этот пример также демонстрирует нам снижение меры агентивности по той же схеме: атеизм, который `удивляет` в оригинальном тексте, в обоих переводных вариантах вместе со своим агентивным компонентом перемещается на периферию высказывания, а субъектно-объектная основа высказывания формируются опять по принципу `такого человека не имеется`.

Пример 3. Кирпич ни с того ни с сего, <…> никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в каком случае не угрожает.

3а. 煉瓦が理由もなく誰かの頭上に降って来る者ではありませんよ。とりわけあなたの場合、請け合いますけど、そんな危険はまったくありません。

Renga ga riyuu mo naku dare ka no zujou ni futte kuru mono de ha arimasen yo. Toriwake anata no baai, ukeaimasu kedo, son'na kiken ha mattaku arimasen.

Досл.: Не существует людей, кому бы кирпич свалился на голову безо всякой причины. Особенно в вашем случае, уверяю, подобной опасности вовсе нет.

3б. 煉瓦なんて、青天の霹靂みたいに、誰の頭上にも決して降ってはきません。特にあなたの場合、請け合ってもいいですが、あなたが煉瓦で危険な目にあうことは決してないでしょう。

Renga nante, seiten no hekireki mitai ni, dare no zujou ni mo kesshite futte ha kimasen. Toku ni anata no baai, ukeattemoii desu ga, anata ga renga de kiken na me ni au koto ha kesshite nai deshou.

Досл.: Кирпич никогда не падает на чью-то голову внезапно, как гром среди ясного неба. Особенно в вашем случае можно гарантировать, что вовсе не будет такого, чтобы вы попали в опасную ситуацию из-за кирпича.

Следующие несколько примеров последовательно демонстрируют нам изменение степени агентивности различных субъектов: кирпича, который в японском видении не `падает` и не `угрожает` в синтаксической роли агенса (пример 3); Ивана Николаевича, который не `повинен` (пример 4); Воланда, который не `не спешит`, а у него `отсутствуют срочные дела` (пример 5), звонящих людей (примеры 6 и 7), которые в переводе смещаются на периферию, а агенсом становится `ответ`, которого `не было` (причем далее в оригинальном повествовании встречается похожая конструкция `Никто не отозвался`, которая тоже в обоих вариантах переводится на японский язык путем замены агенса: `Ответа не было`):

Пример 4. Недоразумение было налицо, и повинен в нем был, конечно, Иван Николаевич.

4а. 誤解は明らかで、もちろん原因はイワンにあった。

Gokai ha akiraka de, mochiron gen'in wa iwan ni atta.

Досл.: Недоразумение было очевидно, и, конечно, причина его была в Иване.

4б. 思い違いは明らかで、言うまでもなく非はベズドームヌイのほうにあった。

Omoichigai ha akiraka de, iu made mo naku hi ha bezudoumunui no hou ni atta.

Досл.: Недоразумение было очевидно, и не стоит и говорить, что вина за него лежала на Бездомном.

Пример 5. <Здесь так хорошо под липами,> а я, кстати, никуда и не спешу.

5a. それに、べつに急ぎの用もありませんから。

Sore ni, betsu ni isogi no you mo arimasen kara.

Досл.: Кроме того, особо срочных дел у меня тоже и не имеется.

5б. それに私は別に急ぎの用なんてありませんから。

Sore ni watashi ha betsu ni isogi no you nante arimasen kara.

Досл.: Кроме того, у меня каких-то особенно срочных дел и не имеется.

Пример 6. Позвонил <…>, но, как сами понимаете, ответа не получил.

6a. ご承知のとおり、返事はなかった。

Go shouchi no toori, henji ha nakatta.

Досл:. Как вы понимаете, ответа не было.

6б. ご承知の通り、返事はなかった。

Go shouchi no toori, henji ha nakatta.

Досл:. Как вы понимаете, ответа не было.

Пример 7. Позвонили в комиссию по изящной словесности <…> и, конечно, никого там не нашли.

7a. 文学委員会を呼び出してみたが、もちろん応答はなかった。

Bungaku iinkai wo yobidashite mita ga, mochiron outou ha nakatta.

Досл.: Попытались дозвониться в литературный комитет, но, конечно, ответа не было.

7б. 文学委員会に電話してみたが、もちろん誰も出なかった。

Bungaku iinkai ni denwa shite mita ga, mochiron dare mo denakatta.

Попытались дозвониться в литературный комитет, но, конечно, никто не взял трубку.

Следующий пример показывает тот же механизм дефокусирования, что и в примере 1 (где вместо `никто не пришел` мы обнаружили `нет того, кто пришел`): ниже вместо человека на синтаксической позиции агенса в предложении `Кто скажет…?` в японском переводе обнаруживается конструкция `Есть ли некто, кто выскажется…?`, что также принципиальным образом меняет распределение синтаксических ролей в предложении:

Пример 8. Кто скажет что-нибудь в защиту зависти?

8а. 羨望に肩入れしてなにか発言しようとする者など、どこにいるだろうか。

Senbou ni kataire shite nani ka hatsugen shiyou to suru mono nado, doko ni iru darou ka.

Досл.: Есть ли где некто, кто выскажется в защиту зависти?

8б. 人のねたみに肩を持つような者などどこにいるだろうか。

Hito no netami ni kata wo motsu you na mono nado doko ni iru darou ka.

Досл.: Есть ли где некто, кто выскажется в защиту зависти?

Нельзя однозначно утверждать, что такие трансформации происходят во всех случаях перевода высказываний с интенсивным агентивным компонентом, см. ниже:

Пример 9. <…>, и все теперь предвещало нехороший день <…>

9а. 今日はなにかよくないことが起きるのではないかと、いやな予感がしてならなかった。

Kyou ha nani ka yokunai koto ga okiru nodewanai ka to, iya na yokan ga shite naranakatta.

Досл.: Нельзя было отделаться от плохого предчувствия, что сегодня, пожалуй, произойдет что-то нехорошее.

9б. 今日は何かいやな日になりそうだという予感がしてならなかった。

Kyou ha nani ka iya na hi ni narisou da to iu yokan ga shite naranakatta.

Досл.: Нельзя было отделаться от предчувствия, что сегодняшний день, похоже, будет каким-то нехорошим.

Пример 10. Так свидетельствуют люди.

10а. そのような証言がある。

Sonoyou na shougen ga aru.
Досл.: Есть такие свидетельства.
10б. そのように人々が証言しているのだ。
Sonoyou ni hitobito ga shougen shite iru no da.
Досл.: Так свидетельствуют люди.

Видно, что в примере 9 в обоих переводах сохраняется акциональность предиката даже при замене субъекта, а в примере 10 наблюдается расхождение в позиции переводчиков и в использовании ими переводческих приемов. Тем не менее, частотность и типичность собранных примеров и данные предварительного статистического анализа результатов подобного исследования показывают, что данное явление заслуживает внимательного отношения к нему исследователей. Даже на примере относительно малого количества примеров нами были выявлено как тождественное в обоих языках (частотность безличных предложений, дефокусировка агенса и др.), так и различное – большее по сравнение с русскоязычными высказываниями стремление японского языка к пассивизации и подчеркиванию состояния субъекта, а не его активной позиции.

Итак, мы убедились, что язык как транслятор культурных норм убедительно требует детального и системного его изучения в рамках когнитивного подхода. Как указывает Танабэ Ё. [Танабэ, 1981. С. 266], для понимания иноязычных конструкций необходимо «вплести в себя грамматику иностранного языка, окруженную совершенно иной культурой, уравновесить и адаптировать ее, приспособить к себе». Только при условии, что изучение языка будет сопряжено с выходом исследователя в языковое сознание представителей иной лингвокультурной общности, мы сможем приблизиться к пониманию сущности рассматриваемых языковых явлений.

Список литературы

Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.

Алпатов В. М. [2008а]. О языковой картине мира японцев // Историческая психология и социология истории. Волгоград: Учитель, 2008. Т.1. № 1. С. 133–141.

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. [2008б] Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 1]. М.: Наталис, 2008а. 559 с.

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. [2008в] Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 2]. М.: Наталис, 2008. 448 с.

Араки Х. Нихондзин-но эйго-но канкаку. [荒木　博之。日本人の英語感覚]. Токио, PHP, 1986. 162 с.

Гаврилова В. И. Антропоцентрические аспекты грамматической категории залога в русском языке // Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык. Общество. Наука. К 70-летию члена корреспондента РАН В.М. Алпатова. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 105–135.

Гуревич Т. М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка // Вестник МГИМО Университета. М.: МГИМО, 2012. № 2. С. 208–212.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Стрижак У. П. Одушевленность как грамматическая и понятийная категория языка: когнитивный подход к описанию // В кн.: Opuscula Iaponica et Slavica Vol. 5. Bel Studio Sp, 2018. Гл. 3. С. 37–47.

Танабэ Ё. Эйгорасиса то нихонгорасиса. [田辺　洋二。英語らしさと日本語らしさ]. Токио: Гуробю, 1981. 275 с.

Яцко Т. С. Компонентно-предикационный анализ категориальных значений отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Иркутск, 2010. 19 с.

References

Avtonomova N. S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka. M., SPb: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 736 s. (in Russian)

Alpatov V. M. [2008a]. O jazykovoj kartine mira japoncev // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. Volgograd: Uchitel', 2008. T.1. №1. S. 133–141. (in Russian)

Alpatov V. M., Arkad'ev P. M., Podlesskaja V. I. [2008b] Teoreticheskaja grammatika japonskogo jazyka. [V 2-h kn. Kn. 1]. M.: Natalis, 2008a. 559 s. (in Russian)

Alpatov V. M., Arkad'ev P. M., Podlesskaja V. I. [2008v] Teoreticheskaja grammatika japonskogo jazyka. [V 2-h kn. Kn. 2]. M.: Natalis, 2008. 448 s. (in Russia)

Araki H. Nihonjin no eigo no kankaku [荒木　博之。日本人の英語感覚]. Japanese sense of English. Tokio, PHP, 1986. 162 s. (In Japanese)

Gavrilova V. I. Antropocentricheskie aspekty grammaticheskoj kategorii zaloga v russkom jazyke // Problemy obshhej i vostokovednoj lingvistiki. Jazyk. Obshhestvo. Nauka. K 70-letiju chlena korrespondenta RAN V.M. Alpatova. T. 2. M.: Institut vostokovedenija RAN, 2016. S. 105–135. (in Russian)

Gurevich T. M. Kul'turologicheskaja paradigma prepodavanija japonskogo jazyka // Vestnik MGIMO Universiteta. M.: MGIMO, 2012. №2. S. 208–212. (in Russian)

Irishanova O. K. Igry fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 s. (in Russian).

Strizhak U. P. Odushevlennost' kak grammaticheskaja i ponjatijnaja kategorija jazyka: kognitivnyj podhod k opisaniju // V kn.: Opuscula Iaponica et Slavica Vol. 5. Bel Studio Sp, 2018. Gl. 3. S. 37–47. (in Russian)

Tababe Yo. Eigo rashisa to nihongo rashisa [田辺 洋二。英語らしさと日本語らしさ]. English and Japanese. Tokio: Gurobju, 1981. 275 s. (in Japanese)

Jacko T. S. Komponentno-predikacionnyj analiz kategorial'nyh znachenij otchuzhdaemoj i neotchuzhdaemoj prinadlezhnosti v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. diss. ... kand. fil. nauk. Irkutsk, 2010. 19 s. (In Russian)

5. Искусство и литература стран Востока в глобальном контексте

СОВРЕМЕННЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ КАЛЛИГРАФИИ

БЕЛОЗЕРОВА ВЕРА ГЕОРГИЕВНА
профессор, Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ИКВиА НИУ ВШЭ)
vera@belozerov.com

Современные стилистические направления в китайской каллиграфии многочисленны и разнообразны, что связано с возрастающей творческой свободой авторов. Национальную традицию сохраняют и продолжают представители ортодоксального направления *чжэнтун шуфа* (братья Тянь Юньчжан и Тянь Инчжан) и лидеры неоклассики *синьгудянь шуфа* (Ван Дунлин). Разрушение традиционных каллиграфических нормативов, начатое «первой волной» авангардистов в 1980–1990-х годах в направлении модернистской каллиграфии *сяньдай шуфа* (Гу Гань), было продолжено в первой четверти XXI столетия направлениями «второй волны», а именно – постмодернистской каллиграфией *хоусяньдай шуфа* (Ван Дунлин). Вариантами последней можно считать концептуальную каллиграфию гуаньнянь шуфа (Ло Ци), каллиграфию среды (на предметах, стенах, потолках, полах, на природных объектах: Ван Наньмин, У Шаньчжуань), каллиграфию перфомансов *синвэй шусе* (Цю Чжицзе, Сун Дун, Чжан Цян, Сунь Пин). На реформаторов каллиграфии «второй волны» оказывают влияния не столько активные контакты с западной культурой, сколько стремительное развитие медиасферы. Появилась цифровая каллиграфия (компьютерная, телевидение), дизайнерская каллиграфия (плакаты, упаковки, логотипы). В направлении синтетической каллиграфии разрабатывается идея единства музыки, хореографии и письма. Границы между авангардными направлениями проницаемы, и каллиграфы легко переходят из одного направления в другое или одновременно работают в разных стилях. Для последних лет показательна высокая динамика изменений социальной успешности и культурной значимости отдельных направлений. С начала XXI столетия наметилась тенденция к усилению интереса китайской общественности к классическим направлениям, аутентично и стабильно воспроизводящим ценности традиционной эстетики. В то же время активно возникающие авангардные направления быстро исчезают, и их популярность носит локальный характер.

Ключевые слова: Чжэнтун шу, синьгудянь шуфа, хоусяньдай шуфа, синвэй шусе, гуаньнянь шуфа.

MODERN STYLISTIC TRENDS IN CHINESE CALLIGRAPHY

BELOZEROVA VERA GEORGIEVNA
Professor, National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies
vera@belozerov.com

Modern stylistic trends in Chinese calligraphy are numerous and diverse, which is due to the increasing creative freedom of the authors. Representatives of the orthodox direction *zhengtong shufa* (Tian Yunzhang, Tian Yinzhang) and leaders of neoclassicism *xingudian shufa* (Wang Dongling) preserve and continue the national tradition. The destruction of traditional calligraphic standards started by the" first wave "of avant-gardists *xiandai shufa* (Gu Gan) in the 1980s–1990s was continued in the first quarter of the XXI century by the directions of the "second wave", in particular postmodern calligraphy *houxiandai shufa* (Wang Dongling). Options the latter can be considered conceptual calligraphy *guannian shufa* (Luo Qi), calligraphy of the environment (objects, walls, ceilings, floors, natural objects: Wang Nanming, Wu Shanzhuan), calligraphy performances *xingwei shuxie* (Qiu Zhijie, Song Dong, Zhang Qiang, Sun Ping). The reformers of second wave calligraphy are influenced not so much by active contacts with Western culture as by the rapid development of the media sphere. Appeared digital calligraphy (computer, television), design calligraphy (posters, packaging, logotypes). The idea of unity of music, choreography and writing is being developed in the direction of synthetic calligraphy. For recent years the increased dynamics of changes in social success and cultural significance of certain areas is indicative. Since the beginning of the XXI century, there has been a tendency to increase the interest of the Chinese public in classical trends that authentically and consistently reproduce the values of traditional aesthetics. At the same time actively emerging avant-garde trends are rapidly disappearing and their popularity is local.

Keywords: zhengtong shu, xingudian shufa, houxiandai shufa, xingwei shuxie, guannian shufa.

Введение

Целью настоящего исследования является типологизация многочисленных стилистических направлений в каллиграфии КНР за четыре пореформенных десятилетия ее истории, которые охватываются термином «современная китайская каллиграфия» (*чжунго дандай шуфа* 中国当代书法). Типологизация даст общее представление о нынешнем

состоянии каллиграфической традиции Китая и позволит сделать предварительные выводы о закономерностях эволюции древней традиции в условиях глобализации.

В отечественном искусствознании тема современной китайской каллиграфии затрагивалась единожды [Белозерова, 2017][1]. Западных исследователей интересуют исключительно авангардные направления[2], регулярно экспонируемые в выставочных центрах Европы и Америки. Количество китайских публикаций по традиционным направлениям необозримо велико и существенно превышает число изданий по модернистским течениям.

Методология

В работе применены искусствоведческий формально-стилистический анализ, культурологическая методология и лингвистический компаративистский подход. Используемые для обозначения стилистических направлений термины отражают понятийный аппарат современного китайского искусствознания. Вопрос о неполном соответствии смыслового содержания китайских терминов их словарному значению на западных языках требует специального изучения, пока еще никем не проделанного.

Основные результаты

В китайской каллиграфии в пореформенное время устойчиво обозначились четыре генеральных вектора развития: вектор традиционных направлений, вектор умеренных реформаторских направлений, вектор радикальных реформаторских направлений и вектор новых технологических направлений. Всего сейчас по всем эволюционным векторам насчитывается два десятка стилистических направлений, количество

[1] В Харькове на русском языке в 2016 г. аспирантом из КНР была защищена диссертация, затрагивающая тему современной каллиграфии [см. Чжоу Чен].

[2] Первым в англоязычной литературе о современной каллиграфии написали Бритта Эриксон [Erickson, 2001] и Гордон Баррас [Barrass, 2002]. В последнее пятилетие на теме модернистской каллиграфии специализируется Адриана Иеззи [Iezzi, 2016]. Постоянно растет число переводных работ китайских теоретиков модернизма [Gao, Minglu, 2000, 2011].

которых постоянно меняется, в том числе и потому, что они по-разному классифицируются китайскими специалистами. Предлагаемая в статье типология направлений сводит воедино различные варианты классификаций китайских специалистов.

Полифония стилей не является чем-то необычным для каллиграфической традиции Китая, в которой во все века консервативный и реформаторский полюса противостояли друг другу, обеспечивая как сохранение прошлого художественного опыта, так и его последующее развитие. Новой представляется сама ситуация многочисленности направлений, отражающая сложность внутренних культурных процессов и особенности активного диалога Китая с внешним миром в эпоху глобализации. Обилие направлений объясняется возрастающей творческой свободой авторов и высокой конкуренцией мастеров на художественном рынке как в самом Китае, так и за его пределами.

Во второй половине XX в. в КНР была создана территориально разветвленная, многоуровневая сеть профессиональных союзов каллиграфов, система художественных вузов и академических институтов. Каллиграфией занимаются как профессионалы, для которых это основной заработок, так и высокообразованные любители, живущие с иных доходов. В начале 1980-х гг. китайское общество захватила так называемая «каллиграфическая лихорадка» (*шуфа жэ* 书法热), когда большое количество людей начали заниматься каллиграфией. Каллиграфическое сообщество разделилось на высокообразованное старшее поколение 70–90-летних корифеев и менее образованное поколение 30–40-летних мастеров, часть которых и ушла в реформаторские направления. Молодые каллиграфы, воодушевленные снятием ограничений эпохи культурной революции, с жадностью открывали для себя современное западное искусство. Они стремились изменить каллиграфическую традицию и желали признания своего творчества за рубежом. Некоторые каллиграфы стали теоретиками и историками модернистских и авангардных направлений, которые поначалу на государственном уровне не одобрялись. За последнее десятилетие идеологи КПК смягчили свою позицию в отношении модернистов в интересах благоприятного образа страны в глазах международного сообщества. Большинство модернистов стали членами академий, профессорами вузов и возглавляют некоторые каллиграфические союзы.

Наибольшей поддержкой как государства, так и всего китайского общества пользуется вектор традиционных направлений, лидеры которых прославлены в самом Китае, но неизвестны за его пределами в связи с тем, что западный зритель плохо знаком с эстетикой китайской каллиграфии. Среди данных направлений выделяется «ортодоксальное направление» (*гудянь пай* 古典派[1]), почитаемое за верность традициям национальной культуры. Все государственные учебные центры и большинство профессиональных союзов выступают за чистоту воспроизведения традиционной каллиграфической эстетики. Несмотря на трудность обучения и его продолжительность, молодежь все активнее вовлекается в традицию с ее эффективными оздоровительными методиками и высокой одухотворенностью. В госаппарате КНР никогда не прерывалась древняя практика рукописного оформления дипломатических договоров и назначений на высокие государственные посты. Все крупные гражданские и военные структуры имеют штатных каллиграфов, мастерски владеющих уставными почерками. Ортодоксальное направление сохранилось благодаря таким потомственным каллиграфам, как Тянь Юньчжан 田蕴章 (1945 г.р.) и его брат Тянь Инчжан 田英章 (1950 г.р.), поддерживающие линию преемственности от корифея VII в. Оуян Сюня 欧阳询 [Тянь Юньчжан, 2012. С. 50]. Старшим Тянем выпущены 300 дисков, и он постоянно проводит TV-мастер-классы. Пособия по иероглифики младшего Тяня по популярности составляют половину из списка ста наиболее продаваемых каллиграфических прописей.

В последние годы возникло «неоортодоксальное направление» (*синьгудянь пай* 新古典派), представители которого стремятся соединять каллиграфические традиции с более современной стилистикой произведений.

Традиционный вектор представляет направление «академической каллиграфии» (*сюэюань пай шуфа* 学院派书法), основателем которого является Чэнь Чжэньлянь 陈振濂 (1956 г.р.). Мастер постулирует, что «каллиграфия должна оставаться каллиграфией», а потому в ней важны единство техники письма, творческий замысел и одухотворенность исполнения. Он считает, что для «создания нового стиля в каллиграфии необходимо развивать стилистику всех имеющихся памятников прошлого» [Чэнь Чжэньлянь, 1998. С. 4].

[1] Или *чуаньтун цзиндянь пай* 传统经典派.

Представители направления «примитивистской каллиграфии» (*люсин шу фэн* 流行书风), напротив, сторонятся классического наследия линии Ван Сичжи 王羲之 (IV в.), предпочитая ему надписи на археологических артефактах I тыс. до н.э., а также ремесленную каллиграфию из пещерных храмов Дуньхуана и гробничных стел первой половины I тыс. н.э.

Направление «каллиграфии интеллектуалов» (*вэньхуа шуфа* 文化书法) ставит своей целью следование корифеям династий Вэй и Цзинь и выступает за сохранение истинного величия каллиграфических форм. Данное направление малочисленно по причине трудоемкости и сложности творческого процесса[1].

Вектор умеренных реформаторских течений представляют четыре направления, лидеры которых в последнее десятилетие получили широкую известность не только за рубежом, но и в Китае. Самым ранним было «модернистское направление» (*сяньдай пай шуфа* 现代派书法), развернувшее свою деятельность в 1980–1990-е гг. Оно сформировалось под влиянием японской каллиграфии и западного модернизма. Зачинателем направления считается Гу Гань 古干 (1942 г.р.), возглавивший группу молодых каллиграфов на выставке 1985 г. Девиз модернистов – «отрицание каллиграфии в каллиграфии» *и шу фэй шу* 以书非书 [Iezzi, 2016]. Они начали использовать для своих работ новые основы, такие как холст на подрамнике, металл, газеты, ткани, дерево, пленки. Модернисты писали белой и красной тушью, акриловыми красками. В фокусе их внимания была не иероглифическая пластика, а живописные эффекты тушевых линий и пятен. Тем не менее модернисты старались удержать баланс между каллиграфическим наследием и новациями. Они не порывали полностью с китайской традицией, а участие в процессах глобализации художественного творчества не являлось для них самоцелью.

Вторая волна изменений пришлась на 2000–2020-е гг., когда оформилось новое «постмодернистское направление» (*хоусяньдай пай шуфа* 后现代派书法). Лидеры этого направления имели опыт преподавания каллиграфии в западных университетах и хорошо знали современное западное искусство. Постмодернисты сосредоточились на междуна-

[1] К данному направлению относится Кун Фаньсян 孔繁祥 (1955 г.р. потомок Конфуция в 74-м поколении) [Великая китайская каллиграфия, 2019. С. 94].

родном художественном рынке и стремились создавать произведения, понятные для западной аудитории. Экспериментируя с материалами и техниками письма, постмодернисты соединяют каллиграфию с фотографией, внешним окружением, пишут на трехмерных объектах и пр. Лидером и теоретиком постмодернистов является Ван Дунлин 王冬龄 (1945 г.р.). Его программное заявление – «современный творческий процесс нуждается в поддержке и сличении с традицией», а потому «модернистская каллиграфия остается каллиграфией» [Ван Дунлин, 2004. С. 18]. Подвидами постмодернистской каллиграфии являются направление иероглифического минимализма (*Шао цзы шу* 少字数) и «Направление тушевых образов» (*Мосян пай* 墨象派).

Третье «концептуальное направление» (*гуаньнянь пай ишу* 观念派艺术) возглавляет каллиграф Ло Ци 洛齐 (род. 1960). Для него характерно доминирование идейного содержания над художественной формой. Концептуальные произведения трудны для понимания без специальных теоретических объяснений и ими интересуется ограниченный круг любителей.

В четвертом направлении «средовой каллиграфии» (*хуаньцзинь дэ шуфа* 环境的书法) написанные на бумаге иероглифы в ровном или смятом в комок виде используются для оформления стен, пола, потолка или бытовых предметов. Лидерами этого направления являются У. Шаньчжуань. 吴山专 (1960 г.р.) и Ван Наньмин 王南溟 (1962 г.р.). Последний является видным теоретиком модернизма и автором девяти монографий по современной каллиграфии Китая. Ван Наньмин первым в Китае стал действовать как независимый профессиональный куратор выставок и арт-магазинов. В данный момент он считается наиболее успешным специалистом по организации финансирования современного искусства в КНР.

Вектор многочисленных радикальных «формалистических направлений» (*синши гоучэн пай* 形式构成派) отличает полный отказ от иероглифики как композиционной и смысловой основы каллиграфической пластики. Показательны выставочные варианты названий авангардийской каллиграфии: «антикаллиграфия» (*фань шуфа* 反书法), «некаллиграфия» (*фэй шуфа* 非书法), «неиероглифическая каллиграфия» (*фэйханьцзы шуфа* 非汉子书法), «безыероглифическая каллиграфия» (*уцзы шуфа* 无字书法). Вследствие отказа от иероглифики в

авангардной каллиграфии произошло разделение на композиции из нечитаемых линеарных знаков и композиции из абстрактных тушевых пятен. В обоих случаях текста нет, и каллиграфия превращается в китайскую разновидность западного абстракционизма. Каллиграфы-авангардисты ищут интригующие своей необычностью решения. Так, Гу Вэньда 谷文达 (1955 г.р.) в своей инсталляции 1993 г. «Объединенные Нации» создал крупномасштабную настенную композицию из волос 400 человек разных национальностей, которые он закрепил в виде линеарных композиций из придуманных им иероглифов, похожих на почерк *чжуаньшу* 篆书. По мнению Ван Наньмина, «авангардная каллиграфия не является каллиграфией», ибо «в авангардной каллиграфии каллиграфия как таковая не существует, она лишь подразумевается» [Ван Наньмин, 2006. С. 21].

«Неиероглифическую каллиграфию» развивает направление «деконструктивистской каллиграфии» (*цзегоу чжуи шуфа* 解构主义书法), возглавляемое Сюй Бином 徐冰 (1955 г.р.). В этом направлении из иероглифических графических элементов создаются композиционные структуры, внешне напоминающие иероглифы, но не имеющие словарного значения. Парадоксальные визуальные образы провоцируют особое ментальное напряжение, связанное с желанием прочесть принципиально нечитаемые знаки.

В направлениях «абстрактной каллиграфии» (*чоусян шу* 抽象艺术) и «постабстрактной каллиграфии (*хоу чоусян шу* 后抽象艺术) происходит отказ от иероглифических элементов, и произведение превращается в абстрактную живописную композицию, в которой от каллиграфии остаются лишь следы движения кисти, ведомой в произвольной очередности. Наиболее прославленным представителем абстрактной каллиграфии является Чжан Даво 张大我 (1943 г.р.)

Близко к предыдущему направлению и порой трудно различимо от него направление «абстрактного экспрессионизма» (*чоусян бяосянь шу* 抽象表现艺术), зачинателями которого являются Пу Лэйпин 濮列平 (1959 г.р.) и Вэй Лиган 魏立刚 (1964 г.р.).

Направление «экшен-каллиграфии» (*шуфа синвэй шу* 书法行为艺术) получило развитие в последние два десятилетия и сразу же начало разветвляться на многочисленные подвиды. Самое крупное из них – «каллиграфия перформансов» (*синвэй шуфа* 行为书法), где ак-

цент делается на самом процессе письма, который и является творческим продуктом. Ключом к успеху здесь считается изобретательность каллиграфа и техническая оснащенность фиксации перформансов. Программным произведением Цю Чжицзе 邱志杰 (1969 г.р.) стало «Написание *Лань тин сюй*[1] 1000 раз». Каллиграф на протяжении трех лет (с перерывами в несколько месяцев) копировал прославленный шедевр Ван Сичжи на одном и том же листе бумаги, каждый раз фиксируя на камеру процесс письма. После 50-кратного наложения слоев туши вся поверхность листа стала полностью черной. Другой каллиграф Сун Дун 宋冬 (1966 г.р.) обрел известность перформансом «Дневник водяной книги», когда на небольшом прямоугольном камне он записывал водой события своей жизни. Вода быстро испарялась, и каллиграф мог на протяжении десяти лет под кинозапись писать на камне снова и снова [Чжоу Чен, 2016. С. 138].

К перфомансам относится и «каллиграфическая трасология» (*цзунцзи шуфа* 踪迹书法) Чжан Цяна 张强 (1962 г.р.). В его перформансах задействованы обнаженные или задрапированные в бумагу партнерши, которые по собственному усмотрению подставляют себя, бумагу или различные предметы под кисть каллиграфа, который пишет, отвернув от них голову[2]. При движении основы письма иероглифы превращаются в нечитаемые росчерки туши. Все перформансы Чжан Цяна хорошо организованны, подробно засняты высокопрофессиональными фотографами и проанализированы им самим в его многочисленных публикациях.

Партнерши привлекаются и в «эротической каллиграфии» (*синшуфа* 性书法) Сунь Пина 孙平 (1953 г.р.). В его перфомансах женщины вставляют во влагалища рукояти кистей со специальными насадками. Присев над расстеленной на полу бумагой, за счет движений таза женщины выводят иероглифы черной или красной тушью. Часто в качестве воспроизводимого образца используется шедевр Ван Сичжи *Лань тин сюй.*

Вектор новых технологий является наиболее дискуссионной сферой развития каллиграфии. Далеко не все согласны с тем, что «муль-

[1] Лань тин сюй 蘭亭序 («Предисловие [к сборнику стихов, написанных в] Павильоне орхидей»).

[2] Чжан Цян заявляет, что тушевые следы его кисти запечатлевают его духовное состояние ментальной опустошенности при глубокой психической концентрации, вовлекающей его партнерш в непредсказуемую игру мужской и женской энергий [Белозерова, 2017. С. 106].

тимедийное искусство» (*домэйти ишу*[1] 多媒体艺术) можно считать каллиграфией. Важно не путать это направление с необъятной сферой шрифтового дизайна. Первым и главным отличием от всех предыдущих направлений является использование компьютерных программ, заменяющих человека в воплощении каллиграфических форм. Компьютерная каллиграфия широко используется на телевидении и в интернете. Она утвердила себя в бурно развивающейся «дизайнерской каллиграфии» (*шэцзиши шуфа* 設計師書法), оформляющей плакаты, рекламные щиты, упаковки, логотипы. Для дизайнеров регулярно проводятся отдельные конкурсы и выставки.

В «комплексной каллиграфии» (*цзунхэ шуфа* 綜合書法) с каллиграфией объединяются различные художественные приемы музыки, драматургии, танца, кинематографа или анимации. Показательны постановки тайваньской труппы «Облачные врата» (*Юньмэнь у* 云门舞) и спектакли Гуандунского ансамбля современного танца (*Гуандун сяньдай утуань* 广东现代舞团), воплощающие средствами хореографии образы каллиграфической пластики.

Направление «каллиграфическое граффити» (*туя ишу* 涂鸦艺术) существует, но развито в КНР пока слабо. Даже молодые каллиграфы не увлечены этим направлением по причине бдительного государственного контроля над содержанием уличных художественных высказываний.

Заключение

В конце XX – первой четверти XXI вв. китайская каллиграфия продолжает сохранять традиционное главенство среди пластических искусств Китая. Возникают новые стилистические направления разнообразной направленности. Границы между модернистскими и авангардными направлениями проницаемы, и каллиграфы свободно присоединяются то к одному направлению, то к другому. Переход из авангардных направлений в ортодоксальные направления затруднен из-за отсутствия у авангардистов должной профессиональной подготовки.

В китайском обществе растет интерес к традиционным направлениям, воплощающим ценности национальной эстетики. В то же время авторские авангардные направления быстро себя исчерпывают, и их по-

[1] Вариант наименования синьмэйти ишу 新媒体艺术.

пулярность в самом Китае ограничивается узким кругом поклонников. Эксперименты авангардистов по отказу от нормативов каллиграфической традиции только подтверждают их важность для полноценного развития искусства каллиграфии. Веками китайская культура вырабатывала эффективные адаптационные механизмы, которые успешно действуют и в эпоху глобализации. Модернистские и авангардные направления в каллиграфии способствуют китаизации западных художественных исканий, помогая китайскому обществу сориентироваться в мировых художественных процессах.

Список литературы

Белозерова В. Г. Каллиграфическая трасология Чжан Цяна // Культура и искусство. 2017. № 9. С. 101–110.

Ван Дунлин. Чжунго сяньдай шуфа луньвэнь сюань [王冬龄。中国“现代书法”论文选。北京:中国美术出版社]. Избранные статьи о современной китайской каллиграфии. Пекин: Чжунго мэйшу чубаньшэ, 2004. 240 с.

Ван Наньмин. Ишу бисюй сыван: Цун Чжунгохуа дао сяньдай шуймохуа [王南溟。艺术必须死亡：从中国画到现代水墨画。上海:上海书画出版社]. Искусство должно умереть: От живописи гохуа до современной живописи тушью. Шанхай: Шанхай шухуа чубаньшэ, 2006. 272 с.

Великая китайская каллиграфия и живопись. Каталог выставки в Современном музее каллиграфии 20.09.2019–22.09.2019. Гл. ред. А. Ю. Шабуров. М.: Современный музей каллиграфии, 2019. 467 с.

Лю Цаньмин. Чжунго сяньдай шуфа ши [刘灿铭。中国现代书法史。南京:南京大学出版社]. История современной китайской каллиграфии. Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2010. 249 с.

Тянь Юньчжан. Оу кай цзеси [田蕴章。欧楷解析。天津:天津大学出版社]. Анализ устава Оу Янсю. Тяньцзинь: Тяньцзинь дасюэ чубаньшэ, 2012. 116 с.

Чжоу Чен. Китайская каллиграфия: от традиции до практики использования в современном дизайне. Дисертация ... канд. искусствоведения. Харьковская гос. академия дизайна и искусств, Харьков, 2016. 360 с.

Чэнь Чжэньлянь. Шуфадэ вэйлай – Сюэюаньпай шуфа цзопинь цзи [陈振濂。书法的未来。学院派书法作品集。杭州:浙江人民美术出版社]. Будущее каллиграфии: собрание произведений направления академической каллиграфии. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1998. 111 с.

Barrass G. The Art of Calligraphy in Modern China. London: British Museum Press, 2002. 284 p.

Erickson B. Words without Meaning, Meaning without Words, The Art of Xu Bing. Seattle and London: University of Washington Press, 2001. 112 p.

Gao Minglu. The ‘85 Movement: Avant-garde Art in the Post-Mao Era. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 339 p.

Iezzi A. "Chinese Modern Calligraphy" as a Reflection of Chinese Contemporary Culture: a Comparison between Modernism (Wang Dongling) and Avant-garde (Xu Gu) // 14th AISC Conference. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, 2016. P. 75–116.

References

Belozerova Vera. Calligraphic traceology of Zhang Qiang // Culture and art. 2017. N.9. p. 101–110. (in Russian)

Great Chinese calligraphy and painting. Exhibition catalogue at the Contemporary Museum of calligraphy 20-22.09.2019. Editor-in-chief A. Yu. Shaburov. Moscow: Contemporary Museum of calligraphy, 2019. 467 p. (in Russian)

Zhou Cheng. Chinese calligraphy: from tradition to practice in modern design. Dis. for the academic degree Kan. art criticism. Kharkiv state Academy of design and arts, Kharkiv, 2016. 360 p. (in Russian)

Barrass G. The Art of Calligraphy in Modern China. London: British Museum Press, 2002. 284 p. (in English)

Erickson B. Words without Meaning, Meaning without Words, The Art of Xu Bing. Seattle and London: University of Washington Press, 2001. 112 p. (in English)

Gao Minglu. Total Modernity and the Avant-Garde in Twentieth-Century Chinese Art. Cambridge: MIT Press, 2011. 421 p. (in English)

Iezzi A. "Chinese Modern Calligraphy" as a Reflection of Chinese Contemporary Culture: Comparison between Modernism (Wang Dongling) and Avant-garde (Xu Gu) // 14th AISC Conference. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, 2016. P. 75–116. (in English)

Wang Dongling. Zhongguo xiandai shufa lonwen xuan сюань [王冬龄。中国"现代书法"论文选。北京:中国美术出版社]. Selected articles on contemporary Chinese calligraphy. Beijing, Zhongguo meishu chubanshe, 2004. 240 p. (in Chinese)

Wang Nanming. Yishu bixu siwang siwang: Cong Zhongguohua dao xiandai shuimohua [王南溟。艺术必须死亡：从中国画到现代水墨画。上海:上海书画出版社]. Art must die: from Guohua painting to modern ink painting. Shanghai shuhua shubanshe, 2006. 272 p. (in Chinese)

Liu Canming. Zhongguo xiandai shufa shi [刘灿铭。中国现代书法史。南京:南京大学出版社]. History of modern Chinese calligraphy. Nanking, Nanjing daxue chubanshe, 2010. 249 p. (in Chinese)

Tian Yunzhang. Ou kai jiexi [田蕴章。欧楷解析。天津:天津大学出版社]. An analysis of the kai-script of Ou Yangxiu. Tianjin, Tianjin daxue chubanshe, 2012. 116 p. (in Chinese)

Chen Zhenlian. Shufade weilai – Xueyuanpai shufa zuopin ji [陈振濂。书法的未来。学院派书法作品集。杭州:浙江人民美术出版社]. The future of calligraphy: a collection of works of academic calligraphy. Hangzhou, Zhejiang renmin meishu chubanshe, 1998. 111 p. (in Chinese)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ИРАНА И НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИРАНЦЕВ

ШМАКОВА АННА СЕРГЕЕВНА
Департамент зарубежного регионоведения
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
shmakovaa@yahoo.com

Данная статья посвящена проблеме формирования новой национальной и социальной идентичности иранцев и отражению этого процесса в работах современных иранских художников.

Источниковой базой для данного исследования послужили интервью с представителями тегеранской школы гиперреалистичной живописи, картины и инсталляции художников школы Масуда Кешмири, альбомы и каталоги галерей и выставок, проходивших в период с 2017 г. в Тегеране и за его пределами.

Автор статьи, придерживаясь основных постулатов направления культурного релятивизма, анализирует произведения искусства молодых мастеров, живущих и работающих в Тегеране, и делает вывод о том, что наличие отдельных элементов в плоскости картин может свидетельствовать о глубоком онтологическом кризисе и поиске новых основ для жизни и творчества. Причину появления таких тенденций автор видит в серьезных различиях между отдельными группами общества конфессиональной, этнической и политической природы. Тем не менее все доступные автору работы демонстрируют глубокую связь с исламской традиционной культурой, что порождает большое количество дискуссий относительно нового пути иранского общества.

Ключевые слова: Иран, современное искусство, новая идентичность иранцев, изобразительное искусство.

IRAN'S CONTEMPORARY ART AND THE NEW IDENTITY OF IRANIANS

SHMAKOVA ANNA SERGEEVNA
Department of International Regional Studies,
Higher School of Economics, Moscow
shmakovaa@yahoo.com

This article is devoted to the problems of formation of the new national and social identity of Iranian people and the reflection of this process through the works of modern Iranian painters.

The author claims that modernistic tendencies in Iranian fine art started to express themselves after the Second World War and were accompanied by the great passionate upsurge causing strong tendencies towards abstractionism. After the death of Kamal-ol-Molk (1847–1940) and the establishment of the College of Fine Arts, realism and the excessive academic manner of painting was widely criticized. At the same time, symbolism was starting to develop, and traditional styles of Persian pictorial art were fancifully mixed with avant-gardism. Nowadays modernistic traditions are alive and well-developed within the art of young painters.

Themes, genres and techniques used by modern Persian artists nowadays shows the deepest ontological crisis and the search for Self, caused by the big difference between social and religious bases of the different groups of the modern Iranian society.

The genre and thematic diversity within the framework of the one particular gallery or museum of modern conceptual art, the lack of a logic in the placement of paintings, their classification and typology testify to the creative freedom, recognition of special originality and significance for each work, lack of censorship indicates the beginning of a new era in Iranian fine art. Nevertheless, the works of Iranian contemporary artists show the close connection with traditional Islamic culture that gives the evidence of the multilayered nature of Iranian society that is the result of ethnic and religious interaction processes.

Keywords: Iran, contemporary art, new identity of Iranians, pictorial art.

Introduction

The beginning of 2020 has been marked by indications of shifting in the geopolitical landscape throughout the Middle East that may result in a deconstruction of Iranian society and a change of power in the country in the long-term perspectives.

Within the first two weeks of January of this year Iran was embodied in violent protests against economic and social reforms along with the mere presence of the Islamic Government. Interestingly enough, these protests were much more apparent this year than a few years ago.

On the 16th January 2020 the Hereditary Prince, Reza Pahlavi, in his interview for The National Interest urged Iranian people to a regime change supported by the USA[1]. One of the major reasons for the current situation in Iran is the extreme level of ethnic, religious and social segregation.

[1] The Hereditary Prince urged the USA to help him to make a revolution. URL: https://lenta.ru/news/2020/01/16/thecrownprince/ (date of request: 19.01.2020).

The queries of connection between the national, social, ethnic and other identities and art are of a particular interest to a researcher, especially when it comes to ethnically diverse societies.

The modern Iran is a complicated, synthesized system originated from a complex, mixed identity emerging in the course of ethnogenetic and historical processes.

The population of Iran consists of numerous ethnic groups including Persians (65%), Iranian Azerbaijanis (16%), Iranian Kurds (7%), Iranian Arabs (2%), Iranian Baluchis (2%), Iranian Turkmen (1%), Qashqai and other Turkic speaking tribal groups (1%), as well as Armenians, Assyrians, Georgians, Jewish, Zoroastrians (<1%)[1]. Apart from ethnic and linguistic features the above mentioned groups have considerable differences in their attitude towards religion as evidenced by the thesis of the high level of heterogeneity within Iranian society that is overcome by the special flexible type of the Iranian identity.

Modernistic tendencies in Iranian fine art began to emerge after the Second World War and were accompanied by a significant growth that gave rise to strong tendencies towards abstract art.

After the death of Kamal-ol-Molk (1847–1940) and the foundation of the College of Fine Arts, realism and the strict academic manner of painting had been criticized. At the same time a great number of symbolic images appeared in the works of Iranian artists blending with the elements of avant-garde and traditional Islamic art in a bizarre manner. The pioneers of the contemporary pictorial art of the country were paintresses: Monsour Hosseini (1926-2012) and Behjat Sardr (1924-2009).

The appeal of Iranian craftsmen to modernism is interpreted by most researchers as an aspiration of getting over an excessive naturalism that is strongly condemned by Islam.

By the end of the 1990s a lot of associations of artists and schools trying different genres appeared in Iran including the Sculpture Community (Anjuman-ibunarmandan-inaqqash) and Art Community (Anjuman-imujassameh-sazan). This period was also marked by the formation of Iranian poster art as a special genre of pictorial art, a change of the museum integration

[1] Zohreh Mehrjoo and others. Distinct genetic variation and heterogeneity of the Iranian population. URL: https://journals.plos.org/plosgenetics/article?id=10.1371/journal.pgen.1008385 (date of request: 11.12.2019).

from political to neutral, the introduction of Asian, European and American art. In 2001 the Academy of Art was founded that was aimed at Iranian art promotion outside the country, the search for kindred identities abroad, and participation in the cultural globalization. The opening of Iranian borders for art had been marked by its participation in the 50th Venice Biennale in 2002[1].

Methodology

The present study is a part of another major study dedicated to the questions of formation of the new national and social identity of Iranian people in the 21st century.

The subject matter of this research is related to several subject areas, hence in its preparation the author combines methods and approaches applied in cultural anthropology, ethnology, social studies, history and art studies.

Through the application of the cultural relativism principle, a relative separateness of cultures and ethnic groups residing in the territory of Iran and diversity in their development strategies, systems of values and cultural-historical types are stated in this work. However, special attention is given to the question of the link between spiritual culture and operating conditions under which the ethnic group was originated.

The theoretical framework of this research is represented by the works of N.N. Cheboksarov, Ju. V. Bromley. S. A. Arutyunov, I. Taine, Saied Zahid, Robert Cohen, L. S. Vygotsky and others.

In the work "Nations, Races, Cultures" N. N. Cheboksarov and I. A. Cheboksarova define the notion spiritual culture as the information existing in the collective memory that comprises knowledge, customs, legal norms, folk culture and art [Cheboksarov, Cheboksarova, 1985, p.165].

A Soviet historian and an ethnographer, Ju. V. Bromley, in his article "Few Comment on Social and Natural Factors of the ethnogenesis" points out that spiritual culture (art and philosophy, in particular) possessing a relative autonomy of development, indirectly reflects the changes taking place throughout the socio-economic development [Bromley, 1971, p. 83].

[1] Hamid Keshmirshekan. Contemporary Iranian Art: The Emergence of New Artistic Discourses // Iranian Studies, Vol. 40, №3, June 2007. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00210860701390448?scroll=top&needAccess=true (date of request: 16.12.2019).

S. A. Arutyunov and N. N. Cheboksarov in the article "Transmission of the information as a means of existence of ethno-social and biological groups of mankind" refer cultural traditions, including those in materialistic pictorial form, to the continuous diachronic info links between generations of the ethnic group ensuring its continuity and stability over time [Arutyunov, Cheboksarov, 1972, p.19].

Following these statements, it can be assured that art as one of the elements of spiritual culture, which accumulates artistic and aesthetic values, reflects the transformation of the cultural-historical background of the epoch and the process of the ethnic group revolution.

The matter of the close connection of art and its favorable environment for development was elaborated by the first time by a French positivist-philosopher, I. Taine, in his classic work "Philosophy of Art" (1866). In this case environment means the totality of the prevailing circumstances specific to a particular chronological period — value orientations, the level of education of every ethnic group as well as geographical conditions (landscape) of the place of residence.

According to I. Taine concept, in order to understand any artistic work, an artist or an entire school, it is necessary to visualize the exact state of the mental and moral development of the period they belong to. With disappearance of certain mental and moral states, some areas, schools and scientific paradigms cease to exist [Taine, 1996, p. 11].

The Taine's idea of the connection between changes in art and society influenced by some certain socials factors resonates with the statement of the "cultural-historical theory" in the psychology of L. S. Vygotsky who claimed that: "Art originally emerges as a powerful tool in the struggle for existence, and even a thought of its role limited to the expression of feelings having no power over this feeling is unacceptable. If only art had caused just joy or sadness inside us, it would have never preserved and acquired the meaning that we must recognize" [Vygotsky, 1986, p. 302].

Therefore, it is evident that art cannot be separated from its bearer (ethnic group) and historical background as well as its relevant tendencies.

In accordance with studies of Iranian and European sociologists and anthropologists, the most notable being those of Saied Zahid R. Cohen, the territory of Iran as an ethno-social organism is inhabited by pure Persian culture bearers, Islamic values bearers, and representatives of modernistic groups [R. Cohen, 2015]. This social structure contributes to the society di-

versification required for its sustainable functionality on the one hand, and cause many challenges related to the identity crises on the other. In this context, the most appropriate way to consider the identity of Iranian people as a patchwork quilt.

In this research paper the national identity is defined as a cultural norm reflecting individuals' reactions towards their nation and political system. The social identity is a set of reactions of the individuals united by a shared history, culture and religion arising in the process of their interaction with other individuals. The identity crisis is interpreted by the authors as a special state of spiritual culture of the society in which the process of internal transformation is actively taking place along with the modification of traditional spiritual-ethnic norms and a lifestyle under the influence of the foreign culture growing impact. However, since a donor-culture is opposed to the core of a traditional culture, recipient-culture bearers feel ambiguous and uncertain experiencing a psychological discomfort.

Results of the Study

The development of the modern Iranian fine art and its integration in the world art community contributed to the formation of the new national and social identities, both collective and individual in the 1990s.

The period from the 1990s to the beginning of the 2000s was marked by the qualitative development of neotraditionalism, especially after the presidential elections in 1997. The Culture Centre of Plastic Arts of the Ministry of Culture and Islamic Guidance and Teheran Museum of Contemporary Art as its principal operating centre became the centre of the development of fine art accumulating its all accomplishments. Thus, the Museum of Contemporary Art played a key role in the regular thematic exhibitions, seminars, workshops of the artists dedicated to the contemporary genres and techniques of fine art used in Iran as well as outside the country. Moreover, Iranian and foreign craftsmen from Europe and America took part in the events offered by the museum[1].

[1] *Hamid Keshmirshekan.* Contemporary Iranian Art: The Emergence of New Artistic Discourses // Iranian Studies, Vol. 40, №3, June 2007. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00210860701390448?scroll=top&needAccess=true (date of request: 19.01.2020).

During this period the Culture Centre of Plastic Arts of the Ministry of Culture and Islamic guidance also started to support private art galleries in Teheran and other cities of Iran.

In the 21st century traditions of modernism continue to evolve in the art of young artists. The surge of interest in fine art and sculpture among talented young people in Iran, the emergence of the new Internet platforms such as Instagram, Facebook et al. as well as a significant growth of fluent English speakers in the Iranian society contribute to the popularization of Iranian fine art outside the country and also give an opportunity to international researchers to study culture and art of Iran.

Among the most active contemporary modernist painters it is worth pointing out the founder of Teheran College of Fine arts in the hyperrealistic manner, Massoud Keshmir, his student, Ramona Shafie, a paintress Farzaneh Tajic whose works are well-known for the elements of pop-art style, surrealists Afarin Sajedi, Tahereh Samadi, and a master of alternative realism, Mojtaba Tajik.

A detailed analysis of albums and catalogues of the exhibitions took place from 2017 in Teheran and outside the city (an exhibition catalogue of Farzaneh Tajic's works in Saint Roch gallery in Paris and in the Netherlands in May 2018, exhibition catalogues of Tahereh Samadi in Teheran from 2011 to 2014 and outside Teheran from 2016 to 2019, exhibition catalogues of Mujtaba Tajik in Teheran from 2012 to 2016) published on the social media platforms, demonstrate the depth of the self-identification crisis. Their works focus on the themes of uncertainty, psychological devastation, permanent motion, impossibility of achieving the goal, fatigue, loneliness, instability, transformation, and social metamorphoses.

Worthy of note is the variety of genres and themes within one gallery or a museum of contemporary conceptual art, an absence of logic in placing of paintings, their classification and typologization[1]. Such freedom of creativity, the recognition of originality and value in every work, and a lack of censorship mark the beginning of a new era in Iranian fine art.

Nevertheless, there is a close link between the works of contemporary Iranian artists and traditional Islamic culture, as evidenced by the presence of the following patterns in the picture plane: covered faces/absence of head (fig.1), the use of favorable colors (yellow, black, white, blue, green, red)

[1] For more details check exhibition catalogues of DDCenter (the city of Izadshahr).

Fig. 1. Farzaneh Tajik. Beginning of a New Era. 140 × 120 cm. Cement, oil, 2016

Fig. 2. Farzaneh Tajik. Youth. 110 × 110 cm. Cement, oil, 2016

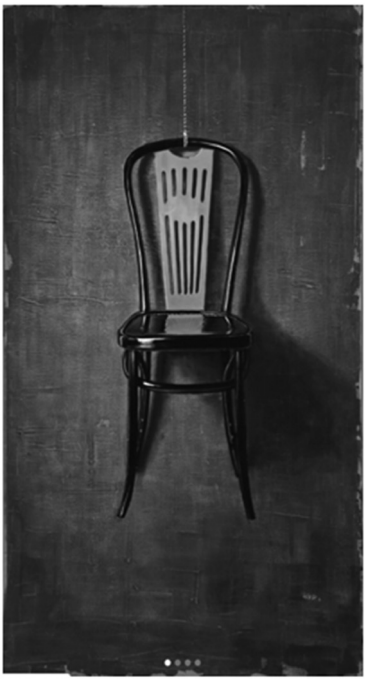


Fig. 3. Moji Tajik. Acryl, canvas 180 × 110 cm, 2018 (from the cycle "Lonely")

(fig.1), the contrast between the image and those meanings that lie beyond, a great number of symbolic objects in the picture plane (fig. 2), and geometric ornaments.

Among the modern patterns identifiable in the picture plane there are: heroes with uncovered heads, a depiction of heroes and heroines barefoot (fig. 1), positioning of a white arc behind the heroes as symbol of hope for a new period in the history of Iran, an introduction of teenagers in the picture plane and young people as a symbol of formation of a new generation, depicting of old, crushed, broken furniture and cutlery as symbols of a dying era in which the authors of these works do not see themselves anymore (fig. 3).

In the 21st century Iranian craftsmen learn how to work with a new material and acquire new techniques of art performance – a combination of cement and oil paints that brings a completely different interpretation and a deliberate rudeness strengthening the impression of an image.

Conclusion

The modern Iranian society of the 21st century is rigidly stratified which, on the one hand, explains the sustainability of cultural traditions, and on the other, cause the crisis of the ontological safety that is to ensure an adequate individual worldview and is the key to successful performance.

The national identity of Iranian people is originally a combination of Persian culture as a core, Zoroastrian beliefs, Shia Islam and modern traditions which is also reflected in the works of contemporary Persian artists.

Schools and craftsmanship communities of the 21st century, having Facebook and Instagram as the main venue for self-expression, represent the major rivals of the National Islamic state structure in the process of formation of the national identity as well as its transmission outside the borders of Iran.

Different audio-visual sources confirm the idea of Iranian people living through the crisis of the national, social, political and other identities resulting from globalization processes, the special geopolitical location of the country as well as the unique complex structure of the ethno-social organism of Iranian people developed in the process of ethnogenesis.

The identity crisis of Iranian people in fine art is expressed in the themes and portrayed objects as well as in the names of the paintings and exhibitions.

Regardless of the way how the government of the Islamic Republic of Iran change culture patterns using them as a tool of designing the political identity of the country, the modern educated citizens of Iran create their own identity of the 21st century that will be embodied by the modern generation of Iranian people.

The sustainable Persian culture is prone to changes due to its specific sensitive nature and curiosity, whereas its core remains unchanged throughout 11 centuries, and Persian people will never relinquish their cultural background. This suggests that, most likely, they will choose an original path in their development distinct from Islam and European development path. The path leading deeper into themselves.

References

Arutjunov S. A., Cheboksarov N. N. Transmission of information as the mechanism of living of ethnosocial and biological groups of mankind // Races and Peoples. M., 1972. Vol. 2. P. 8–30.

Bromlej Ju. V. Several remarks about social and natural factors of ethnogenesis // Nature. 1971. N 2. P. 83–84.

Taine I. The Philosophy of Art. M.: Respublika, 1996. 351 p.

Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. People, races, cultures. M: Nauka, 1985. 272 p.

Cohen R. Identities in Crisis in Iran. Politics, Culture, and Religion. Lexington Books, USA, 267 p.

ФЕРЕЙДУН МОШИРИ И НОВАЯ ПОЭЗИЯ ИРАНА

АБРАМЕНКО ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
старший преподаватель Института классического Востока и античности, факультет гуманитарных наук, ВШЭ,
iabramenko@hse.ru

Рассматривается творчество иранского поэта Ферейдуна Мошири, его место в персидской литературе середины XX века. Являясь представителем новой поэзии (шер-е ноу), он стоит особняком среди поэтов этого направления и продолжает традиции классической поэзии Ирана, умело сочетая старые формы и новое содержание. Вдохновленный новаторским стилем Нима Юшеджа, Мошири использует приемы стихосложения «эпохи модернизма», но в то же время обладает своей неповторимой манерой, позволившей ему не отказаться от классической рифмометрической композиции. Стилистические особенности его стиха сопоставляются с таковыми его предшественников и современников. Анализируются мировоззренческие аспекты и тематика творчества, расцвет которого пришелся на сложный период – эпоху неоднократной смены политического строя и трансформаций в культурной жизни Ирана. Этот этап ознаменовался созданием особой символики, посредством которой поэты завуалированно выражали свои политические взгляды. Обсуждаются особенности выражения гражданской позиции в творчестве Ф. Мошири, отмечается его верность принципам лирической поэтической традиции. Рассматривается своеобразие авторской манеры – преобладание темы любви, широкое использование мотивов природы как способа передачи настроения, приверженность романтическому наследию классиков иранской литературы.

Ключевые слова: Мошири Ферейдун, персидская литература, персидская поэзия, шер-е ноу, поэзия Ирана.

FEREYDOON MOSHIRI AND THE NEW POETRY OF IRAN

ABRAMENKO IRINA VALEREVNA
Senior Lecturer, Institute of Classical Orient and Antiquity, Faculty of Humanities, HSE,
iabramenko@hse.ru

The work of the Iranian poet Fereydoon Moshiri, his place in Persian literature of the mid-XX century is considered in the article. As a representative of the new poetry (Sher-e Nou), he stands apart among the poets of this direction and continues the tradition of classical poetry of Iran, skillfully combining old forms with new contents. Inspired by the innovative style of Neemaa Yushage, F. Moshiri uses the

techniques «modernist poetry», but at the same time has its own unique style that allowed him to not abandon the classical reformational composition. The stylistic features of his verse are compared with those of his predecessors and contemporaries. The ideological aspects and themes of creativity, which flourished during a difficult period – the era of repeated changes in the political system and transformations in the cultural life of Iran are analyzed. This epoch has been marked by the creation of a special symbolism, through which the poets veiled their political views. Peculiarities of the expression of civic attitude in works of Moshiri are discussed, loyalty to the principles of lyric poetic tradition is pointed out. The originality of the author's manner – the predominance of the theme of love, the widespread use of nature motifs as a way of conveying the mood, the commitment to the romantic heritage of the classics of Iranian literature is analyzed.

Keywords: Moshiri Fereydoon, Persian literature, Persian poetry, Sher-e Nou, poetry of Iran.

Введение

Классическая персидская поэзия на многие века определила развитие словесности в Иране. Ее традиции сильны и сейчас, хотя стихосложение претерпело большие перемены, обусловленные как приобщением иранцев к европейским идеям и эстетике, так и переломными общественно-политическими событиями в стране. Политико-экономические и религиозные катаклизмы вызвали изменения, охватившие все сферы жизни, повлияли на сознание персидских поэтов и писателей, в том числе таких великих личностей, как основоположник «she'r-e nou» («шер-е ноу» – новая поэзия) Нима Юшедж (1895–1960), блистательная Форуг Фаррохзад (1935–1967), классик Надер Недерпур (1929–2000) и др. Они начали писать о своих личных чувствах по отношению к политическим и социальным преобразованиям. С их помощью персидская проза и поэзия освобождались от устаревших канонов, а у последователей «шер-е ноу» появилась возможность создания поэтических произведений в модернистском стиле как по форме (без размера и рифм, свободным стихом), так и по содержанию (символизм, поток сознания, сюрреализм).

Ферейдун Мошири, расцвет творчества которого пришелся на вторую половину XX века, – один из наиболее почитаемых и любимых поэтов современного Ирана. Более всего он известен как поэт, нашедший золотую середину между классической и современной поэтическими школами.

Методология

В работе использованы исторический, биографический, интуитивистский, сравнительный, описательный методы.

Основные результаты

Ферейдун Мошири родился в Тегеране в 1926 г. Его отец и мать – поклонники поэзии – с детства прививали детям любовь к произведениям классиков. Неудивительно, что Мошири начал сочинять стихи в раннем возрасте, а затем поступил в Тегеранский университет для углубленного изучения персидской литературы. Его первое стихотворение было опубликовано в прогрессивном периодическом издании «Irān-e mā» (Наш Иран). Дальнейшая творческая жизнь Мошири была тесно связана с известными литературными журналами. 18 лет он отвечал за раздел поэзии и прозы журнала «Rošanfekr» («Интеллигент»); в качестве редактора и обозревателя долгие годы сотрудничал с журналами «Sepid-o siāh» («Черное и белое») и «Soxan» («Слово»). Его первый сборник стихов «Tešne-ye tufān» («Жаждущий бури») был опубликован в 1955 г. Позже были выпущены книги «Abr» («Облако», 1961), «Bahār-rā bāvar kon» («Поверь весне», 1968) «Parvāz bā xoršid» («Полет с солнцем», 1969), «Az xāmuši» («Из тишины», 1977), «Morvārid-e mehr» («Жемчужина любви», 1986), и др.[1]

Ф. Мошири, имея широкий литературный кругозор, выбрал для себя нечто среднее – не отказавшись от традиций классической поэзии Ирана, он влил в старые формы новое содержание, но не стал при этом истым сторонником модернизма. Путь, который он выбрал, был балансом в современной иранской поэзии. Связь с традицией прослеживается в ритмико-интонационном строе и в поэтичности языка, хотя во многих произведениях проявляются новаторские тенденции. Мошири большей частью писал свободным стихом с разнообразным ритмическим рисунком. Например, в сборнике «Tešne-ye tufān» («Жаждущий бури») одна треть стихотворений написана в классических размерах – четверостишия (do-beyti) и рифмованные куплеты (maṯnavi), остальные

[1] Далее годы издания книг на фарси даны по Солнечной хиджре.

представлены в более современных форматах, в основном (čahārpārā), с расположением рифмующих строк вида abcb.

В сборнике «Gonāh-e daryā» («В чем виновато море») половина стихотворений выдержана в классическом стиле (aruż), половина – в современном, а стихотворение «Barā-ye āxarin ranj» («Последняя мука») – в стиле Нима Юшеджа [Мошири Ферейдун, 1373[2]. С. 71]. Через несколько лет в сборнике «Abr» («Облако») свободный стиль Нима проявляется ярче.

Ферейдун Мошири – поэт философско-лирического склада. Его темами становятся человеческие переживания и чувства, вечные вопросы жизни и смерти, рока и несправедливости, предназначения человека на земле, но самое значительное место в творчестве Мошири занимает любовная лирика.

Найди любовь, и ей себя вручи,	‘Ešq-rā dar-yāb va xod-rā vā-gozār
И новой жизни заблестят лучи.	tā beyābi jān-e nou xoršidvār.
Исток и вечность бытия она –	‘Ešq hastizā va ruhafzā bud
Все совершенно, в чем любовь видна[1].	Har če farmān midehad zibā bud.

[Мошири Ферейдун, 1381. Т. 2. С. 1236]

В его любовной лирике в основном используются традиционные, возможно, несколько архаичные, образы и оппозиционные пары: луна и солнце, день и ночь, море и небо, птицы в полете, цветы, ароматы, песни. За этими образами со времен Саади и Хафиза закреплен вполне определенный, устойчивый шлейф ассоциаций. Впрочем, не только Мошири, но и многие его современники (Надер Надерпур, Хошанг Эбтехадж Сайе) обращались к проверенным временем образам и классической гармонии. В качестве примера приведем строки Н. Надерпура из стихотворения «Гадальщик».

Лучи сплетя в сверкающий клубок,
осело полновесное светило
взойдя как огнедышащий цветок,
заря пустое небо осенила.

[Новые иранские поэты на берегах Невы, 1999. С. 73]

[1] Здесь и далее перевод автора. Стихотворение Н. Надерпура дано в переводе В. Полещука.

Любовная лирика Мошири нежна, печальна и искренна. Произведения этой тематики можно разделить на те, в которых любовь дарит радость, и на те, где лирический герой охвачен тоской и грустью. Среди первых отметим «Gol-e omid» («Цветок надежды»), «Parvāz bā xoršid» («Полет с солнцем»), «Behtarin-e behtarin-e man» («Моя лучшая из лучших») [Мошири Ферейдун, 1365. С. 44, 69, 150].

Когда бы ласточкой на маковке вселенной Я щебетал, счастливый, вдохновенный, Я спел бы радость и восторг любви, Весь этот мир, свободный и нетленный.	Parastu bāšam va az bām-e hasti Boxānam naγmehā-ye šouq-o masti Sorud-i sar konam ba xāter-i šād Sorud-e ‘ešq-o azādi parasti.

[Мошири Ферейдун, 1365. Т. 2. С. 38]

Но совершенно иная картина предстает в стихах, где лирический герой несчастен, одинок и погружен в свои чувства и воспоминания. Такие стихи составляют подавляющую часть корпуса его любовной лирики: «Šabāhang» («Соловей»), «Parasteš» («Поклонение»), «Bāzgašt» («Возвращение»), «Divāne» («Сумасшедший»), «Ašk-e xodā» («Слеза бога») [Мошири Ферейдун, 1373[2]. С. 28, 34, 52, 62, 127], многие произведения из сборника «Abr va kuče» («Облако и улица», 1345). В изображении горестных аспектов любви талант автора проявляется ярче – образы становятся более неожиданными, метафоры и аллегории – выразительнее.

Опять сегодня ночью дождь С небес поток несчастий льет На голову мою и скорбную мою любовь…	Bāz emšab šab-e bārāni-st Az havā seyl-e balā rizad Bar man-o ešq-e γamāviz-am…

[Мошири Ферейдун, 1373[2]. С. 127]

Сердце должно быть из камня, Чтоб не стенать от любви…	Del az sang bāyad ke az dard-e ‘ešq Nanālad…

[Мошири Ферейдун, 1365. С. 29]

Я дерево в пустыне, что высохло давно, И жизнь свою влачило одно, всегда одно…	Deraxt-i xošk-rā mānam be sahrā, Ke ‘omri sar konad tanhā-ye tanhā…

[Мошири Ферейдун, 1373[2]. С. 208]

[1] Там же.

Со временем любовной лирики в творчестве Мошири становится меньше, но элементы романтики до самого конца проявляются во всех его сборниках. Да, Ферейдун Мошири – романтик, но романтик-идеалист, который провозглашает Любовь-братство, Любовь-взаимопонимание, Любовь-мир, любовь, как связь между всеми компонентами Природы. Его поэтическое послание – это жажда светлого и прекрасного мира для всего человечества и всех божьих творений.

Идеи единения с природой, поиска в ней духовной опоры волновали многих поэтов, таких как Нима Юшедж, Шахрийар, Мехди Ахаван Салес, Казем Садат Ашкури. Среди них был и Мошири, произведения которого или полностью посвящены описанию природных явлений, или основываются на лексике, присущей пейзажной лирике. У Мошири приметы природы часто являются символами, которые отображают внутреннее состояние автора, указывают на культурные и общечеловеческие проблемы, демонстрируют реакцию на определенные события в государстве.

Природные стихии и элементы – земля, огонь, ветер и дождь, звезды, деревья – наполняют его стихи: «Tolu'» («Восход») из «Morvārid-e Mehr» («Жемчужина любви») [Мошири Ферейдун, 1375. С. 21], «Rāz» («Тайна») из «Az k̲āmuši» («Из тишины») [Мошири Ферейдун, 1381. Т. 1. С. 612], «Ek laḥẓe ārāmeš...» («Мгновение покоя») из «Āvāz-e ān parande-ye γamgin» («Песнь той печальной птицы») [Мошири Ферейдун, 1376[1]. С. 84], «Шахр» («Город») из «Tā ṣobḥ-e tābnāk-e Ahurāii» («До лучезарного утра Ахуры») [Мошири Ферейдун, 1381. Т. 2. С. 1559].

Запах зелени, запах земли, запах дождя,	Bu-ye bārān, bu-ye sabze, bu-ye xāk
Чистые ветви, омытые ливнем, дрожат.	šaxehā šoste, bārān xorde, pāk
Облако белое и небес синева,	āsemān abi-vo abr sepid
Свежая ивы листва.	Barghā-ye sabz-e bid
Аромат нарцисса и ветра пляс,	'Atr-e narges, raqs-e bad
Ликующих ласточек страстный глас,	Naγme-ye šouq-o parastuhā-ye šād
Хмельных голубей тихая воркотня…	Xalvat-e garm-e kabutarhā-ye mast…
Так, осторожно приходит весна	Narm narmak miresad inak bahār
В счастливый мир!	Xoš be hāl-e ruzegār!

[Мошири Ферейдун, 1365. С. 51]

Два мотива – любовь и природа – соединены друг с другом в стихотворении «Полет с солнцем». Именно они определяют развитие об-

щей темы стихотворения, так как организованы по принципу тематического кольца: образы природы включены внутрь любовного мотива, автор проводит аналогии между своей жизнью и движением солнца.

Мы оба радостью полны весенним утром,
Бежим, оставив позади безмолвный сумрак.
Мы оба нежимся в объятиях Природы,
Глазами сердца созерцая жизни мудрость.
[Мошири Ферейдун, 1365. С. 69]

Mā har do, dar in sobh-e tarabnāk-e bahāri
Az xalvat-o xāmuši-ye šab, pā befarar-im
Mā har do, dar āguš-e por az mehr-e tabi'at
Bā dide-ye jān mahv-e tamašā-ye bahār-im.

Конечно, поэт не ограничивается отображением индивидуалистических любовных переживаний, он осознает невозможность оставаться в замкнутом кругу личных чувств. Восхваление Ирана и выражение любви к Родине – еще одна тема, характерная для его творчества («Irān-o javānān» («Иран и молодежь») в сборнике «Tā ṣobḥ-e tābnāk-e Ahurāii» («До лучезарного утра Ахуры») [Мошири Ферейдун, 1383. С. 102], «Simurg» («Симург») в «Avāz-e ān parande-ye γamgin» («Песнь той печальной птицы») [Мошири Ферейдун, 1376[1]. С. 10]. Он посвятил Ирану («be Irān-am, Irān-e jāvdān-am» – «моему Ирану, моему Вечному Ирану») одно из самых своих знаменитых стихотворений, выдержанное в поэтическом стиле Нима «Hamiše bā to...» («Навек с тобой…»).

Я существую потому,
что существуешь ты.
Далеко ль – близко ли,
Голодный или сытый,
Свободный, пленный,
Радостный, печальный…
Да не настанет миг,
когда тебя не станет!
[Мошири Ферейдун, 1373[1]. С. 7]

Ma'anā-ye zende budan-e man,
ba to budan-ast.
Nazdik, dur
Sir, gorosne
Rahā, asir
Deltang, šod.
Ān lahze-ii ke bi to sar-āyad ma-rā mabād!

Творчество Мошири, в отличие от многих его современников, не мимикрировало в зависимости от доминирующих общественно-политических идей и тенденций. Доброта, человечность и искренность – вот главные качества Мошири, и его призыв оставаться верным гуманисти-

ческим традициям и вечным нравственным ценностям неизменен в его произведениях: «Kuč» («Кочевье») из «Bahār-rā bāvar kon» («Поверь Весне»), «Ranj» («Усилия») из «Az xāmuši» («Из тишины») [Мошири Ферейдун, 1376[2]. С. 66, 112], «Bā zabān-e ašk inak…» («Языком слез, итак…») из «Az diār-e āšti» («Из страны примирения») [Мошири Ферейдун, 1372. С. 14]. Он восхваляет дружбу и привязанность, ищет согласия и взаимопонимания, взывает о сочувствии к врагам, верит в то, что любовь спасет мир («Кто не с нами», «Со слов любви», «Любите!»).

Говорят, кто не с нами,
тот связался с врагами.
Отвечаю, вы это у лукавого взяли.
Тот, кто милостив,
тот и с недругом дружен,
Эй, злонравные!
Ваши сердца из стали!
[Мошири Ферейдун, 1381. Т. 2. С. 1203]

Gofte mišavad: «har ke bā mā nist
bā došman-ast!»
Goftam: ari, in soxan farmude-ye
Ahriman-ast!
Ahl-e ma'na, ahl-e del
bā dušmanan ham dust-and,
Ey šoma, bā xalq-e došman?!
Qalbhā-etān az āhan-st?!

В двух последних сборниках Мошири «Az darriče-ye māh» («В окошко луны», 1383) и «Navāi-ye ham-āhang-e bārān» («Мелодия гармонии дождя», 1384), опубликованных после его смерти, много стихотворений социальной направленности. В некоторых из них он присоединяется к рядам диссидентов (Ахмад Шамлу, Нусрат Рахмани, Йадаллах Амини), выражая глубокую озабоченность подавлением свобод и разрушением демократических идей. В стихах этих поэтов все чаще проявляется разочарование из-за несбывшихся надежд, пессимистические настроения. Тоталитарный политический режим и религиозный диктат вынуждали поэтов вспомнить о традиционных символах и образах, способных в завуалированной форме передать чувства и идеи автора. Так, стихотворения Мошири «Āh, bārān» («Ох, дождь»), «Gorg» («Волк»), «Sobh-ast» («Утро»), «Jām agar bešekast..?» («Если кубок разобьется..?») построены на принципе аллегории.

Колодцы и глаза пересыхают,
Свет поглощается гнетущей тьмой,
Сродни тому, как имена – бесчестьем!
Все, что вокруг, – в разврате закоснело.

Česmhā va češmeha xošk-and.
Roušanāiihā mahv dar tāriki-ye deltang,
Hamčenan ke nāmhā dar nang!
Har če pirāmun-e mā qarq-e tabāhi-st.

О, дождь, – надежда бодрствующих душ!	āh, bārān, ey omid-e jān[e] bidārān!
Пучина скверны, что на дно нас тянет,	Bar palidehā – ke mā ‘omri-st dar gerdāb-e
да будет ли она побеждена?	ān qariq-im – āyā čire xāhi šod?

[Мошири Ферейдун, 1373[1]. С. 17]

Мошири сочетает новое, присущее его времени видение мира с элементами традиционной манеры письма. Его стихи тесно связаны с образным миром классиков. Иногда он напрямую цитирует известные строки (например, Хафиза), отталкивается от них и от уже сложившейся ассоциации и создает собственный художественный ряд. Иногда же развивает и дополняет высказывание своего великого предшественника, по-своему его интерпретируя, например, в стихах «Xuše-ye ašk» («Гроздья слез»), «Hamrāh-e hāfez» («Вслед за Хафизом»).

Творчество Ферейдуна Мошири практически незнакомо русскому читателю. Этот замечательный, светлый поэт бережно подходил к традициям классической персидской литературы, имеющемуся художественному опыту, глубоко почитал мастеров прошлых эпох. Его стихи просты и изящны, пронизаны мотивами добра и кротости. Знакомство с его произведениями было бы полезно для изучающих персидский язык.

Список литературы

Новые иранские поэты на берегах Невы / сост. А. Андрюшкин, Ф. Абдуллаева. СПб.: Алетейя, 1999. С. 77. (на рус. яз.)

Мошири Ферейдун. Парвоз бо хоршид [پرواز با خورشید]. Полет с солнцем. Тегеран: Марви, 1365. 180 с. (на перс. яз.)

Аз дийор-е ашти [از دیار اشتی]. Из страны примирения. Тегеран: Чешме, 1372. 150 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Ах, баран [آه باران]. О, дождь. Тегеран: Чешме, 1373[1]. 144 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Сэ дафтар [سه دفتر]. Три сборника. Тегеран: Чешме, 1373[2]. 330 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Морварид-е мехр [مروارید مهر]. Жемчужина любви. Тегеран: Чешме, 1375. 100 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Аваз-е ан паранде-йе камгин [آواز آن پرنده غمگین]. Песнь той печальной птицы. Тегеран: Чешме, 1376[1]. 162 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Делавизтарин [دلاویزترین]. Прекраснейшая. Тегеран: Чешме, 1376[2]. 234 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Бастаб-е нафас-е собхдаман [بازتاب نفس صبح دمان]. Отражение дыхания утра.: в 2 т. Т. 1. Тегеран: Чешме, 1381. 820 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Бастаб-е нафас-е собхдаман [بازتاب نفس صبح دمان]. Отражение дыхания утра.: в 2 т. Т. 2. Тегеран: Чешме, 1381. 850 с. (на перс. яз.)

Мошири Ферейдун. Собх-е табнак-е Ахурайи [تابناک صبح آن تا خورایی]. До лучезарного утра Ахуры. – Тегеран: Чешме, 1383. – 144 с.

References

Novye iranskie poety na beregah Nevy [New Iranian poets on the banks of the Neva]. Ed. A. Andryushkin, F. Abdullaeva. Saint Petersburg, Aleteya, 1999. 77 p. (in Russ.)

Moshiri Fereydoon. Parvaz ba xorshid [Flying with the sun]. Tehran, Marvi, 1365, 180 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Az diyare ashti [From the country of reconciliation]. Tehran, Cheshmeh, 1372, 150 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Ah, baran [Oh, rain]. Tehran, Cheshmeh, 1373, 144 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Se daftar [Three collections]. Tehran, Cheshmeh, 1373, 330 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Morvaride mehr [Pearl of love]. Tehran, Cheshmeh, 1375, 100 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Avaze an parandeye qamgin [The song of that sad bird]. Tehran, Cheshmeh, 1376, 162 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Delaviztarin [Delightful]. Tehran, Bachman, 1376, 234 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Baztabe nafase sobhdaman [Morning breath reflection]. Tehran, Cheshmeh, 1381, Vol. 1, 820 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Baztabe nafase sobhdaman [Morning breath reflection]. Tehran, Cheshmeh, 1381, Vol. 2, 850 p. (in Farsi)

Moshiri Fereydoon. Sobhe tabnake ahuraii [Until the radiant morning of Ahura]. Tehran, Cheshmeh, 1383, 144 p. (in Farsi)

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ХАНГЫЛЬ. ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

СОН ЖАННА ГРИГОРЬЕВНА
доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
jgson@hse.ru

Статья посвящена истории развития корейской письменности хангыль на советском Дальнем Востоке. С 1924 по 1937 г. в СССР было издано более пятисот книг для корейских школ и техникумов на корейском языке (хангыль). С 1934 по 1937 г. было издано 22 книги по русской литературе. В этом списке переводы произведений великих русских писателей: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, М. Горького, В. В. Маяковского и др. Впервые в мире была переведена русская и советская литература на корейский язык для массового читателя. Корейская интеллигенция в лице общественно-политических деятелей через русскую и корейскую культуру активно развивала корейский язык в СССР. Русская и советская литература сыграла огромную роль в формировании самосознания, национального сознания и самоидентификации корейцев. Книги на корейском языке, созданные в СССР, являются культурным наследием и исторической памятью о целом поколении людей. Они хранят память, отражают менталитет, идеалы, стремления, мировоззрение корейского народа, воспринявшего Россию своей второй родиной.

Ключевые слова: СССР, Корея, школьные учебники, русская литература, советская литература, переводы на корейский язык.

ON THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE KOREAN WRITTEN LANGUAGE HANGUL. THE FIRST TRANSLATIONS OF RUSSIAN AND SOVIET LITERATURE INTO KOREAN LANGUAGE

ZHANNA GRIGORIEVNA SON
Associate Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics
jgson@hse.ru

The article is devoted to the history of the development of the Korean written language Hangul in the Soviet Far East. From 1924 to 1937 in the USSR, more than

five hundred books were published for Korean schools and technical schools in the Korean language (Hangul). From 1934 to 1937, 22 books on Russian literature were published. This list contains translations of the works of great Russian writers A. S. Pushkin, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, M. Yu. Lermontov, N. A. Nekrasov, I. S. Turgenev, N. V. Gogol, I. Goncharov, M. Gorky, V. Mayakovsky and others. For the first time ever, Russian and Soviet literature was translated into Korean for the general reader. The Korean intelligentsia throughout the Russian and Korean culture, actively developed the Korean language in the USSR. Russian and Soviet literature played a huge role in the formation of self-awareness, national consciousness and self-identification of Koreans. Books in Korean created in the USSR, are a cultural heritage and historical memory of a whole generation of people. They preserve the memory, reflect the mentality, ideals, aspirations, and worldview of the Korean people, who accepted Russia as their second homeland.

Keywords: USSR, Korea, schoolbooks, Russian literature, Soviet literature, translations into Korean.

Введение

Роль языка в накоплении культуры и ее историческом наследии очевидна и очень велика. При этом язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, т. е. национальную культуру. Необходимо более глубоко и тщательно изучить мир носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера. В основе изучения любого языка лежит исследование социокультурной картины мира, нашедшей свое отражение в языковой картине мира.

В российской историографии о корейской культуре и образовании советских корейцев имеется широкий спектр публикаций. Сведения о деятельности корейского театра, о корейской музыке [Ён Сёнён, Королёва, 2012], о работе советских партшкол, где получали образование сотни советских корейцев, можно найти в монографиях Б. Д. Пака [Пак, 1995], Ким Сын Хва [Ким Сын Хва, 1965], С. Г. Нам [Нам, 1998], краткий обзор об образовательной деятельности корейцев на Дальнем Востоке освещен в монографии Ж. Г. Сон [Сон, 2013], о культурном просвещении корейского населения пишет в своей статье Ю. В. Аргудяева [Аргудяева, 2018], а также информация хранится в дальневосточной периодической печати [Народное образование на Дальнем Востоке, 1935].

До XX в. вся литература в Корее была написана на ханмуне (китайское иероглифическое письмо). Изучение ханмуна было доступно не каждому корейцу, и это тормозило развитие образования корейского населения. В начале XX в. только 3% населения было грамотным. После аннексии Кореи Японией (1910) японскими властями принимались меры по повышению уровня образования корейцев с целью использования рабочей силы на промышленных предприятиях. На хангыле с комментариями на японском языке издавались учебники для школьного образования. После 1920 г. во всех учебных заведениях преподавание перешло полностью на японский язык.

Исследования в области образования в японскую колониальную эпоху проводились по разным аспектам. Среди них – исследование политики в области образования и анализ изданных учебников по судостроительной промышленности представлены Хо Чжэёном (허재영) [Хо Чжэён, 2009]. Автором сделан анализ статей изданных в газете «매일신보» о политике по изменению государственных учебников. Большинство работ посвящено критике японской колониальной политики в Корее.

В Республике Корея проводились исследования в области образования и культуры советских корейцев на Дальнем Востоке (1920–1930). Основным источником для этих исследований являлась газета «Сонбон» (선봉) на корейском языке [Пан Бённюль, 2003].

К репрезентативным исследованиям можно отнести исследования Бэ Ынгёнг (배은경) [Бэ Ынгёнг, 2003]. Ею достаточно подробно изучено корейское образование на советском Дальнем Востоке. Сведения о Никольск-Уссурийском корейском педагогическом техникуме (니콜스크-우스리스크 고려사범전문학교), основанном в 1927 году, о Корейском педагогическом институте Кыкдонга (원동조선사범대학) внесли большой вклад в историографию о советских корейцах.

В Республике Корея проведены исследования издательской деятельности корейцев на российском Дальнем Востоке (1920–1930). Среди них выделяются работы Пак Чансу (박찬수) [Пак Чансу, 2015]. Им дан анализ содержания текстов статей из газеты «Сонбон», на основании которого автором сделаны выводы о роли и значении периодической печати, о развитии направлений издательской культуры корейцев. Автор разделил издательскую деятельность корейцев на три периода.

В 1923–1925 гг. в центре внимания были статьи, связанные с установлением советской власти. Пак Чансу отмечает, что в 1926–1929 гг. издательская политика была направлена на образование и борьбу с безграмотностью корейского населения на Дальнем Востоке. Статьи Пак Чансу посвящены главным образом вопросам образования, решению проблем, связанных с открытием школ для основной массы корейского населения. В 1930–1937 гг. – краеугольным камнем социально-экономического развития и массовой пропаганды, становится экономика. Так называемый переходный период во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, в том числе активная кампания по коллективизации сельского хозяйства.

В южнокорейской историографии имеются публикации о развитии корейского языка на Дальнем Востоке (1920–1930). Известный ученый Ко Сонму (고송무) отмечает, что после перевода этнических школ, созданных корейцами, в статус государственных школ и при поддержке корейским сообществом «коренизации» учителя корейского языка занялись написанием учебников на корейском языке [Ко Сонму, 1990].

Исследование Им Гёнгхва (임경화) также обращает внимание на развитие корейского языка в корейском обществе на советском Дальнем Востоке. В своей статье автор рассматривает вопрос о развитии корейской письменности хангыль. Им Гёнгхва связывает данный аспект в рамках движения за культурную независимость корейцев. По его мнению, был специально разработан «Красный хангыль» корейскими мигрантами на советском Дальнем Востоке, с чем сложно согласиться. Корейские коммунисты-просветители описали и структурировали грамматику корейского языка хангыль. В Корее в конце XIX в. попытки описать грамматику были сделаны иностранными миссионерами-учеными. Также в этой статье особое внимание уделяется просветителям корейской культуры и языка Ге Бону (계봉우) и О Чанхвану (오창환) [Им Гёнгхва, 2016].

Многочисленные исследования посвящены жизни и деятельности борца за независимость Кореи – Ге Бону. Статьи Ге Бону, посвященных новаторской жизни советских корейцев, являются важными доказательствами реальной ситуации вокруг Корейского полуострова и положительного опыта мигрировавших корейцев [Чжо Донголь, 1997].

Научный интерес к деятельности советских корейцев на Дальнем Востоке не иссякает. Если ранее в основном проводились исследования

в области истории, то в последнее время внимание корейских ученых привлечено к таким областям науки, как корейский язык и лингвистика. Особое внимание привлекает работа Ким Пхилёнга (김필용) [Ким Пхилёнг, 2011], в которой на основании шести статей Ге Бону представлены как проблемы социума, так и статус образования на корейском языке в Советском Союзе и в Центральной Азии.

Первые попытки описания корейской грамматики были сделаны западными миссионерами, проповедовавшими христианство на Корейском полуострове в XIX в. Среди них: Жан-Пьер Абель-Ремюза (Jean Pierre Abel-Rémusat), Юлиус Генрих Клапрот (Heinrich Julius Klaproth)[1]. В Корее в 1906 г. грамматика была описана основоположником корейской лингвистики Джу Сигёном[2]. Следует отметить, что в связи с политической ситуацией на Корейском полуострове дальнейшее развитие в этой области прекратилось.

В 2009 г. на Первой московской российско-корейской конференции литературных переводчиков отмечалось, что в 1909 г. был осуществлен перевод на корейский некоторых произведений Льва Толстого[3].

Таким образом, история корейской письменности хангыль в российской и зарубежной историографии изучена достаточно слабо. Важными аспектами остаются роль и значение русской культуры в жизни советских корейцев, формирование самосознания и этнического сознания в процессе советизации и выстраивания межкультурных коммуникаций. В данной статье исследуется процесс слияния двух культур через русскую литературу, переведенную на корейский язык.

Методология

В данном исследовании была использована историко-культурологическая методология. Изучение истории образовательной деятельности корейцев, или *корё сарам,* на советском Дальнем Востоке ведется

[1] Ури ёксанэт. [우리 역사넷] Наш исторический сайт, 2019, URL: http://contents.history.go.kr/mobile/nh/view.do?levelId=nh_045_0030_0020_0050 (date of access: 13.12.2019).

[2] Там же.

[3] В Москве открылась первая российско-корейская конференция литературных переводчиков, 21.12.2009. URL: https://russkiymir.ru/news/63744/ (дата обращения: 15.12.2019).

на основе принципа историзма в рамках системного подхода, что позволяет отобразить корейское общество на разных этапах его развития.

Системный подход обусловил применение структурно-функционального метода, с помощью которого были получены результаты анализа сохранившегося материала в виде учебников на корейском языке. Эти учебники использовались в корейских школах с 1924–1937 гг. За этот период было составлено и издано более 140 книг. В них отражаются динамика осуществления государственной национальной политики в СССР и культурно-просветительская деятельность советских корейцев.

Основные результаты

После революции 1917 г. был принят Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Согласно ему, население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или русском языке (по желанию). Народному комиссариату просвещения предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Декрет предусматривал также создание школ для переростков, школ при детских домах, колониях и прочих учреждениях.

Кампания по ликвидации безграмотности с 1919 г. до начала 1940-х гг. – массовое обучение грамоте взрослых и подростков, не посещавших школу, – была уникальным и самым масштабным социальным и образовательным проектом всей истории России.

Благодаря советской власти было положено начало формированию кадров корейской национальной интеллигенции в области просвещения, искусства, литературы и науки. Острая потребность в квалифицированных учительских кадрах явилась основой для появления первых корейцев-интеллигентов именно в сфере народного образования. Некоторые преподаватели корейских школ получили образование в Корее или Японии, но их было недостаточно. Они не могли справиться с поставленными перед ними задачами советизации в учебно-воспитательной работе. В связи с ростом численности корейских школ и учащихся,

прежде всего первой ступени, необходимы были педагогические техникумы для подготовки учителей для начальных классов.

В 1923 г. при Никольск-Уссурийском педагогическом техникуме было открыто корейское отделение, на котором обучался 21 человек, окончивших школу первой ступени. На отделении техникума было два класса, где работали шесть преподавателей. Одного корейского отделения было совершенно недостаточно, поэтому вопрос о необходимости открытия корейского педагогического техникума поднимался неоднократно корейской общественностью и ставился перед партийными и советскими органами. В итоге на Дальнем Востоке функционировали два педагогических техникума (Никольск-Уссурийск, Владивосток) и педагогический институт во Владивостоке.

Во Владивостоке в Дальневосточном объединении государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) при Народном комиссариате просвещения РСФСР был сформирован корейский сектор в составе 10 человек. К 1931 г. на корейском языке было выпущено 71 название книг общим объемом 10 тыс. страниц и тиражом в 332 тыс. экземпляров. После 1930 г. издательство было переведено в Хабаровск. В настоящее время в Российской государственной библиотеке хранится более 500 изданий на корейском языке, выпущенных во Владивостоке, Хабаровске, Москве, Ленинграде и Ташкенте.

Переводы русской и советской литературы на корейский язык

Первые переводы на корейский язык произведений русской и советской литературы для массового читателя были сделаны в 1930-х годах на Дальнем Востоке. Советские корейцы-переводчики с 1924 по 1937 г. перевели более ста учебников для начальной, средней школы и техникумов. Среди них – хрестоматии по русской и советской литературе. В этот список входят произведения великих русских писателей: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, М. Горького, В. В. Маяковского и многих других.

Группа переводчиков составляла не более шести–восьми человек, они переводили на хангыль не только учебники по всем предметам, ли-

тературу, но и отраслевые, медицинские, экономические тексты, что свидетельствует о высоком уровне образования и культуры переводчиков.

В СССР для организации учебного процесса требовались учебники по корейскому языку. С 1924 по 1931 г. было создано более десяти учебников по корейскому языку. Среди авторов-составителей такие выдающиеся общественно-политические деятели, как О Сенмук, Ге Бону, О Чанхван, О Санир и др. В рекордные сроки были написаны учебники грамматики по корейскому языку и переведены советские учебники для начальной и средней школы.

В 1924 г. издан первый букварь для детей: Пульгын аи [붉은 아이. 로력학교용 새독본. 대 1권. 대 2편] Красное дитя, книга 1. Владивосток, 1924. 133 с.;

В 1925 г. – Пульгын аи [붉은 아이. 로력학교용 새독본. 대 2 권. 연해도교육부편찬] Красное дитя, книга 2. Владивосток, 1925. Владивосток, 1925. 416 с.; Чжаранэ токбон [자란이의 독본] Букварь для взрослых. Владивосток, 1925. 48 с.;

В 1926 г. – Пульгын аи [붉은 아이. 로력학교용 새독본. 대 3 권. 연해도교육부편찬] Красное дитя, книга 3. Хабаровск–Владивосток, 1926. 275 с.; Пульгын аи [붉은 아이. 새독본. 대 1 권] Красное дитя, книга 1. Хабаровск–Владивосток, 1926. – 64 с.

1927 г. – Пульгын аи [붉은 아이. 새독본. 대 1 권] Красное дитя, рабочая книга для чтения на корейском языке (3-й год обучения). Хабаровск–Владивосток, 1927. 272 с.; Пульгын аи [붉은 아이. 새독본. 대 3 권] Красное дитя, хрестоматия для учащихся корейских школ 1-й ступени (2-й год обучения). Хабаровск–Владивосток, 1927. 275 с.; Пульгын аи [붉은 아이. 새독본. 대 4 권] Красное дитя, книга для чтения на корейском языке (Год IV). Хабаровск–Владивосток, 1927. 272 с.

В 1929 г. вышло три учебника: Сетокпон (чжаране) [새독본 (자란의) 제 1권] Новый букварь для взрослых, часть 1. Хабаровск, 1929. 32 с.; Сетокпон (чжаране) [새독본 (자란의) 제 2권] Новый букварь для взрослых, часть 2. Хабаровск, 1929. 97 с.; Сехаккё [새학교. 제 1권] Новая школа. Книга 1 для школьников. Хабаровск, 1929. 80 с.

Авторы-составители этих учебников – Ни Павел, О Санир и О Чанхван.

В 1930 г. О Чанхван опубликовал корейскую грамматику: Корёмунчжон [오 창 환. 高麗文典 (고려문전)] Грамматика корейского

языка. Хабаровск, 1930. 102 с. В этом труде содержатся методические указания для преподавателей корейского языка. Корейская грамматика подробно описана на ханмуне.

В этом же году были изданы: первая книга после букваря для корейских школ 1-й ступени: Сехаккё [새학교. 제 1권] Новая школа. Рабочая книга для 4-го года обучения. Хабаровск, 1930. 152 с.; Сехаккё [새학교. 제 4권] Новая школа. Книга 4. Хабаровск, 1930. 216 с.

В Хабаровске в 1931 г. в издательстве «Книжное дело» выпускали журнал-учебник для 3–4 групп: Оринконсольджа. Кёквасо-чжабчи. [어린건설자. 교과서-잡지] Юные строители. Журнал-учебник. № 1 (3) – 5–6, Хабаровск, 1931. Журнал выходил один раз в два месяца. В Восточном отделе РГБ хранится три номера журнала.

Ге Бону составил рабочую книгу по корейскому языку для 1-го года обучения ШКМ, часть 1: Корёкёквасо [게 봉우. 고려어교과서] Учебник корейского языка. Хабаровск, 1931. 147 с. и рабочую книгу по корейскому языку для 2-го года обучения ШКМ, часть 2: Корёокёквасо [게 봉우. 고려어교과서] Учебник корейского языка. Хабаровск, 1931. 104 с. Интерес представляет книга Ге Бону о корейских религиозных верованиях: Корёине курёкквамёнчжолемисин [게 봉우. 고려인의 구력과명절의미신] Религии и суеверия корейцев. Хабаровск, 1931. 58 с.

С 1934 г. выпускались хрестоматии по русской литературе и современной литературе. В 22 книгах содержатся переводы произведений русских и зарубежных писателей с русского языка на корейский.

1934

Флоринский С., Рождественский Б. Литература XIX века. Учебник для средней школы. 6–7 год обучения. Перевод Че Чжинмука. Москва–Хабаровск, Дальневосточное краевое издательство, 1934. 271 с. / 쓰. 프로린쓰키, 브 어로스제쓰트웬쓰키. 십구세긔. 문학. 중등학교교과서. 륙-칠 학년용. 번역 채 진욱. 련합국립출판부 – 원동국립출판부: 하바롭쓰크, *1934*.

Содержание: Биография и литературное творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. В. Тургенева, А. И. Герцена, А. Н. Островского, Т. Г. Шевченко, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-

Щедрина, Л. Н. Толстого, писатели XVIII–XIX вв. Ф. Шиллера и Г. Гейне.

Дубовиков А., Северин Е. Современная литература. Сборник художественных произведений и критических статей. Для средней школы. Выпуск первый. 7-й год обучения. Максим Горький. Перевод О Сенмука. Москва–Хабаровск, Дальневосточное краевое издательство, 1934. 115 с. / 아. 두보비꼬보와 예. 쎄베린. 현대문학. 중등학교. 문예작품과 비평론문초집. 제 일편. 제 칠학년용. 번역 오 성묵. 련합국립출판부 – 원동국립출판부: 하바롭쓰크, *1934.*

Содержание: Биография и литературное творчество российских, украинских, белорусских, еврейских и армянских писателей.

Браиловская С. М., Рыбникова М. А. Хрестоматия по литературе для начальной школы. Часть первая. Третий год обучения. Перевод Хан Анатолия. Москва–Хабаровск, Дальневосточное краевое издательство, 1934. 170 с. / 쓰.므.브라일롭쓰까야와 므.아. 리브니꼬바. 문학독본. 한 아나똘리. 초등학교. 제 사학년용. 련합국립출판부 – 원동국립출판부:하바롭쓰크, *1934.*

Содержание: А. П. Чехов «Каштанка». А. С. Пушкин «Сказка о золотой рыбке», «Зимняя дорога». Н. А. Некрасов «Генерал Топтыгин», «Дед Мазай и зайцы». Л. Н. Толстой «Кавказский пленник». А. С. Серафимович, Демьян Бедный и др.

Браиловская С. М., Рыбникова М. А. Хрестоматия по литературе для начальной школы. Часть вторая. Четвертый год обучения. Перевод Хан Анатолия. Москва–Хабаровск, Дальневосточное краевое издательство, 1934. 170 с. / 쓰.므.브라일롭쓰까야와 므.아. 리브니꼬바. 문학독본. 한 아나똘리. 초등학교. 제 사학년용. 련합국립출판부 – 원동국립출판부: 모스크바–하바롭쓰크, *1934.*

Содержание: «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина, стихи «Узник», «Осень», «Зима», «Кавказ»; произведения А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова, «Сон Обломова» И. А. Гончарова, «Ванька» А. П. Чехова и др.

1935

В Ленинграде Издательским товариществом иностранных рабочих в СССР была переведена и издана книга *Р. Распе* «Приключения барона Мюнхгаузена».

1936

Дубовиков А., Северин Е. Современная литература. Сборник художественных произведений. Для седьмого класса средней школы (на корейском языке). Переводчики: Тен Денбон, Ким Гювон и Кан Тайсу. Государственное краевое издательство, Хабаровск, 1936. 327 с. / 아. 두보비꼬보와 예. 쎄베린. 현대문학. 중학교. 문예작품과 비평론문초집. 제 칠년급용. 번역 김 규원, 조 정봉, 강 태수. 련합국립출판부 – 원동국립출판부: 하바롭쓰크, *1936.*

Содержание: М. Горький, Д. Фурманов, М. Шолохов, В. Маяковский, Д. Бедный, М. Светлов, Э. Багрицкий, Я. Купала и др.

Максим Горький. Рассказы (на корейском языке). (Отв. ред. Ким Чунсон). Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР: М., 1936. 216 с. / ㅁ.고리끼. 단편소설집. 번역 김 춘성. 모스크바, *1936.*

Содержание: «Челкаш», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Товарищ», «Экзекуция».

Константин Паустовский. Колхида. (на корейском языке). (Перевод Ким Чунсона) Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР. М., 1936. 280 с. / 크. 빠우쓰똡쓰키. 꼴히다. 번역 김 준성. 모스크바 외국로동자찰판부: 모스크바, *1936.*

Корнилов Б. Как от меда у медведя зубы начали болеть (на корейском языке). Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР. М., 1936. 280 с. / 보리쓰 꼬르닐로브. 어떠케 곰이 꿀에니를 알키시작하엿는가. 모스크바 외국로동자출판부: 모스크바, *1936.*

В 1937 г. в Москве были изданы «Дубровский» А. С. Пушкина, «Каштанка» А. П. Чехова, «Избранные произведения» Максима Горького.

Молодые корейские писатели до 1937 г. выпустили три литературных альманаха, куда вошли их произведения: «Родина трудящихся», «Литературный альманах (на корейском языке)», «Сборник произведений молодых корейских писателей». (Отв. ред. О Сенмук.) Дальневосточное краевое издательство: Москва–Хабаровск, 1934. 123 с. / 로력자의고향. 원동조선인문예작품집록. 구월. 모스크바–하바롭쓰크, *1934.*

Содержание произведения писателей: Тё (Чжо) Мёнхи, Хан Анатолия, Чжон Донхёка, Ким Инсоба, Цой Хорима, Ким Василия и др.

Таким образом, в Москве, Хабаровске и Владивостоке с 1924–1927 гг. существовали корейские издательства, которые выпускали различную литературу на корейском языке с использованием письменности хангыль.

Заключение

Русская литература, переведенная в СССР на корейский язык, имела огромное значение в процессах культурной интеграции и национального самоутверждения. Она способствовала преодолению противоречий между традиционными и новыми элементами национальных культур и сыграла огромную роль в формировании мировоззрения прогрессивной части корейской интеллигенции, так как приобщала корейскую молодежь, молодую корейскую литературу к ценностям и достижениям русской и мировой литературы.

Необходимо отметить, что на формирование эстетического вкуса корейцев в 1920–1930-х гг. сильное влияние оказала переводная литература. Об этом свидетельствуют первые произведения, переведенные на корейский язык: «Интернационал» Э. Потье, стихи, сказки и повести А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, «Каштанка» А. П. Чехова, «Мать» М. Горького и другие. Молодые корейские литераторы пробовали свои силы в художественном переводе. Несмотря на нехватку навыков по работе с переводной литературой, это являлось приобщением к новой культуре, новым понятиям в области просвещения.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» наложило запрет на преподавание в школах на национальных языках.

После выхода постановления корейские школы, техникумы и корейский педагогический институт были переведены на преподавание на русском языке. Библиотека на корейском языке вышла из использования и фактически была уничтожена.

Сегодня мы можем утверждать, что эти учебники являются первыми книгами созданными на хангыле для всеобщего образования. Содержание книг транслирует переходный период трансформации самосознания корейцев в русскую (советскую) культуру, взаимодействие двух культур: русской и корейской.

Книги, созданные в СССР, являются культурным наследием и исторической памятью о целом поколении людей. Это наследие было создано корейскими патриотами, увековечившими корейскую культуру и язык в СССР. Они являются символическим «штампом», отметкой сообщества людей, хранят память, они отражают менталитет, идеалы, стремления, мировоззрение корейского народа, принявшего Россию своей второй родиной.

Библиотека на корейском языке, хранящаяся в Российской государственной библиотеке, имеет важное значение для истории Кореи, истории российско-корейских отношений, истории корейского языка и литературы и содержит новые направления исследования хангыль для лингвистов, филологов, переводчиков.

Список литературы

Аргудяева Ю. В. Межкультурная коммуникация корейцев и восточных славян в Приморье (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) / 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее. М.: Аквариус, 2018. С. 289–299.

Бэ Ынгёнг. Сорён корёин сахве мунхва сенхваль (1920–1930) [배은경. 소련 고려인 사회의 문화생활 (1920–1930년대)] Жизнь советских корейцев // Исследования культуры Востока. 2003. № 43. С. 229–261.

Королёва В. А. Корейская музыка в программах национального вещания на Дальнем Востоке России в 1926–1937 гг. // Вестник российского корееведения. 2012. № 4. С. 27–34.

Художественная культура корейцев на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38).

Им Гёнгхва. Пульгын хангыльундон гивон-сорён сидэ ёнэджу корёин сахве оноундон [임경화. 붉은 한글운동의 기원–소련시대 연해주 고려인 사회의 언어운동] Истоки движения «Красный Хангыль» – Общество развития корейского языка на советском Дальнем Востоке // Корейская культура. 2016. № 73. С. 179–205.

Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев, Алма-Ата, 1965. 251 с.

Ким Пхилёнг. Собиеты чжунасиа корёин мунхаква Ге Бону [김필용. 소비에트 중앙아시아 고려인 문학과 계봉우] Советские корейцы в Центральной Азии и Ге Бону. Университет Инха, Центр кореееведения. 2011. No 25. С. 49–87.

Ко Сонму. Сорён ханиндыль: корёсарам [고송무. 쏘련의 한인들: 고려사람, 이론과 실천] Советские корейцы. Сеул: Теория и практика, 1990.

Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура. М., 1998. 187 с. Народное образование на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1935.

Пак Бонбэ. Кугокёюк 100 нёнса [박붕배. 국어교육 100년사] К 100-летию истории корейского языка. Сеул: Изд-во Сеульского университета, 2006. 653 с.

Пак Б. Д. Корейцы в советской России (1917 – конец 30-х годов). Москва–Иркутск–С.-Петербург, 1995. 259 с.

Пак Чансу. 1920–1930 нёндэ корёин чульпханмунхва ёнгу-корёин синмун сонбоныль чжунсимыро [박찬수. 1920–1930년대 고려인 출판문화 연구–고려인 신문 선봉을 중심으로] Издательская деятельность корёин в газете «Сонбон» // Центр изучения глобальной культуры. 2015. № 21. С. 221–243.

Пан Бённюль. Росиачжиёк ханинсинмун Сонбонква 1920–1930 нёндэ ханинсахвэ [반병률. 러시아지역 한인신문 『선봉』과 1920–1930 년대 한인사회] Российская региональная корейская газета «Сонбон» и корейское общество в 1920–1930 гг. // Исследовательский центр истории и культуры, Сеул. 2003. № 19. С. 89–114.

Сон Ж. Г. Российские корейцы: всесилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М., 2013. 532 с.

Чжо Донголь. Пугу Ге Бону сенэ мит ёнбова чжосуль [조동걸. 북우 계봉우의 생애 및 연보와 저술] Жизнь и литературная деятельность Ге Бону // Университет Кукмин, Центр корееведения. 1997. № 19. С. 91–124.

Хо Чжэён. Ильчжэканчжомги чосончодокбуэ гёквасо чжончекква гёквасо пхёнчан сильтхэ [허재영. 일제강점기 조선총독부의 교과서 정책과 교과서 편찬 실태] Политика генерал-губернатора Чосона в области образования и издания учебников в колониальный период // Университет Тангук, Востоковедение. 2009. № 45. С. 43–64.

References

Argudyayeva Yu. V. Intercultural communication of Koreans and Russians in Primorye (From the second half of the 19th century to the 1930s) / 1937 god: russkoyazychnyye koreytsy – proshloye, nastoyashcheye i budushcheye. Moscow: Akvarius. P. 300–308. (in English)

Bae Eun Gyeong. Soryeon Goryeoin Sahoeui Munhwa Saenghwal (1920–1930 nyeondae) [배은경. 소련 고려인 사회의 문화생활 (1920–1930년대)]) // Daedong Munhwa Yeonguwon]. 2003, Vol. 43. P. 229–261. (In Kor.)

Koroleva V. A. Koreyskaya muzyka v programmakh natsional'nogo veshchaniya na Dal'nem Vostoke Rossii v 1926–1937 gg. (Korean music in national broadcasting programs on The Far East of Russia in 1926–1937) // Vestnik rossiyskogo koreyevedeniya. 2012. № 4. P. 27–34. (In Russ.)

Khudozhestvennaya kul'tura koreytsev na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' KHKH vv.) (The art culture of Koreans in the Russian Far East (second half of the XIX – the first third of the twentieth centuries) // Humanitarian vector, 2014. № 2 (38). (In Russ.)

Im Gyeon Ghwa. Bulg-eun Hangeul-Undong-ui Giwon-Soryeonsidae Yeonhaeju Goryeoin Sahweui eon-Eono Undong [임 경화. 붉은 한글운동의 기원-소련시대 연해주 고려인 사회의 언어운동] // Korean culture, 2016. Vol. № 73. P. 179–205. (In Kor.)

Kim Syn Khva. Ocherki po istorii sovetskikh koreytsev, Alma-Ata (Essays on the history of Soviet Koreans), Alma-ata, 1965. 251 p. (In Russ.)

Kim Pil Yong. Sobieteu Jung-ang- Asia Koryeoin Munhwa kwa Gye Bong-U [김필용. 소비에트 중앙아시아 고려인 문학과 계봉우]// Inha University, Korean Studies Center, 2011, Vol. 25. P. 49–87. (In Kor.)

Ko Song Mu. Ssoryeon-ui Hanin-deul: Koryeo Saram, Ilon-kwa Silcheon [고송무. 쏘련의 한인들: 고려사람, 이론과 실천]. Seoul: Theory and Practice, 1990. (In Kor.)

Nam S. G. Rossiyskiye koreytsy: istoriya i kul'tura. (Russian Koreans: history and culture), Moscow, 1998. 187 p. (In Russ.)

Narodnoye obrazovaniye na Dal'nem Vostoke (*Public education in the Far East*), Khabarovsk, 1935. (In Russ.)

Park Bong-Bae. 100 years of Korean Language Education [박붕배. 국어교육 100년사], Seoul University Press. Seoul, 2006. 653 p. (In Kor.)

Pak B. D. Koreytsy v sovetskoy Rossii (1917 – konets 30-kh godov). (Koreans in Soviet Russia (1917 – end of the 30s), Moskva–Irkutsk–S.-Peterburg, 1995. 259 p. (In Russ.)

Pak Chan-Su. 1920–1930 nyeondae Goryeoin Chulpxan Munhwa Yeongu-Koryeoin Sinmun Seonbong-eul Jungsim-eulo [박찬수. 1920–1930 년대 고려인 출판문화 연구-고려인 신문 선봉을 중심으로] // Center for the Study of Global Culture. Vol. 21, 2015. P. 221–243. (In Kor.)

Ban Byeon Nyul. Reosia Jiyeog Hanin Sinmun 『Seonbong』 kwa 1920·30nyeondae Hanin Sahwe [반병률. 러시아지역 한인신문 『선봉』과 1920·30년대 한인사회] // History and Culture Research Center. Seoul. Vol. 19. 2003. P. 89–114. (In Kor.)

Son Zh. G. Rossiyskiye koreytsy: vsesiliye vlasti i bespraviye etnicheskoy obshchnosti. 1920–1930. (Russian Koreans: The Absolute Power and Rightlessness of an Ethnic Community. 1920–1930), M., 2013. 532 p. (In Russ.)

Jo Dong Geol. Bug-u Gye Bong-U Saeng-ae mit Yeonbo wa Jeosul. [조동걸. 북우 계봉우의 생애 및 연보와 저술] // Kookmin University, Center for Korean Studies, Vol. 19, 1997. P. 91–124. (In Kor.)

Heo Jae Yeong. Ilje Gangjeomgi Joseon Chongdogbu-ui Gyokwaseo Jeongchaeg-kwa Kyokwaseo Pyeonchan Siltae. [허재영. 일제강점기 조선총독부의 교과서 정책과 교과서 편찬실태]// Tanguk University, Oriental Studies, Vol. 45. 2009. P. 43–64. (In Kor.)

6. Методика преподавания восточных языков

О ФОРМЕ УТВЕРДИТЕЛЬНОГО ОТВЕТА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

СЕЛЕЗНЕВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА
кандидат филологических наук,
доцент кафедры международных отношений и регионоведения
Новосибирского государственного технического университета,
xie-ling@yandex.ru

Статья посвящена анализу речевой практики на китайском языке, в частности такому аспекту, как форма утвердительных ответов. Ситуации реального общения с носителями языка существенно отличаются от учебных диалогов, которые осваиваются студентами в рамках аудиторных занятий. В практике устной речи большее значение приобретает правильное использование говорящим на неродном языке привычной для носителя языка формы коммуникативных реакций. В то же время несоответствие реакции общепринятым нормам расценивается как коммуникативная неудача и является существенным препятствием для установления эффективного межкультурного общения. Это особенно важно при контактах с представителями китайской лингвокультуры, где существенное влияние на процессы коммуникации оказывают возрастные и иерархические отношения. В связи с этим при обучении китайскому языку необходимо уделять пристальное внимание не только грамматическим формам типового ответа, но и ситуациям их корректного использования, а также скрытым смыслам, стоящим за той или иной формой реакции собеседника.

В статье демонстрируются возможные формы утвердительных ответов, характерных для китайской устной разговорной речи. В поле исследования включены утвердительные формы ответов на общие вопросы, которые строятся по модели: *повествовательное предложение + вопросительная частица* 吗. Основной акцент сделан на семантических нюансах и коммуникативных стратегиях их использования. В статье на примере мини-диалогов объясняются нюансы употребления наиболее частотных утвердительных реакций, свойственных носителям китайского языка, среди которых наблюдаются следующие формы, выражающие утвердительный ответ: междометия (嗯、哎、哦、啊), утвердительное слово «是» и варианты с «是» (是的，是啊，肯定是), наречия (对，好，一定，肯定) и отрицательная форма (没错).

Ключевые слова: Лингвистическая прагматика, этнопсихолингвистика, диалогическая речь, утвердительный ответ, китайский язык, разговорный китайский язык.

ABOUT FORMS OF AFFIRMATIVE RESPONSES IN CHINESE

SELEZNEVA NATALYA VIKTOROVNA
Ph.D., Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies Novosibirsk State Technical University,
xie-ling@yandex.ru

Developing communication skills is one of the important components in teaching a foreign language. Often, live communication in a foreign language does not require a speaker to use the entire body of acquired knowledge. In practice, it becomes more important for a non-native speaker to get into communicative reactions, usual for a native speaker. At the same time, inappropriate reaction, violating generally accepted speech norms, is regarded as a communicative failure and could create an obstacle to effective intercultural communication. This is especially important when making contacts with representatives of Chinese linguistic culture, where age and hierarchical relations still have a significant impact on communication processes. Thereby, when teaching Chinese, it is necessary to pay attention to not only grammatical forms of responding, but also to situations of their correct use, as well as to the hidden meanings behind various forms of an interlocutor's reaction.

The report demonstrates possible forms of affirmative responses, specific for spoken Chinese. The study field includes only affirmative forms of answers to general questions, constructed according to the model: *narrative sentence* + *interrogative particle* 吗, without analyzing other types of affirmative responses. The main emphasis is placed on semantic nuances and communicative strategies. The report on the examples of mini-dialogs explains the nuances of using the most frequent affirmative reactions, specific for native Chinese-speakers: the following forms express affirmative respond: interjections 嗯 , 哎 , 哦 , 啊, affirmative word "是" and its variants "是" (是 的 , 是 啊, 肯定是), adverbs 对, 好, 一定 , 肯定 and negative form 没错.

Keywords: Linguistic pragmatics, ethnopsycholinguistics, dialogical speech, affirmative form, Chinese, spoken Chinese.

Одной из важных составляющих обучения иностранному языку является формирование коммуникативных компетенций. Ориентация на коммуникативный подход к обучению предполагает включение обучающихся в непосредственный акт общения для решения тех или иных коммуникативных задач. При обучении иностранным языкам в основном делается упор на лингвистическую компетентность, которая, являясь неотъемлемой частью коммуникативной компетенции, не может быть гарантом успеха межкультурной коммуникации. Зачастую ситуации реального общения на иностранном языке не предполагают

использования всей совокупности полученных знаний. Большее значение приобретает уместность применения знаний в соответствии с конкретной ситуацией общения. Попадание говорящим на неродном языке в привычную для носителя языка форму коммуникативных реакций можно рассматривать как коммуникативный успех, который, ко всему прочему, демонстрирует и уровень владения иностранным языком.

Повседневное общение протекает в форме *диалога*. Диалогическая речь определяется как «форма (тип) речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [Винокур, 1998. С. 135]. Г. Д. Левин определяя диалог, пишет, что «диалог – это коммуникация, а коммуникация – это передача информации от одного лица к другому. Там, где нет другого лица, нет коммуникации и, следовательно, диалога: человек не может сообщить себе что-то такое, чего бы он не знал. Минимальное число участников любой коммуникации – и монолога, и диалога – двое: пропонент и оппонент»[1]. Коммуникативным намерением, т. е. целью диалога, таким образом, является получение информации. С точки зрения лингвистики, критерий поиска и извлечения информации прежде всего связывают со способностью задавать самые различные вопросы и отвечать на них [Кузнецова, 2016. С. 85].

Основными элементами диалога являются вопрос и ответ. Вопрос – это «мысль, побуждающая к ответу, в которой выражается просьба дополнить имеющуюся информацию с целью устранения или уменьшения познавательной неопределенности»[2]. Е. В. Падучева, характеризуя вопрос, отмечает, что «у вопроса как речевого акта есть четыре так называемых ***условия успешности***: предполагается, что говорящий не знает ответа; хочет знать ответ; адресат речи знает ответ; готов этим знанием поделиться. Если какое-то условие успешности речевого акта нарушено, говорящего постигнет ***коммуникативная неудача***»[3].

---

[1] *Левин Г. Д.* Диалог как форма коммуникации. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Philos_nauki/2012_17/16.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

[2] Вопрос // Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bee070519a326689cb55?p.s=TextQuery (дата обращения: 19.12.2019).

[3] *Падучева Е. В.* Высказывание и диалог // Русский язык. 2001. № 37. URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200103702 (дата обращения: 19.12.2019).

Напомним, что китайские грамматисты выделяют четыре типа вопросов: общий *(*是非问), специальный (特指问), альтернативный (选择问) и разделительный (正反问) [Хуан Божун, Ляо Сюйдун 黄伯荣，廖序东, 2002. С. 114], из которых только общий и разделительный вопросы допускают утвердительную или отрицательную форму ответов. Общий вопрос образуется в китайском языке присоединением вопросительной частицы 吗 к повествовательному предложению и соответствует формуле:

陈述句+吗？

(1) 这是中文杂志。	这是中文杂志吗？	*Это журнал на китайском?*
(2) 今天冷。	今天冷吗？	*Сегодня холодно?*
(3) 你想去中国。	你想去中国吗？	*Ты хочешь поехать в Китай?*

В русском языке наиболее частой формой утвердительного ответа является слово *да*, хотя и других форм немало (*ага, угу, ладно, хорошо, точно, именно так, верно* и т. д.). Казалось бы, что может быть проще, русскому утвердительному *да* соответствует китайское «是». Однако как только дело доходит до практики устной речи, то оказывается, что одного «是» для общения на китайском языке явно недостаточно. К сожалению, китайское 是 не является универсальным утвердительным ответом наподобие русского *да* или английского *yes*.

О сложности освоения иностранцами утвердительных форм ответа в китайском языке пишет Дэн Сицинь: «在现代汉语中，作出肯定回答的表示方式有很多种，人们可以根据实际情况选择恰当的表达方式。但是某些外国人学汉语时，对一个问句做肯定回答时经常只会 说“是”这个词。他们不会说“对”、“是的”、“对的”、“不错”、“就是”、“就是嘛”、 “是啊”、“对啊”、“可不是”、“可不是嘛！”、“一点不错”……虽然都是表达肯定之意，但在不同的语境中需要用不同的肯定回答来体现说话人的想法和感情。如果这些表达方式用法不合适，也会使人感到不舒服 / *В современном китайском языке способов выразить утвердительный ответ очень много. В соответствии с реальной ситуацией общения можно выбрать подходящую форму. Но иностранцы, изучающие китайский язык, зачастую пользуются только одним словом «是». Они не умеют применять такие формы утвердительного ответа, как “*对”、“是的”、“对的”、

“不错”、“就是”、“就是嘛”、 “是啊”、“对啊”、“可不是”、“可不是嘛！”、“一点不错”*...Несмотря на то, что у данных форм общее утвердительное значение, но используются они в разных коммуникативных ситуациях, чтобы выразить мысли и чувства говорящего. Если способ выражения выбран неуместно, то и человек может почувствовать себя некомфортно»* [Дэн Сицинь, 2011. С. 14].

В хрестоматийном учебнике по китайской грамматике Сунь Дэцзиня отмечается, что в практике устной речи 是 крайне редко используется. Вместо него могут быть использованы междометия вроде 嗯 или же экстралингвистические средства, как, например, кивок головой [Сунь Дэцзинь, 2002. С. 180]. Как показала практика общения с носителями китайского языка, «是» также крайне редко выступает утвердительной формой ответа на вопросы, образуемые из повествовательных предложений с глагольным или качественным сказуемым. Статистически доминирующей нормой ответа на такие вопросы будет повтор сказуемого. Например:

(4) 你学汉语吗？ 学啊 / *Ты учишь китайский? Учу;*

(5) 你会游泳吗？ 会呀 / *Ты умеешь плавать? Умею;*

(6) 你喜欢中国菜吗？ 喜欢啊 / *Тебе нравятся китайские блюда? Нравятся;*

(7) 汉语难吗？ 好难啊 / *Китайский сложный? Очень сложный;*

(8) 中国东西贵吗？ 贵呀 / *В Китае дорого? Дорого* и т. п.

Таблица 1. Типы и формы утвердительных ответов в китайском языке

Типы ответов	Характерные формы ответов
Подтверждение (判断)	嗯、啊、哎（欸、嗳）、哦（喔、噢） 是、是的、是啊、是呀、是吧、是这样、准是的、肯定是、那倒也是、可不是 对、对啊、对了、对吧、没错、你说得对
Одобрение/согласие (赞同)	嗯、啊、哎（欸、嗳）、哦（喔、噢）、 是、是的、是啊、是呀、是吧、准是的、肯定是、 好、好啊、好的、好滴、也好、行、也行、可以、一定、没问题

Если классифицировать ситуации, в которых можно услышать в качестве ответа аналоги русскому «да», то следует говорить о двух основных типах ситуаций: ситуации подтверждения той информации, о которой спрашивает собеседник, и ситуации одобрение/согласие. В таблице представлены самые частотные варианты ответов в данных ситуациях.

Из таблицы 1 видно, что основная часть в ответах со значением подтверждения и одобрения совпадает, однако различается вариантами ответов с 对 и 好, первый из которых может использоваться только в ответах/подтверждениях, а второй – только в ответах/одобрениях.

С точки зрения структуры, утвердительные ответы можно разделить на простые и сложные. Простые формы ответов образуются при помощи отдельных слов или словосочетаний, которые рассматриваются как законченные высказывания и функционируют как самостоятельные предложения. Если на занятиях по иностранному языку приветствуется и даже настоятельно рекомендуется полная форма ответа, то в реальном общении происходит нечто противоположное. Причина заключается в том, что диалог генетически восходит к устно-разговорной сфере, для которой характерен принцип экономии средств словесного выражения [Винокур, 1998. С. 135], что находит выражение в многочисленных эллипсах, опущениях, элиминациях и т. д., поэтому умение корректно подобрать краткую форму ответа является одной из составляющих успешной коммуникации.

Итак, простой утвердительный ответ по-китайски может быть выражен при помощи междометий (嗯、哎、哦、啊), утвердительных наречий（是、是的、是啊、是呀、是吧、对 и др.) или устойчивых словосочетаний (可不是、那倒也是、没错 и др.). Выбор той или иной формы ответа определяется в большинстве своем внелингвистическими факторами – ситуацией общения, статусом коммуникантов, отношениями между коммуникантами, настроением и эмоциональным состоянием участников диалога, интересом к теме общения, включенностью в общение и др. Ниже предлагаем рассмотреть влияние внелингвистических факторов на выбор формы утвердительных ответов.

В китайской речевой культуре иерархические отношения играют одну из самых важных ролей и существенно влияют на характер речевых реакций. Так, в ситуации, когда статус задающего вопрос выше,

ответ нижестоящего будет полным. Кроме того, может также включать обращение, например:

(9) ——今天冷吗？ *Сегодня холодно?*
——今天很冷，老师。 *Сегодня очень холодно, учитель.*
(10) —— 你想去中国吗？ *Ты хочешь поехать в Китай?*
—— 是，我想去中国。 *Да, я хочу поехать в Китай.*

В официальной обстановке и при очевидных иерархических отношениях, таких как вышестоящий-нижестоящий, старший-младший, начальник-подчиненный, хозяин-слуга и т. п. в качестве утвердительных ответов в основном используются «是» и «是的». «是» является вежливым уважительным ответом нижестоящего по отношению к вышестоящему и подразумевает принятие и повиновение вышестоящему. «是的» в основном выражает согласие с содержанием высказывания, экспрессивность у него выше, чем у «是», однако степень почтительности ниже, чем у «是». Кроме того, в образованных кругах использование формы «是的» существенно выше, что подчеркивает ее этикетный характер. Помимо прочего, «是» в качестве утвердительной реакции может быть использовано как ответ на приказания и требования.

Если же, наоборот, вопрос задает человек, находящийся по положению ниже отвечающего, то ответы будут носить краткую форму – в качестве ответа будут выбраны междометия или утвердительное наречие «是» или же ответ будет носить категоричную форму и выражен такими формами, как «对», «没错», «你说得对» и т. п., которые сказанные равному собеседнику были бы восприняты как невежливые, например:

(11) ——中国东西贵吗？ *В Китае дорого?*
—— 嗯 / 啊 / 对 / 没错。 *Да / Верно.*

Выбор максимально краткой формы ответа с междометиями 嗯 / 啊 или 是 может быть обусловлен и другими факторами: например, отвечающий не планирует развивать диалог по причинам занятости, спешки, отсутствия интереса к теме разговора, желания минимизировать общение, плохих отношений с задающим вопрос и любых других причин, нарушающих принцип кооперации в общении.

В обиходно бытовом общении утвердительные формы ответа с «是» и «对» часто дополняются фразовыми частицами (啊、呀、吧), основное назначение которых – смягчение высказывания [实用现代汉

语语法，2007. С. 411]. Использование фразовых частиц также является важным признаком разговорно-бытового стиля языка, на что указывает Н. И. Шевцова [Шевцова, 2018. С. 135]. Утвердительность ответа можно градуировать при помощи использования различных форм. Так, неуверенный, сомневающийся, предполагающий, близкий к догадке утвердительный ответ выражается формой «是吧» и «对吧». В формах «是», «是的», «是啊», «是呀» «对啊», «对了» степень утвердительности достаточно высокая. Максимальная категоричность содержится в формах «肯定是» , «准是的», «是这样» и «你说得对».

Использование в ответе фразовых частиц предполагает, что отвечающий не просто коротко ответит на вопрос, но и дополнит информацию для спрашивающего, что в полной мере соответствует такому принципу общения, как кооперация. Например:

（12）——她是你朋友吗？ *Она твоя подруга?*
——是啊！/ 对啊！ *Да! (Ага!) / Верно!*
（13）——他是中国人吗？ *Он китаец?*
——是啊，从上海来的，是我好朋友。
Да! Он из Шанхая, мой старый приятель.

Отдельно следует рассматривать и утвердительные ответы (好，行，也好，也行，没问题), подразумевающие согласие, соответствующие русским «хорошо», «ладно», «пойдет» и пр., которые также относятся к категории утвердительных ответов [邓锡琴, 2011]. Однако объемы статьи не позволяют уделить данному виду утвердительного ответа должного внимания.

Подводя итог, сделаем некоторые выводы. Во-первых, утвердительный ответ в китайском языке в большей степени опирается на сказуемое в общем вопросе, а не на универсальные слова вроде да или yes. Во-вторых, внелингвистические факторы существенно определяют форму утвердительного ответа (степень его категоричности, полноту, структуру). В-третьих, наличие фразовых частиц в ответе свидетельствует о непринужденности общения и высокой степени кооперации, в то время как выбор максимально кратких форм ответа при помощи междометий является основным признаком нарушения правил успешного коммуникативного акта. Кроме того, особо акцентируем, что на занятиях по разговорному китайскому языку необходимо через моделирование ситуаций и мини-диалогов уделять внимание корректному

выбору форм утвердительных ответов, которые помогут студентам свободнее чувствовать себя в ситуациях реального общения с носителями китайского языка, реже попадать в ситуации коммуникативных неудач и тем самым повышать ощущение успешности в изучении китайского языка.

Список литературы

Винокур Т. Г. Диалогическая речь // Большой энциклопедический словарь (Языкознание) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 135.

Шевцова Н. И. Стилистика современного китайского языка. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 264 с.

Шиюн сяньдай ханьюй юйфа [实用现代汉语语法/刘月华等著. – 增订本. – 北京：商务印书馆, 2007. 1005页] Практическая грамматика современного китайского языка. Пекин: Изд-во Шанъу, 2007. 1005 с.

Дэн Сицинь. Сяньдай ханьюй чжун кэндин инда дэ бяода фанши [邓锡琴. 现代汉语中肯定应答的表达方式] Способы выражения утвердительного ответа в современном китайском языке. Магистр. дисс. [Электронный текст].

Сунь Дэцзинь. Ханьюй юйфа цзяочэн [孙德金. 汉语语法教程. – 北京：北京语言文化大学出版社, 2002. 298 页.] Курс грамматики китайского языка. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2002. 298 с.

Хуан Божун, Ляо Сюйдун. Сяньдай ханьюй [黄伯荣，廖序东. 现代汉语. – 北京：北京大学出版社, 2002. 228 页.] Современный китайский язык. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2002. 228 с.

References

Vinokur T. G. Dialogicheskaya rech [Dialogic speech] Large encyclopedic dictionary (Linguistics). Edit by V. N. Yarceva, Moscow, Publishing House Large Russian encyclopedic, 1998. P. 135. (in Russ.)

Shevcova N. I. Stilistica sovremennogo kitayskogo yazyka [The style of modern Chinese] Vladivostok, Publishing House Dalnevost. federal University, 2018, 264 p. (in Russ.)

Shiyong xiandai hanyu yufa [实用现代汉语语法/刘月华等著. – 增订本. – 北京：商务印书馆, 2007. 1005页] Practical Grammar of Modern Chinese. Edit by Liu Yuehua, Beijing, Publishing House Shangwu yinshuguan, 2007. 1005 p. (in Chin.)

Den Xijin. Xiandai hanyu zhong kending yingda de biaoda fangshi [邓锡琴. 现代汉语中肯定应答的表达方式] Ways to Express “Yes” in Modern Chinese. Master’s dissertation [Electronic text]. (in Chin.)

Sun Dejin. Hanyu yufa jiaocheng [孙德金. 汉语语法教程. – 北京：北京语言文化大学出版社, 2002. 298 页] Chinese grammar course. Beijing, Publishing House of Beijing University of Language and Culture, 2002, 298 p. (in Chin.)

Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu [黄伯荣，廖序东. 现代汉语. – 北京：北京大学出版社, 2002. 228 页] Modern Chinese. Beijing, Publishing House of Beijing University, 2002, 228 p. (in Chin.)

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

СЕЛИВЕРСТОВА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА
кандидат исторических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
yukupriyanova@hse.ru

В статье рассмотрена модель лексической игры «Карточки», которая помогает эффективно решать проблему языкового барьера студентов, изучающих китайский язык. Актуальность игры для студентов-китаистов обусловлена традиционно слабо развитыми у них навыками говорения и аудирования. Игра не требует долгой подготовительной и организационной работы преподавателя. Набор лексики, являющийся базисом для игры, постоянно обновляется и усложняется вслед за программой прохождения курса. Отдельное внимание в статье уделено работе преподавателя и учащихся с лексикой, что является, по сути, подготовительным этапом к игре. Показана важность правильной лексической семантизации, что требует не только использования беспереводного метода объяснения новых слов, но и установления прочных смысловых связей и ситуативной закрепленности. Правильно организованное изучение новой лексики иностранного языка в сочетании с регулярным проведением на парах игры «Карточки» не только дает отличные результаты на практике, но и повышает мотивацию студентов, улучшает атмосферу в коллективе.

Ключевые слова: игровые методы обучения, китайский язык, мотивация студентов, семантизация лексики, беспереводная семантизация, языковой барьер.

DEVELOPMENT OF SPEAKING SKILLS IN CHINESE LANGUAGE

SELIVERSTOVA YULIA ANDREEVNA
Associate Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics
yukupriyanova@hse.ru

This paper examines the game-based approach in foreign language teaching. The author analyzed main difficulties that occurs in studying of Chinese language. According to the results of this work author proposed the methodological approach

which helps to effectively solve the problem of the language barrier. The article considers the model of the lexical game named “Cards”, that suits well both for the Chinese or any other foreign language. The first part of the paper describes in detail the rules of the game. The game does not require a long preparatory and organizational work, it’s dynamic, easy to perform, fast in activating various language skills of students. The format of the game involves the active speaking of the leading student, who needs to explain 10 lexical cards in 2 minutes. He needs to recognize the word or expression written in characters, and then clearly and quickly pronounce the explanation in Chinese, while the other students are participating actively to guess the word. They need to understand and shout out the word in Chinese. The vocabulary set, which is the basis for the game, can be updated all the time and goes more complicate following the teaching program. In the second part of the paper the author reveals importance of the proper work with new vocabulary – which is now becoming a preparatory stage for the game. It requires not only the use of the non-translational method of semantization, but also to set right semantic connections and proper situational fixation. A properly organized study of the new vocabulary, combined with the regular in class gaming, gives an excellent result in practice, helps to increase the motivation of students and improves the teambuilding.

Keywords: Game teaching methods, Chinese language, Student’s Motivation, Semantic Networks, Non-translational Method, Vocabulary Study.

Введение

Требования, предъявляемые к владению китайским языком на современном этапе, коренным образом отличаются от тех, которые существовали еще несколько десятилетий назад. Умение выстраивать устную коммуникацию с представителями иной культуры во многих сферах деятельности становится не менее важным, чем умение осуществлять письменный перевод или понимать тексты публицистического, официально-делового и научного стилей речи.

Но в силу особенностей самого китайского языка сейчас, как и десятилетия назад, основу обучения ему по-прежнему составляет изучение иероглифики, письменного языка и практической грамматики. Фактически применяется грамматико-переводной метод обучения иностранным языкам. На последующих этапах обучения основное внимание уделяется формированию умений письменного общения, главным образом умению читать и анализировать тексты публицистического, научного и официально-делового стилей, а также развитию навыков письменного перевода [Куприянова, 2014. С. 142]. Основным недостат-

ком вышеописанного подхода является то, что не уделяется должного внимания обучению устным формам общения, в результате чего у студентов возникает языковой барьер, препятствующий свободному общению на изучаемом языке и сказывающийся на качестве формирования коммуникативной компетенции, необходимой для всестороннего глубокого освоения выбранной специальности и последующей работы с носителями языка.

Методология

В основе данного исследования лежит личностный подход к педагогическому процессу. Обучение иностранному языку рассмотрено с позиции взаимодействия ученика с новыми знаниями и окружающим коллективом. В работе использованы такие эмпирические методы, как наблюдение, анализ работы педагога, оценивание, педагогический эксперимент, опытная проверка выводов исследования в условиях массовой школы.

В настоящее время все больше преподавателей стремятся решить существующий «перекос» в обучении, совершенствуя методику, внедряя новые учебные пособия, используя более продуктивные подходы. Обучение основам фонетики, иероглифики, лексики и грамматики занимает гораздо больше времени, чем обучение лингвистическим основам западных языков. Поэтому при обучении китайскому языку с упором на формирование умений устного общения необходимо использование интегрированного подхода, который предполагает комбинирование интуитивного и когнитивного компонентов. Однако зачастую на этом верном пути преподаватель сталкивается с двумя препятствиями. Во-первых, это нехватка времени. Попытки насытить учебный процесс новыми видами работы для студентов оборачиваются отставанием от заранее разработанной программы обучения. Во-вторых, это недостаточная мотивация студентов, которые находятся в заранее невыгодной ситуации обучения в сравнении со студентами, изучающими другой иностранный язык. Попытка преподавателя активировать говорение на парах китайского языка, уделять больше времени аудированию не отменяет необходимости тратить очень много времени и сил на изучение сложнейшей иероглифики и отработку своеобразия фонетики ки-

тайского языка. Ввиду сильного умственного напряжения у студентов быстро падает мотивация к изучению нового материала и не остается достаточно сил и времени на регулярное повторение уже изученного.

Частично решить существующую проблему призваны различные игровые формы обучения на парах. Они обеспечивают активное участие в уроке каждого ученика, стимулируют речевое общение, способствуют формированию интереса и стремления изучать иностранный язык. Игра – это один из способов мотивации учебной деятельности, который задействует сразу несколько мотивов, помогающих достигнуть поставленных задач в процессе обучения. Каждая игра имеет близкий результат (окончание игры) и стимулирует учащегося к достижению цели (победе) и осознанию пути достижения цели (мотив успеха). В игре учащиеся изначально равны, а результат зависит от самого игрока, его личностных качеств. Обезличенный процесс обучения в игре приобретает личностную значимость. Ситуация успеха создает благоприятный эмоциональный фон для развития познавательного интереса. Игра активизирует мыслительную деятельность ученика, толкает на поиск ответа, тем самым задействует его познавательные мотивы [Синельников, 2009. С. 86].

Игровые формы обучения и групповая работа помогают не только повысить эффективность усвоения новых знаний и в более интересной форме обобщить пройденный материал, но и улучшить внутреннюю обстановку в коллективе. В сплоченной группе студент чувствует себя более уверенно и не боится совершить ошибку, активнее применяет новые знания, мыслит свободнее.

Многие преподаватели уделяют должное внимание языковым играм и регулярно используют игровые формы обучения в своей практике. Но, повышая мотивацию студентов, преподаватель по-прежнему вынужден работать в условиях жесткого временного лимита. В октябре 2012 г. на Отделении востоковедения НИУ ВШЭ проводилась «Игровая мастерская: как сделать обучение интересным и эффективным!». Во время мероприятия преподаватели Высшей школы экономики поделились основными приемами игровых форм обучения иностранным языкам, которые они активно практикуют в преподавательской деятельности. По результатам мастер-класса среди преподавателей восточных языков (китайский, японский, корейский, арабский) был проведен

опрос, который показал, что около 40% преподавателей иностранного языка стараются регулярно включать игровые элементы в свои занятия, постоянно же это удается делать только 15% опрошенных. Большинство преподавателей согласились с тем, что игровые задания на занятии, безусловно, играют позитивную роль, но существует ряд факторов, которые препятствуют эффективному внедрению этих элементов. Среди основных сложностей, которые были указаны, чаще встречались следующие: 1) слишком напряженный план прохождения материала; 2) игра занимает слишком много времени, студентов трудно контролировать во время игры; 3) игровые задания требуют предварительной подготовки и наличия специального реквизита.

В данной статье автор хотел бы рассказать об игре «Карточки», которая во многом снимает вышеописанные организационные сложности. Простота и динамичность игры не требуют долгой предварительной подготовки, она не занимает много времени на паре, удобна в оценивании и не провоцирует снижения дисциплины на занятии. Это достаточно эффективный игровой прием, который можно с легкостью использовать, преподавая любой иностранный язык. Игра может применяться на любом этапе изучения языка как в школе, так и в университете. Однако ввиду того, что автор активно использует игру в условиях изучения китайского языка студентами-бакалаврами второго и третьего курсов, то объяснение правил в данной статье дается именно в контексте адаптации игры под потребности студентов-китаистов. Данная версия игры учитывает важнейшую особенность китайского языка – иероглифическое письмо, о чем будет сказано ниже. Игра «Карточки» во многом перекликается с широко известной настольной игрой «Alias», где за основу взяты карты с написанными на них словами или словосочетаниями. Игрокам требуется объяснить друг другу за ограниченный отрезок времени максимально возможное число слов.

Игра необычайно проста и удобна. Однако для ее удачной имплементации в структуру занятий иностранным языком необходимо четко соблюдать правила отбора лексического материала, строго контролировать дисциплину студентов и лимитировать время на проведение. Данная игра может проводиться в нескольких вариациях, предполагающих парную или групповую работу учащихся. В данной статье будет рассказано именно о втором варианте, который наиболее удобен для

преподавателя и экономичен по времени. Преподаватель не принимает активного участия в игре, а лишь контролирует ее ход и при необходимости проводит параллельное оценивание знаний студента. Для любого из вариантов игры необходимы минимальные атрибуты: сами вырезанные из бумаги или картона карточки с написанными/напечатанными на них лексическими единицами и секундомер или таймер, который есть в любом мобильном телефоне. Правила очень просты:

1. Карточки со словами необходимо готовить заранее. Разумно такую задачу поручать кому-то из учащихся в качестве домашнего задания. Во время занятия преподаватель лишь перемешивает их и, не показывая, выдает ведущему 10 штук.

2. Набор карточек должен содержать оптимально 100–250 единиц, что позволяет соблюсти баланс сложности. Включать следует лишь имена существительные либо устойчивые словосочетания, часто встречающиеся в разговорном языке. Использовать другие части речи нецелесообразно, так как на их объяснение требуется гораздо больше сил и глубины знания языка.

3. Список лексических единиц, включенных в игру, обязательно должен быть известен студентам заранее, иначе ввиду сложности задачи будет падать мотивация. Он может постоянно дополняться новыми единицами, при этом неактуальные карточки постепенно исключаются из игры. Лексика игры усложняется вслед за расширением лексической базы.

4. Учащийся за 2 минуты должен объяснить на китайском языке в произвольном порядке 10 карточек, остальные студенты должны угадать слово или словосочетание и озвучить его на китайском языке. Если никто из студентов не смог назвать слово, карточка не засчитывается, объясняющий может переходить к следующей.

5. Нельзя использовать жесты и другие невербальные способы общения, показывать карточку остальным студентам, использовать родной или другой иностранный язык. Наилучшим образом студент может сконцентрироваться на необходимости говорить, а не показывать и не гримасничать, если во время игры он будет стоять к классу спиной.

6. Время на ознакомление с карточками студенту не дается, так как набор лексики известен заранее. По истечении двух минут преподаватель с целью лучшего закрепления материала может вместе с классом

подвести краткий итог выступления студента. Во-первых, проверить соответствие того, что написано на карточке, объяснению студента. Это актуально именно для китайского языка, где иероглифы не всегда верно узнаются. Во-вторых, попросить студента перевести на русский язык те карточки, которые он не смог или не успел объяснить. В-третьих, совместно с учащимися проговорить неудачные с точки зрения грамматики объяснения, чтобы закрепить верный паттерн, который должен быть использован в следующий раз. В-четвертых, попросить остальных ребят более корректно произнести отгаданное слово, что особенно важно для китайского языка, где неверно поставленный тон может изменить значение слова и вызвать непонимание со стороны носителя языка.

Соблюдение данных простых правил позволяет преподавателю за 2 минуты игры провести различные формы классной работы: проверить усвоение недавно изученной лексики, повторить прошлые уроки, провести выборочный устный опрос на оценку. Игра позволяет быстро выставлять оценки, так как за 15 минут можно опросить 5–6 учащихся, при этом остальные ребята вынуждены принимать активное участие в игре, помогая своим одногруппникам выступить лучше.

Отдельно стоит сказать об объективности оценивания. Регулярное повторение ранее изученного является залогом прочного удержания информации в памяти. Однако, во-первых, на этот вид работы очень часто не хватает времени на парах, а во-вторых, его трудно оценивать. Игра «Карточки» позволяет очень быстро повторить пройденный материал, при этом исключается вероятность субъективных оценок, «привычных» хороших отметок у отличников. Количество объясненных карточек удобно трансформировать в баллы. У студента нет возможности «надавить на жалость» преподавателя. А поддержка одногруппников и интерактивность стимулирует отдельных студентов демонстрировать более хорошие результаты, нежели при традиционной форме опроса «преподаватель – студент».

Как было показано выше, игра «Карточки» является удобной формой активации изученной лексики. Периодическое ее использование на занятиях может разнообразить рутинное повторение, взбодрить студентов, облегчить работу преподавателя по проверке лексики, добавить интерактивности занятию.

Однако игра приносит гораздо больше плодов в долгосрочной перспективе при включении ее в структуру занятия на регулярной основе. Необходимость использовать только лишь иностранный язык для объяснения новых слов и понятий, по сути, имитирует ситуацию погружения в иноязычную среду: у тебя существует реальная задача, которая требует максимально понимать, что говорит собеседник, задавать уточняющие вопросы (отгадывающие студенты), а также высказывать собственное мнение и конкретизировать сказанное (студент с карточками). Через игру идет усиление сознательности обучения.

При таком подходе ключевым становится подготовительный этап игры – работа с новой лексикой. На этом этапе важна именно роль преподавателя, в то время как в процессе игры его роль уже минимальна. Для повышения эффективности усвоения материала преподаватель должен регулярно акцентировать внимание студентов на практической направленности изучения каждого нового слова. Подготовительный этап к игре «Карточки» заключается в скорейшей правильной семантизации студентом каждого нового иностранного слова. Речь идет об осмысленном восприятии лексики в противовес механическому зазубриванию списка слов. Когда студент априори знает, что данное понятие ему вскоре потребуется объяснить своим однокурсникам на изучаемом языке, то вариант «зубрежки» отпадает автоматически.

По мнению автора, залог правильной семантизации лексики заключается в широком применения преподавателем на парах беспереводного метода объяснения новых слов, немедленном создании верных смысловых связей и максимальной ситуативной закрепленности. Все эти три составляющие тесно переплетаются с процессом объяснения слов в игре «Карточки».

Практика показывает, что на занятиях в условиях ограниченного времени на прохождение программы преподавателю зачастую приходится делать выбор в пользу переводного способа семантизации лексики, поскольку он более экономичен и универсален [Пассов, 1991. С. 117]. Можно просто дать перевод новой лексемы в надежде на то, что студент дома «доформирует» нужные связи в голове. Однако большинство студентов этого не делают, потому что их не научили. В итоге быстро заученное слово будет быстро забыто. Переводной метод также может вести к «формированию у обучаемых ложного представления

о коммуникативной синонимичности тех или иных грамматических явлений, что ведет к стилистическим и логическим погрешностям в речи» [Кочергин, 2000. С. 130–131]. Следовательно, дословный перевод не обеспечивает обучающихся практическим пользованием языком в различных ситуациях общения. Именно это обстоятельство говорит в пользу перехода к бесперевoдному методу семантизации.

Что касается смысловых связей, то они создаются в том случае, если слово усваивается вместе со своей функцией. Почему это так важно? Преподаватели иногда сталкиваются с проблемой, когда добросовестно заученное слово не вызывается в нужных ситуациях, студенты не знают, где и какое слово надо употребить. Причиной тому является образование на этапе семантизации неправильной связи. Студент запоминает слово от формы к его значению. То есть, услышав это слово в речи, студент вспомнит, как оно переводится на родной язык. Но при этом несформированной остается обратная связь – от значения к форме. Эта связь важна, если у студента появляется мотив, порождающий какую-либо мысль, которая должна быть высказана. И тут встает языковой барьер и извечное «все понимаю, но сказать не могу». Изменить ситуацию можно, если студент с первой встречи с иностранным словом будет использовать его для выражения своих мыслей, чувств. Таким образом мы выносим на первое место функцию слова.

Крайне значимой является и ситуативная закрепленность лексики. Очевидно, что если слово запоминается в связи с конкретной ситуацией, то оно запоминается легче и быстрее. Благодаря комплексному восприятию и отражению ситуации, в которой происходит запоминание какого-нибудь слова, последнее запоминается как целый узел связей, вступающих во взаимодействие с уже имеющимися в мозгу связями слов, формируются сети, которые являются основой хранения информации в памяти и условием их воспроизведения в речи. Чем больше раздражителей поступило в кору головного мозга учащегося, тем прочнее запоминание и легче воспроизведение этой лексической единицы. То есть, если мы впервые учим слово «диван», мы должны дать одному студенту возможность сказать вслух на иностранном языке «Это большое удобное место, на котором я сижу, когда устал», а другому студенту позволить более простое, но образное высказывание: «Это как стул, только мягче и больше». Таким образом диван занимает нужное

место в голове студента рядом со «стулом» и «местом», а его мягкость и привлекательность создают нужный контекст. Впоследствии оба эти объяснения с успехом могут быть использованы в процессе игры.

Все вышесказанное особенно актуально для обучающихся первого и второго курсов. Важно на начальном этапе погружения в язык приучить студента правильно запоминать слова. Учащиеся старших курсов, владеющие широкой лексической базой, вполне способны самостоятельно дома подготовить понятные и грамматически верные объяснения для новых карточек. Подготовительный этап в рамках аудиторных занятий таким студентам особо не требуется. Он может заключаться лишь в объяснении на китайском языке сложных терминов или устойчивых речевых оборотов, например чэнъюэв. Также на старших курсах во время знакомства с новой лексикой стоит просить студентов назвать ранее изученные синонимы или антонимы, чтобы задействовать нужные связи в мозге и упростить последующую самостоятельную подготовку учащегося к объяснению карточек.

При изучении лексики китайского языка студент сталкивается с гораздо большими сложностями, нежели при изучении других языков. Прежде всего сложность вызывает иероглифическое письмо. На изучение иероглифики китайского языка в России студенты тратят большую часть времени, отведенного на изучение языка в целом, что негативным образом сказывается на способности говорить и понимать на слух. «Карточки» в первую очередь решают задачу разговорить студента, сломать языковой барьер. Однако опосредованно достигаются и три другие цели: быстрое распознавание иероглифов, хорошее восприятие на слух и правильное произношение.

Чтобы объяснить карточку со словом, важно сначала прочесть два или три иероглифа, из которых оно состоит. В условиях ограниченного времени на ответ создается ситуация легкого стресса, студент порой не узнаёт даже то, что учил накануне. Однако при регулярной практике вырабатывается навык быстрого распознавания иероглифов, так как, не узнав написанных иероглифов, студент не имеет возможности даже приступить к объяснению. Чтобы облегчить задачу, на первом этапе можно использовать карточки с подписанным на них переводом или транскрипцией пиньинь. Однако не рекомендуется вводить такую практику на постоянной основе.

Чтобы понять объяснение одноклассника и помочь ему успешно выступить, другие участники учебного процесса вынуждены максимально напрягаться, вслушиваясь в китайскую речь коллеги. Если сам объясняющий произносит какое-то слово с ошибкой или путает в нем тоны, зачастую отгадывающие начинают думать совершенно о другом понятии, так как частичная омонимия в китайском языке крайне распространена. Например, пары слов *сумочка – малыш* и *практика – время* отличаются лишь тональностью, а неправильная артикуляция слова *телефон* превращает его в *выступление*. Поэтому студенту крайне важно не только четко формулировать, но и произносить объяснение, чтобы не запутать класс. С другой стороны, и отгадывающим необходимо фонетически корректно выучить лексику. Когда кто-то из студентов с радостью обнаруживает, что он понял, о чем же идет речь, ему необходимо максимально быстро и правильно выкрикнуть слово на китайском языке. Не медленно произнести, а именно выкрикнуть, так как другие студенты в то же самое время предлагают свои варианты. А студент с карточками стоит к аудитории спиной и немного взволнован тикающим секундомером. Задача не самая легкая. Выполнима она лишь при условии, что слово выучено четко, с правильными тонами. Прыгающие тоны «наугад» – традиционно слабое место всех иностранцев, изучающих китайский язык. Качественная домашняя подготовка к игре с успехом решает эту проблему.

Отдельной сложностью для студентов-китаистов в данной игре является запрет на использование в объяснении однокоренных слов. Данное правило вполне логично для других языков, однако в случае с китайским оно гораздо более трудновыполнимо. Ввиду особенностей словообразования китайского языка один и тот же иероглиф, как правило, входит в состав семантически связанных понятий. Например, в китайском слове *термокружка* (baonuanping) есть иероглифы, обозначающие такие понятия, как *сохранение* – bao, *тепло* – nuan, *бутылка* – ping. Соответственно, студент не может при объяснении данного слова использовать все эти три иероглифа, которые входят в состав целого ряда смежных понятий: pingzi – *бутылка*, nuanhuo – *теплый*, wennuan – *тепло*, baoliu – *сохранять*, baochi – *поддерживать*. В других иностранных языках данные понятия звучали бы совершенно отлично от слова «термокружка», тем самым придумать объяснение данной лексемы не

составило бы труда. Студенту-китаисту приходится проявлять больше изобретательности и осторожности, чтобы ненароком не использовать при объяснении иероглифы, изображенные на карточке. Это, конечно, удлиняет время на подготовку к игре, но, с другой стороны, вызывает из памяти учащегося гораздо более широкий синонимический и антонимический ряд понятий. Не стоит говорить, насколько это важно при изучении языка.

Основные результаты исследования

Поговорив о тех важных задачах, которые помогает решить эта несложная игра всего за две минуты классного времени, стоит кратко резюмировать основные ее преимущества для преподавателя: экономична по времени, не требует предварительной подготовки, минимальное время говорения преподавателя, улучшение командной работы и общей атмосферы в группе учащихся, сверхинтерактивна, удобна в оценивании, легко адаптируется под любую тему урока.

Список литературы

Кочергин И. В. Очерки методики обучения китайскому языку. Научное издание. М.: ИД «Муравей», 2000. 160 с.

Куприянова Ю. А., Пересадько Т. В. Теоретические основы курса «Практикум устного общения на китайском языке» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 141–145.

Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

Синельников А. П. Психология обучения иностранным языкам. Харьков: Изд. группа «Основа», 2009. 128 с.

Referenses

Kochergin I. V. Ocherki metodiki obucheniya kitayskomu yazyku [Essays on Chinese Language Teaching Methods]. Nauchnoye izdaniye. Moscow: ID “Muravey”. 2000. 160 p. (In Russ.)

Kupriyanova Y. A., Peresad’ko T. V. Teoreticheskiye osnovy kursa “Praktikum ustnogo obshcheniya na kitayskom yazyke” [Theoretical Basis of the Course

“Oral Communication in Chinese”]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya [Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2014. No 1. P. 141–145. (In Russ.)

Passov Y. I. Kommunikativnyy metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu [Communicative Method in Teaching Foreign Language Speaking Skills]. 2-ye izd. Moscow: Prosveshcheniye. 1991. 223 p. (In Russ.)

Sinel’nikov A. P. Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam [Psychology in Teaching Foreign Languages]. Khar’kov: Izd. Gruppa «Osnova». 2009. 128 p. (In Russ.)

РАЗРАБОТКА КУРСА ПЕРЕВОДА СМИ (ЯЗЫКОВОЙ ВУЗ, ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК)

МОЗГУНОВА АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВНА
старший преподаватель кафедры японского языка,
Московский городской педагогический университет,
институт иностранных языков
MozgunovaAD@mgpu.ru

Статья посвящена разработке курса перевода текстов СМИ для учащихся старших курсов языкового вуза. Основной задачей курса является развитие навыков и умений письменного и устного перевода текстов СМИ, а также развитие социокультурной, коммуникативной, компенсаторной компетенций, навыков создания вторичного текста, стилистически и жанрово близкого к тексту оригинала. Курс затрагивает тематику общественно-политического перевода и может быть использован в целях обучения японскому языку по программе спецкурса при небольшом объеме учебных часов. Структура курса включает в себя блоки текстов и упражнений на закрепление и отработку материала. Курс знакомит учащихся с языковыми и стилистическими особенностями текстов СМИ, и построен на основе аутентичных материалов.

Ключевые слова: Перевод, тексты СМИ, японский язык, общественно-политический перевод, выборы, криминальная хроника, японо-российские отношения, стихийные бедствия.

ON THE DEVELOPMENT OF THE JAPANESE NEWSPAPER ARTICLES TRANSLATION COURSE (FOREIGN LANGUAGE STUDIES, JAPANESE LANGUAGE)

MOZGUNOVA ALEXANDRA DMITRIEVNA
Senior Lecturer, Department of Japanese Language, Moscow City Pedagogical University, Institute of Foreign Languages
MozgunovaAD@mgpu.ru

The article dwells upon the problems of designing of a Japanese newspaper articles translation course for senior students studying Japanese at upperintermediate levels (around JLPT N3 and N2). The main aim of this course is to develop sociocultural and communicative competence and translating skills from Japanese and Russian languages and make the students acquainted with features and stylistics of Japanese news articles.

The course consists of 4 Parts, each part ensures coverage of core of useful language related to topics which are common for newspaper articles. Each Part has

the same structure and consists of Japanese newspaper articles texts, exercises for language practice, listening tasks and Russian newspaper articles texts for translation. The material used for the course is based on real news articles.

Key words: Translation, newspaper articles, Japanese, socio-political translation, votes, criminal, Japanese-Russian relations, disaster.

Введение

Разработка курса перевода японоязычных СМИ для языкового вуза ставит перед собой задачу развития у учащихся коммуникативной и социокультурной компетенций, а также навыков письменного и устного переводов. В начале разработки курса были проанализированы и изучены существующие пособия, предлагаемые для обучения общественно-политическому переводу и работе с текстами СМИ. Среди пособий были рассмотрены следующие:

1) *Чиронов С. В.* Японский язык. Устный и письменный перевод (2014);

2) *Раздорская Н. В.* Японский язык от МГИМО: учебное пособие по общественно-политическому переводу для студентов II–III курсов (2005);

3) *Фесюн А. Г.* Язык японских СМИ (2013);

4) How to read Japanese newspapers (2001);

5) Stephen Smith *Reading Japanese Crime Articles (2011).*

Указанные пособия содержат, помимо текстов и упражнений для развития и закрепления навыков перевода, также грамматический и лексический комментарий, помогающий учащимся при работе с новостными текстами.

В ходе работы по созданию курса были выявлены некоторые факторы организационного характера, которые объясняют актуальность создания курса «с нуля», и представляются необходимым принять во внимание:

1) ограниченность учебного времени, отведенного в программе на изучение дисциплины: так, на практические занятия по дисциплине «Устный перевод (японские СМИ)» отведено 84 часа у студентов четвертого курса, обучающихся по направлению «Лингвистика»;

2) необходимость интенсивного включения значительного объема новой лексики в учебный процесс, т. е. высокой частоты ее употребления на единицу письменного текста или звучащего сообщения;

3) возможность регулирования объема и сложности текстов в зависимости от количества часов или уровня подготовки учащихся;

4) возможность обновления материала в соответствии с изменениями политической и международной обстановок, а также учебной программы;

5) возможность создания электронного пособия на основе отобранного материала.

В основу курса легли неадаптированные тексты СМИ, под которыми – в самом широком толковании этого понятия – следует понимать не только газетно-журнальные тексты (т. е. произведения представителей так называемой «пишущей прессы»), но и разнообразные звучащие материалы: радио- и телерепортажи, интервью, различные программы, ток-шоу, фильмы и т. п. – то, что иногда называют «электронной прессой», включая интернет и электронные газеты [Микоян, 2003. С. 199].

Тексты СМИ представлены богатым разнообразием жанров, которые включают в себя информационные – новостные материалы (новостную хронику), комментарии, интервью, спортивные новости и репортажи; аналитические – обзоры на разные темы; художественно-публицистические – очерки и эссе; рекламные материалы. В данном курсе затрагиваются новостные материалы, аналитические обзоры, интервью, репортажи.

Методология

В целях развития социокультурной компетенции, необходимой для достижения эквивалентности в переводе, приступая к работе с новостными текстами, учащиеся в первую очередь знакомятся с теми чертами письменных текстов СМИ, которые окажутся значимыми при переводе с русского языка на японский (далее будут приведены лишь некоторые из них).

Так, например, в их число входят стилистические черты – для новостных жанров это стандартизированность и клишированность, эллиптичные конструкции, обилие слов-*канго*; допускается употребление

фразеологических штампов и сухих метафор; использование простых грамматических форм (стильである・だ), использование суффикса 氏 «господин» вместо さん, привычного для нейтрального стиля вежливости; широкое использование выражений со ссылкой на источник информации и оборотов, выражающих категорию полагания (見通しがある «есть перспективы; возможно» и 見られている «предполагается; считается, что»).

При переводе с русского языка на японский в целях сознания вторичного текста, близкого по своим жанрово-стилистическим характеристикам к исходному тексту, необходимо помнить о таких правилах, как избегание некоторых средств выразительности, свойственных русскоязычной прессе: иносказательных наименований (хотя встречаются исключения, например: しばしば小泉は永田町で「変人」といわれてきたし、人付き合いの悪さでは定評もあった。 «В парламенте Коидзуми стали часто именовать “чудаком”, кроме того, за ним закрепилась слава непростого в обхождении человека» – в данном случае о Японском парламенте говорится не прямо, а посредством указания названия здания, в котором он находится); метонимии, в частности обозначения стран через их столицы; стилистического чередования названий (допускается замена на служебные и категориальные имена, использование суффикса 同 «тот же, ранее указанный»).

Перевод заголовков в силу грамматических трансформаций также представляет собой отдельную тему, которую необходимо раскрыть, приступая к переводу текстов СМИ. Так, в заголовках в целях экономии времени и места опускаются вспомогательные слова, подлежащие и сказуемые, смысловые глаголы, глагольное окончание する после слов-*канго*; урезаются показатели основных падежей, фраза может оканчиваться показателем косвенного падежа без последующего глагола, например:

台風１０号自動車並み速さで北上→台風１０号が自動車並みの速さで北上している

«Тайфун № 10 продвигается на север со скоростью автомобиля».

Наряду с большим количеством сокращений уменьшается также количество используемых иероглифов: так, вспомогательные слова и суффиксы записываются азбукой, устаревшие, не входящие в список общеупотребимых иероглифы заменяются знаками из иероглифическо-

го минимума (諒解 «понимание», записывается как 了解) либо записываются азбукой (например, в слове けん制する «ссориться» первый иероглиф заменяется знаками азбуки).

Структура курса

Курс состоит из нескольких блоков, затрагивающих главным образом общественно-политическую тематику.

Вступление. Описание стилистических особенностей текстов СМИ.

1. Блок 1. Политические выборы и партии.
2. Блок 2. Японо-российские отношения.
3. Блок 3. Криминальная хроника, происшествия.
4. Блок 4. Стихийные бедствия и чрезвычайные ситуации.

Каждый блок включает следующие элементы:

1. Установочные тексты по теме на японском языке.
2. Упражнения на тренировку и отработку лексических единиц.
3. Задания на аудирование.
4. Тексты для перевода с русского на японский язык.
5. Задания для повторения.

Объем новостных статей и заметок, репортажей составляет 300–1000 знаков в зависимости от тематики.

Выбор тем обусловлен принципом актуальности содержания: так, для японистов представляется необходимым получить знания о состоянии и развитии японо-российских отношений; кроме того, согласно контент-анализу русскоязычных СМИ [Электронный научный журнал Медиаскоп, 2018], такие темы, как политика (международные отношения в меньшей мере), являются в высокой степени актуальными.

Основные результаты

Работа с материалом

Работа над курсом состоит из ряда этапов, каждый из которых призван способствовать развитию социокультурной и коммуникативной компетенции в первую очередь, а также переводческой, компенсаторной компетенций.

1). ***«Начитывание»*** и перевод аутентичных японских текстов с целью расширения словарного запаса и освоения новых лексических единиц. Данный вид деятельности позволяет, кроме того, познакомить учащихся со стилистическими особенностями текстов. Помимо знакомства с лексикой, на данном этапе представляется актуальным ввести следующие виды работы:

- определение жанра (этот вид работы позволит соотнести лексико-стилистические и грамматические особенности с жанром, что впоследствии облегчит работу при переводе на японский язык);
- поиск и выделение изобразительных средств (данный вид работы также полезен при анализе стилистических особенностей);
- анализ употребления грамматики и иероглифики с точки зрения жанрового своеобразия статей;
- перевод и работа с заголовками: восстановление предложений (данный вид работы позволяет развить навык прогнозирования, а кроме того, научиться правильно понимать и переводить заголовки, ведь, как известно, в японских средствах СМИ заголовки образуются в соответствии с рядом правил, которые значительно меняют структуру предложения):

ガソリン:１１週 連続値下がり　１リットル１６６円３０銭

ガソリンは:１１週間に渡って連続値的に下がり　１リットルは１６６円３０銭になった «Цены на бензин продолжают снижаться уже 11 недель. Цена за литр – 166,3 иены».

2). ***Работа со словарями***, цель которой – углубленное понимание значения ряда терминов или различий в употреблении и значении синонимичных лексических единиц (учащиеся должны дать объяснение и привести примеры употребления, иллюстрирующие различия).

3). ***Тренировка и отработка*** лексических единиц.

- *Пересказ* прочитанных новостных сообщений как способ тренировки навыков использования изученных лексических единиц и построения стилистически адекватного высказывания.
- *Подстановочные упражнения*. Условно-речевые упражнения, цель которых – автоматизация и запоминание языкового материала, усвоение формы, употребления и значения.

Упражнение 1. Заполните пропуски подходящими лексическими единицами из предложенного списка.

過失運転、死亡、死亡事故、暴走、乗用車、打つ、はねられ、県道、見通し、病院敷地内

８１歳男性の車にはねられ、男性死亡　千葉

2016年11月14日 01:27

全国で高齢者ドライバーが関わる1_____が相次ぐ中、警察によると、千葉県長南町でも１３日午後、2_____を歩いていた村高勝さん（８５）が、男性（８１）の運転する3_____にはねられ、4_____した。

現場は、村高さんの家の前の５＿＿＿＿＿の いい県道で、横断歩道はなかった。警察は、車を運転していた男性を6_____致死の疑いで調べるとともに、事故当時の詳しい状況を調べている。

Упражнение 2. Составьте сочетания слов.

国際連合から	a) 当選された
公示前勢力を	b) 結果
憲法改正の	c) 前倒し実行する
総選挙を	d) 喫する
交渉が	e) の離脱
選挙で	f) 伸ばす
開票の	g) 困難する
惨敗を	h) 発議

- *Поиск соответствий* между лексической единицей и определением к ней.

Упражнение 3. Подберите определение к приведенным лексическим единицам.

轢く、撥ねる、衝突、追突、玉突き、激突、国道、高速道路、強盗、スリ、詐欺

1) 自動車のみの通行に限定され、上下分離することで高速走行を可能とした道路のことである。

2) ぶつかって弾(はじ)き飛ばすこと 。

3) 追突された車が前方に押し出されて、次々と前の車に追突すること。

4) ぶつかること・接触すること 。
5) 後ろからぶつかること。
6) 車輪が人や動物を押しつけて通る。

- *Поиск эквивалентов* в тексте на японском языке помогает снять трудности при переводе таких явлений, как устойчивые выражения и фразеологизмы, а также фразы, буквальное понимание которых ведет к переводческим ошибкам.
- *Упражнения на подстановку и частичный перевод*. При выполнении подобных упражнений учащиеся, во-первых, должны вспомнить и подобрать эквивалент или перевод для указанной лексической единицы, что способствует активации в памяти изученного материала; во-вторых, учащиеся видят и анализируют употребление и сочетаемость изучаемых слов в окружении других лексических единиц и в контексте, что позволяет подготовить их к выполнению полностью самостоятельного перевода с русского языка.

Упражнение 4. Прочитайте статью, подбирая эквиваленты к фразам, записанным по-русски. Переведите статью.

1) ロ大統領来日、一層困難に＝領土で強硬姿勢、崩せず

8日行われた日本とロシアの*(на уровне заместителей министров иностранных дел)*

による北方領土問題を含む(*мирный договор*)交渉は、平行線に終わった。ロシアは*(твердая позиция)*を崩さず、安倍晋三首相とプーチン大統領の*(отношения личного доверия)*で打開を図ろうとした日本の狙いは外れた。領土交渉の進展は*(не предвидится)*、首相が目指す大統領の年内来日はさらにハードルが高くなった。

「70年間動かなかったのだから、簡単には進まない」。政府(*чиновник*)は9日、交渉で*(не нашли / не достигли единогласия)*ことについて、こう語った。

2) *(Перевод $ средств)*詐欺　中学時代の同級生３少年 ***(задержан)***

都内の５９歳の女性に息子を*(притвориться)*電話をかけ、金を*(получить обманным путем) (5осн. гл)* としたとして振り込め詐欺のリクルーターの少年ら３人が逮捕された。３人は中学時代の同級生だった。

詐 *(попытка)* の疑いで逮捕されたのは、振り込め詐欺のリクルーターと受け子の１８歳から１９歳の少年あわせて３人。

- *Аудирование*. Задания на аудирование включают в себя работу с новостными сообщениями на японском языке: учащиеся знакомятся с незнакомой лексикой, если таковая встречается в сообщении; затем разбирают заголовок и выдвигают догадки касательно того, о чем может быть данная новость. Можно предложить студентам рассказать о том, встречались ли они с подобными ситуациями и т. д. После того как учащиеся просмотрели новостное сообщение, они пробуют ответить на предоставленные вопросы.

В аудитории новостной ролик обычно просматривается дважды, – как правило, этого количества просмотров достаточно, чтобы разобрать детали и ответить на вопросы. В некоторых случаях, после разбора трудностей, студенты выполняют последовательный перевод ролика на русский язык.

Упражнение 5. Прослушайте аудиозапись и выполните задание к ней.

ニュース⑵、　詐欺①

Ⅰ「おれおれ詐欺」または「振り込め詐欺」と言うのは何だと思いますか。遭ったことがありますか。

「おれだよ、おれ。」と電話をかけ、電話に出た者がうっかり「○○かい？」などと名前を問い直すと、「そう、○○。実は事故にあっちゃってお金が必要になった。すぐにお金を振り込んで。」などと言い、指定した銀行等の口座に現金を振り込ませるやり口からその名前がついた“詐欺”事件です。

Ⅱ次の見出しを見てください。どんなニュースだと思いますか。

a)金投資で詐欺の疑い　会社社長ら１０人逮捕
b)警視庁　振り込め詐欺防止訓練を公開
c)振り込め詐欺　中学時代の同級生３少年逮捕
d)在日韓国人ら６人保険詐欺で放火、逮捕

Ⅲビデオを見ながら、次の質問に答えてください。

1. 詐欺の疑いで逮捕されたのは、誰ですか。
2. 何人が逮捕されましたか。
3. 容疑者は被害者に何を持ちかけましたか。
4. 合わせて何人が被害に遭いましたか。それはどんな人でしたか。

5. 被害総額はいくらですか。

IV　ビデオを見ながら、線の引いた所に言葉を入れてください。

金への投資をめぐり現金をだまし取ったとして、貴金属販売会社の_____された。被害総額は____とみられている。

兵庫県(ひょうごけん)警は去年、会社など____の____を行ったが、金や金を購入する資金はなかったという。

前田容疑者らは容疑を__しているということだが、県警は、__の____約__が被害にあい、被害総額は_____とみて_____している。

4). ***Активация словарного запаса***. Одной из основных целей данного курса является возможность осуществлять перевод с русского языка на японский, применяя полученные навыки на практике. Для этого необходимо перевести лексику из пассивного словарного запаса в активный посредством устных и письменных упражнений. В число данных упражнений входят:

- *Устное выступление* с новостным сообщением по теме (с/без презентации). По окончании выступления проводится проверка понимания: студентам могут быть заданы вопросы по содержанию, либо они пересказывают содержание новости своими словами так, как они его поняли (в некоторых случаях допускается пересказ на русском языке). При этом слушателям рекомендуется делать пометки, отражающие содержание услышанного, либо задавать по окончании выступления уточняющие вопросы.
- *Письменный перевод* новостного сообщения с русского языка на японский.

  Новостные сообщения представляют собой аутентичные тексты по пройденной теме, в которых встречается изучаемая лексика. Незнакомые и ранее не изученные единицы, термины даются в словаре к тексту. При проверке студентам предоставляется возможность самим обсудить сильные и слабые стороны предложенных вариантов, найти ошибки и обдумать пути решения вопроса (зачастую оказывается, что наиболее подходящий вариант знаком студентам, но не пришел в голову во время выполнения задания).

- *Устный перевод новостного сообщения* или репортажа с японского языка на русский, предполагающий последовательный перевод новостных сообщений либо репортажей.
- *Устный перевод интервью* с русского языка на японский. Предполагает подготовку и выполнение вне аудитории в силу большого объема (7 минут звучащей речи). Работа возможна в 2 вариантах: полный перевод интервью либо реферированный перевод.

5). ***Упражнения на повторение*** пройденного материала. Возможно их использование как в конце изучения темы, так и в целях повторения после изучения других тем курса. Данные упражнения включают в себя перевод без словаря с листа текстов на японском и русском языках по пройденной теме. Отличие данных текстов от приводимых в разделе письменного перевода заключается в том, что данные тексты содержат полностью знакомую лексику либо, если это перевод с японского, такую, о значении которой можно догадаться исходя из составляющих ее иероглифов.

Список литературы

Гулина А. К., Бойко Л. Б. Опыт разработки курса письменного перевода специализированных текстов // Вопросы студенческой науки. 2018. Вып. 4 (20). С. 72–80.

Микоян А. С. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Учебное пособие. Т. 1. М.: Изд-во Московского государственного университета, 2003. С. 199–215.

Новак А. А. Повестка дня в государственных и частных изданиях городов-миллионников // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. URL: http://www.mediascope.ru/2424 (дата обращения: 01.11.2019).

Раздорская Н. В. Японский язык. Учебное пособие по общественно-политическому переводу для 2–3 курсов / Н. В. Раздорская; МГИМО(У) МИД России, каф. яп., кор., монг. и индонез. яз. М.: МГИМО-Университет, 2005. 157 с.

Фесюн А. Г. Язык японских СМИ (учебное пособие). М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2013. 215 с.

Чиронов С. В. Японский язык. Устный и письменный перевод / С. В. Чиронов. М.: МГИМО-Университет. 2014. 484 с.

How to read Japanese newspapers. KIT Kyōuzai Kaihatsu Guruupu, 2001.

Stephen S. Reading Japanese Crime Articles. B&D Books, Chesterfield, UK, 2011. 167 p. (на англ. яз.)

Симбун бунсё: но токутё: Кё:ику ни симбун о [新聞文章の特徴。 教育に新聞を] Особенности газетных текстов. Газеты для образования. Newspaper in education. URL: https://nie.jp/newspaper/feature/index.html#03 (дата обращения: 01.11.2019).

References

Gulina A. K. and Boyko L. B. (2018) On designing a course in specialized translation, *Voprosy studencheskoy nauki*, № 4 (20), 72–80 p. (in Russ.)

Mickoyan A. S, (2003) On questions of translation of Mass-media texts, The language of Mass-media as an object of cross discipline research, Moscow, Moscow State University publ., 199–215 p. (in Russ.)

Novak A. A. (2018) The agenda of privet and state issues in the cities with populations in the millions, *Mediascope*, V. 1. [online] Available at: http://www.mediascope.ru/2424 (accessed 01.11.2019) (in Russ.)

Razdorskaya N. V. (2005) Japanese language. Student book of socio-political translation for 2nd and 3rd year students, Moscow: MGIMO University, 157 p. (in Russ.)

Fesyun A. G. (2013) Tha language of Japanese mass-media (student book), Moscow: Higher School of Economics, 215 p. (in Russ.)

Chironov S. V. (2014) Japanese language. Written translation and interpretation, Moscow: MGIMO University, 484 P. (in Russ.)

How to read Japanese newspapers. KIT Kyouzai Kaihatsu Guruupu, 2001. (in Jap.)

Stephen S. Reading Japanese Crime Articles. B&D Books, Chesterfield, UK, 2011. 167 p. (in Eng.)

Shinbun bunshyō no tokutyō. Kyōiku ni shimbun wo [characteristics of newspaper article texts. Newspapers for education], *Newspaper in education* [online] Available at: https://nie.jp/newspaper/feature/index.html#03 (accessed 01.11.2019) (in Jap.)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В КОРЕЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

ЧОН ЫН ГЁН
доцент, Департамент корейского языка и литературы,
Стамбульский университет,
eunkyung.jeong@istanbul.edu.tr

Фразеологизмы в любом языке представляют собой неиссякаемый источник знаний о культуре, обычаях и менталитете изучаемого региона, выраженный в языке. Однако изучение данного слоя лексики может создать большое количество трудностей, которые невозможно объяснить традиционными способами, поскольку лексические единицы в идиоматических выражениях неотделимы одна от другой.

Данное исследование посвящено изучению идиом с эмоциональным компонентом в корейском и турецком языках и направлено на понимание различий и сходств между ними путем изучения структуры и значения.

Корейский и турецкий языки являются типологически агглютинативными, и большинство ученых полагают, что, весьма вероятно, они оба происходят из алтайской языковой семьи. Это дополнительно актуализирует выбранную тему и результаты исследования.

Ключевые слова: Идиомы, корейский язык, турецкий язык, культура.

A COMPARATIVE ANALYSIS IDIOMS OF EMOTION GROUPS CONTAINING BODY-RELATED WORDS IN KOREAN AND TURKISH

JEONG EUN KYUNG
Assistant Professor, Dep. of Korean Language and Literature
Faculty of Letter, Istanbul University
eunkyung.jeong@istanbul.edu.tr

For foreign students who are learning a foreign language, idiomatic expressions of the language are bound to pose challenges. In the literal sense, idiomatic expressions are used idiomatically by native speakers. Furthermore, there are many expressions that are difficult to explain in daily life and thus, even if one understands the words of the expression, it is hard to grasp the accurate meaning. Therefore, the purpose of teaching idiomatic expressions in Korean or Turkish education is not only to improve learners' communication skills but also to reflect the country's social customs.

Korean and Turkish are typologically agglutinative languages and most scholars believe that it is highly probable that they both come from the same Altaic language family. This study (with the understanding that there may be a potential link in terms of the language family), not only targets the groups of idioms that concern emotional expression, but also aims to understand the differences and similarities between these idioms by examining their structures and meanings.

Not only should students at the department of Korean Studies or Turkish language study idioms in order to reach a higher linguistic level (which will be of use in areas such as academia or translation), but also because idioms are intertwined with the universal perceptions of that culture. By studying the cultural factors in which the language stems upon, students can achieve accurate communication in learning the living language of the said country properly.

Consequently, idioms reveal the unique phenomena within the own language of each nation. This is the reason why idioms are the most important element on which one can understand the characteristics of that nation.

However, between to Korean and Turkish, existing studies have not been able to fully discuss the direction of education for idioms. Therefore, this paper is interested in answering the question of how to find an effective way to teach idioms that are related to emotional expression. This goal will be achieved through a literature survey based on the idiom dictionary of both countries. Additionally, strategic classification of the most used processes in both languages are categorized into happiness, sadness, anger, fear, love and hate.

This study explores the close relationship between language and culture through analyzing the commonalities and differences in body related idiom styles of emotional expression of Koreans and Turks.

Keywords: Idioms, Korean, Turkish, culture.

Introduction

Idioms related to emotional expression may be categorized into subgroups in various ways. However, in this study it was decided to be categorized into happiness (joy), sadness, anger, fear, love and hate [Ortony & Clore, 1989. P. 201]. It is aimed to investigate the common and different aspects in the styles of expressing emotions by Koreans and Turks by comparatively analyzing Korean and Turkish idioms that are based on body language.

In fact, it is a highly common situation for a Turkish student learning Korean or a Korean student learning Turkish to have difficulty in communication and written-verbal translation because they do not understand idioms well. This is why learning idiom is a necessary process to go through as one's level of command on Korean increases. Not only does approaching

a different culture through idioms serve as a main source of communicating like a native, it can also help to understand the view, thoughts, and feelings of the society. Thus, for this reason this study may be used as a main source in Korean culture classes.

Whereas there have been a few studies that have been carried out between Korean and Turkish regarding grammar, words, etc., a study regarding comparisons of idiomatic expressions between the two countries are very rare. For this reason, to conceptualize and compare the idiom groups of both countries, I used the primary sources of Korea's "Idioms Dictionary of Korean" [Choi, 2014] and Turkey's "Turkish Idioms Dictionary" [Püsküloğlu, 2006] and "Idioms Dictionary" [Özdemir, 2000]. I also used the recently published "Korean Proverbs, Idioms and Idiomatic phrase" by Göksel Türközü [Türközü, 2018].

The dictionary definition of "idioms" as a "thing that is always used by habit, a thing that has become formulaic due to long time of usage" is used in Korean language research, but the terms "carrying characteristics of idioms" and "idiomatic" are usually prevalently utilized.

If we look at the representative definitions of Korean experts regarding idiom groups, idioms were defined as "*a unit of language where two or more independent words gather to form a single meaning, and the actual meanings of the words are lost"* [Kim, 1996. P.18], and *"a combination of components that form a prevalently spoken language in the society with word groups and more units that express new meanings"* [Yang, 1995. P. 172].

In Turkey, they were explained as "*a significant element that provides fluency in expressing concepts with unique expression characteristics in a unique way. They are usually constructed by utilizing tangible similarities, and they help us understand and comprehend what is abstract in a powerful and plain form. They are short and comprehensive instruments of expression"* [Püsküloğlu, 2006. P. 7].

Results of the Study

As one of the brain activities such as thought, cognition, reasoning and memory, emotion may be seen as the most important element of human nature as it is a psychological phenomenon that is subjectively felt against external events. In this study, among the materials included in the idiom dictionaries

of the two countries and emotion-related idioms, the most frequently encountered 6 main types emotions (joy, sadness, anger, fear, love, hate) were divided into two parts as positive and negative emotions. Expression of emotions were categorized as joy and love as positive constructs and sadness, anger, fear and hate as negative constructs, and the similarities and differences in the emotional expressions in the idioms of both countries were examined in the context of morphological and semantic analysis. Emotional expression by body parts type in related dictionaries to compare idioms was collected and summarized as shown in Table 1.

Table1

Body part	Head	Face	Ear	Eye	Nose	Lip	Hand	Foot	Liver	Chest	Abdomen	Tongue
Korean	40	31	15	94	23	15	13	22	22	57	16	13
Turkish	72	43	5	76	24	29	19	10	23	34	6	4
Total	114	74	20	170	47	44	32	32	45	91	22	17

[Choi, 2014. p. 27-475], [Püsküloğlu, 2006. p. 29–838].

As seen in (Table1) head, face, eye, chest, etc. constitute the largest part of Korean and Turkish idiom compositions. Therefore, in this study, emotional expression idioms that contain body parts in Korean and Turkish were examined over four parts of the body.

Table 2. Idioms Containing Body-Related Words That Are Used In Expressing Emotions With Similar Meaning And Structure In Korean And Turkish

Korean		Turkish	Common Meaning	Covered Emotion
심장이 두근거리다 (설레다)	Palpitating / Throbbing heart	Kalbi çarpmak	Getting very excited	Love
가슴을 조이다	Having a stressed heart	Yüreği sıkılmak/içine sıkıntı gelmek	Being stressed, afraid	Fear

Korean		Turkish	Common Meaning	Covered Emotion
가슴앓이	Heartache/ heart pain	Kalp ağrısı	Pain and sadness caused by unrequited love	Love
가슴이 찢어지다	Having your heart torn apart	Yüreği parçalamak	Experiencing unbearably deep sadness and pain	Sadness
머리를 숙이다	Bowing head	Baş eğmek	Failing to overcome the strength of a powerful person/ being and accepting their terms	Fear
낯을 붉히다	Having your face red	Yüzü kızarmak	Having one's embarrassment and stress noticed from their blushed face	Fear
입이 귀에 걸리다	Having your mouth from ear to ear	Ağzı kulaklarına varmak	Very happy, joyful	Joy
눈동자 같이 보호 (사랑)	Taking care (loving) like one's pupil of the eye	Göz bebeği gibi korumak (sevmek)	Becoming excessively protective (loving) for someone or something	Love
이를 갈다	Grinding teeth	Diş gıcırdatmak	Planning revenge with great anger and rage	Anger
마음을 주다	Sharing heart/soul	Gönül vermek	Committing to someone with love, being in love, expressing feelings without hiding	Love
눈에 들다	Entering [someone's] eye	Göze girmek	Gaining the love and trust of someone by conduct and behavior	

Korean		Turkish	Common Meaning	Covered Emotion
눈에 보이는 것이 없다	Eyes not seeing anything	Gözüne hiçbir şey görünmemek	Not valuing anything due to own situation, problem, quitting everything out of boredom with the world	Anger
눈이 빛나다	Having shiny eyes	Gözlerin parlamak	Observing signs of joy and hope in the eyes of someone	Joy
눈을 감다	Closing eyes	Gözü kapanmak	Dying	Sadness
눈에는 눈 이에는 이	Eye for an eye, tooth for a tooth	Göze göz, dişe diş	Responding to a bad deed in the same way	Anger
눈이 돌다	Haying your eyes rotated	Gözü dönmek	Being in an aggression status due to excessive desire or anger	Hate, Anger
눈물을 흘리다	Shedding tears	Gözyaşı dökmek	Crying	Joy/Sadness
눈이 부시다	Haying someone's eyes impressed	Gözü kamaştırmak	Charming one's beholders with a positive aspect such as beauty or merit	Joy

[Choi, 2014. P. 31, 43, 51, 57, 61, 72, 83-85, 112, 145, 197, 201, 295], [Püsküloğlu, 2006. P. 35, 287, 382, 388, 390, 396, 398, 400, 509, 828, 833], [Ozdemir, 2000. P.165, 167, 170].

Table 3. Idioms in Korean and Turkish that have similar forms but different meanings which express emotions based on body-related elements

Korean	Meaning	Turkish	Meaning
가슴이 넓다 Wide chest	Being understanding and generous	Yüreği geniş olmak: Having a broad heart	A person who does not take anything as a problem or experience any worries

Korean	Meaning	Turkish	Meaning
가슴이 타다 Heart burns	Being concerned and stressed	Yüreği yanmak: Having your heart burn	Experiencing a great disaster
가슴이 부풀다 Heart swelling	Have high expectations and hope	Yüreği kabarmak: Having your heart swollen	Feeling nauseous
머리가 돌다 Head turns	Become crazy	Baş dönmek: Having your head turning	Thinking as if losing oneself with feelings that one's environment is rotating, the ground underneath is slipping
간을 태우다 Burning [someone's] liver	Being concerned and stressed	Çiğeri yakmak: Burning [someone's] liver	Pushing someone into a great pain
눈엣가시 Thorn for eyes	Being a person one does not want to see	Göze diken olmak: Becoming a thorn for eyes	Attracting everyone's jealousy
눈 밖에 나다 Getting out of the eyes	Failure to gain trust, raising hate	Gözden çıkarmak: Getting out of the eyes	Bearing the loss of something, being content with its absence
눈도 깜짝 하지 않고 Without blinking	Preserving calm whatever happens, not fearing or getting surprised	Gözünü kırpmadan: Without blinking	Without thinking or hesitation
눈이 높다 Having eyes high above	Having high standards while choosing something	Gözü yükseklerde olmak Having eyes high above	Having the desire and eagerness to reach a better status than one is already in
눈이 어둡다 Darkening your eyes	Losing your mind with the greed of gaining money or a position	Göz kararmak: Darkening your eyes	Being in an aggressive status due to excessive desire or anger
눈에 불을 켜다 Light a fire on eyes	Desiring something very much or focusing on a purpose	Gözleri çakmak çakmak olmak: Having your eyes shine with fire	Getting very reddish eyes due to anger or an illness with fever, being like shooting fire
손뼉을 치다 Clapping hands	Approving	El çırpmak Clapping hands	Accompanying a song that is being sung by keeping time with hands

[Choi, 2014. p. 33, 40, 46, 62,101,148, 189, 197, 340, 422], [Püsküloğlu, 2006. P. 146, 229, 315, 388, 389, 392, 402, 825, 828], [Ozdemir, 2000. P. 165, 170, 357].

Table 4. Idioms in Korean And Turkish That Have Different Forms But Similar Meanings Which Express Emotions Based On Body-Related Elements

Korean	Turkish	Meaning
마음에 들다 Entering to the heart	Göze girmek Entering the eye	Gaining someone's low and trust by conduct and behavior
눈이 빠지게 기다리다 Waiting for someone so long that his/her eyes could drop out	Dört gözle beklemek Waiting with four eyes	Waiting with great desire, longing and impatience
눈을 크게 뜨다 Opening your eyes large	Gözünü dört açmak Opening your eyes four times large	Being very careful about a thing or issue to not be fooled
눈물이 많다 Many tears	Gözü sulu Wet-eyed	One who cries easily, frequently
눈 밖에 나다 Getting out of the eyes	Gözden düşmek Falling from the eye	Losing the love and trust of those who value you, not being loved as before
눈에 넣어도 아프지 않다 Does not hurt even if someone put in eyes	Göz bebeği olmak Becoming pupil of the eye	A person who is paid importance and value much, protected, looked out for

[Choi, 2014. P. 46, 97, 105, 339], [Püsküloğlu, 2006. P. 296, 388, 390, 401], [Ozdemir, 2000. P. 162, 163, 170].

The emotional expression idioms of the two languages that are presented in the list table 2) are almost the same in terms of the structure of the words that express body parts and meaning, and these are idioms that can be directly translated without any change. However, idioms such as 'shedding tears' should be examined in the context of the sentence they are in as they may be expressed as 'shedding tears out of anger or sadness' or 'shedding tears out of joy or happiness'. Idioms that express the emotions of joy and love are usually expressed with elements like "the eyes, heart and chest", in the case of 'anger', facial parts such as "the eyes, teeth and mouth" are used as the main elements.

While it is a noteworthy issue that the common point that is the most frequently encountered in the expression of both positive and negative

emotions is the “eyes”. The expression “taking care of someone or something like one’s pupil of the eye” is used more frequently in North Korea, and its semantic system is the same as Turkish. Besides, there is also a parallelism for a joyful status of a person expressed as their eyes lighting up and becoming shiny.

Additionally, the bodily elements that express fear are mainly found in the face and head region, and this reveals the similarities in that the feeling of fear is firstly expressed on one’s face and can be noticed by a change in the color of someone’s face. This way, based on the fact that there are abundant numbers of the same or similar body-related elements in Korean and Turkish emotional expression idioms, it may be understood to an extent that the psychological cognitive models between the two cultures are similar.

In the table 3) idioms such as heart burns, becoming a thorn for eyes, getting out of the eye and darkening your eyes have the same or similar forms in Korean and Turkish, but they have different meanings. Nevertheless, we may see that there is a common issue that they are all negative expressions such as hate, jealousy, anger, losing one’s mind. Moreover, we may see that the idiom having your eyes shine with fire is associated with fire in relation to anger or focusing on a purpose. While Clapping hands have completely different meanings in Korean and Turkish, it has a positive aspect such as approving and accompanying a song.

Among Korean and Turkish idioms, there are many idioms that are especially eye-related. As shown in Table 4) that have different forms but similar meanings which express emotions. For examples, “눈이 빠지게 기다리다”(Waiting for someone so long that his/her eyes could drop out) is corresponds with “dört gözle beklemek” (Waiting with four eyes) in Turkish. Also “눈을 크게 뜨다”(Opening your eyes large) is into an equivalent with “gözünü dört açmak”(opening your eyes four times large). It is interesting to note that in Turkish, the meaning of number 4 is expressed in the form of “very” or “big”, which is culturally applied in Turkey as “great” and it can be seen in the positive expression[1]. [Akbulut, 2017. P. 1–2].

[1] Turks believed that there were four main aspects of the universe, and consequently designed a symmetrical universe shape. Their aim was to explore this universe from four directions and to combine it with the worldview they had.

Conclusion

This analysis shows the results of a comparison and contrast of emotion groups that containing body-related words in Korean-Turkish idioms by using primary sources of the two languages. The study demonstrates that in both Korean and Turkish, the cognitive-cultural conceptualization of particular body parts and emotional concepts show how emotion is culturally conceptualized and objectified. It also notes the importance of cross-linguistics in language studies that reveal cultural differences as well as potential universal values. By analyzing the tables mentioned above, we can see that this phenomenon is highlighted especially in Korean and Turkish.

Nevertheless, in the future, by utilizing the points of view and recommendations of experts of this field in both countries, I aim to organize and complete the list of idioms. Moreover, I plan to structurally and semantically analyze the cultural elements that emerge while expressing emotions in Korean and Turkish idioms. I hope that this study will be a starting point for many further researches on Korean and Turkish idioms in the future.

References

Ali Püsküllüoğlu. Dictionary of Turkish Idioms [Türçe Deyimler Sözlüğü. İstanbul: Arkadaş Yayınevi]. Istanbul: Arkadas Publisher, 2006. P. 29–835.

Akbulut Tuğuçe, The Place of Korean in the Altaic Language Family in the context of case suffixes, Master Thesis, Turkey, Osman Gazi University, 2017. P. 1–2.

Choi Kyung Bong. Dictionary of Korean Idioms [우리말 관용어 사전, 서울: 일조각]. Seoul: Iljogak Publisher, 2017. P. 28–464.

Göksel Türközü. Korean Proverbs Idioms and Hanca [Korece Atasözleri, Deyimler ve Hanca Dörtlemeler]. İstanbul: Likya Yayınevi. Istanbul: Likya Publisher, 2018. P. 123– 124.

Johnson-Laird. & Oatley K. The language of emotion: An analysis of a semantic field, Cognition & Emotion, 1989. Vol.*3. No. 2.* P. 201–223.

Kim Jin Hye. Modification of Idioms and Its Interpretation. [한국어의미학회, 한국어의미학]. Vol. 32. 2010. P. 73–93.

Yang Y. H. [관용표현의 의미 구현 양상. 국어학], 1995. 26. P. 171–200.

Özdemir E. Dictionary of Idioms [Deyimler Sözlüğü. Istanbul:Bilgi Yayınevi]. Istanbul: Bilgi Publisher, 2000. P. 63–359.

Ortony& Collins. The cognitive structure of emotions. Canada: Cambridge University. 1988. P. 201–223.

НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ И ВЫСШИЕ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ[1]

КУЗНЕЦОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА
декан факультета иностранных языков
Иркутского государственного университета
kuznetsova1@mail.ru

В настоящее время в мировом сообществе существует всё возрастающий спрос на высококвалифицированных экспертов в области региональных исследований, способных справиться с вызовами глобализации в XXI веке. Цель данной работы – составление перечня ведущих научных центров и высших школ, занимающихся международными и региональными исследованиями в Республике Корея. В статье анализируются особенности подготовки будущих специалистов в области принятия национальных и глобальных решений по вопросам политики, экономики, права и смежных областей, изучаются учебные планы с целью выделения сходных тенденций. Автор обосновывает важность изучения глобальных политических и экономических вопросов для обучающихся по программам региональных исследований и приходит к выводу, что основная миссия проанализированных образовательных заведений заключается в стимулировании понимания обучающимися важности глобальных вопросов и в подготовке профессионалов в международном бизнесе и торговле, международных отношениях. Китай, США, Россия и Япония рассматриваются в качестве региональных лидеров и активно изучаются в Корее.

Ключевые слова: регионоведение, региональные исследования, кореесведение, Республика Корея, научный центр, глобализация.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

SOUTH KOREAN RESEARCH INSTITUTES AND GRADUATE SCHOOLS OF INTERNATIONAL AND REGIONAL STUDIES: MODERN TRENDS

KUZNETSOVA OLGA VLADIMIROVNA
Dean of the Faculty of Foreign Languages Irkutsk State University
kuznetsova1@mail.ru

Nowadays there is an increased demand in global community for individuals who can meet the challenges of globalization in the 21st century, for highly competent experts in the fields of international relations and regional studies. The paper is aimed at listing leading Research Institutes and Graduate Schools of International and Regional Studies in South Korea nowadays such as Academy of Korean Studies, Dong-a University Graduate School of International Studies , Ewha Womans University Graduate School of International Studies, Hankuk University of Foreign Studies Graduate School of International and Area Studies, Hanyang University Graduate School of International Studies and Asia-Pacific Research Center, Korea University Graduate School of International Studies. The author analyzes how future specialists in national and global decision making on issues of international politics, economy, organizations, law and other related fields of specialization are taught. The curriculum is studied in order to find out similar trends in the training of specialists in regional studies. The idea of global Korean studies is described in the article. Korean studies is considered to be one of the most demanded programs as it contributes to better understanding of Korean culture all around the world. As is known stimulating interest in Korean culture and Korean language researches is an important part of Korean state policy. The author also speaks about the significance of studying global political and economic issues for those who enrolled for Korean regional studies programs. In course of research the author comes to the conclusion that the general mission of examined graduate schools and other educational institutes specializing in regional studies is to foster understanding of global matters and to prepare professionals and leaders in international business and trade, international relations, and other global issues in order to meet the demands of global society. Besides, it is worth mentioning that China, the USA, Russia and Japan appear among regional powers that are mostly studied in Korea.

Keywords: Regional studies, Korean studies, Republic of Kores, research institute, globalization.

Введение

Многие специалисты по истории Кореи указывают на тот факт, что до конца XIX – начала XX вв. историческое, а следовательно, и национальное сознание жителей Корейского полуострова было недостаточно

развито. Представляется очевидным, что во многом этому способствовало вассальное положение Кореи по отношению к Китаю вплоть до 1895 г. Краткий период независимости Кореи сменился рядом новых серьезных потрясений, к наиболее значимым из них можно отнести следующие: эпоха японского колониализма, раскол страны, гражданская война, продолжающийся северокорейский ядерный кризис и нерешенность вопроса об объединении двух Корей [Коломина, 2012].

В общепринятом понимании корееведение – это академическая дисциплина, которая занимается изучением Кореи. Термин стали использовать в 1940-х гг., но он не получил широкого распространения до 1970-х гг. – периода, когда началось бурное экономическое развитие Южной Кореи. В 1991 году правительство Южной Кореи учредило Корейский фонд (Korea Foundation) с целью содействия изучения Кореи по всему миру. Изначально кореведами в Корее считались иностранные специалисты, занимающиеся изучением Кореи. Корейские же ученые предпочитали называть себя лингвистами, социолингвистами, историками и др. Исключением были случаи, когда корейский ученый получал образование за рубежом и публиковал свои научные работы не только на корейском, но и на других языках, в первую очередь на английском. В середине 2000-х гг. одной из тенденций высшего образования в Корее стало увеличение количества университетских дисциплин, преподаваемых на английском языке, результатом чего стало то, что большое количество кореведов, обучавшихся за рубежом, было принято на работу в корейские университеты. В настоящее время большинство ведущих корейских вузов предлагает академические программы (чаще всего магистерские) по корееведению.

Целью данной статьи является анализ особенностей подготовки специалистов по корееведению и регионоведению в ведущих вузах Республики Корея.

Методология

В статье использованы методы теоретического (анализ научной и методологической литературы) и практического анализа перечисленных проблем; метод наблюдения и аналитической обработки полученных результатов.

Основные результаты

Данная работа – первый опыт изучения особенностей региональных исследований в Республике Корея в рамках работы над грантом РФФИ, целью которого является разработка теоретико-методологической основы трансдисциплинарной регионологии [Лесниковская, Кремнёв 2019; Кузнецова, Карачева, 2019, 2018; Макеева, Кремнёв 2017]. В связи с этим представленный в статье список образовательных учреждений и научных центров, занимающихся изучением и подготовкой специалистов по кореееведению, международным и региональным исследованиям, будет дополняться в дальнейшем:

1) Академия кореееведения (Academy of Korean Studies, AKS, 한국학중앙연구원) – южнокорейский исследовательский и образовательный институт, учрежденный с целью проведения фундаментальных исследований корейской культуры. Он был основан 30 июня 1978 г. министерством образования, науки и техники Южной Кореи. На официальном сайте организации[1] отмечается, что Академия была учреждена, чтобы «оживить» кореееведение путем проведения всесторонних исследований и осуществления подготовки специалистов по смежным дисциплинам. Деятельность Академии включает проведение исследований корейской культуры с использованием методов гуманитарных и социальных наук, подготовку специалистов в данной области, сбор, изучение, перевод и публикацию корейских классических трудов, публикацию и распространение результатов исследований по кореееведению. Сотрудники Академии также занимаются составлением и распространением основных справочных изданий, таких как «Энциклопедия корейской культуры» и «Цифровая энциклопедия корейской культуры», оцифровыванием и распространением учебно-методических материалов по кореееведению посредством сотрудничества и программ обмена с образовательными учреждениями в Корее и за рубежом. Большая роль отводится реализации программ и проектов, нацеленных на углубление знаний о корейской культуре в международном сообществе.

В деятельности Академии можно выделить несколько основных периодов.

[1] The Academy of Korean Studies. URL: http://intl.aks.ac.kr/english/portal.php (date of access: 20.10.2019).

В 70-х годах XX в. Академия находилась в авангарде социальных исследований по Корее, и, как отмечают специалисты, основной целью ее деятельности было преодоление искаженных представлений о корейской системе этических норм и ценностей, сформировавшихся в ходе ускоренной индустриализации страны. Много выдающихся ученых, занимавшихся изучением разных аспектов корееведения, реализовывали различные проекты для достижения этой цели, результатом чего стала публикация свыше 1000 работ.

80-е годы. В марте 1980 года для стимулирования роста кадрового потенциала специалистов по Корее при Академии корееведения была основана докторантура по корееведению. На сегодняшний момент насчитывается около 400 выпускников-магистров гуманитарных наук и 110 выпускников, получивших степень доктора наук. Многие из выпускников – иностранцы, которые в настоящее время занимаются продвижением корееведения в различных зарубежных университетах, исследовательских центрах, музеях и других общественных организациях. Сейчас по данной программе обучается 300 человек, из них свыше 150 иностранцев из сорока стран.

Докторанты и магистранты могут выбрать один из четырех факультетов:

- факультет гуманитарных наук;
- факультет культуры и искусства;
- факультет социальных наук;
- факультет мирового корееведения.

90-е годы. До сегодняшнего дня наиболее значительной работой, созданной при участии сотрудников Академии, считается 28-томная «Энциклопедия корейской культуры», опубликованная в 1991 году. С 2001 года издание доступно в электронном формате. Совместно с информационным центром корееведения, созданным в 1996 году, Академия активно занимается переводом в цифровую форму сведений об исследованиях Кореи.

2000-е годы. С момента основания Академия прилагала значительные усилия по продвижению различных научных форумов, семинаров и международных конференций. Результатом этого стало то, что в июле 2002 года был проведен Первый мировой конгресс по корееведению, что явилось еще одной крупной вехой в развитии мирового корееведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что Академия рассматривает кореесведение как комплексное изучение Кореи, ее истории, философии, литературы, фольклора, политики, социологии, а также корейского языка. Следует отметить, что очень большое внимание уделяется изучению, анализу и интерпретации культуры Кореи. Данный раздел понимается специалистами чрезвычайно широко, и в некоторых случаях понятия «корейские исследования» и «исследования культуры Кореи» отождествляются.

2) Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies, 동아대학교 국제전문대학원) **университета Донг-а** (Dong-a University, 동아대학교) – частного некоммерческого вуза, расположенного в городе Пусан. На официальном сайте[1] основными направлениями высшей школы названы международная торговля, мультикультурализм и фундаментальные исследования Кореи. Специализации, которые предлагаются обучающимся: мировые финансовые процессы; мультикультурализм; мировое кореесведение (글로벌 한국학 전공); государственная политика.

Все обучающиеся посещают курс «Введение в международные исследования», в результате изучения которого должны получить представление об основных областях исследований международных процессов, также в рамках курса рассматриваются такие понятия, как отношения между регионами и странами, политика, история, экономика, общество, культура и язык в международном сообществе.

Цель второго обязательного курса «Глобальные проблемы» – дать обзор основных проблем современной международной политической экономики. В рамках курса рассматриваются такие явления, как интернационализация и глобализация. Как видим, большое внимание уделено изучению именно глобальных проблем и глобализации в целом. На сайте данного вуза нам впервые встретилась программа, которая, как оказалось в дальнейшем, является одной из самых востребованных – мировое кореесведение, или *глобальное* кореесведение, если использовать дословный перевод. Все программы содержат значительное количество курсов по глобальным вызовам или явлениям: например, «Глобальное лидер-

[1] *Graduate School of International Studies, Dong-A University.* URL: http://gsis.donga.ac.kr/sites/gsis/index.do (date of access: 20.10.2019).

ство»; «Развитие и глобализация корейской экономики»; «Международное развитие и сотрудничество»; «Мировая политика и Корея и др.»

3) Женский университет Ихва (Ewha Womans University, 이화여자대학교) – негосударственный женский университет в Сеуле, являющийся самой крупной женской образовательной организацией в мире и одним из престижнейших вузов Южной Кореи[1]. Среди многочисленных образовательных программ, предлагаемых этим университетом, наибольший интерес для нашего исследования представляют бакалаврские программы колледжа Скрэнтон (Scranton College), реализуемые отделением международных исследований, – международные исследования и мировые корейские исследования, а также магистерская программа по корееведению высшей школы международных исследований.

Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies, GSIS) была основана в 1997 году. Миссия школы – обеспечить молодых женщин навыками, необходимыми для профессионалов, занимающих лидирующие позиции в области международной торговли, международного бизнеса и международных отношений. Примечательно, что с 2001 года GSIS остается лучшим академическим институтом международных исследований в Корее согласно рейтингу Министерства образования. Кроме того, школа занимает второе место по количеству выпускников, трудоустроенных в международных организациях, к тому же это единственное отделение международных исследований, аккредитованное Ассоциацией международных исследований (International Studies Association). В 2006 году программа по корееведению, основанная в 1982 г., была включена в перечень программ, реализуемых Высшей школой. В программе два профиля – корейская культура и преподавание корейского языка как иностранного. Программа «Корейская культура», помимо дисциплин, знакомящих с разными аспектами традиционной корейской культуры (система ценностей корейцев, эстетические взгляды корейцев, введение в корейский фольклор, религии Кореи и др.), включает дисциплины, цель которых – сформировать знания о месте Корее в мире и особенностях развития страны в период глобализации (корейская культура и

[1] Ewha Womans University. URL: http://www.ewha.ac.kr/mbs/ewhaen/index.jsp (date of access: 20.10.2019).

цифровые СМИ, глобализация и корейское общество, изучение культуры Кореи в период мультикультурализма).

4) Университет иностранных языков Хангук (Hankuk University of Foreign Studies, HUFS, 한국외국어대학교), частный исследовательский университет, расположенный в городе Сеул, считается одним из лучших частных вузов страны, в особенности по преподаванию иностранных языков и общественных наук. В 1996 году в университете была открыта **Высшая школа международных и региональных исследований** (Graduate School of International and Area Studies, GSIAS)[1] с целью подготовки специалистов по разным регионам, обладающих необходимыми компетенциями для проведения научных исследований, а также знанием языка региона специализации. Объектами изучения выступают такие области, как торговля, дипломатия, политика, экономика, культура и общество, международные организации.

В 1954 году, когда был основан Университет иностранных языков Хангук, в нем преподавалось 5 иностранных языков, в настоящее время их 45. Таким образом, Высшая школа международных и региональных исследований предлагает многочисленные программы, совмещающие изучение языка региона и социологические исследования региона. В апреле 2007 года к перечню реализуемых направлений были добавлены две программы двойных дипломов совместно с Университетом мира, учрежденным под эгидой ООН. Цель этих программ – подготовить выпускников с качествами мировых лидеров. Как оказалось в ходе дальнейшего анализа, подготовка мировых лидеров (global leaders) является еще одной современной тенденцией южнокорейского образования. В настоящее время страна испытывает необходимость в специалистах, способных справляться с глобальными вызовами современности и решать глобальные задачи с целью позиционирования Республики Корея на международной арене. Так, например, в университете Корё (Korea University) действует Центр по развитию глобального лидерства (Global Leadership Development Center), в Корее проводятся форумы мировых лидеров (Global Leaders Forum) и даже летние школы по

[1] Hankuk University of Foreign Studies Graduate School of International and Area Studies. URL: https://builder.hufs.ac.kr/user/hufsenglish/gra_3.jsp (date of access: 20.10.2019).

изучению корейского языка для маленьких детей могут быть названы Школой мировых лидеров (Korean School for Global Leaders).

На данный момент из всех вузов Южной Кореи Высшая школа международных и региональных исследований предлагает наиболее широкий спектр программ по изучению регионов мира, а именно: изучению политических, экономических, а также социокультурных особенностей определенного региона. При обучении по магистерской программе перечень изучаемых регионов включает следующие: Корея, Китай, Япония, Индия и АСЕАН, Африка и Ближний Восток, Россия и СНГ, ЕС, США и Канада, Латинская Америка. Магистранты изучают политику, экономику и социокультурные особенности выбранного региона. Докторанты специализируются на более углубленном изучении одной из областей: политики, экономики или социокультурных характеристик выбранного региона. Кроме того, докторантам предлагается программа по международным отношениям (международная политика, международная торговля или сравнительные социокультурные исследования).

5) Университет Ханьян (Hanyang University, 한양대학교), входит в пятерку крупнейших частных исследовательских вузов Кореи, находится в Сеуле. В 1997 году в университете была основана Высшая школа Азиатско-Тихоокеанских исследований, предлагающая магистерские курсы по изучению четырех регионов – Америки, Китая, Японии и России. В 2001 году школа была переименована в **Высшую школу международных исследований** (Graduate School of International Studies).

В приветственном обращении на официальном сайте[1] декан говорит о том, что цель Школы – подготовить международных экспертов, способных понимать и интерпретировать процессы, происходящие на Корейском полуострове, а также в четырех лидирующих державах – Китае, США, России и Японии. Программа фокусируется на исследованиях определенного региона, а именно: на изучении политики, экономики, истории, культуры и языка региона; кроме того, слушателям предлагаются общие курсы по экономике и ведению предпринимательской деятельности. Особо подчеркивается, что Школа готовит экспертов в области международных отношений и регионоведения, так

[1] Hanyang University Graduate School of International Studies. URL: http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/sub/sub01_02.php (date of access: 20.10.2019).

как в настоящее время наблюдается возросший спрос на специалистов, способных соответствовать вызовам международной конкуренции и сотрудничества, возникшим в связи с ростом глобализации в XXI веке.

Кроме того, в Школе действует совместная с Корейским институтом международной экономической политики программа по региональным исследованиям, нацеленная на подготовку специалистов по Центральной Азии, Монголии, России и Китаю.

В 1997 году в процессе реорганизации в университете появился также **Азиатско-Тихоокеанский исследовательский центр** (Asia-Pacific Research Center, APRC), занимающийся изучением лидирующих в регионе стран. Центр имеет продолжительный опыт исследований евразийского региона, которые были начаты в 1974 году предшественником центра, Институтом китайско-советских исследований, ведущим исследовательским институтом, занимающимся изучением социалистических стран АТР. За период своего существования Центр значительно расширил область изучения от Китая и Советского Союза до ведущих Азиатско-Тихоокеанских стран и превратился в один из наиболее выдающихся исследовательских и образовательных институтов в Азии. С момента основания было осуществлено свыше 40 исследовательских проектов с финансированием 120 миллионов вон. За свои исследовательские достижения в 1999 году Центр получил статус Ведущего научно-исследовательского центра, статус был присвоен на 6 лет Корейским исследовательским фондом.

В 2007 году он был выбран в качестве Института, занимающегося региональными исследованиями за рубежом, для участия в корейском проекте по гуманитарным наукам. Цель проекта – преобразование Центра во всемирно признанный научно-исследовательский институт региональных исследований. Проект финансируется Национально-исследовательским фондом Кореи, в его рамках Центр активно продолжает исследования по теме «Идентичность и культурное сосуществование народов Евразии: проведение евразийских исследований и создание комплексной региональной информационной системы».

Исследовательский проект нацелен на преодоление имеющихся в настоящее время ограничений при изучении регионоведения. Дело в том, что региональные исследования в Корее были сосредоточены на изучении практики внешней политики, в то время как в рамках дан-

ного проекта специалисты придерживаются трансдисциплинарного подхода, в область изучения включены лингвистика, культурология, литература, история, фольклор, политология, экономика, социология. Исследователи стремятся создать новую методологию российско-евразийских исследований, соединив гуманитарные и социальные науки. В задачи участников проекта входит комплексное описание текущей ситуации в гетерогенном регионе, жители которого в то же время обладают некоторыми сходными культурными и этническими чертами, а также прогнозирование будущей социокультурной, политической и экономической ситуации.

Исследование носит инновационный характер, так как представляет в новом свете «многослойность» региона – его мультиэтнические, мультилингвистические и мультикультурные характеристики.

Проект поделен на три части:

- Трансформации в Евразии: изменения и постоянство.
- Происходящее в Евразии: экспансия и противодействие.
- Будущее Евразии: коммуникация и сосуществование.

С 2010 года два раза в год в рамках деятельности российско-евразийского исследовательского проекта центра выходит международный «**Журнал евразийских исследований»** (Journal of Eurasian Studies)[1], посвященный изучению России, Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. Он издается компанией Elsevier, одним из четырех крупнейших научных издательских домов мира. Основные темы публикаций – национальная идентичность, политические и экономические трансформации, демократизация, свободный рынок, миграция и международное развитие.

С 1975 года четыре раза в год публикуется журнал «**Китайско-советские исследования»** (Sino-Soviet Studies). Издание является ведущим академическим журналом, занимающимся изучением Китая, России и евразийских стран, индексировано в Национально-исследовательском корейском фонде.

6) Университет Корё (Korea University, 고려대학교), частный исследовательский университет в Сеуле, являющийся одним из старейших и наиболее востребованных вузов Южной Кореи[2].

---

[1] Journal of Eurasian Studies. URL: https://journals.sagepub.com/home/ens (date of access: 20.10.2019).

[2] Korea University. URL: http://www.korea.edu (date of access: 20.10.2019).

Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies, KU GSIS) была открыта в вузе в 1991 году. Является ведущим академическим институтом, готовящим экспертов в области международных отношений. Студенты могут специализироваться в одном из следующих направлений:

- Международная торговля.
- Международное развитие и взаимодействие.
- Международный мир и безопасность.
- Региональные исследования.
- Корееведение.

Программа по регионоведению (Graduate Program of Area Studies, GPAS) финансируется Корейским институтом международной экономической политики (Korean Institute for International Economic Policy) с 2007 года. Выбор курсов для изучения в рамках магистерской программы по регионоведению достаточно широк: «Современная Северная Америка», «Современная Восточная Европа», «Современная Европа», «Восточноазиатские цивилизации», «Восточноазиатские экономические модели», «Европейские экономические модели», «Международные отношения в Северной Америке», «Международные отношения в Восточной Азии», «Экономика США», «Международные отношения в Европе/России», «Корейско-американские отношения». В целом программ по региональным исследованиям две: «Европейские исследования», включая изучение России, и «Восточноазиатские исследования».

Программа по корееведению нацелена на подготовку специалистов по Корее, способных анализировать особенности социальной модернизации и экономического развития страны. Обучение включает курсы по современной истории Кореи, социальным движениям и политическим изменениям, социальным проблемам, экономике, кинематографу и корейскому менеджменту.

Таким образом, в процессе нашей работы были сделаны следующие выводы. В настоящее время Республика Корея прилагает немало усилий для закрепления статуса развитой экономики на мировой арене. Одной из наметившихся тенденций является подготовка высококвалифицированных специалистов – экспертов в области международных отношений и регионоведения, что объясняется возросшим спросом на профессионалов, способных соответствовать вызовам международной

конкуренции и сотрудничества, возникшим в связи с ростом глобализации в XXI веке. В связи с этим в большинстве ведущих вузов Республики Корея осуществляется набор на программы по региональным и международным исследованиям. Кроме того, важным направлением государственной политики является повышение интереса к корейскому языку и культуре и создание благоприятного имиджа страны в глазах мирового сообщества. Поэтому еще одной востребованной программой является «Мировое корееведение» – изучение корейского языка и культуры, в том числе иностранными студентами. Представляется возможным утверждать, что корейцы осознают неизбежность экономической, политической и культурной интеграции, что подтверждается наличием практически в каждой из анализируемых программ курсов, посвященных глобализационным процессам: «Глобальное лидерство», «Развитие и глобализация корейской экономики», «Глобализация и корейское общество» и др.

Список литературы

Карачева Н. С., Кузнецова О. В. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (26 апр. 2018 г., г. Иркутск). Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. С. 19–22. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776 (дата обращения: 21.01.2020).

Коломина А. А. Корейская национальная традиция историописания и историческая травма корейского народа: Диссертация …канд. ист. наук: 07.00.09; НИТГУ. Томск, 2012. 146 с.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Лесниковская Е. В. Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 297–304.

Макеева С. Б., Кремнёв Е. В. Развитие магистратуры регионоведческого направления в России в условиях расширяющегося межрегионального россий-

ско-китайского сотрудничества (на примере магистратуры «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР») // Вестник Университета Российской академии образования. М., 2017. № 1. С. 19–24.

References

Karacheva N. S., Kuznetsova O. V. K voprosu o neobhodimosti sistemnogo podhoda v regionovedcheskih issledovaniyah // Regionovedcheskie chteniya: Aziatsko-Tihookeanskij region v dialoge yazykov i kul'tur [Elektronnyj resurs]: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (26 apr. 2018 g., g. Irkutsk). Kirov: Izd-vo MCITO, 2018. S. 19–22. (in Russ.)

Kolomina A. A. Korejskaya nacional'naya tradiciya istoriopisaniya i istoricheskaya travma korejskogo naroda: Dis. … kand. ist. nauk: 07.00.09; NITGU. Tomsk, 2012. 146 s. (in Russ.)

Kuznetsova O. V., Karacheva N. S. U. Ajzard i zarozhdenie amerikanskoj regionovedcheskoj shkoly // III Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Irkutsk, 10–16 sent. 2019 g. / FGBOU VO «IGU»; [otv. red. E. F. Serebrennikova]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. S. 275–280. (in Russ.)

Lesnikovskaya E. V. Kremnyov E. V. Razvitie otechestvennyh nauchnyh shkol po izucheniyu regional'nogo razvitiya v kontekste sovremennoj paradigmy regional'nogo znaniya // III Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Irkutsk, 10–16 sent. 2019 g. / FGBOU VO «IGU»; [otv. red. E. F. Serebrennikova]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. S. 297–304. (in Russ.)

Makeeva S. B., Kremnyov E. V. Razvitie magistratury regionovedcheskogo napravleniya v Rossii v usloviyah rasshiryayushchegosya mezhregional'nogo rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva (na primere magistratury «Zarubezhnoe regionovedenie», profil' «Regionovedenie i etnologiya stran ATR») // Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya. Moskva, 2017. № 1. S. 19–24. (in Russ.)

Заключение

О природе современного этапа глобализации и его влиянии на человеческое общество написано немало. Экономисты указывают на смену технологических и мирохозяйственных укладов на основе длинных волн Кондратьева и вековых циклов накопления капитала Арриги. Политологи говорят об утрате Западом военно-технологического преимущества над Востоком и снижении эффективности выстроенных победителями во Второй мировой войне институтов международного управления и регулирования при одновременном лавинообразном нарастании информационных обменов. Исторические антропологи, одним из виднейших представителей которых является Юваль Ной Харари, – о подготовке человечества к выходу за установленные природой ограничители развития. И этот список можно продолжить едва ли не по каждому направлению научного знания.

Какими бы ни были эти оценки, непреложным фактом является одно: мир стоит на пороге серьезных перемен, которые будут не только влиять на азиатские страны, но и в возрастающей степени определяться ими. Хотя обобщающие оценки едва ли возможны в силу как социокультурной специфики восточных обществ, так и политической и экономической разнородности этих государств, выделить ряд последствий глобализации для Азии вполне уместно. Но не навязывая читателю свои оценки, а наоборот – приглашая его к уважительному и компетентному обмену мнениями.

Не пересказывая содержание подготовленных по теме глобализации исследований и адаптируя их к специфике проявлений этого явления именно в Азии, отметим главный момент. Страны Востока заявляют о себе как об активных субъектах глобальных процессов, будь то формирование повестки мировой экономики и безопасности или развитие цифровых инструментов гуманитарных обменов, в момент, когда в общепланетарном масштабе нарастает объективное противоречие. Речь идет об углублении дисбаланса между развитием техники и технологий ,с одной стороны, и человеческих обществ и, ставя вопрос более широко – человека, – с другой. Отсюда – активизация трех взаимосвязанных процессов с глубокими последствиями для азиатских государств.

Во многих странах мира наблюдается демеритократизация политических и управленческих элит. Основная причина – снижение качества политического управления, вызванное длительным отсутствием войн и крупных социальных потрясений и усиленное цифровизацией современного общества. Основная задача нынешних элит – набрать голоса на следующих выборах. Сделать это проще, раздавая популистские обещания, а не предлагая обществу реалистичную стратегию развития на десятилетия вперед на основе компетентного диалога власти, оппозиции и общественных организаций. Со своей стороны, общество, хотя и демонстрирует готовность расширить потребление «здесь и сейчас», не может не сравнивать нынешних лидеров страны с их предшественниками, и в большинстве случаев при таком сравнении последние лидируют с большим отрывом. Для азиатских стран такое развитие событий означает размывание как привычной индивидуальной модели восприятия мира в категориях «старший – младший», так и ее коллективной версии. Суть последней: элита обоснованно находится на вершине системы патронажно-клиентальных связей, которые должны выстраиваться, и, как демонстрирует опыт Сингапура, это достижимо по принципу меритократии, а государство как общественный институт наделяется сакральными чертами.

Еще одной мировой тенденцией является снижение доли квалифицированного труда в ВВП. Тем самым девальвируется ценность производительной, сложной и социально значимой деятельности как того фундамента, на котором строится вся система общественных отношений. Современные реалии таковы, что капитализировать эффект масштаба, в частности, от просмотра интернет-роликов можно значительно быстрее, чем осваивать профессию, тем более требующую высокой квалификации. В самом деле, зачем учиться много лет на врача и оттачивать свои навыки в течение десятилетий работы в клинике, если можно за неделю стать, к примеру, видеоблогером и не питать иллюзий: видео с социально эпатажным содержанием привлечет гораздо больше просмотров, чем обучающий или пропагандирующий социально ответственное поведение ролик. Для азиатских стран такая ситуация означает подрыв трудовой этики и выстраиваемой на ее основе социальной иерархии как той основополагающей реальности, которая веками формировала отношения индивида и общества.

Происходит дегуманизация общественных отношений. Нынешняя цифровая эпоха значительно расширила масштабы морального релятивизма, попутно сделав фейковые новости новой нормой. Частный пример, иллюстрирующий общую картину, – готовность стран Запада пересмотреть итоги Второй мировой войны, преуменьшив как чудовищность злодеяний нацизма, так и вклад СССР в его разгром. Оценивая влияние этого явления на азиатские страны, не стоит забывать: государственность и международная субъектность, а следовательно – идеология, многих из них в значительной степени зиждутся на интерпретации нацизма как абсолютного зла и победы над ним как великого народного подвига.

Но главное – Запад не смог предложить миру привлекательного проекта развития, не только не произведя новых смыслов на основе морально оправданных и обращенных в будущее ценностных установок, но даже не оглядываясь на тот интеллектуальный, социальный и духовный багаж, который человечество уже успело создать. В евроатлантической (и шире – западной) версии глобализации мир после холодной войны не стал ни гуманнее, ни справедливее, а свобода личности обернулась культом потребления как смысла и одновременно образа жизни. Отсюда – необходимость поддерживать информационно-ценностную среду, комфортную не для интеллектуала с критичностью и диалектичностью мышления, а для потребителя, которому эти качества не нужны. Малоприятным, но закономерным итогом смены парадигмы «интеллектуал – потребитель» стало то, что в битве за внимание последнего больше остальных преуспели фрик-шоу, низкопробный юмор и движение #MeToo, а в сфере политики – лидеры и партии популистского толка. Социально ответственное поведение не вознаграждается, все ощутимее становясь, в том числе для людей старшего поколения, поводом для сожаления. Отсюда – ренессанс эгалитаристских настроений в самых разных странах. Спектр этих настроений варьируется от попыток переосмыслить опыт развития СССР и государств бывшего социалистического лагеря до интереса к идеям религиозного экстремизма.

Какую реакцию вызывает нарастание рассмотренных выше процессов в азиатских обществах – учитывая опыт их многовековых духовных практик, впечатляющие темпы роста новых индустриальных экономик во времена холодной войны и Китая после ее окончания, а также ны-

нешние успехи этих стран в противодействии пандемии коронавируса на основе азиатских методов мобилизации общественных ресурсов? Констатируя, что такой реакцией становится активное неприятие, подогреваемое фактором исторического реваншизма, нельзя не задаться вопросом: что может предложить миру азиатская модель глобализации, идущая на смену ее нынешней «трансатлантической» версии.

Перед тем как переходить к его предметному обсуждению, необходимо подчеркнуть важный момент. До сих пор глобализация была стихийным, хотя и объективным, *процессом*, а не управляемым *проектом* (оба раза выделено нами. – *Е. К.* и *В. В.*). Перевод глобализации из процесса в проект возможен лишь в рамках реализуемой Китаем мегастратегии «Инициативы пояса и пути» (ИПП). Ни одна другая азиатская страна, многосторонняя диалоговая площадка или инициатива сотрудничества к такой роли – обеспечить управляемость новой глобализации в рамках проекта под своим руководством – объективно не готова.

Суть «Инициативы пояса и пути» состоит в стремлении Поднебесной снизить остроту дисбалансов внутриэкономического развития, создав так называемую «вторую экономику» за пределами своих национальных границ на основе новой модели международного разделения труда. Сама по себе эта задача, не говоря о ее отдельных компонентах, не нова. Достаточно вспомнить, что Япония ее успешно решила в 1960–1980-е годы, сформировав сети производственно-сбытовой кооперации в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, а США, по крайней мере, в АТР, не смогли: администрация Б. Обамы сделала все необходимые приготовления для запуска Транстихоокеанского партнерства, а первым указом Д. Трампа стал выход из него. Специфика китайского подхода к решению этой задачи *в современных условиях* (выделено нами. – авторы) заключается в следующем. Потребности экономического развития КНР вкупе с демографической ситуацией и нарастанием социальных и экологических проблем как в Китае, так и в окружающих его странах не оставляют Поднебесной иного выбора, кроме как первой осуществить переход к новому технологическому и мирохозяйственному укладу на основе инвестиционно-инновационной модели развития, поведя за собой партнеров по ИПП.

В экономическом отношении китайская модель глобализации как проекта предполагает новое международное разделение труда посред-

ством строительства трансграничной инфраструктуры на евразийском пространстве, создания там новых цепочек добавленной стоимости, а впоследствии – анклавов производственно-технологической и производственно-сбытовой кооперации. Хотя первопричиной «Инициативы пояса и пути»было стремление китайских стратегов расширить внешние рынки сбыта производимой в стране продукции посредством переноса в другие государства избыточных инфраструктурных мощностей, уже в скором времени ИПП обрела новый смысл. Таковой заключается в готовности Поднебесной стать во главе процессов, определяющих суть новой «длинной волны» Кондратьева – создания экономики, основанной на знаниях, задействовав для этого потенциал азиатской версии дирижизма и новоиндустриализма. Речь идет о синергии государственного планирования и рыночных инструментов, помноженной на дисциплинированность населения, лояльность бизнеса и реваншистские общественные настроения. Тем самым будет осуществлен переход к новому технологическому и мирохозяйственному укладам, параметры которых будет определять Китай.

Отмечая нацеленность Поднебесной возглавить проект «глобализации по-азиатски», зададимся вопросом о готовности ее партнеров полноценно в нем участвовать. Ответ – готовы, пусть и в разной степени. К такой оценке подталкивает высокий уровень развития диджитализации в этих странах – а она необходима при выстраивании цифровых взаимосвязей между предприятиями, равно как при формировании товаропроводящих цепочек в ретейле и анализе потребительских предпочтений при выводе на рынок новых продуктов. Высока заинтересованность партнеров КНР в инфраструктурном строительстве, развитость механизмов государственно-частного партнерства у многих из них. Те государства Азии, в которых эти факторы зримо присутствуют, станут «первой волной» основанного на знаниях интегрального мирохозяйственного уклада, постепенно «подтягивая» за собой остальные – как это происходило в Восточной Азии при выстраивании японоцентричной «стаи летящих гусей».

Есть основания считать, что Поднебесная будет формировать собственную систему безопасности на основе «Инициативы пояса и пути». Увязывая понятия «развитие» и «безопасность» и расширяя возможности развития своих партнеров посредством механизмов ИПП, Подне-

бесная уже сейчас реально, а не декларативно, содействует укреплению их безопасности. Эта практика продолжится и в дальнейшем с акцентом на такие направления ИПП, которые предполагают повышение возможностей партнеров Китая эффективно откликнуться на рост непредсказуемости современных мировых процессов. Такими направлениями станут «Зеленый шелковый путь», «Цифровой шелковый путь», а особенно – «Медицинский шелковый путь» (*Health Silk Road*). Примеры успешной реализации последнего – поставок Китаем масок, медицинского оборудования и персонала в другие страны в условиях пандемии COVID-19 – уже есть.

Параллельно Поднебесная и ее партнеры будут вырабатывать новую философию развития. Она едва ли будет нацелена на устранение противоречия между маркетизацией «первой» и «второй» китайских экономик и нарастанием элементов конструктивного авторитаризма в управлении ими – с точки зрения китайских стратегов, противоречия тут нет. Доктринальное измерение азиатской «умной силы» будет основано на превосходстве китайской модели развития и выстраивании на ее основе взаимоотношений КНР с партнерами по ИПП. Осмысление реальности будет проходить в характерных для конфуцианской этики категориях, дополненных акцентом на важности синергии государственного планирования и рыночных механизмов для гармонизации интересов различных социальных групп – как в КНР, так и во всем ареале «Инициативы пояса и пути». Такая политика будет нацелена на оказание положительного для Китая демонстрационного эффекта от выгод сотрудничества с Поднебесной в не меньшей степени, чем на их собственно практическую отдачу.

Сопутствующим и немаловажным эффектом китайской «мягкой» и «умной» силы станет новый подход к образованию в странах-участницах ИПП. Можно обоснованно ожидать, что в результате информационная среда станет более ориентирована на интересы коллектива, чем индивидуума, и на построение достойного будущего, чем на потребление «здесь и сейчас». Однако, следуя диалектичности азиатского мышления, объектом пристального изучения станет и человек: будут переосмыслены те черты человеческой личности, которые в западной культуре считаются как минимум неконкурентоспособными, – например, сострадание и сопереживание. Развитие личности станет концен-

трироваться вокруг вклада индивида в решение социально значимых проблем, нацеленных на построение достойного будущего, а не вокруг немедленной коммерческой отдачи от своих усилий. Формирование органов государственной власти станет больше, чем это происходит в настоящее время, ориентированным на принципы меритократии, однако, скорее всего, удастся избежать и нарастания неравенства. В целом в азиатской версии глобализации модернизация техники и технологий будет сопровождаться развитием человека – именно тем, в чем не слишком преуспела нынешняя трансатлантическая модель.

Формальный логический подход предполагает, что сейчас нужно рассмотреть факторы, способствующие и препятствующие тому, чтобы такая пастораль перешла из желаемого в свершившееся. Думается, однако, что лучше подождать с их осмыслением: рассматриваемые процессы носят нелинейный характер и зависят от множества переменных. Следовательно, их аналитическое сопровождение необходимо осуществлять «в режиме реального времени». Все это – предмет дальнейших экспертных дискуссий. Сейчас же целесообразно поставить не менее важный вопрос: есть ли основания рассчитывать, что азиатская версия глобализации будет свободна от недостатков того, что происходит в мире сейчас?

Хотя любая попытка дать на него ответ вызовет гарантированный – и, заметим, обоснованный – шквал критики с самых разных сторон, можно выделить ряд факторов, свидетельствующих о способности глобализации по-азиатски этих ошибок избежать.

Встраивание Поднебесной и ее азиатских партнеров по ИПП в новый цикл Кондратьева на правах игроков, определяющих параметры возникающего мирохозяйственного и технологического укладов, будет проходить с акцентом на развитие производственных секторов. Этот переход будет осуществляться с использованием типичных для Восточной Азии инструментов достижения «экономического чуда» – высокой нормы и массы накопления, фактора «преимущества отсталости», ставки на повышение квалификации работников всех уровней и им подобные. Отдельным моментом станет сочетание индикативного планирования и рыночной самоорганизации, апробированной в так называемых. НИЭ (новых индустриальных экономиках) «первой» и «второй» волны, при его гибкой корректировке. При необходимости в ход

пойдут и «сателлитные» формы сотрудничества крупных заводов с узкопрофильным малым бизнесом, и обмены промежуточными технологиями, и элементы «волнового индустриализма». Иными словами, Китай может быть небезупречен в каких-то отношениях, однако он был и остается единственным игроком, предлагающим миру проект развития производительных сил, а не создание очередных финансовых пузырей.

Глобализация как проект потребует соответствующих инструментов в частности, цифрового обеспечения экономических инициатив. Поднебесной есть что предложить своим партнерам и тут. Уже сейчас китайские ИКТ-компании устанавливают глобальные стандарты цифрового промышленного сотрудничества, а китайские площадки электронной торговли – не только потребительскими, но и инвестиционными товарами – определяют глобальные тенденции спроса и предложения. Человечество очень скоро «дозреет» до замены наличных денег цифровыми аналогами, однако не фиатными, а привязанными к основным товарам, торгуемым на международных биржах. По мере дальнейшего падения доверия к нынешним резервным валютам правомерность заявки Поднебесной на то, что мир должен пользоваться китайскими виртуальными деньгами, обеспеченными реально имеющимися у Китая ресурсами, будет бесспорной для всех.

Есть основания ожидать, что Поднебесная не будет повторять практики «коллективного Запада» по смене режимов в странах-партнерах по ИПП. Поднебесная убедилась: такая политика малоэффективна при «работе вдолгую». Успешный мониторинг внутренней ситуации в странах китайской периферии посредством инструментов «Цифрового шелкового пути» и своевременный перевод возникающих проблем в недестабилизирующую форму экономическими средствами значительно лучше создания, и тем более поддержания, «управляемого хаоса».

Это будет увязано с экспортом китайской модели развития. Глобализация по-азиатски будет сопровождаться внедрением в странах-партнерах по ИПП лучших практик внутриэкономической и внешнеэкономической политики Поднебесной, адаптируя их к местной специфике и позиционируя их осуществление как залог эффективного экономического развития и купирования остроты социальных проблем. И хотя при любом сценарии последних будет немало – хотя бы по той причине, что мир столкнется с принципиально новой реальностью в сфере за-

нятости, «замыканием» людей в цифровой реальности и дальнейшим, возможно окончательным, стиранием грани между социальным и личным пространством, – у Поднебесной есть эффективный инструмент их решения. Это – акцент на производстве, формирующем творца, а не на бездумном потреблении, а также на идее об ответственности личности взамен нынешней идее о ее свободе.

Разумеется, для реализации этого пока еще гипотетического сценария Поднебесной и ее партнерам по ИПП предстоит немало потрудиться. Однако в мире едва ли найдутся государства с таким уникальным мобилизационным опытом и не менее уникальным мобилизационным потенциалом, а главное – способные столь же эффективно адаптироваться к переменам и обращать их себе на пользу, как страны Азии, нынешние возможности и амбиции которых позволяют им перевести глобализацию из процесса в проект.

Фиксируя этот момент, отметим объективную необходимость глубокого и нюансированного изучения государств Востока. Для России, крупной евразийской державы, развитие отношений со странами Востока было и остается стратегически важным внешнеполитическим направлением. Именно поэтому отечественная востоковедная школа, подготовившая плеяду видных политических деятелей, дипломатов и ученых, с полным на то основанием считается одной из самых авторитетных в мире.

В отечественной науке востоковедение традиционно выделялось в отдельную область знания, основной предмет исследования которого – страны Востока в своем историческом, культурном, социальном, политическом и экономическом срезе. Присущий западной науке принцип исключенного третьего формальной логики Аристотеля, диктовавший четкое противопоставление *Запад vs Восток*, в российском востоковедении снимался посредством изучения стран Востока как части общемирового пространства. Такой подход носил комплексный характер, обеспечивая особое – очень глубокое и нюансированное – понимание культуры, цивилизации, языка, литературы, философии азиатских стран, что последние ценили исключительно высоко.

В постсоветский период отечественное востоковедение претерпело значительную трансформацию. Экономические трудности российского общества первой половины 1990-х годов вкупе с беспрецедентной

переориентацией РФ на развитие диалога со странами Запада самым пагубным образом отразились на исследованиях восточных обществ и преподавании востоковедных дисциплин. Тот факт, что серьезные методологические наработки советских ученых-востоковедов незаслуженно отошли на периферию научного знания, вызывает искреннее сожаление.

Новое российское востоковедение стало формироваться в парадигме, во многом противоречащей традиционной российской научной практике: вместо «вектора сверху», когда правительство формулирует задачи и спускает их на исполнительский уровень, оформился «вектор снизу»: развитие корпоративного сектора и уплотнение ткани сотрудничества с азиатскими компаниями – а впоследствии и азиатскими государствами и многосторонними диалоговыми площадками – создало и расширило объективную основу для спроса на востоковедное образование. Несколько позже, осознав стратегическую составляющую развития диалога с азиатскими странами с точки зрения как проведения долгосрочных мероприятий по реализации внешнеполитических интересов страны и осуществления программ модернизации российских регионов с опорой на технологические возможности азиатских соседей, так и получения немедленной коммерческой отдачи от совместных с ними проектов, правительственные круги РФ развернули широкомасштабную деятельность по развитию такого сотрудничества. При этом отчетливо понимая: залогом его успеха является подготовка высококвалифицированных востоковедов.

Кумулятивным эффектом такого развития событий стал настоящий «бум» на востоковедные образовательные программы в российских вузах. Выстраивая свой жизненный путь, все большее количество молодых людей находит призвание в изучении восточных языков и культур, политических систем и особенностей экономического развития стран Азии.

Возвращение государства в востоковедную науку, проявившееся в финансовой поддержке фундаментальных исследований, развитии новых направлений, повышении престижа профессии исследователя и преподавателя, дает основания ожидать: необходимость качественного обновления этой исключительно важной для России области научного знания осознается на высшем уровне. Это осознание подкрепляется ре-

шением множества задач посредством активных и целенаправленных действий, объединенных глубоким и нюансированным знанием специфики азиатских стран и обществ. Однако для достижения не однократного, а системного успеха потребуется проведение комплексных мероприятий шире собственно научных горизонтов. Необходимо уделять больше внимания восточным странам, равно как зауральским регионам РФ, в российском культурно-информационном пространстве, проводить выставочные и просветительские мероприятия по ознакомлению самых широких слоев российского общества с богатейшей материальной и духовной культурой Азии, со школьных лет прививать молодому поколению россиян мысль о том, что Восток в самом широком его понимании всегда был, есть и будет оставаться неотъемлемой частью великой истории и культуры нашей страны, важным элементом идентичности и гражданственности ее многонационального народа.

Коллектив факультета мировой экономики и мировой политики под руководством его декана Сергея Александровича Караганова стоял у истоков концепции разворота России на Восток и Большого евразийского партнерства, осуществляя экспертно-аналитическое сопровождение обоих проектов. Наработанные компетенции и опыт профессорско-преподавательского состава факультета при поддержке администрации НИУ ВШЭ позволяют качественно обновить подход к подготовке востоковеда нового поколения, компетенции которого востребованы во многих сферах общественной деятельности: науке, образовании, политике, экономике, культуре, бизнесе. Отсюда – готовность факультета выступать в роли координатора востоковедных исследований, объединяя потенциал ведущих профильных вузов страны и расширяя свою деятельность в международном научно-образовательном пространстве.

Фиксируя свое стремление подкрепить такую заявку практикой конкретных дел, факультет мировой экономики и мировой политики предлагает коллегам-востоковедам продолжить обсуждение актуальных для Азии проблем, а также направлений, мер и инструментов эффективной подготовки востоковеда XXI века, на последующих конференциях «Глобализация в Азии».

Вишнякова В. В., Канаев Е. А.

Состав редкколлегии

Нестерова Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор, ФМЭиМП НИУ ВШЭ

Канаев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор, ФМЭиМП НИУ ВШЭ

Малявин Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ФМЭиМП НИУ ВШЭ

Вишнякова Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, руководитель Департамента зарубежного регионоведения ФМЭиМП НИУ ВШЭ

Шмакова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Департамента зарубежного регионоведения ФМЭиМП НИУ

СОДЕРЖАНИЕ

Малявин В. В., Нестерова О. А. Предисловие 5

1. КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Dušan Proroković. China's growing influence in the Balkans: challenges and perspectives 18
Галимзянова А. К. Китайско-германские отношения в рамках инициативы «Один пояс, один путь» 29
Nomita Toppo. China's One Belt One Road Initiative and its Impact on Middle East 39
Davydenko Elizaveta. The importance of the Chinese project "One belt – one road" for the Russian economy 48

2. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ: В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
Kanaev E., Lasro S., Shaternikov P. ASEAN in the "brave digital world"57
Trang Vu T., Terskikh M., Dinh M. Tuan. ASEAN in Vietnam's Policy: Between Two Chairmanships 67
Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Вьетнам между США и Китаем . .77
Vai Nang. Contemporary Sino-Myanmar Relations: Dilemma of Letpadaung Taung Copper Mine Project 89
Шаумян Т. Л. Арктическая политика республики Индии 101
Fernando M., Moseykina M. N., Senasinghe R. D. SOFA with Sri Lanka: Discussions on the eve of Presidential elections in Sri Lanka – 2019 113
Ким Е. У. Глобализация и изменение баланса сил в Азии 126

3. МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ДО АТР
Ходынская-Голенищева М. С. Процессы на Ближнем Востоке и политика России 141
Коренев Е. С. Азиатский вектор системы глобального партнерства НАТО в постбиполярный период 152
Гордеева И. В. Процессы глобализации в АТР и Япония. (Интеграционные аспекты последних лет). 160

Добринская О. А. Четырехсторонний диалог по безопасности: взгляд из Токио 170

4. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

Ни Ж. В. Базовые феномены иноязычной культуры в лингвистической коммуникации 189

Solodkova O., Nesterova O. Friendly communication strategies in Indo-Soviet relations in the 1960s AND 1970s (study of the work of Nehru Award winner Leonid Mitrokhin) 201

Nesterova O., Sokolova E., Belyaeva A. The Use of Socio-Cultural Components as a marker of China's Contemporary Advertising Markets 216

Вишнякова В. В. Персуазивные высказывания в бюджетных посланиях президента Республики Корея Мун Чжэ Ина (2018, 2019 гг.). 237

Дюндик Ю. Б., Шишмарева Т. Е. Языковая репрезентация территориального конфликта в Южно-Китайском море в медиапространстве КНР и США 251

Стрижак У. П. Грамматический материал японского и русского языков: тождественное и нетождественное в культурах 271

5. ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА СТРАН ВОСТОКА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Белозерова В. Г. Современные стилистические направления в китайской каллиграфии. 283

Shmakova A. Iran's contemporary Art and the new Identity of Iranians 295

Абраменко И. В. Ферейдун Мошири и новая поэзия Ирана. 305

Сон Ж. Г. К вопросу истории развития корейской письменности хангыль. Первые переводы русской и советской литературы на корейский язык. 315

6. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Селезнева Н. В. Особенности утвердительного ответа в китайском языке. 330

Селиверстова Ю. А. Развитие навыков говорения у студентов, изучающих китайский язык. 340

Мозгунова А. Д. Разработка курса перевода СМИ (языковой вуз, японский язык) 353

Чон Ын Гён. Фразеологизмы с эмоциональным компонентом в корейском и турецком языках 365
Кузнецова О. В. Научные центры и высшие школы международных и региональных исследований в Республике Корея: современные тенденции 375

Вишнякова В. В., Канаев Е. А. Заключение 389

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«БИБЛИО-ГЛОБУС»**
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«У КЕНТАВРА»**
Москва, ул. Чаянова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«ЭПОСЕРВИС»**
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«КНИЖНЫЙ БУМ»**
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»**
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«Intelektuāla grāmata»**
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Научное издание
РЕГИОНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АЗИЯ
Зарубежное регионоведение

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Выпускающий редактор *А. С. Шмакова*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *С. А. Семенов*

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
в Киеве:
«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:
«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com
в Варшаве:
«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Tel. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:
«Intelektuāla grāmata»
Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 25,4. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №